

Министерство образования и науки Российской Федерации

ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Г. С. Смирнов

**ОБРАЗОВАНИЕ НООСФЕРЫ:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ СОЗНАНИЯ**

Иваново

Издательство «Ивановский государственный университет»

2015

ББК 60.023

С 50

Смирнов, Г. С.

Образование ноосферы: философско-методологические проблемы эволюции сознания / Г. С. Смирнов. — Иваново : Иван. гос. ун-т, 2015. — 504 с.

ISBN 978-5-7807-1162-9

Рассматриваются современные методологические проблемы философии сознания и ноосферы. Раскрыты реальные процессы планетаризации, экологизации, ноосферизации, глобализации и гуманизации индивидуального и общественного сознания. Показаны методологические ресурсы универсумно-ноосферного, системно-синергетического, сферного подхода к изучению содержания и структуры глобального и ноосферного сознания.

Издание адресовано преподавателям, аспирантам, студентам, всем, кто интересуется проблемами ноосферологии.

Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы» № 15-03-00833

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Научный редактор

доктор философских наук **Д. Г. Смирнов**

Рецензенты:

доктор философских наук **Ф. В. Цанн-кай-си**
(Владимирский государственный университет)

доктор философских наук **А. В. Брагин**
(Ивановский государственный энергетический университет)

ISBN 978-5-7807-1162-9

© Смирнов Г. С., 2015

© ФГБОУ ВПО «Ивановский

государственный университет», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ВВЕДЕНИЕ.....	9
РАЗДЕЛ I. ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ.....	14

Экологизация сознания и ее роль в оптимизации взаимодействия общества и природы [14]. Становление экологической формы общественного сознания [24]. Экологическая форма общественного сознания: дискуссионные вопросы [36]. Экологизация сознания и ее формы [41]. Диалектика экологизации индивидуального и общественного сознания [63]. Экологическое сознание и система современного экологического образования [73]. Практикологический аспект экологического сознания [79]. Экологизация морального сознания: ноосферный аспект основного морального отношения [84]. Ноосферно-экологическое видение мира: от экологического к ноосферному сознанию [87]. Экология Вселенной как экология лона: ноосферно-универсумный подход [93]. Управляемое и направляемое развитие: становление ноосферной экологии [99].

РАЗДЕЛ II. НООСФЕРИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ.....	103
---	------------

Научная мысль как фактор самоорганизации ноосферы [103]. Технократическое сознание versus ноосферное сознание человечества [110]. Проблема «сознание и ноосфера» в творчестве Н. П. Антонова [117]. «Сознание и ноосфера»: проблемные поля современности [124]. Онтологический подход к проблеме «сознание и ноосфера» [137]. Сознание ноосферы и ноосферное сознание: категориальный статус [159]. От экологизации сознания к ноосферному сознанию: целостность и континуальность ноосферного знания [166]. Универсум ноосферной реальности [188]. От вернадскианской революции к ноосферной картине мира [206].

РАЗДЕЛ III. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ..... 217

Глобальность как феномен современного сознания [218]. Сознание: общечеловеческое, планетарное, ноосферное [225]. Реалии третьего тысячелетия: ноосферная динамика глобального месторазвития [231]. Ноосфера в век глобальных катастроф [237]. Великая глобальная социальная революция [263]. Цефализация ноосферы [267]. Ноосферный поворот в истории человечества: гетеротрофность, миксотрофность, автотрофность [287]. Миксотрофность современного человечества: реалии ноосферного перехода [293]. Тектонические сдвиги в глобальном сознании: ноосферный императив этологии человека [308].

РАЗДЕЛ IV. ГУМАНИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ..... 325

Общественно-политические и философские взгляды Аурелио Печчеи [325]. Воплощенный гуманизм: техносфера или ноосфера [343]. Ноосферность культуры в философском дискурсе [348]. Философские проблемы ноосферного универсума и ноосферного сознания [352]. Синкретичность духовной культуры и системность ноосферного сознания [372]. От ноосферной идеи — к ноосферному миропостроению [383]. Ноосферный гуманизм [390].

РАЗДЕЛ V. КОСМИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ..... 417

Становление ноосферного сознания в процессе решения глобальных проблем современности [428]. Ноосферное сознание как процесс всеобщего синтеза [432]. Ноосферный космизм: проблемы формирования современного космического сознания [452].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 464

ПОСТСКРИПТУМ..... 466

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК..... 471

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ..... 495

SUMMARY..... 503

*Посвящается памяти
профессора Антонова Николая Павловича —
человека и учителя*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Название этой книги «Образование ноосферы» в пространстве русского языка может быть понято в нескольких смыслах. Первый смысл — прямой, он предполагает, что речь идет о процессе становления, формирования, функционирования, развития, динамики, организованности и самоорганизации ноосферы («Образование ноосферы» «с большой буквы»). Уже само перечисление процессуальных форм показывает, насколько сложна задача репрезентации ноосферы, и при этом она предполагает размышления о философско-методологической стороне, своего рода правилах раскрытия полифоничности структуры и организованности ноосферы.

Второй смысл «образования ноосферы» («с маленькой буквы») до некоторой степени переносный, но также весьма существенный, хотя его обычно заменяют в отечественной философской и психолого-педагогической литературе понятием «ноосферное образование». В этом направлении российскими учеными и практиками проделана значительная работа: в школе, лицее, вузе апробируются различные формы учебной деятельности учащейся молодежи, ориентируясь на требования современного информационного общества и общества знаний. Решается задача, как должна быть построена система образования в

становящейся ноосфере, для того, чтобы новые поколения входили в жизнь мирового планетного пространства, понимая, что Земля представляет собой единый не просто социальный, но социоприродный, биосферный, экосферный организм, самочувствие которого зависит от каждого человека в отдельности и от всех людей вместе взятых.

Наконец, третий смысл понятия «ОБРАЗОВАНИЕ НООСФЕРЫ» подразумевает акцент на концепт «образ» в смысле «эйдос»: ноосфера — это дом бытия «эйдосов» человеческого (и общечеловеческого) бытия. Главными носителями мира эйдосов и смыслов всегда была небольшая, но в историческом плане постоянно увеличивающаяся, часть человечества — интеллигенция и интеллектуалы. Русская интеллигенция, формировавшаяся несколько веков, показала многообразие исторических и культурных форм интеллигенции как мыслящей субстанции человечества, позволила осмыслить планетарный феномен мировой и мировой интеллигенции. Перед нами — самый философский и самый абстрактный смысл «образования ноосферы», он предполагает культурно-культурологический и гуманитарно-гуманистический контексты, в значительной степени вырастает в логику развития сознания, разума, коллективного разума, т.е. является предметом интеллектуальной и ноосферной истории.

Для каждого из этих главных смыслов существуют свои интерпретации, свои особые измерения. Обратной стороной «Образования ноосферы» с *онтологической* точки зрения является неразрывность «глобального — регионального — локального» и «земного — космического — вселенского», с *гносеологической* точки зрения оно оборачивается неразделимостью «научного — философского — религиозного — художественного» и целостностью «подсознания — сознания — сверхсознания», с аксиологической — единством «истины — добра — красоты» и «свободы — равенства — братства», праксиологически представимо «внешним и внутренним миропостроением». Все эти аспекты, так или иначе, находят свое преломление в пространстве современной отечественной и зарубежной ноосферологии.

Образование ноосферы как ноосферное образование предстает в системе координат бинарных оппозиций «воспитание и образование», «пайдейя и егэя», «правополушарное и левопо-

лушарное мышление», «низшее и высшее образование», «лицейское и университетское образование», «творческое и репродуктивное». Эта сфера «ноосферного бытия», очевидно, самая обсуждаемая и востребованная, но мало реализуемая в условиях дешевых форм реформирования системы национального образования. Особое значение в «образовании» ноосферного человека имеют императивные кальки, особенно экологическая, нравственная и эстетическая.

ОБРАЗОВАНИЕ НООСФЕРЫ в третьем — эйдосном — смысле более всего имеет семиотическое измерение, виртуальная реальность в условиях визуально-информационных репрезентаций оказывается, чуть ли не более важной, чем реальность «настояще-сущностная». В мире компьютерных сетей *виртуальная действительность будущего* более нагружена и начинает доминировать, поэтому требует большего внимания в плане философского осмысления. В этом смысле Образование Ноосферы обретает невыразимое тождество с гегелевской «феноменологией Духа», но с поправками на третье тысячелетие.

В конечном итоге, следует сказать, что все перечисленные смыслы дополнительные и должны пониматься как форма всеобщего синтеза. Полифония всегда предстает как усложнение (а не упрощение) познавательной ситуации, но в некоторых случаях и упрощение само по себе не обязательно, оно может оказаться просто вредным.

Для позитивистского языка такая непереводаемая ситуация может показаться нетерпимой (не совместимой с логикой и пафосом аналитической философии), но для русского типа мышления, до некоторой степени, это «нормально», семантически и семиотически оправдано. Нагруженность художественными смыслами — неотъемлемая сторона русской классической философии, в еще большей степени это характерно для русской неклассики и тем более постнеклассики.

Получается так, что в разные периоды времени в сознании человечества прорастают различные «греческие» корни, эйдосная, логосная и софийная субстанциальность приходит на место «древесной» материальной субстанции, совпадение материалистической и идеалистической линий в философском мышлении

порождает универсумное философское мышление, а за ним проглядывает ноосферное мышление и ноосферное видение мира.

Гуманитарно-гуманистическая нагруженность понятия «Образование ноосферы» — в некотором смысле замещение естественнонаучного аналога вернадскианской формулы «перехода биосферы в ноосферу», такое разрастание категориальной ноосферной древовидной графики — обязательное условие развития ноосферологии как особой — весьма широкой — области современного знания о Вселенной. Будем надеяться, что «бритва Оккама» не сочтет целесообразным бритье «ноосферной бороды», а лишь обратит внимание на косметическую сторону, памятуя при этом, что само это слово происходит от греческого корня «космос» (порядок).

В таком синергичном всеединстве будут представлены ипостаси «образования ноосферы» в надежде на то, что философия сознания и ноосферы станет более понятной как магистрантам и аспирантам, так и широкой читающей публике.

12 декабря 2015 года

Введение

ЭВОЛЮЦИЯ СОЗНАНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ПУТИ НООСФЕРНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

Интеллектуальная история человеческой революции рубежа тысячелетий — трудная и трагическая тема для междисциплинарного изучения и философского размышления. Особенно это видно издалека, когда обнаруживается, какие пути в хаосе мирового процесса оказались не тупиковыми, а долгоиграющими, актуальными и верными путями в бурное будущее.

В XX веке удивительно противоречиво переплелись процессы планетизации, экологизации, глобализации, ноосферизации, гуманизации и космизации: они наложили свой отпечаток на ход всемирной истории, так или иначе задели каждого человека, где бы он ни жил.

Для понимания процессов образования ноосферы особенно важно наблюдать за ходом эволюции сознания и мышления отечественных и зарубежных мыслителей, выстраивавших творческим трудом многоцветную палитру ноосферного видения мира, в значительной мере определивших динамику ноосферного дискурса современности.

Современная ноосферология представляет собой разветвленное синтетическое пространство знания, она дает возможность представить геологический процесс перехода биосферы в ноосферу в его малых временных лакунах, но на рубежном переломе — в точке полифуркации. При этом современная жизнь бесконечно утяжелена историческими противоречиями прошлых столетий, что приводит к нарастанию взрывной энергии в органическом теле человечества. Главным персонажем этой

планетарной истории становится человеческое сознание, превращающееся в единое целое в условиях глобальной компьютерно-информационной революции. Для понимания современных дискурсов НБИКС-мировоззрения и роли нейронаук в *планетарной революции человеческого сознания* полезно обратиться к её истокам, процессам, происходившим в XX веке и на переломном рубеже веков.

В этой книге, ориентированной прежде всего на магистрантов и аспирантов, показано движение авторского теоретического мышления по ступеням философии сознания и ноосферы в рамках ивановской философской традиции, заложенной профессором Н. П. Антоновым. В теоретическом плане оно предстает в нескольких измерениях, имеющих не только исторический, но и логический смысл; при этом симультанные созвучия исследовательского процесса выходят на первый план.

Первое измерение связано с изучением процессов формирования в системе природоохранного сознания экологического сознания как формы общественного сознания, экологизации отдельных форм (видов) общественного сознания, постепенного складывания особого типа экологического сознания, наконец, с перерастанием процесса *экологизации сознания* в органическую целостность планетного и биосферного сознания.

Второе измерение акцентирует внимание на изучении истоков рождающейся из учения о биосфере В. И. Вернадского системы ноосферного сознания. Процессы *ноосферизации сознания* оказались в центре внимания после неожиданного успеха научной конференции «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение» (Иваново, 1983), проведенной по инициативе профессора Н. П. Антонова. Представления о ноосферном сознании прошли сложную апробацию в философском сообществе, но, в конечном итоге, показали свою эвристичность и вошли в систему современной ноосферологии.

В рамках *третьего измерения* на векторной интенциональности «экологизация — биосферизация — ноосферизация индивидуального и общественного сознания» процессы *глобализации сознания* проявляют себя в широком многообразии по той причине, что более всего имеют конкретную проявленность

в реальном процессе планетарного развития — системе глобальных проблем современности. Работа с реальным сознанием всегда сложнее, нежели конструирование теоретической модели сознания будущего, но главное, на наш взгляд, заключается в том, что наработанные методологии и технологии, примененные к изучению ноосферного сознания, могут оказаться подспорьем для исследования современной глобализации сознания и формирования Большого глобального сознания.

Непосредственным толчком к изучению человеческой революции (как революции человеческого сознания) стала книга А. Печчеи, вышедшая на русском языке в 1980 году, она оказалась хорошим камертоном для полноценного освоения творческого наследия В. И. Вернадского. Стало совершенно очевидно, что западная цивилизационно-общественная мысль подошла к пониманию тех процессов, о которых за полвека до этого писал академик В. И. Вернадский. Процессы *гуманизации сознания* — составляющие *четвертое измерение* эволюции сознания — в региональном ноосферном дискурсе в действительности приоритетны, они должны были бы оказаться на первом месте, но именно они предстают как самые сложные в рамках теоретической репрезентации. Проблема «ноосферного человека» в контексте современной человеческой революции еще только выходит на поверхность исторической действительности пришедшего тысячелетия.

Пятое измерение затрагивает процессы *космизации сознания*. В свое время вся ноосферная проблематика выросла из русского и советского космизма, получивших толчок в своем развитии в 50—60-е годы XX века, но в значительной степени переосмысленных в нашей стране, охваченной в 1990-е годы научным и социальным торможением.

Может быть, только сейчас современное российское общество медленно начинает осознавать действительно эффективные пути своего будущего глобального евразийского развития. Странные аттракторы глобального сознания и ноосферного мировоззрения «от Вернадского до Моисеева» требуют своего осмысления новыми поколениями нарождающегося по модели «отрицания отрицания» российско-советского общества, в полной мере входящего в соревновательные процессы планетарной глобализации...

Эта, в некоторой степени «экспериментальная» книга, нацеленная на «ноосферную молодежь», преследует и учебные цели. Развертывание идеи от её гипотезной интуиции, понятийно-категорийной транскрипции, до силлогистического формулирования, концептуальной репрезентации и формирования теории — это повод для самостоятельного размышления на заданные жизнью и научным руководителем темы. Научный самостоятельный поиск сам по себе достаточно важная университетская традиция, так как в условиях информационного общества, общества знаний — это главное «человеческое качество» обеспечивающее выживание этно-национального семиотического пространства и времени сознания.

В методологическом плане очень важно увидеть технологии научной работы (сравнительный анализ в терминологическом дискурсе, эвристичность корректного применения принципа подобия, развертывание методологических процедур в формы древовидной ветвящейся графики, адекватное применение «сильного синтеза» и т. д.), которые можно было бы перенести на подобные исследовательские ситуации не только в собственно философских, но также в культурологических, социологических, политологических исследованиях. Для того, чтобы подчеркнуть хронологическую преемственность текстов, год их написания обозначен в начале каждого раздела.

Любая методологическая работа предполагает поиск нового дискурса, очень важно проговорить проблемы в контексте категориальной сетки, позволяющей многомерно нарисовать быстро меняющуюся общую картину мира. Рождение эвристического терминологического контента может рассматриваться как основа не только теоретического, но и практического миропостроения. Естественный отбор возникающих и исчезающих категорий вполне вписывается в представления об универсальном эволюционизме. Книга в значительной степени нацелена именно на решение этой гносеологической и эпистемологической задачи, а развитие ноосферологии как академической и университетской дисциплины достаточно быстро осуществит постепенное складывание системы категорий посредством верификации и фальсификации в дискуссионно-коммуникативном общении современных философских ноосферных школ.

Представление в синхроническом порядке ноосферного поиска страдает и некоторыми недостатками, которые связаны, прежде всего, с тем, что «тире» иногда оказываются слишком длинными, а значительные промежутки между ними еще более превращают картину мира в формы мозаичности и даже пуантилизма. «Белые пятна» ноосферного размышления при этом предполагают у читателя простор для самостоятельного анализа и неизбежной в этом случае дискуссии.

Жанр этой книги несколько необычен, в ней представлен реальный ход «ноосферных раздумий» на протяжении нескольких десятилетий, если наблюдать его из одного провинциального окна. В синхроническом формате обнаруживается синергетическое ветвление смыслов, видно, как некоторые ростки превратились в крупные ветки, а некоторые засохли и отмерли. Ретроспективный взгляд позволяет увидеть особенности виртуальной личностной коммуникации, выбор мировоззренческих приоритетов, смену парадигм и даже, в некотором смысле, философские революции.

Раздел I

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ

Экологизация сознания и ее роль в оптимизации взаимодействия общества и природы (1984). Становление экологической формы общественного сознания (1984). Экологическая форма общественного сознания: дискуссионные вопросы (1984). Экологизация сознания и ее формы (1984). Диалектика экологизации индивидуального и общественного сознания (1984). Экологическое сознание и система современного экологического образования (1984). Праксиологический аспект экологического сознания (1986). Экологизация морального сознания: ноосферный аспект основного морального отношения (1986/1990). Ноосферно-экологическое видение мира: от экологического к ноосферному сознанию (1994/1997). Экология Вселенной как экология лона: ноосферно-универсальный подход (1999/2000). Управляемое и направляемое развитие: становление ноосферной экологии (2001).

Экологизация сознания и ее роль в оптимизации взаимодействия общества и природы

В условиях современной экологической ситуации возрастает роль сознания, научной мысли в преобразовании биосферы и, соответственно, значение исследования субъектно-объектных отношений в процессе взаимодействия общества и природы. Сознание, научная мысль цивилизованного человечества становятся важнейшими факторами эволюции ноосферы, оптимизации взаимоотношения общества и природы. Разработка этих важных идей, оставленных нам В. И. Вернадским, в советской философской литературе только начинается.

Принципиально важной для анализа роли сознания является идея И. Б. Новика и В. М. Кузьмина о том, что в современных условиях происходит изменение взаимодействия между элементами в системе «субъект — объект». «От воззрения созерцательного материализма, согласно которому объект всецело определяет субъект, через представление об идеалистической неразличимости субъекта и объекта, мы приходим, в ходе методологического рассмотрения современной экологической ситуации, сначала к воззрению о том, что и объект обуславливает субъект, и субъект объект, а затем и к представлению о перехо-

де статуса ведущего фактора, движущей силы эволюции отдельного материального образования от его всеобщего содержания (объектные характеристики данного материального явления) к единичному содержанию (его субъективные характеристики)»¹. На наш взгляд, это важное методологическое положение — философская формулировка вывода об усилении роли субъективного фактора в историческом процессе, но в отличие от указанного вывода распространяет роль субъективного фактора не только на социальные, но также на социоприродные процессы. Анализ экологизации сознания укладывается в рамки рассмотренного выше феномена и играет большую роль в подтверждении сделанного вывода. Таким образом, человеческое сознание, формируясь под воздействием социального и природного бытия, через деятельность оказывает обратное активное воздействие на действительность. Направленное на изменение и постоянное преобразование природной и социальной среды, сознание само входит в социальную действительность в качестве ее неотъемлемого компонента².

Признано, что «решение такой глобальной проблемы, как предотвращение экологического кризиса, возможно только в результате целенаправленной сознательной разумной деятельности людей, опирающейся на науку и технику»³, что «настало время коренного изменения образа мышления и отношения человека к природе, экологизации его», что «человек должен научиться сознательно применять в широких масштабах принципы экологической саморегуляции, осуществлявшейся в природе бессознательно, автоматически, и предвидеть не только непосредственные, но и отдаленные последствия своего вмешательства в природу»⁴. Роль сознания, научной мысли в становлении ноосферы велика постольку, поскольку они чрезвычайно важны в процессе самоорганизации ноосферы. Общей закономерностью перехода биосферы в ноосферу является превращение *стихийной* самооргани-

¹ Современная экологическая ситуация. Рига, 1978. С. 39.

² См.: Демин М. В. Анализ структуры сознания. М., 1980. С. 7.

³ Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Сознание и диалектика процесса познания. Иваново, 1979. С. 15.

⁴ Там же. С. 13.

зации в биосфере в *сознательную* самоорганизацию в ноосфере. Как показывает современная экологическая ситуация, для такой самоорганизации необходимо особое состояние сознания, соответствующее современному состоянию взаимодействия общества и природы, т. е. экологизированное сознание.

Конечность природных ресурсов, процессы деградации биосферы в связи со всеохватывающим антропогенным влиянием и экологически необоснованной человеческой деятельностью, превращение противоречий между природой и обществом в антагонистические — вот атрибуты современной экологической ситуации. Крайняя степень ее может привести к экологическому кризису, угроза которого в результате усиленной милитаризации, хищнического использования природных ресурсов становится все более реальной.

Современная экологическая ситуация — это та сторона общественного бытия, которая выражает характерные явления, возникающие при взаимодействии общества и природы, и тем самым определяет проявление новых черт в сознании, процесс его экологизации. Современная экологическая ситуация рождает в общественном и индивидуальном сознании много явлений, требующих к себе пристального внимания, всестороннего их изучения. «Общественное бытие определяет <...> сознание»⁵, — писал К. Маркс, — и поскольку экологизация производства, быта, потребностей человека являются элементами нашей повседневной жизни, то они определяют процессы изменения сознания людей, а современная экологическая ситуация в целом определяет процесс экологизации сознания.

Понятие «экологизация сознания» наиболее широко охватывает изменения в духовной сфере жизни общества. Оно входит в ряд таких понятий как «экологическое сознание», «экологизация общественного сознания». Каждое из них играет свою роль в анализе процессов, отражающих новые явления общественного бытия. Экологическое сознание — это констатация результата, уровня, на котором находится осознание процессов взаимодействия общества и природы. Понятия «экологизация общественного

⁵ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

сознания» и «экологизация сознания» характеризуют сам процесс становления экологического сознания в его конкретно-исторической специфике. Неправомерно было бы противопоставлять понятия «экологизация сознания» и «экологизация общественного сознания», так как сознание — всегда общественное явление, но, подчеркивая их органическое единство, необходимо определить и терминологическое различие в них. Для рассматриваемого процесса экологизации оно сводится к следующему. Если процесс экологизации общественного сознания характеризует, прежде всего, изменение под влиянием современной экологической ситуации форм и уровней общественного сознания в его гносеологическом и социологическом аспектах, то экологизация сознания — это, в первую очередь, диалектика экологизации индивидуального и общественного сознания. Такая конкретизация необходима, ибо «понятие сознания охватывает как индивидуальное (личное), так и общественное сознание»⁶.

В литературе получили распространение термины «экологизация мировоззрения»⁷ и «экологизация производства»⁸ «экологизация географии»⁹ и «экологизация наук»¹⁰, «экологизация познания»¹¹ «и «экологизация мышления»¹², «эколо-

⁶ Спиркин А. Г., Ярошевский М. Г. Сознание // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 624.

⁷ Школенко Ю. А. Философия, экология, космонавтика. М., 1983. С. 4.

⁸ Абабков Ю. Н., Комаров В. Д., Шилин К. И. Экологический кризис капитализма и необходимость глобальной рационализации системы «общество-природа» // Социально-экологические проблемы современности и новая НТР. Л., 1981. С. 82.

⁹ Шилин К. И. Экологизация географии // Общество и окружающая среда. М., 1976. С. 35—37.

¹⁰ Герасимов И. П. О проблемах экологизации современной науки // Социальные аспекты экологических проблем. М., 1982. С. 100; Он же. Еще раз о методологических проблемах экологизации современной науки // Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР. М., 1983. С. 295.

¹¹ Лисенко В. М. Об экологизации современного познания // Философские вопросы медицины и биологии. Киев, 1981. Вып. 3. С. 15.

¹² Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Сознание и диалектика процесса познания. Иваново, 1979. С. 15.

гизация техники»¹³ и «экологизация общественного сознания»¹⁴. Во всех этих случаях под экологизацией понимаются процессы, связанные с оптимизацией и гармонизацией взаимодействия между обществом и природой, и изменения, которые возникают в духовной и материальной жизни в связи с требованиями современной экологической ситуации, трансформацией общественного бытия. Таким образом, экологизация сознания — это изменение направленности сознания, ориентация его на более адекватное отражение состояния внешней среды и, соответственно, ценностных установок в потребностях и деятельности человека.

Раскрывая содержание понятия «экологизация сознания», важно отметить, что это сознательное и неосознанное, организованное и стихийное изменение привычного стиля мышления, знаний, традиционных взглядов, идей, целей, норм, оценок, идеалов, принципов, убеждений, нравственных отношений как на социально-психологическом, так и на идеологическом уровне, как для индивидуального, так и для общественного сознания как обыденного, так и научного, — изменение, направленное на оптимизацию взаимодействия общества и природы, проявляющееся в условиях различных социально-экономических систем.

Экологизация сознания в широком смысле понятия – это процесс все более глубокого духовного освоения окружающей природной среды, от эпохи к эпохе становящийся все более научным; это процесс осознания человеком своей неразрывности с окружающей средой, которая в свою очередь расширяется в ходе научного познания и исторической практики от непосредственно данной ему в ощущениях при помощи органов чувств, затем расширяющаяся в микро- и мегамир за счет технических устройств и различных аппаратов, ставших продолжением его органов чувств.

¹³ Комаров В. Д. Развитие техники и ее экологизация в условиях строительства коммунизма // Социально-экологические проблемы современности и новая НТР. Л., 1981. С. 47.

¹⁴ Жирицкий А. К. Плата за безответственность. М., 1979. С. 45.

Более глубоко раскрыть содержание понятия «экологизация сознания» поможет выяснение структуры сознания¹⁵. Наиболее плодотворна в этой связи структура сознания, предложенная М. В. Деминым¹⁶. Он предлагает рассматривать структуру сознания с точки зрения двух аспектов — познавательного и ценностного, что, по его мнению, более верно, чем выделение гносеологического и социологического аспектов позволяет подойти к структуре сознания (Таблица 1).

Конкретизируя ее, можно говорить об экологизации познавательного сознания (знания) и ценностного сознания, т.е. об уже упоминавшейся «экологизации наук»¹⁷ и экологизации форм общественного сознания.

Таблица 1. Структура сознания (по М. В. Демину)

Эмпирическое знание / Наука	Познавательное знание	Ценностное знание	Общественная психология / Идеология
	Математическое знание Физическое знание Химическое знание Биологическое знание Техническое знание Знание об обществе Философское знание	Политическое сознание Правовое сознание Нравственное сознание Эстетическое сознание Философское сознание Религиозное сознание	
	Формы знания	Формы сознания	

¹⁵ См., например: *Овчинников Г. К.* Структура общественного сознания в свете современного развития науки и техники // Проблемы социального познания. Новосибирск, 1981. С. 152—155.

¹⁶ *Демин М. В.* Анализ структуры сознания. М., 1980. С. 26.

¹⁷ См.: *Герасимов И. П.* О проблемах экологизации современной науки // Социальные аспекты экологических проблем. М., 1982.

В рамках краткого изложения невозможно остановиться на процессах экологизации каждого элемента в структуре сознания, — любой из них заслуживает специального исследования. Так, например, экологизация математического знания проявляется в развитии глобального моделирования, экологизация философского знания — в развитии представлений о переходе биосферы в ноосферу и философском осмыслении взаимодействия общества и природы. Экологизация форм общественного сознания проявляется в сильном влиянии экологического сознания на экономическую, политическую, правовую, нравственную, эстетическую формы общественного сознания. В полной мере можно говорить об экологизации как общественного, так и индивидуального сознания.

Диалектика экологизации индивидуального и общественного сознания имеет важное практическое значение для формирования коммунистического сознания, так как исследование этого развития помогает найти верные пути экологического воспитания и образования, более эффективно воздействовать на индивидуальное сознание, постоянно поднимать его уровень, который должен соответствовать современному состоянию взаимодействия общества и природы. С понятием «экологизация индивидуального сознания» тесно связаны такие термины как «экологизация мышления», «экологизация мироощущения», «экологизация потребностей», «экологизация поведения» и т. д. Экологизация общественного сознания может быть раскрыта через экологизацию отдельных форм общественного сознания, его уровней. Глубже выявить диалектику экологизации общественного и индивидуального сознания помогает изучение экологизации мировоззрения, а также экологизации самосознания и общественного самосознания.

Процесс оптимизации взаимодействия общества и природы сложен и противоречив, он зависит, прежде всего, от понимания роли в нем сознательной человеческой деятельности, которая теснейшим образом связана с человеческим сознанием. Значение экологизации сознания заключается в выработке экологической направленности человеческой деятельности. И в этом плане экологизация сознания есть формирование опережающего отражения природной среды и, если говорить более широко, — общественного бытия.

Показать роль экологизации сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы означает, с одной стороны, — раскрыть значение экологизации той или иной формы общественного сознания для экологизации той или иной формы человеческой деятельности, общественной практики, а с другой, — показать место индивидуального сознания в объективном и закономерном процессе взаимодействия общества и природы.

Возможен и еще один путь анализа значения сознания в разрешении современной экологической ситуации, экологических проблем — это выявление значения человеческой деятельности и сознания в реализации социоприродных процессов, происходящих на различных уровнях взаимодействия в «биосфере» — ноосфере».

Важно подчеркнуть, что методологическим принципом при рассмотрении современной экологической ситуации является комплексный подход, выработанный советскими философами. Он, в отличие от подхода буржуазных исследователей (в частности членов Римского клуба), состоит в учете всех — экономических, социальных, политических, культурных — факторов, влияющих на современную экологическую ситуацию. Роль сознания, человеческих качеств неотделима от той социальной среды, от тех экономических условий, от тех культурных традиций, которые характеризуют данное общество в каждый его конкретно-исторический момент.

Важный момент экологизации сознания — осознание человечеством планеты как единого «механизма», биосферы как организованности. Это понимание позволяет искать и находить верные пути управления биосферой, выяснять закономерности ее функционирования, определять принципы ее организации. Этим уровнем социоприродной реальности занимается такая наука как глобальная экология. Блестящим ее достижением стало исследование бассейново-солнечных единиц и их континентальной сопряженности. Успехи науки, оказывая очень сильное воздействие на общественное сознание, превращаются в достояние широких слоев населения, стимулируют понимание нашей планеты как единого большого дома цивилизованного человечества, формируют представления о работе покровов и сфер нашей планеты. На этом — биосферном — уровне экологизация

сознания проявляется в осознании круговорота вещества, энергии и информации на планете, в охвате органической целостности сложнейшей организованности биосферы, связи биосферных и космических процессов, диалектики живого и косного вещества. Осознавая эти процессы, человек все ближе подходит к управлению сложными биосферными процессами. Выявление закономерностей на этом уровне помогает более верно осознать последствия крупномасштабных планов освоения громадных просторов нашей страны, использования вод сибирских рек и магистральных газо- и нефтепроводов. На этом уровне человечество сталкивается со сложными проблемами, не решив которые, невозможно ожидать дальнейшего прогресса человеческой цивилизации. Вот почему экологизация сознания в таком направлении столь важна и существенна.

Организованность биосферы — это мозаика многочисленных региональных систем, которые определяются в пространстве не только географическими границами материков, океанов, морей, но также государственными и культурными барьерами. Чтобы перейти к управлению на биосферном уровне, человечество должно будет научиться рационально использовать природные ресурсы, охранять и восстанавливать окружающую среду в рамках каждого региона, а разрешение этой проблемы невозможно без решения многочисленных экономических, политических, социальных, демографических, технических, технологических и других проблем. Основным содержанием экологизации сознания на региональном уровне является стимулирование оптимизации взаимодействия человека и природы в различных сферах общественно-исторической практики и, соответственно, отражение этих процессов в различных формах общественного сознания. Так, экологизация экономического сознания способствует выработке единой экономической и экологической политики; экологизация политического сознания — осознанию своих экологических интересов тем или иным классом, прослойкой; экологизация правосознания — регуляции отношения к природе как отдельного человека, коллектива, так и всего общества. Не меньшее значение играет экологизация эстетического и нравственного сознания. Особенно сильно она проявляется на уровне индивидуальной человеческой деятельности, т. е. макроуровне, на котором экологи-

ческое сознание выступает как природоохранное сознание. Природоохранное сознание включает в себя общие принципы охраны природы, путей сохранения генофонда и разнообразия животного и растительного мира, определение оптимального уровня вмешательства человека в природные процессы, характер поведения человека в условиях современной экологической ситуации, ответственность за судьбу природы и самой планеты, экологическую оправданность потребностей и качеств человека.

Экологизация сознания как отражение процессов, происходящих на микроуровне биосферы, проявляется в формировании представлений о биогеохимических превращениях, биогеохимических принципах. Познание и использование биогеохимических принципов, законов функционирования живого и косного вещества на планете дает в руки человечества мощные рычаги проектирования и преобразования природы, способствует оптимизации и гармонизации взаимодействия в системе «Человек — Общество — Природа». Актуальны в этом направлении идеи В. И. Вернадского о биогеохимической и культурной биогеохимической энергии. Микроуровень теснейшим образом связан с биосферным, ибо нельзя в полном объеме понять процессы саморегуляции и самоорганизации биосферы-ноосферы, не найдя закономерностей на атомном и молекулярном уровнях.

Процесс оптимизации взаимодействия общества и природы есть поступательный переход биосферы в ноосферу, поэтому с полным основанием экологизацию сознания можно рассматривать в контексте становления ноосферы. Переход биосферы в ноосферу зависит от того, насколько глубоко и научно понята человеком действительность, насколько цели, поставленные человечеством, вписываются в параметры возможного для природной среды, для биосферы в целом.

Анализ экологизации сознания был бы неполон без упоминания о том, какое место она занимает в системе коммунистического сознания. Для этой стороны экологизации сознания важное методологическое значение имеет положение К. Маркса о том, что коммунизм есть «подлинное разрешение противоречия между человеком и природой»¹⁸. Однако экологические проблемы разре-

¹⁸ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 588.

шатся не сами собой, но только в результате все более адекватного отражения общественного бытия сознанием человека и человечества. В этом плане экологизация сознания есть одновременно и процесс становления и развития коммунистического сознания.

Исследование процессов экологизации сознания еще только начинается, но острота современной экологической ситуации в мире все более настоятельно требует всестороннего изучения изменений, происходящих в сознании человечества, формирования духовных предпосылок становления коммунистической цивилизации и ноосферы.

Становление экологической формы общественного сознания

Осмысление взаимодействия общества и природы привело к появлению терминов и понятий, обозначающих отражение современной экологической ситуации «в общественном и индивидуальном сознании. Среди них «экологическое сознание», «экологическое мышление», «экологическая мудрость», «экологическая культура», «экологизация общественного сознания» и другие. Они широко используются в научной литературе, хотя в полной мере области их применения, взаимодополняемость и соотношение, категориальное содержание не исследованы. Среди выше перечисленных понятий наиболее часто используется понятие «экологическое сознание».

Большинство исследователей определяет экологическое сознание как самостоятельную форму общественного сознания, аналогично понятиям экономическое, политическое, правовое, нравственное, эстетическое сознание. В пользу этого тезиса приводят убедительные доводы Р. У. Биджиева, Е. С. Бродская, Т. П. Казначеева, К. В. Малиновская, Ю. М. Манин, Г. К. Овчинников, А. Г. Шевцов. Вместе с тем, некоторые авторы считают, что экологическое сознание еще не созрело, не доросло до превращения в форму общественного сознания¹⁹, другие гово-

¹⁹ См.: Шишина Л. Ю. Мировоззренческая природа экологического сознания // Человек как философская проблема и мировоззрение. Владимир, 1982. С. 39—48.

рят, что экологическое сознание — это тип²⁰, состояние²¹ общественного сознания, третьи — вообще отрицают необходимость выделения экологической формы общественного сознания²².

Разница точек зрения в этом случае объясняется не только сложностью этого объекта исследования, гносеологическими трудностями, но и особенностью самого понятия «экологическое сознание» — его *полисемантичностью*, т.е. тем, что этим термином обозначаются различные процессы и явления, в том числе и специфическая экологическая форма общественного сознания.

Для доказательства положения о том, что экологическое сознание есть самостоятельная форма общественного сознания, связанная с изменением характера взаимодействия общества и природы, в научной литературе используются различные подходы. Среди них — «категориальный», в основе которого лежит анализ общих черт, присущих форме общественного сознания; «структурный», который связан с выделением основных уровней и элементов экологического сознания; «содержательный», связанный с исследованием его научного содержания; и, наконец, «исторический», исследующий процесс складывания экологического сознания.

Раскрытие процесса становления экологического сознания в конкретно-историческом плане — задача сложная, и несмотря на определенные успехи, она требует дальнейших исследований. Так, например, вопрос о времени возникновения экологического сознания трактуется по-разному. Одни исследователи относят его ко времени научно-технической революции, к XX веку, другие к XIX веку. А. П. Огурцов считает, что этот «новый тип сознания» сформировался «уже более ста лет тому назад»²³. Однако, как

²⁰ См.: Огурцов А. П. Экологическое сознание: его генезис и особенности // Экология и культура: методологические аспекты. Ставрополь, 1982. С. 14—36.

²¹ Кочергин А. Н., Барбашина Э. Р. Системный подход и экологическое сознание // Система «общество-природа»: проблемы и перспективы. М., 1983. С. 131—137.

²² См.: Беридзе Э. А. Экологические проблемы в общественном сознании // Творческая природа социалистического общественного сознания. М., 1980. С. 151—155.

²³ Огурцов А. П. Экологическое сознание: его генезис и особенности // Экология и культура: методологические аспекты. Ставрополь, 1982. С. 15.

форму и тем более как тип (в общепринятом понимании этого термина) экологическое сознание в то время вряд ли существовало, и в данном случае под «типом сознания» можно понимать лишь способ мышления (образ мысли). При рассмотрении становления экологического сознания важен не только гносеологический аспект (история развития экологического знания), но и социологический аспект, характеризующий степень распространения этого сознания среди населения. В этой связи было бы более перспективным, на наш взгляд, показать, как в процессе трудовой деятельности формировалось природоохранное сознание, а затем, в результате воздействия на сознание людей материальных условий жизни, геологического воздействия человеческой цивилизации на природу, развития научных знаний о природе и обществе, формируется и развивается экологическое сознание.

Один из корифеев охраны природы в США О. Леопольд в середине XX века отмечал, что есть сторонники охраны природы, имеющие чисто «агрономическое мировоззрение»²⁴, которые считают, что функция земли сводится к производству тех или иных продуктов человеческого потребления, другая группа видит в земле биоту, функции которой много шире. Иными словами, само природоохранное сознание имеет множество оттенков, и в некоторых случаях очень близко к экологическому сознанию.

Проблемы формирования «природоохранительного сознания» или «природоохранительной направленности личности»²⁵ анализирует А. П. Сидельковский. «Одна из важнейших задач, — пишет он, — которая должна быть решена при познании отношений учащихся к природе — установка связей деятельности и сознания»²⁶. На богатом эмпирическом материале А. П. Сидельковский прослеживает зависимость «природоохранительного сознания» от структуры и многообразия практической деятельности по охране природы. Материалы этой книги дают возможность показать общие и специфические черты природоохранного и экологического сознания. Экологическое соз-

²⁴ См.: Леопольд О. Календарь песчаного графства. М., 1983. С. 218.

²⁵ См.: Сидельковский А. П. Человек и природа. Формирование отношений. Ставрополь, 1975. С. 101.

²⁶ Там же. С. 11.

нение более комплексно и объемно: оно включает не просто знания, навыки и умения в области охраны природы, базирующиеся на знании биологии, географии, ботаники, но опирается на многочисленные научные дисциплины, в том числе и такие комплексные, как глобальная и социальная экология, экология человека; вбирает глубокие философские выводы и имеет мировоззренческое значение. Экологическое сознание, включая в себя природоохранное сознание, идет дальше рядовых практических потребностей человека, оно заставляет смотреть на природу как на единое планетное и космическое целое, т.е. расширяет ощущение внешней среды за рамки непосредственно чувственно воспринимаемой. Это сознание способствует оптимизации взаимодействия общества и природы, разумной организации социо-природных процессов, протекающих на планете.

Формирование природоохранного сознания имеет свою древнюю историю. Обыденный его уровень формировался в результате наблюдений природы, складывался в течение довольно продолжительного времени в процессе непосредственного отражения производственной деятельности и быта в умах широких народных масс. Т. П. Казначеева справедливо отмечает, что «экологический аспект народного мировоззрения, который до сих пор явно недооценивается, также древен, как и само общественное сознание»²⁷.

Уже первобытная история дает примеры разумного пользования богатствами природы, этнография имеет сведения о том, что неписанные законы у охотничьих и рыболовных племен регулировали время и количество добычи зверя и рыбы. «22 столетия назад император Индии Ашока, который правил с 265 до 238 года до нашей эры, установил, что король обязан не только обеспечить защиту граждан и наказание преступников, но и охрану животных и лесов»²⁸. Имелись природоохранные статьи в Законах Хаммураппи, а примерно 150 лет назад Симон Боливар издал декрет об охране природного окружения²⁹.

²⁷ Казначеева Т. П. К вопросу о генезисе экологического сознания // Экология и культура: методологические аспекты. Ставрополь, 1982. С. 37.

²⁸ Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде. ЮНЭП, 1979. С. 6.

²⁹ Там же. С. 6—7.

В нашей стране законы, так или иначе регулирующие природопользование, известны еще со времен «Русской Правды». Активно охраняли природные богатства (например, пушного зверя) во времена царя Алексея Михайловича; широко известны петровские указы, предельно суровые для нарушителей. Эмпирическое природоохранное и «экологическое» сознание телелось у русского крестьянства. Постоянное наблюдение за погодой, явлениями природы позволяло сельским труженикам глубоко понимать природу. Эта «экологическая культура» русского крестьянина³⁰ была связана с тем, что производственные сельскохозяйственные процессы, которые являлись содержанием труда крестьянина, теснейшим образом были связаны с природными процессами и от учета последних во многом зависел результат работы — урожай.

В конце XIX века, когда стали резко сокращаться площади, занятые лесами, возникло движение за охрану лесов от порубов. Известны произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и других русских писателей, в которых они выступали за сохранение и восстановление лесов.

Особый этап формирования природоохранного сознания начинается с ленинских декретов об охране природы. Всего при жизни В. И. Ленина было опубликовано 234 декрета и других документов природоохранного содержания, из них не менее 90 было подписано лично им³¹. В целом же уровень природоохранного сознания в этот период был низок.

Большой урон нашей природе нанесла фашистская агрессия. Ускоренное восстановление разрушенного войной хозяйства не позволяло выделять большие суммы на охрану природы, а это тормозило развитие природоохранного и экологического сознания трудящихся.

Объективные и субъективные условия формирования экологического сознания широких слоев населения сложились только с конца 1950-х — начала 1960-х годов — времени развертывания в СССР научно-технической революции, вступле-

³⁰ См.: Белов В. Лад: очерки о народной эстетике. М., 1983; Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982.

³¹ См.: Охрана природы. М., 1981. С. 41.

ния страны в этап развитого социализма. В это время в силу широкомасштабного воздействия на природу (освоение целины, создание крупных водохранилищ, формирование в Сибири крупных промышленных комплексов) начали проявлять себя проблемы взаимодействия общества и природы, охраны природы. «Обострение экологической ситуации в эпоху научно-технической революции проявило и вывело наружу экологическое сознание»³².

Период развитого социализма (1960—80 годы) характеризуется широким включением вопросов охраны природы в государственные планы развития народного хозяйства, увеличением количества партийных и правительственных документов по вопросам рационального природопользования. Советские ученые вели и ведут интенсивную разработку естественнонаучных и философских аспектов взаимодействия общества и природы. Существенные толчки в развитии экологического воспитания и образования дали Межправительственная конференция по вопросам образования в области окружающей среды (Тбилиси, 1977), I Всесоюзная конференция по вопросам экологического воспитания и образования (Минск, 1979). Вторая Всесоюзная конференция «Образование по вопросам окружающей среды» (Иваново, 1984) сделала вывод о необходимости дать экологическое образование каждому советскому гражданину. За это время экологическое сознание прошло путь от эмпирических природоохранных представлений сотен и тысяч людей до экологического сознания, формирующегося у миллионов. Экспоненциальный рост экологического сознания — это прежде всего проявление объективной необходимости развития производства, появления новых технологических процессов, экологизации всей материальной и духовной жизни общества.

При ближайшем рассмотрении экологического сознания оказывается, что оно имеет определенную структуру и место в общественном сознании. А. Г. Шевцов показал, что в экологическом сознании можно выделить два уровня: социально-психологический и идеологический, в каждом из уровней — два слоя: в социально-психологическом — эмоциональный и обы-

³² Казначеева Т. П. К вопросу о генезисе экологического сознания // Экология и культура: методологические аспекты. Ставрополь, 1982. С. 37.

денно-логический, в идеологическом — практически систематизированный и научно-теоретический³³.

Эмоциональная окраска отношения к природе начинается с эстетической стороны ее восприятия, которая может носить как положительный, так и отрицательный оттенок. Экологические чувства возникают из непосредственного столкновения человека с эстетически богатой или ущербной окружающей средой. Загрязнение вод рек и озер, атмосферного воздуха, уменьшение растительности в городе, исчезновение отдельных видов животных и растений, повышенный уровень шума, смог, «кислые» дожди, деградация ландшафта и пейзажа способствуют возникновению отрицательных экологических чувств. Природа, являясь элементом индивидуального бытия человека, рождает эмоциональное отношение человека и тем самым способствует росту стремления к экологическим знаниям всех слоев населения и отдельных социальных групп. Стихийным ответом на современную экологическую ситуацию можно считать «ностальгию» по природе, стремление людей к приобретению садово-огородного участка, к выращиванию цветов и других растений в квартире, к своеобразной моде на содержание кошек, собак и даже экзотических зверей в домашних условиях.

В течение миллионов лет человек жил в естественной природе, она вошла не только в сознание, но и в подсознание. За последние несколько тысяч лет человек активно взаимодействует не только с природой, но и с искусственной средой, а в предшествующие сто лет взаимосвязь между человеком и природой «снимается» современной технологической цивилизацией. Меняется и сознание, и подсознание, и психика человека. Как отмечал один из крупнейших исследователей функционирования головного мозга Х. Дельгадо, «управление гигантскими силами, вызванными к жизни человеком, требует развития определенных психических свойств, способных направить разум не только на покорение природы, но и на то, чтобы сделать цивилизованной психику самого человека»³⁴.

³³ См.: Шевцов А. Г. Экологическое сознание и его уровни. Свердловск, 1981. Деп. в ИНИОН 10 февраля 1981. № 6949.

³⁴ Дельгадо Х. Мозг и сознание. М., 1971. С. 250.

Взрыву экологических чувств сопутствует значительный рост экологического знания. Эмпирический уровень современного экологического сознания тесно связан с эмоциональной сферой, он рождается в результате непосредственного столкновения человека с окружающей его средой. Путем наблюдения устанавливается связь между выбросом отходов химического производства в реку и гибелью в ней рыбы, наличием смога в городе и плохим самочувствием человека, уровнем шума и раздражительностью человека. Вместе с тем, обыденное экологическое сознание чаще, чем может быть любое другое обыденное сознание, оказывается неверным. «Здравый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, — писал Ф. Энгельс, — лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования»³⁵. Историческая практика знает много примеров того, как серьезно может ошибаться обыденное экологическое сознание. Типичный пример экологического невежества в государственных масштабах — избиение воробьев и других птиц во время культурной революции в Китае, которое привело не к повышению урожая риса, как было задумано, а, наоборот, к великому нашествию многочисленных вредителей урожая.

Век научно-технической революции уже не может удовлетвориться этим уровнем сознания. «Психологически присущая человеку любовь к родным краям и их природе никак не компенсирует отсутствия экологических знаний. Современное человечество почти полностью утерало выведенные путем многовековых наблюдений за природой "экологические традиции", тлевшиеся (и встречающиеся еще теперь) у первобытных народов»³⁶. Большая часть современного населения оказывается оторванной от сельскохозяйственного производства и теряет навыки разумного отношения к природе. Забываются веками складывающиеся традиции лесопользования, обработки земли, нарушается передача из поколения в поколение наблюдений за капризами погоды и закономерностями природы, повадками и образом жизни

³⁵ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 19. С. 204.

³⁶ Липицкий В. С. Человек, природа, воспитание. М., 1977. С. 15.

животных, свойствами того или иного растения и т. д. В то же время во многих случаях оказывается, что народные приметы и наблюдения в условиях современности становятся неверными, «не работают», ибо произошло нарушение многих параметров биосферных процессов.

Обыденный уровень экологического сознания недостаточен для экологически обоснованной человеческой деятельности в условиях современной экологической ситуации. В будущем «люди, — подчеркивал Ф. Энгельс, — снова будут не только чувствовать, но и *сознавать* (курсив мой. — Г. С.) свое единство с природой»³⁷. Этот процесс проходит сейчас — эмпирический уровень экологического сознания дополняется научным. Широкое развитие наук биосферного цикла является базой экологического научного сознания. К их числу относятся биологическая экология, биогеохимия, а также глобальная экология, экология человека, социальная экология, космическая антропология, инженерная экология. Они, несмотря на недостаточную разработанность, могут с полным правом претендовать на то положение, которое занимает политическая экономия в экономическом сознании, этика в нравственном, эстетика в эстетическом и т. д.

Идеологический уровень экологического сознания³⁸ возникает в связи с тем, что развитие современной экологической ситуации и, соответственно, процесс экологизации сознания идет в условиях существования двух общественно-политических систем. Экология выступает как новый фронт идеологической борьбы³⁹. Осознание преимуществ социализма в решении экологических проблем, классовой сущности буржуазного прогнозирования мировых процессов, роли рабочего класса в борьбе за сохранение пригодной для жизни природной сре-

³⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 496.

³⁸ См.: Лантев И. Д. Экологические проблемы: Социально-политический и идеологический аспекты. М., 1982; Тощенко Ж. Т. Идеология и жизнь: социологический очерк. М., 1983; Фролов И. Т. О человеке и гуманизме. М., 1989; Жирицкий А. К. Плата за безответственность: Экологический кризис в современном буржуазном обществе и идейно-политическая борьба. М., 1979; Федоров Е. К. Взаимодействие общества и природы. Л., 1972.

³⁹ См.: Лантев И. Д. Экологические проблемы. М., 1982. Гл. IV.

ды, понимание исторических закономерностей и перспектив взаимодействия общества и природы, проблем нравственного отношения к природе — вот некоторые аспекты идеологического уровня экосознания. В процессе формирования и развития экологического сознания как общечеловеческого явления возникают общие моменты (экологизация чувств, обыденного сознания, естественнонаучного знания), а идеологический уровень характеризует то принципиальное различие, которое существует между буржуазным и социалистическим экологическим сознанием. Классовый характер последнего определяют такие существенные его признаки, как научность, партийность, гуманизм, оптимизм. Идеологический уровень активно работает в условиях развитого социализма — он служит важным показателем «экологической сознательности»⁴⁰, качества субъективного фактора, направленного на решение экологических проблем, оптимизации взаимодействия общества и природы.

Как форме общественного сознания экологическому сознанию присущи все ее структурные элементы и уровни, хотя некоторые из них, прежде всего научный, теоретический, находятся в стадии становления.

Одним из существенных элементов экологического сознания является научное знание. В связи с этим возникает вопрос о системности входящих в него знаний: *фактов* естественнонаучного, технического, экологического, природоохранного, общественно-ведческого содержания, а также *закономерностей* взаимодействия общества и природы.

На наш взгляд, критерием отбора конкретных знаний (фактов и закономерностей), включаемых в экологическое сознание, является степень их важности в понимании существа экологических проблем, современной экологической ситуации, оптимизации взаимодействия общества и природы. В основу выявления комплекса знаний, содержащихся в экологическом сознании, положен принцип межпредметности, с помощью которого можно провести границу между какой-либо дисциплиной и той ее частью, которая непосредственно входит в экологическое сознание. Вместе с этим значение имеет и принцип

⁴⁰ Тощенко Ж. Т. Идеология и жизнь. М., 1983. Гл. 8.

системности экологического сознания, который требует увязывать отобранные знания в логически стройную систему, представляющую целостность. Такой подход помогает найти границы экологического сознания, но решать эту задачу предстоит специалистам конкретных дисциплин совместно с обществоведами, философами.

Важным аспектом экологического сознания является наличие в нем обществоведческих компонентов — тесная связь его с идеями научного коммунизма, диалектического и исторического материализма, политэкономии. Марксистско-ленинская философия как основа экологического сознания формирует его ценностную сторону, определяет его направленность. Методологической основой экологического сознания являются учение К. Маркса и Ф. Энгельса о взаимодействии общества и природы, ленинские принципы природопользования, учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу.

Учение К. Маркса о взаимодействии общества и природы раскрывающееся в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», «Тезисах о Фейербахе», «Капитале», «Диалектике природы», «Анти-Дюринге» и письмах, заложило основы понимания единства органического тела человека и неорганического тела природы, «обмена веществ» между обществом и природой, единства природных и социальных процессов, труда как основной формы взаимодействия общества и природы, науки как непосредственной производительной силы, активной творческой роли человека в преобразовании общества и природы, необходимости познания законов природы для правильного их использования, формирования культуры, развивающейся сознательно, а не стихийно. В условиях современной экологической ситуации марксизм глубже выявил те свои черты, которые ранее слабо разрабатывались или имели второстепенное значение⁴¹.

Ленинские принципы природопользования, как показано в литературе, являются законченным выражением единства теории и практики. Важнейшим ленинским принципом охраны

⁴¹ См.: *Гирусов Э. В.* Ф. Энгельс и проблема взаимодействия общества и природы. М., 1971; *Гирусов Э. В., Тихонова Н. К.* Проблемы взаимодействия общества и природы в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1984.

природы, несущим методологическую нагрузку, является положение об охране природы в процессе ее использования. Наряду с этим можно говорить о принципах комплексности использования природных ресурсов, единства охраны памятников природы и памятников культуры, всестороннего учета отрицательных последствий человеческой хозяйственной деятельности, всемерного использования научно-теоретических и практических (технических) достижений в охране природы⁴².

Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу формировалось в контексте учения о биосфере и материалистической концепции ноосферы; оно является закономерным развитием и продолжением учения классиков марксизма о взаимодействии общества и природы, так как в нем обобщены мировые достижения естественнонаучного значения на основе материалистического подхода и стихийной диалектики. Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу связывает геологические процессы, происходящие на планете, с приобретающей геологические масштабы человеческой деятельностью. В современных условиях учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу получает дальнейшее развитие и становится важной методологической основой научного экологического сознания. «Для всех людей, — отмечают П. Дювиньо и М. Танг, — понимающих свою ответственность перед обществом, знание биосферы, основанное на понятиях общей экологии, стало необходимостью»⁴³.

Формирование экологического сознания связано с процессом переосмысления тех положений, «мифов», которые утвердились в головах людей, но которые не соответствуют современному уровню развития биосферы. Закон отрицания проявляет себя в процессе становления экологического сознания. «Перед нами, — отмечал В. И. Вернадский, — совершается один из величайших процессов хода научного мышления, один из переломов векового человеческого сознания»⁴⁴. Конкретизируя это

⁴² См. *Анучин В. А.* Основы природопользования. Теоретический аспект. М.: Мысль, 1978. 293 с.

⁴³ *Дювиньо П., Танг М.* Биосфера и место в ней человека. М., 1973. С. 251.

⁴⁴ *Вернадский В. И.* Биогеохимические очерки. М. ; Л., 1940. С. 175.

положение, И. Б. Новик подчеркнул, что «имевшиеся до последнего времени три аксиомы 1) аксиома-предположение <...> об исчезающе малом характере техногенных последствий для окружающей среды, 2) аксиома пространственных экстраполяций (компенсация нарушений путем перехода в новое "чистое" пространство), 3) аксиома прогрессирующего освобождения человека от зависимости природных факторов»⁴⁵ «отрицаются» тремя другими формирующимися аксиомами — 1) аксиомой неизбежных изменений окружающей среды, 2) аксиомой «замыкания» (замыкающихся циклов в технологии), 3) аксиомой оптимизации. Суть последней заключается в том, что на каждом данном этапе как бы ни была сложна экологическая ситуация, человечество может найти оптимальный для данных условий комплекс социально-экономических, политических, природо-ведческих, технологических мер, которые позволяют найти наилучшее для данных условий взаимодействие между человеком и природной средой⁴⁶.

Экологическая форма общественного сознания: дискуссионные вопросы

С точки зрения «категориального» подхода, объективными основаниями для выделения той или иной формы общественного сознания служат: «1) наличие своего предмета отражения, 2) специфический характер отражения, 3) выполнение определенной социальной функции, 4) особые связи с базисом общества»⁴⁷. Экологическое сознание вполне отвечает всем этим условиям: предметом его отражения является экосоциальное бытие, или, как мы считаем, современная экологическая ситуация, являющаяся результатом материальной жизни общества, стороной общественного бытия. Специфический характер отражения проявляется в том, что понимание структуры окружаю-

⁴⁵ Новик И. Б. Некоторые методологические предпосылки решения экологической проблемы // Научно-техническая революция и решение экологических проблем. М., 1978. С. 35.

⁴⁶ См.: Там же. С. 36—37.

⁴⁷ Чагин Б. А. Структура и закономерности общественного сознания. Л., 1982. С. 105.

щей нас природы, работы живого покрова Земли в его биосферной целостности возможно лишь при условии широкой интеграции научных знаний. Экологическое сознание выполняет и важную социальную функцию, так как способствует ослаблению напряженности современной экологической ситуации, сохранению и восстановлению природной среды, рациональному использованию природных ресурсов, оптимизации взаимодействия общества и природы. Оно тесно связано с базисом общества и способом производства в целом — воздействует на производительные силы и производственные отношения.

В последнее время получила распространение и другая система критериев выделения форм общественного сознания. Так, С. С. Гольдентрихт считает, что «общественно-историческая практика выступает как непосредственная объективная основа, определяющая все многообразие форм отражения общественного бытия в общественном сознании. В силу этого общественно-историческую практику правомерно рассматривать в качестве не только непосредственной, но и всеобщей объективной основы дифференциации общественного сознания»⁴⁸. Это положение позволяет рассматривать становление экологического сознания как формы общественного сознания в качестве результата отражения рационального природопользования и охраны окружающей среды в процессе их совершенствования и развития.

Таким образом, первое понимание понятия «экологическое сознание» определяет его как форму общественного сознания. Возникновение экологического сознания «заполняет» «белое пятно» в общественном сознании. Последнее значительно обогащается как содержательно (ибо экологическое сознание дополняет, расширяет общую научную картину мира), так и системно. В некоторой степени можно говорить о том, что с появлением экологической формы общественного сознания оно получает известную завершенность, так как экологическое сознание выражает отношение человека к его природной среде, наряду с отношением к человеку и обществу, выражаемом другими формами общественного сознания.

⁴⁸ Гольдентрихт С. С. Общественное бытие, социально-историческая практика и сознание // Общественное сознание и общественная практика. М., 1979. С. 53.

Понимание экологического сознания как формы общественного сознания позволяет выделить сильные и слабые стороны других трактовок понятия «экологическое сознание». А. М. Галеева определяет экологическое сознание как сложное духовное образование, как *часть* (курсив мой. — Г. С.) общественного и индивидуального сознания, структурными элементами которого являются знания, убеждения и навыки в области взаимодействия человека и природы⁴⁹. Характеризуя экологическое сознание как часть коммунистического сознания, А. М. Галеева подчеркивает, что оно формируется в следующих направлениях: естественнонаучное и мировоззренческое, политическое, нравственно-этическое и правовое⁵⁰. На наш взгляд, слабой стороной этого определения является некатегориальность понятия «часть сознания». Вместе с тем, здесь подмечена важная особенность экологического сознания — тесная связь с остальными формами общественного сознания. Эту особенность отмечают и другие исследователи, но делают из этого факта различные выводы. Так Л. Ю. Шишина считает, что «в настоящее время пока невозможно экологическое сознание выделить в качестве самостоятельной формы общественного сознания, так как оно входит в каждую из них в качестве своеобразного фона их существования»⁵¹, но замечает, что «все сказанное выше не исключает того, что в исторической перспективе, на определенном этапе развития общества экологические взгляды и представления примут характер самостоятельной формы общественного сознания»⁵². Действительно, экологическая форма общественного сознания находится в процессе становления, однако нельзя забывать, что она очень бурно развивается и уже сейчас активно работает. Так называемый «фактор лимитирующего времени»⁵³, оставленного человечеству природой для разреше-

⁴⁹ Галеева А. М. Экологическое образование и воспитание: проблемы, решения // Город, природа, человек. М., 1982. С. 48.

⁵⁰ См.: Там же. С. 50—62.

⁵¹ Шишина Л. Ю. Мировоззренческая природа экологического сознания // Человек как философская проблема и мировоззрение. Владимир, 1982. С. 43.

⁵² Там же. С. 45.

⁵³ См.: Шпунт А. А. Лимитирующие факторы природоохранного просвещения. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1980. С. 84.

ния острых противоречий современной экологической ситуации, требует форсированного формирования экологического сознания, так как его исходной позицией служит тот очевидный факт, что неразумное антропогенное изменение среды жизни на Земле, выходящее за пределы адаптивных способностей человечества как биологического вида, в силу высокой скорости процесса неизбежно приведет к вымиранию этого вида⁵⁴.

Э. А. Беридзе также считает неправомерным выделение экологического сознания в качестве формы общественного сознания. «Принципиально необходимым, — пишет он, — становится не формирование отдельной структуры в системе общественного сознания в виде "экологического сознания", а обязательное присутствие во всех его сферах экологической проблематики... Выделение ее из общего в особенное, хотя бы на уровне сознания, может помешать комплексному подходу в деле дальнейшего прогресса общества»⁵⁵. Эта точка зрения совершенно справедливо подверглась критике⁵⁶. На наш взгляд, неправомерно отрицать существование экологической формы общественного сознания только на том основании, что она присутствует во всех остальных формах общественного сознания. Эта особенность характерна для любой из них — без взаимопроникновения, интегративности экономической, политической, правовой, нравственной и эстетической форм, общественное сознание не было бы единым, не существовало бы как единое целое.

Ситуация, проявляющаяся в этом случае, аналогична той, которая имела место в дискуссии об экономической форме общественного сознания. Сама жизнь показала, что «абстрактные споры об экономическом сознании, правомерности или неправомерности его выделения в качестве самостоятельного вида в

⁵⁴ Реймерс Н. Ф., Яблоков А. В. Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы. М., 1982. С. 112–113.

⁵⁵ Беридзе Э. А. Экологические проблемы в общественном сознании социалистического общества // Творческая природа социалистического общественного сознания. М., 1980. С. 151.

⁵⁶ См.: Овчинников Г. К. Структура общественного сознания в свете современного развития науки и техники // Проблемы социального познания. Новосибирск, 1981. С. 155.

общественном сознании без конкретного исторического анализа самого явления не приносят пользы ни социальной практике, ни теории общественного сознания. «Недооценка теоретических и прикладных исследований экономического сознания на деле оборачивается упущениями в хозяйственной и идеологической деятельности и превращением в догму представлений о формах общественного сознания»⁵⁷. Эта мысль в полной мере справедлива и для экологического сознания, так как оно является отражением объективной необходимости в перестройке всей хозяйственной и производственной жизни, учете возобновимых и невозобновимых природных ресурсов, защите окружающей среды от промышленных и бытовых отходов, перестройке всех сфер деятельности и потребностей человека с учетом потенциальных возможностей биосферы.

Родившись как экологическое знание, затем в процессе развития превратившись в форму общественного сознания, экологическое сознание начинает мощно влиять на остальные формы общественного сознания, поэтому отрицание формирования экологической формы общественного сознания может лишь замедлить процесс становления сознания, соответствующего современному уровню взаимодействия общества и природы, а также осознания механизмов этого процесса. Более верно, на наш взгляд, рассматривать экологическое сознание как форму общественного сознания и далее конкретно анализировать, какое влияние она оказывает на ту или иную форму общественного сознания и как оно интегрируется в систему общественного сознания.

Таким образом, вторая более широкая трактовка понятия «экологическое сознание», как мы видим, в действительности подразумевает вторую стадию экологизации сознания — экологизацию форм общественного сознания, общественного сознания в целом. Именно этот процесс подразумевается, когда экологическое сознание называют состоянием общественного сознания, подчеркивают его мировоззренческую природу.

⁵⁷ Уледов А. К. Предисловие // Попов В. Д. Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М., 1981. С. 6.

Экологическое сознание входит в нашу жизнь как отражение реального процесса жизни людей, общественного бытия, современной экологической ситуации, происходит постепенное уточнение понятия «экологическое сознание», которое связано с углублением осознания взаимодействия человека и природы, биосферы и цивилизации, развитием экологического знания, синтезом общественных, естественных и технических наук.

Экологизация сознания и ее формы

Вывод о существовании экологической формы общественного сознания — важное достижение советских философов в исследовании современных проблем общественного сознания. Теперь встает задача выяснить, какую роль играет экологическое сознание в структуре общественного сознания в целом. При анализе вопроса необходимо рассмотреть формирование экологического сознания как результат широкого процесса экологизации сознания.

Научный анализ экологизации сознания как и современной экологической ситуации возможен только на основе диалектико-материалистического мировоззрения. Он опирается на ключевые марксистские положения о том, что «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни»⁵⁸, что «общественное бытие определяет их сознание»⁵⁹, что «сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни»⁶⁰.

В контексте исследования экологизации сознания важно помнить, что «физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой»⁶¹, но «существенной и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение приро-*

⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 25.

⁵⁹ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 92.

ды человеком, а не одна природа как таковая»⁶². К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что в результате труда человека создается вторая «очеловеченная природа», происходит процесс «очеловечивания» природы, что в процессе труда изменяется не только природа, но и сам человек, его рука, его мозг, его сознание и мышление. В сознании происходит отражение процесса изменения природы человеком, осознается его вмешательство в природные процессы, и чем сильнее проявляется воздействие на природу со стороны человека, тем процесс такого осознания становится все более существенным и необходимым. «Природа, — как отмечают советские исследователи, — не только пассивный объект человеческой деятельности, но и "определяет" ее и, следовательно, играет активную роль. Отношение "субъект — объект" классики марксизма-ленинизма вообще рассматривали в диалектических взаимопереходах, или, как мы сказали бы сейчас, с точки зрения прямых и обратных связей»⁶³.

Огромное эвристическое значение для понимания процесса экологизации сознания имеет положение классиков марксизма о том, что «сознание ... есть вначале осознание *ближайшей* чувственно воспринимаемой среды. <...> в то же время оно — осознание природы»⁶⁴. Далеко заглядывая в будущее, Ф. Энгельс говорил, что мы «...с каждым днем научаемся все более правильно понимать ее (природу. — Г. С.) законы и познавать как более близкие, так и более отдаленные последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход. Особенно со времени огромных успехов естествознания в нашем столетии мы становимся все более и более способными к тому, чтобы уметь учитывать также и более отдаленные естественные последствия по крайней мере наиболее обычных из наших действий в области производства и тем самым господствовать над ними. А чем в большей мере это станет фактом, тем в большей мере люди снова будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой, тем

⁶² Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 545.

⁶³ Волков Г. Н. Общество и окружающая среда: проблемы взаимодействия // НТР как социальный процесс. М., 1982. С. 117.

⁶⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 29.

невозможней станет то бессмысленное и противоестественное представление какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом, которое распространилось в Европе со времени упадка классической древности и получило наивысшее развитие в христианстве»⁶⁵.

Рассмотрим подробнее содержание понятия «экологизация сознания». В литературе уже получили распространение термины «экологизация общества и человека»⁶⁶, «экологизация мировоззрения»⁶⁷, «экологизация производства»⁶⁸, «экологизация географии»⁶⁹, «экологизация науки»⁷⁰, «экологизация познания»⁷¹, «экологизация мышления»⁷², «экологизация техники»⁷³, «экологизация культуры»⁷⁴, «экологизация технологий»⁷⁵,

⁶⁵ Энгельс Ф. Дialeктика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 496.

⁶⁶ См.: Нагорный А. В., Скуфьин К. В., Сизякин О. Т., Березин Е. А. Экологизация общества — основа подлинного разрешения противоречий между человеком и природой // Взаимодействие общества и природы как глобальная проблема современности. Москва-Обнинск, 1981. С. 171—173.

⁶⁷ См.: Школенко Ю. А. Философия, экология, космонавтика. М., 1983. С. 4.

⁶⁸ См.: Нагорный А., Сизякин О., Скуфьин К. Некоторые вопросы экологизации производства // Коммунист. 1975. № 17. С. 56—64.

⁶⁹ См.: Шилин К. И. Экологизация географии // Общество и окружающая среда. М., 1976. С. 35—37.

⁷⁰ См. Герасимов И. П. Методологические проблемы экологизации современной науки // Вопросы философии. 1978. № 11. С. 61—72; Лось В. А. Человек и природа: социально-философские аспекты экологической проблемы. М., 1978.

⁷¹ См.: Лисенко В. М. Об экологизации современного познания // Философские вопросы медицины и биологии. Киев, 1981. Вып. 3. С. 15.

⁷² См. Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Сознание и диалектика процесса познания. Иваново, 1979. С. 3—20; Арманд Д. Л. Географическая среда и рациональное использование природных ресурсов. М., 1983; Лось В. А. Человек и природа: социально-философские аспекты экологической проблемы. М., 1978.

⁷³ См.: Комаров В. Д., Шаповалов Е. А. Развитие техники и ее экологизация в условиях строительства коммунизма // Социально-экологические проблемы современности и новая НТР. Л., 1981. С. 47—58.

⁷⁴ См.: Предисловие // Экология и культура: методологические проблемы. Ставрополь, 1982. С. 3.

⁷⁵ См.: Реймерс Н. Ф. Экологизация технологий или технизация биосферы // Человек и природа. М., 1978. Вып. 10. С. 70—74.

«экологизация политики»⁷⁶, «экологизация высшего и среднего специального образования»⁷⁷ и другие. Во всех этих случаях под экологизацией понимаются изменения, возникающие в духовной и материальной жизни под воздействием современной экологической ситуации и направленные на оптимизацию взаимодействия общества и природы.

В этой связи, экологизация сознания — это изменение направленности сознания, ориентация его на более адекватное отражение состояния внешней среды и, соответственно, формирование новых ценностных установок в потребностях и деятельности человека, связанных с оптимизацией взаимодействия общества и природы, гармонизацией в системе «Человек — Общество — Природа».

Экологизация сознания в широком смысле слова — это все более глубокое духовное освоение внешней естественной и искусственной среды человека и в то же время «внутренней» — организменной, которая выступает «внешней» по отношению к сознанию. Экологизация сознания представляет собой от эпохи к эпохе становящийся все более научным процесс осознания человеком своей неразрывности с окружающей средой, которая «расширяется» в ходе научного познания и практики от непосредственно данной ему в ощущениях при помощи органов чувств до глобальной, исследуемой посредством технических устройств и различных аппаратов, ставших продолжением его органов чувств.

Процесс экологизации сознания идет двумя путями. Первый из них связан со стихийным изменением сознания под влиянием современной экологической ситуации, второй — с сознательным воздействием экологического образования и воспитания на сознание человека. В результате происходят изменения во всех элементах сознания, во всех его традиционных уровнях — чувствах, знании, формах общественного сознания, а

⁷⁶ См.: Яблоков А. В. О методологии исследований и научно-практических разработок в области взаимодействия природы и общества // Взаимосвязь наук при решении экологических проблем. М. ; Обнинск, 1976. С. 217.

⁷⁷ Рустамов А. К. Курс «Охрана природы» в сельскохозяйственных институтах // Проблемы природоохранного образования и воспитания. М., 1982. С. 60.

также в мировоззренческих характеристиках, таких как нормы, цели, идеалы, принципы и убеждения.

Таким образом, экологизация сознания — это процесс неосознанного и сознательного, стихийного и организованного изменения чувств, привычного стиля мышления, знаний, традиционных взглядов, идей, целей, норм, оценок, идеалов, принципов, убеждений, нравственных отношений; изменения сознания как на социально-психологическом и идеологическом, так быденном и научном уровнях как индивидуального, так и общественного сознания, направленных на оптимизацию взаимодействия общества и природы и проявляющихся в условиях различных социально-экономических систем. В плане оптимизации взаимодействия общества и природы экологизация сознания есть также формирование опережающего отражения природной среды, общественного бытия.

Экологизация сознания в гносеологическом плане заключается в постепенном превращении экологического знания и экологических чувств в экологическую форму общественного сознания, а вслед за этим в постоянном воздействии экологического сознания на экономическую, политическую, правовую, нравственную и эстетическую формы общественного сознания, на общественное сознание в целом, включая процессы экологизации науки.

Экологизацией науки называется процесс усиления ориентации науки на решение проблем взаимодействия общества и природы. Исследуя этот процесс, академик И. П. Герасимов приходит к выводу о том, что рассмотрение современных взаимоотношений природы, человека и общества «приводит не только к констатации происходящего в наше время объективного процесса "экологизации" современных естественных и общественных наук, но позволяет определить и методологически обоснованные пути этого процесса»⁷⁸. Реальный механизм экологизации наук проявляется в формировании таких комплексных наук, как глобальная и социальная экология, экология человека, он тесно связан с процессами интеграции современной науки, с появлением специфического общенаучного подхода к изучению различных объектов

⁷⁸ Герасимов И. П. О проблемах экологизации современной науки // Социальные аспекты экологических проблем. М., 1982. Вып. 9. С. 102.

природы и общества. «Цель экологического подхода, — подчеркивает И. П. Герасимов, — выявление и исследование связей, существующих между изучаемым той или иной наукой объектом и окружающей его средой»⁷⁹.

Процесс экологизации науки есть отражение объективной потребности в решении проблем взаимоотношения общества и природы. Если та или иная наука до этого индифферентная к вопросам охраны природы перестраивает свой аппарат исследования, изменяет его для объяснения социоприродных процессов и выяснения закономерностей взаимодействия биосферы и цивилизации, решает вопросы оптимизации взаимодействия общества и природы, то правомерно говорить об экологизации этой науки. В эпоху научно-технической революции «нет такой отрасли науки, которая могла бы совершенно игнорировать в настоящее время задачи охраны и преобразования природы»⁸⁰.

Проявление экологизации той или иной науки, как это показано, например, в работе В. А. Лося⁸¹, может быть самым различным. Влияние математического знания на осмысление закономерностей взаимодействия общества и природы велико, оно связано с поисками размерности социальных и природных процессов, с прикладными выходами математики в социальную экологию, вместе с тем, экологический подход в математике рождает глобальное моделирование биосферных процессов⁸², требующее быстродействующих электронно-вычислительных машин и соответствующего математического и программного обеспечения.

Физика также не только помогает объяснить сложные нелинейные процессы в биосфере, но и реагирует появлением областей знания, связанных с физикой озонового слоя планеты, распределения водных и воздушных потоков, влияющих на климат, с исследованием самоорганизации сложнейших социоприродных систем. Важным стыком физики и экологии является

⁷⁹ Там же. С. 104.

⁸⁰ Укреплять взаимосвязь общественных, естественных и технических наук // Коммунист. 1977. № 1. С. 65.

⁸¹ См.: Лось В. А. Человек и природа: социально-философские аспекты экологической проблемы. М., 1978. Гл. III. § I.

⁸² См.: Крапивин В. Ф., Свирижев Ю. М., Тарко А. М. Математическое моделирование биосферных процессов. М., 1982.

изучение проблем использования ядерной энергии: основные потоки энергии на планете, ее общий тепловой баланс, воздействие радиации на экосистемы, на повышение уровня радиоактивного фона планеты. Глубоко проблема взаимодействия физики и экологии исследована И. Б. Новиком. Он показал, что «дополнение знаний о биосфере на базе физикализации означает известную переориентацию современной физики на экологическую проблему»⁸³ и сделал важный вывод о том, что «экстраполяция физики на области биологии и экологии будет осуществляться в той мере, в какой будет происходить биологизация и экологизация самой физики»⁸⁴.

В химии сформировалась наука биогеохимия, начало которой было положено трудами В. И. Вернадского, и которая в условиях современной экологической ситуации быстро развивается в трудах советских и зарубежных ученых. Экологизация химии проявила себя как следствие осознания того факта, что химические вещества, в огромном количестве производимые современной промышленностью, наносят существенный, иногда непоправимый вред природной среде. Перед обществом встала задача попытаться затормозить этот негативный процесс, глубоко и всесторонне изучив биогеохимические процессы и изменения, вносимые в них современной человеческой цивилизацией.

Экологический подход в биологии проявил себя гораздо раньше, чем во всех остальных науках. Первым шагом в «экологизации биологии» явилось выделение в ней особой науки, изучающей взаимодействие организма и среды, — экологии (1866). Ее появление неслучайно почти совпало по времени с великими открытиями Ч. Дарвина (1859). Существует целый комплекс экологических дисциплин в биологии — экология растений, экология животных, экология вирусов; широко разрабатываются проблемы адаптации различных организмов к среде. Современная биология уже немыслима без учета диалектики живого и неживого вещества, экологический подход органично пронизал биологию. «Экология, — замечает П. Л. Капица, — должна

⁸³ Новик И. Б. Диалектика экологических процессов // Современное естествознание и материалистическая диалектика. М., 1977. С. 399.

⁸⁴ Там же. С. 403.

стать сейчас одной из центральных биологических наук. Ее основная задача — не только изучение существующих сейчас в природе биологических равновесий, но, главное, исследование тех жизнеспособных равновесий, которые могут существовать при использовании природы в современных промышленных процессах, а также, конечно, изучение равновесных процессов, возникающих при широком употреблении в сельском хозяйстве различных химикалиев»⁸⁵.

Всесторонне разработаны вопросы экологизации географии. И. П. Герасимов считает, что «географическим наукам должна принадлежать лидирующая роль в фундаментальных экологических исследованиях окружающей среды, так как современная география более других наук подготовлена к экологическим исследованиям на междисциплинарной основе»⁸⁶. Прямо или косвенно вопросы экологизации географии затрагиваются многими исследователями⁸⁷. Одним из моментов экологизации географии явилось возникновение медицинской географии, которая наряду с некоторыми другими дисциплинами дала возможность на этой интегративной основе сформироваться экологии человека⁸⁸.

Экологизация геологии связана с рождением и развитием инженерной геологии. «Какая из геологических дисциплин должна взять на себя ответ за рациональное использование геологической среды, превратиться в науку о ноосфере? Больше всего к этому подготовлена инженерная геология», — считает академик Е. М. Сергеев⁸⁹.

Экологизация технологического знания проявляет себя в исследованиях по малоотходным производственным процессам, в

⁸⁵ Катица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1981. С. 426.

⁸⁶ Герасимов И. П. О проблемах экологизации современной науки // Социальные аспекты экологических проблем. М., 1982. Вып. 9. С. 105.

⁸⁷ См.: Шилин К. И. Экологизация географии // Общество и окружающая среда. М., 1976. С. 35—37; Максаковский В. П. Научные основы школьной географии. М., 1982.

⁸⁸ См. Райх Е. Л. Моделирование в медицинской географии. Новосибирск, 1984. Преображенский В. С. Теоретические основы рекреационной географии. М., 1975.

⁸⁹ См.: Сергеев Е. М. Рациональное использование геологической среды // Природа. 1977. № 1. С. 91.

разработке систем контроля и слежения за качеством окружающей среды, в создании новых способов очистки и нейтрализации вредных отходов, экологизации техники⁹⁰. Во всем этом прослеживается тенденция к ориентации техники на возможности природы, к созданию в рамках социальной экологии своеобразной техноэкологии — дисциплины, изучающей взаимодействие техносферы и природной среды.

Этот перечень можно было бы продолжить и далее, но и на приведенных примерах мы видим, что «экологическое знание интенсивно развивается, становится все более синтетичным, о чем свидетельствует появление таких его разделов, как экотематика, эхимия, экогеология, экибернетика, биоэкономика, радиационная и космическая экология»⁹¹.

Процессы экологизации охватили общественные и гуманитарные науки: усилились разработки экологических вопросов в рамках философии, научного коммунизма, политэкономии, истории КПСС. Воздействие экологии испытали педагогика и психология, история и археология, архитектура и градостроительство.

Наряду с экологизацией науки особое значение имеет процесс экологизации форм общественного сознания. Такой подход уже намечился в философской литературе. Р. У. Биджиева, А. М. Галеева, А. Г. Шевцов отмечали влияние экологического знания на формы общественного сознания. Так, А. Г. Шевцов утверждает, что «проблема взаимодействия общества и природы в настоящее время оказывает влияние буквально на все формы общественного сознания, специфически преломляясь в особенностях той или иной формы»⁹². Р. У. Биджиева, наоборот, считает, что

⁹⁰ См.: Комаров В. Д., Шаповалов Е. А. Развитие техники и ее экологизация в условиях строительства коммунизма // Социально-экологические проблемы и новая НТР. Л., 1981. С. 47—58; Баландин Р. К. Область деятельности человека: Техносфера. Минск, 1982; Мамедов Н. М. Техническое освоение природы // Философские проблемы глобальной экологии. М., 1983. С. 161—177; Манин Ю. М. НТР и экологизация производства. Минск, 1979.

⁹¹ Водопьянов П. А., Мартыненко Г. М. Экологический стиль мышления как форма обобщения современного научного знания // Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. М.; Обнинск, 1983. С. 106.

⁹² Шевцов А. Г. Экологическое сознание и его уровни. Свердловск, 1981. С. 8.

экологическое сознание охватывает не только экологическое знание, являющееся основой, ядром первого, но и элементы юридического, экономического и другого знания⁹³. Несмотря на прямую противоположность, обе эти точки зрения правомерны, так как подчеркивают взаимопроникновение, тесную диалектическую взаимосвязь экологического знания и различных форм общественного сознания. Однако было бы однобоко видеть только влияние экологического знания на формы общественного сознания.

На наш взгляд, важно отметить следующий момент: на формы общественного сознания оказывает влияние не только экологическое *знание*, но и чувства, обыденное сознание, идеология, т. е. экологическая форма общественного сознания в целом. Под экологизацией форм общественного сознания в этом случае понимается воздействие экологической формы общественного сознания на остальные его формы.

Большое влияние экосознание оказывает на экономическое сознание. Экологические проблемы промышленного и сельскохозяйственного производства, экономические проблемы охраны окружающей среды, оптимизации природопользования выдвигаются в ряд наиболее актуальных проблем экономики. При выполнении широкомасштабных Продовольственной и Энергетической программ, решении задач по улучшению земель «нельзя не сказать об экологических проблемах. Осуществляя широкую мелиорацию, мы так или иначе вторгаемся в природу»⁹⁴. Вместе с тем, все чаще речь идет об эколого-экономической эффективности природопользования, экологической рентабельности, рациональном природопользовании⁹⁵. В этом плане, экологизация экономического сознания является отражением экологизации производства, экологизации техники, экологизации технологических

⁹³ См.: Биджиева Р. У. Диалектика формирования экологического сознания в условиях развитого социализма: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1982. С. 99.

⁹⁴ Речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища К. У. Черненко на Пленуме ЦК КПСС // Правда. 1984. 24 октября.

⁹⁵ См.: Хачатуров Т. С. Охрана окружающей среды и ее социально-экономическая эффективность. М., 1980; Олдак П. Г. Современное производство и окружающая среда. Новосибирск, 1980; Туныца Ю. Ю. Эколого-экономическая эффективность природопользования. М., 1980; Олдак П. Г. Равновесное природопользование. Новосибирск, 1983.

процессов, т. е. всего того, что становится материальными элементами культуры, общественным бытием.

Перестройка экономики с экстенсивного пути решения на интенсивный, воспитание бережливости и умения рационально использовать сырье, материалы, энергию — это так или иначе есть выражение единства экономического и экологического подходов, взаимосвязи экологической и экономической форм общественного сознания, развитие которых определяется современными ресурсной, технологической, экологической ситуациями.

Усиленно идет процесс взаимовлияния политического и экологического сознания. Последнее в условиях острой идеологической борьбы не могло долго оставаться политически нейтральным, так как экологическая проблема неразрывно связана с проблемами войны и мира, социальными, политическими и экономическими преобразованиями. В свою очередь, политическое сознание постепенно интегрирует в себе экологические идеи и чувства. Экологические чувства и представления начинают играть большую роль в политических движениях (это проявляется в движении «зеленых» в ФРГ, природоохранных организациях в других странах). По мере развития экологического сознания экологические требования все более сливаются с политическими кампаниями в борьбе за мир, всеобщее разоружение и сотрудничество. Для социалистических стран не характерен антагонизм между политическим и экологическим сознанием, имеющий место при капитализме, однако в них проявляется противоречие между научной экологической политикой, направленной на решение экологических проблем, и существующими фактами бесхозяйственности, экологического расточительства, вызывающими у всего населения негативную реакцию на уровне эмоций и чувств. Социализм по своей природе имеет потенциальные возможности для решения наиболее острых экологических проблем, поэтому пренебрежение некоторых хозяйственников экологической политикой партии выглядит как политическая близорукость.

Для социалистических стран в сильной степени характерно и обратное явление — положительные, радостные чувства при решении тех или иных сложных эколого-экономических

проблем, от которых зависит качество жизни, здоровье и настроение людей. Важной основой экологических и политических чувств при социализме является оптимизм в представлениях о будущем, уверенность в завтрашнем дне, в возможности разрешить как социальные, экономические, политические, так и экологические проблемы.

Политическая сущность экологического сознания проявляется отчасти в развитии историко-футурологических и международных исследований — это идеологический уровень взаимосвязи экологического и политического сознания. Понимание того, что современный капитализм ведет к экологической катастрофе⁹⁶ — важный идеологический и политический аспект научного социалистического экологического сознания.

Правовая форма общественного сознания расширилась за счет целого круга природоохранных законодательных актов. Более сотни документов КПСС и Советского правительства, отражающих деятельность социалистического государства в области охраны природы и природоохранного просвещения⁹⁷, регулируют отношения общества и природы. С их помощью проводится в жизнь экологическая политика КПСС, направленная на реализацию преимуществ, заложенных в основе социалистического строя. Экологизация правового сознания, законодотворчество в области охраны природы требует высокой степени развития природоохранного и экологического сознания, без которого трудно определить степень опасности того или иного поступка, а также масштабы нанесенного природе ущерба. В условиях, когда еще не все руководители предприятий и отдельные гражд-

⁹⁶ См.: *Бартов В. Ф.* Современный капитализм и природа. М., 1976; *Маклярский Б. М.* Экологический бумеранг: Классовые аспекты охраны окружающей среды. М., 1980; *Жирицкий А. К.* Плата за безответственность: Экологический кризис в современном буржуазном обществе и идейно-политическая борьба. М., 1979; *Горизонтов Б. Б.* Капитализм и экологический кризис. М., 1982; *Лантев И. Д.* Экологические проблемы: социально-политический и идеологический аспекты. М., 1982; *Тощенко Ж. Т.* Идеология и жизнь: Социологический очерк. М., 1983.

⁹⁷ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977; Об охране окружающей среды: Сборник документов партии и правительства, 1917—1981 гг. М., 1981; Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы // Правда. 1984. 14 апреля.

дане осознали важное значение природоохранных мероприятий, необходимость разумного пользования природными богатствами, экологизация правового сознания путем административного и уголовного наказания за нарушение законов об охране животного и растительного мира, воздушного и водного бассейнов, почвы и земель⁹⁸ имеет важное значение. Вместе с этим экологизация правового сознания осуществляется в процессе пропаганды законов об охране природы, воспитания у населения средствами массовой информации экологически правильного поведения на природе, на производстве, в повседневной жизни. Усиление пропаганды природоохранного законодательства становится мощным рычагом оптимизации взаимодействия общества и природы на уровне крупных производственных коллективов и на уровне отдельных работников.

Влияние экологического сознания на правовое не ограничивается лишь экстенсивным расширением последнего. Процесс экологизации правового сознания связан также с влиянием экологических чувств на правовые, а также с изменением того положения, когда природа являлась лишь «объектом» права, сейчас она, в известной мере, выступает как «субъект» правоотношений, персонифицируется наряду с человеком.

Таковую же важную регулятивную функцию выполняет экологизация нравственного сознания. По мере развертывания научно-технической революции обостряется и общественная потребность в разработке той части этики, где обосновываются нравственные нормативы отношения общества и человека к природе, предполагающие ее охрану и защиту⁹⁹, поэтому «ответственное отношение к природе должно стать одной из важнейших ценностных ориентаций социалистического нравственного сознания, войти в содержание коммунистической морали»¹⁰⁰. «Экологизация» этики как научного ядра нравственного

⁹⁸ См.: Колбасов О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды. М., 1982; Гусев Р. К., Петров В. В. Правовая охрана природы в СССР. М., 1979.

⁹⁹ См.: Иванов В. Г., Кобляков В. П., Лапина Т. С. Научно-техническая революция и мораль // Научно-техническая революция, человек, его природная и социальная среда. Л., 1977. С. 196—197.

¹⁰⁰ Шкарбан Н. В. Экологические проблемы в системе содержания общего образования // Советская педагогика. 1981. № 7. С. 87.

сознания, проявляющаяся во включении природы, природной среды в систему нравственных ценностей, дополняется процессом экологизации нравственных чувств и обыденного нравственного сознания, которые формируются стихийно в результате производственной, общественной и бытовой деятельности при столкновении с положительными и отрицательными явлениями современной экологической ситуации.

Проблемы взаимосвязи экологии и этики в литературе разработаны наиболее подробно¹⁰¹. Это связано с тем, что отношение к природе опосредуется всем обществом в целом и каждым человеком в отдельности. Долгое время отношение к природе регулировалось именно нравственным сознанием, исторически оно было связано с народными традициями, обыденным сознанием, обожествлением сил природы и самой природы, поэтому неслучайно, что именно с этических концепций¹⁰² начался период, связанный с переориентацией человека в своем к ней отношении. «Этику, — писал О. Леопольд, — можно считать руководством в *экологических ситуациях* (курсив мой. — Г. С.), настолько новых, сложных и поздно обнаруженных, что разрешение их, наиболее выгодное для общества, не всегда понятно среднему индивиду. Индивид в подобных ситуациях руководствуется биологическими инстинктами. Возможно, что этика — это своего рода зарождающийся общественный инстинкт»¹⁰³. Формирование «общественного инстинкта» уважения к природе, нравственного отношения к природе, говоря более широко, экологизация нравственного сознания — важный фактор экологического воспитания и образования, без которого невозможно становление научного, гуманистического экологического сознания.

¹⁰¹ См.: Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М., 1982; Он же. Отношение к природе как нравственная проблема // Философские науки. 1975. № 5. С. 27—33; Александрова Р. И., Смольянов А. В. Экология и мораль. М., 1984.; Школенко Ю. А. Экологическая мораль природы // Наука и религия. 1979. № 12. С. 37—40.

¹⁰² Об «этике природы» О. Леопольда, учении А. Швейцера о благоговении перед жизнью, «космической этике» К. Э. Циолковского, этике любви к жизни, предложенной советским биологом Д. И. Филатовым, см.: Огурцов А. П. Экологическое сознание: его генезис и особенности // Экология и культура: методологические аспекты. Ставрополь, 1982. С. 36.

¹⁰³ Леопольд О. Календарь песчаного графства. М., 1983. С. 201.

Для эстетического сознания большую роль традиционно играет чувство природы, но в условиях современной экологической ситуации экологизация эстетического сознания приобретает особые черты¹⁰⁴. Так, эстетические чувства восприятия красоты внешнего мира дополняются экологическими чувствами, которые также могут иметь различную окраску. Отрицательные эколого-эстетические чувства возникают из непосредственного столкновения человека с неполноценной природной средой: загрязнением вод рек, озер, морей, атмосферного воздуха, сведением лесов, эстетической деградацией пейзажа и ландшафта. Природа, в том числе и в своей «очеловеченной» форме, являясь элементом индивидуального бытия человека, осознается одновременно и экологически и эстетически. Эстетические чувства в результате осознания экологической ситуации претерпевают известные изменения. Так, еще совсем недавно индустриальный пейзаж воспринимался радостно, имел только положительное эстетическое значение — дымящие трубы свидетельствовали о силе человека в покорении природы. С изменением экологической ситуации осознается вредное воздействие загрязнения среды на человека и меняется эстетическое восприятие: доминирование индустриального пейзажа теряет эстетическую привлекательность, но не потому, что он некрасив (сам по себе он красив, его мощь вызывает восхищение и захватывает дух), а потому, что он устранил природу, и тем самым привел его в несоответствие с нашими представлениями о красоте.

В некоторых исследованиях по вопросам нравственного и эстетического воспитания студентов и школьников отношение к природе сводится лишь к вопросу эстетического сознания¹⁰⁵.

¹⁰⁴ См.: Природа в эстетическом воспитании молодежи. Ярославль, 1972; Худушин Ф. С. Эстетическое отношение к природе. М., 1977; Он же. Слово о красоте земной. М., 1982; Апресян Г. З. Эстетические отношения к природе в социалистическом обществе. М., 1981; Смольянинов И. Ф. Сущность человека и гуманизм искусства. М., 1983. Гл. 3; Пospelов Г. Н. Искусство и эстетика. М., 1983. Гл. IV, § 2.

¹⁰⁵ См. например: Конференция по комплексному подходу к коммунистическому воспитанию студенческой молодежи // Вестник Московского университета. Серия «Философия». 1977. № 3. С. 73; Водзинский Д. И. Научные основы нравственного воспитания школьников. Минск, 1982. С. 121.

Однако, при всей его значимости эстетическое сознание не исчерпывает полноты процесса экологизации сознания, в котором необходим комплексный подход, планомерное и последовательное развитие всех уровней и форм общественного сознания.

Выше рассмотрены некоторые взаимосвязи экологической и других форм общественного сознания. Однако в действительности мы наблюдаем интегративность общественного сознания. Всестороннее взаимодействие различных форм общественного сознания связано с тем, что степень общественной значимости (опасности) того или иного поступка определяется не только экономической стоимостью, политическим смыслом, но его правовым, нравственным, экологическим и эстетическим содержанием. Приведенные выше примеры очерчивают лишь основные контуры всестороннего процесса экологизации общественного сознания, в результате которого экологическое сознание завоевывает позиции, соответствующие его значимости в условиях современной экологической ситуации.

Анализ проблем экологизации сознания — задача не только философии, с помощью которой можно раскрыть тенденцию, основное направление развития. Содержание экологизации той или иной науки, формы общественного сознания должны определить конкретные специалисты естественнонаучного и гуманитарного профиля в тесном сотрудничестве с философами. В настоящее же время существует недооценка проблем экологизации сознания представителями конкретных наук.

Особое значение имеет процесс экологизации философского сознания, который проявляется в осознании диалектического взаимодействия общества и природы, искусственного и естественного, социального и биологического, живого и неживого, объекта и субъекта. Законы диалектики философы применяют к области, которая ранее традиционно выходила за пределы конкретного философского осмысления — сфере взаимодействия общества и природы. Это не означает, что они обходили проблему «Человек — Природа». Уже античными философами проблема «Человек — Мир» была поставлена в центр внимания: древние греки видели единство мирового космоса и космоса человека, древние индусы обнаружили тесную связь живого и неживого. Однако эти представления носили во многом религиоз-

но-мифологический, а не научный характер. Начало собственно философскому осмыслению экологических проблем было положено в работах классиков марксизма, ими было создано учение о взаимодействии общества и природы, в основе которого лежит диалектико-материалистическое мировоззрение.

В наше время экологизация философского сознания вызвана острой необходимостью теоретического осмысления современной экологической ситуации и экологических проблем, которые становятся жизненно важными, до известной степени определяющими существование природы и самого человека, носят ярко выраженный идеологический, мировоззренческий характер. Их философское осмысление неразрывно связано с новым прочтением исконно философских вопросов о смысле жизни, о месте человека во Вселенной, о предназначении человека на Земле, о будущем человечества. Применение материалистической диалектики к анализу экологических проблем не только способствует их осознанию и решению, но и обогащает сам диалектический метод, с помощью которого изучаются сложнейшие социоприродные системы.

Такое глубокое проникновение наук биосферного, экологического цикла во все формы и уровни человеческого сознания объясняет имеющую место расширенную трактовку понятия «экологическое сознание». «Экологическое сознание, — пишут Н. Ф. Реймерс и А. В. Яблоков, — глубокое, доведенное до автоматизма понимание неразрывной связи человека и человечества с природой, зависимости благополучия людей от целостности и сравнительной неизменности природной среды обитания человека»¹⁰⁶. Это определение интересно тем, что оно носит характер мировоззренческой установки, что в нем акцент переносится со слова «экологическое» на слово «сознание», а последнее, в свою очередь, рассматривается как единое целое. Такое же «глобальное» значение имеет формулировка А. А. Брудного и Д. Н. Кавтарадзе: «экологическое сознание — компонент сознания как системы, непосредственно отражающей взаимную связь природных условий человеческой жизнедеятельности и

¹⁰⁶ Реймерс Н. Ф., Яблоков А. В. Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы. М., 1982. С. 112.

общественного бытия. Этот компонент имеет тенденцию к расширяющемуся охвату действительности (в силу чего экологическое сознание иногда именуют "расширенным сознанием")... Ядром экологического сознания является материалистическое мировоззрение, включающее учет сопряженных связей природы и общества»¹⁰⁷.

Таким образом, мы видим, как происходит постепенное расширение понятия «экологическое сознание», определяющееся углублением осознания взаимосвязи человека и природы, цивилизации и биосферы; развитием экологического знания, синтезом общественных, естественных и технических наук; экологизацией общественного сознания.

Вышеприведенные определения подводят к пониманию того, почему некоторые авторы говорят об экологическом сознании как типе, состоянии общественного сознания. Чаще всего под типом общественного сознания понимают целые эпохи духовной жизни общества, обусловленные господством определенного способа производства и отличающиеся характером осознания и изменения действительности в деятельности. Так, например, Л. Н. Москвичев фиксирует тип общественного сознания как определенный господствующий тип духовного производства, которым характеризуется каждая общественно-экономическая формация¹⁰⁸. Наряду с мифологическим, религиозно-теологическим, товарно-фетишистским сознанием (разновидностями отчужденного сознания) выделяется особый тип — коммунистическое сознание, связанный с функционированием коммунистической общественно-экономической формации. «Подобно тому, как коммунистическая формация проходит в своем развитии две фазы — социализм и собственно коммунизм, так и общественное сознание этой формации имеет две степени в своей эволюции — социалистическую и собственно коммунистическую. При социализме формируется новый социально-исторический тип общественного сознания. Поэтому, когда мы говорим, что социалистическое сознание — исторически новый тип сознания, то имеем в

¹⁰⁷ Брудный А. А., Кавтарадзе Д. Н. Экополис. Введение и проблемы. Экология малого города: Препринт. Пущино, 1981. С. 7.

¹⁰⁸ См.: Москвичев Л. Н. Социалистическое общественное сознание: методологические проблемы. М., 1982. С. 22—23.

виду, что это сознание есть ступень, этап в развитии общественного сознания коммунистической формации»¹⁰⁹. Таким образом, определение экологического сознания как типа общественного сознания (точка зрения А. П. Огурцова) требует более тщательно доказательства. На наш взгляд, более правильно было бы говорить об экологизации социалистического общественного сознания, которое в условиях развитого социалистического общества становится общенародным.

Возможность широкого толкования экологического сознания связана с его мировоззренческой природой, которая определяется тем, что предметом мировоззрения выступает отношение «Человек — Окружающий его мир», т.е. отношение человека к его социальной и природной среде¹¹⁰. Мировоззренческая природа экологического сознания приводит к тому, что некоторые авторы говорят о существовании «экологического мировоззрения»¹¹¹, которое, как нам кажется, можно выделить лишь условно, так как это понятие — лишь часть коммунистического, диалектико-материалистического мировоззрения. В этой связи Г. Н. Волков отметил, что существуют «потребности отнюдь не в некоем "экологическом мировоззрении", о чем так много пишется на Западе, а в "мировоззрении диалектико-материалистического монизма, преодолевшего дуализм природного и социального"»¹¹². На наш взгляд, более верно делают авторы, которые рассматривают процесс *экологизации мировоззрения*¹¹³.

Экологизация мировоззрения связана с тем, что уже в течение довольно продолжительного времени идет процесс экологиза-

¹⁰⁹ Москвичев Л. Н. Социалистическое общественное сознание: методологические проблемы. М., 1982. С. 26.

¹¹⁰ См.: Шишина Л. Ю. Мировоззренческая природа экологического сознания // Человек как философская проблема и мировоззрение. Владимир, 1982. С. 39.

¹¹¹ Конференция в Париже в сентябре 1968 г. сделала вывод о необходимости выработки экологического мировоззрения. См. также: Джакомини В. Экология и общество. Социальные тенденции и экологическая целостность мира // Социальные аспекты экологических проблем. М., 1982. С. 136.

¹¹² Волков Г. Н. Общество и окружающая среда: проблемы взаимодействия // НТР как социальный процесс. М., 1982. С. 129.

¹¹³ См.: Лайдо П. Экологизация мировоззрения и проблема детерминации философского сознания // Стимулы рационального природопользования в условиях развитого социализма. Таллинн, 1979. С. 135—137.

ции общей научной картины мира. В. И. Вернадский дал блестящий образец анализа смены научных картин мира, он увидел, что научная мысль вносит поправки в ньютоновскую, чуждую человеческой жизни, научную картину Космоса, что ее преодоление связано с преодолением пропасти между живым и неживым веществом, с внесением явлений жизни в научную картину мира. Характерно, что В. И. Вернадский внес в научную картину мира не только явление жизни, создав учение о биосфере, но и специфическое проявление жизни — разум, научную мысль, которая занимает первейшее место в концепции ноосферы.

Гениальные идеи В. И. Вернадского о необходимости внесения в научную картину мира явлений жизни и разума нашли в наше время детальное развитие. Советские ученые сделали важнейший диалектико-материалистический вывод о том, что «единство естественнонаучной картины мира должно состоять, прежде всего, в том, что она призвана дать общее представление о природе, о взаимосвязи форм движения материи, об общих принципах развития нашей Вселенной, начиная от ее сверхплотного сингулярного состояния и вплоть до формирования жизни и разума как космического фактора»¹¹⁴. В. И. Вернадский подчеркивал, что научная мысль в полном ее объеме пока в состоянии охватить лишь планетный уровень¹¹⁵, а это обозначает, что экологизация сознания на современном уровне — это осознание социоприродной реальности в рамках планетарного пространства.

Особую значимость приобретает процесс экологизации сознания в контексте представлений о ноосфере. Человек в ноосфере — сфере труда и разума цивилизованного человечества — выступает как своеобразная «клеточка». Формирование ноосферы во многом будет зависеть от того, насколько глубоко экологизация войдет в общественное и индивидуальное сознание, на-

¹¹⁴ Мостепаненко А. М. *Философия и естественнонаучная картина мира* // *Философия и развитие естественнонаучной картины мира*. Л., 1981. С. 16. См. также Малиновская К. В. *О специфике экологической картины мира* // *Научная картина мира как компонент современного мировоззрения*. С. 107—108; Круть И. В. *Геономическая картина мира (Статус и содержание)* // *Научная картина мира как компонент современного мировоззрения*. С. 110—111.

¹¹⁵ Вернадский В. И. *Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление*. М., 1977. С. 110.

сколько полно будут раскрыты закономерности взаимодействия общества и природы, как всесторонне они будут реализовываться в общественной практике. В. И. Вернадский писал, что «...понятие ноосферы, которое вытекает из биогеохимических представлений, находится в полном созвучии с основной идеей, пронизывающей "научный социализм"»¹¹⁶. Советские ученые доказали справедливость этого положения В. И. Вернадского — понятия «коммунизм» и «ноосфера» неразрывны, они стоят в одном ряду, раскрывая различные стороны естественноисторического процесса.

В условиях современной экологической ситуации экологическое сознание быстро входит в социалистическое общественное сознание, становится его существенным компонентом. Процесс экологизации общественного сознания ведет к экологизации коммунистического сознания и мировоззрения, расширяет их от понимания социальных и природных до осознания экологических закономерностей. Все это позволяет сделать вывод о том, что коммунистическое мировоззрение является в то же время и экологическим. К. Маркс говорил, что «коммунизм как положительное упразднение частной собственности <...> и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека <...> есть подлинное разрешение противоречия между человеком и природой»¹¹⁷. Сама постановка вопроса предполагает анализ коммунистического сознания как экологического сознания, которым оно не может не быть, и в этом случае экологическое сознание выступает как непосредственная духовная предпосылка построения коммунистического общества.

Исследование процессов экологизации человеческого сознания еще только начинается, но острота современной экологической ситуации в мире все более настоятельно требует всестороннего изучения изменений, происходящих в сознании человечества, формирования духовных предпосылок становления коммунистической цивилизации и ноосферы.

¹¹⁶ Там же. С. 67.

¹¹⁷ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 588.

Диалектика экологизации индивидуального и общественного сознания

Развитие сознания людей, выработка правильного диалектико-материалистического мировоззрения — одна из важнейших задач коммунистического строительства. Этому вопросу уделялось и уделяется много внимания. «Мы ясно видим, — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — какой серьезный ущерб приносят изъяны в этой [идеологической — Г. С.] работе, недостаточная зрелость сознания людей, когда она имеет место»¹¹⁸. В полной мере это относится и к развитию экологического сознания. Сознание человека должно подняться на еще большую высоту, чтобы понять, что перенос на природу обыденных человеческих представлений не раскрывает экологических основ жизни, которые «обладают необычными и непривычными для обыденного сознания свойствами»¹¹⁹.

Формирование экологического сознания будет способствовать решению экологических проблем, реализации преимуществ социализма в деле охраны и преобразования природы. Признано, что «решение такой глобальной проблемы как предотвращение экологического кризиса, возможно только в результате целенаправленной сознательной разумной деятельности людей, опирающихся на науку и технику»¹²⁰, что «настало время коренного изменения образа мышления и отношения человека к природе», экологизация его, что «человек должен научиться сознательно применять в широких масштабах принципы экологической саморегуляции, осуществлявшейся в природе бессознательно, автоматически и предвидеть непосредственные, но и отдаленные последствия своего вмешательства в природу»¹²¹.

Проблема взаимодействия индивидуального и общественного сознания в деле охраны природы уже затронута в философе-

¹¹⁸ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14—15 июня 1983 г. М., 1983. С. 5.

¹¹⁹ Тугаринов В. П. Философия сознания. М., 1978. С. 9.

¹²⁰ Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Сознание и диалектика процесса познания. Иваново, 1979. С. 15.

¹²¹ Там же. С. 13.

ской литературе. Так, например, Р. У. Биджиева, исследуя диалектику становления экологического сознания в условиях развитого социализма, подчеркивает, что «...формирования нового отношения к природе невозможно добиться без изменения общественного и индивидуального сознания»¹²². А. А. Брудный и Д. Н. Кавтарадзе отмечают малую разработанность проблемы влияния экологического сознания на общественное и индивидуальное сознание и говорят о необходимости ее дальнейшего изучения¹²³.

Изменение общественного бытия определяет экологизацию общественного сознания, но проявляется этот процесс только через экологизацию сознания отдельных людей, причем именно всех людей планеты. Как отмечал Ф. Энгельс, сознание, мышление «...существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей»¹²⁴. В. И. Ленин подчеркивал, что процесс отражения начинается именно с индивидуального сознания. Анализируя состояние естествознания в начале нашего века, он прозорливо заметил: «Мысль включить жизнь в логику понятна и гениальна — с точки зрения процесса отражения в сознании (сначала индивидуальном) человека объективного мира и проверки этого сознания (отражения) практикой»¹²⁵.

В этом контексте возникает проблема диалектики экологизации индивидуального и общественного сознания. Общественное сознание выступает не только как интегративное единство индивидуальных сознаний, оно представляет собой цельную систему, строящуюся по своим собственным законам, будучи в целом определяемым общественным бытием. В свою очередь, индивидуальное сознание в состоянии охватить общественное сознание лишь в главном — в его мировоззренческом содержа-

¹²² Биджиева Р. У. Экологическое воспитание и проблемы научного мировоззрения // Социально-философские проблемы формирования коммунистического мировоззрения. М., 1981. С. 93.

¹²³ См.: Брудный А. А., Кавтарадзе Д. Н. Экополис. Введение и проблемы. Экология малого города: Препринт. Пущино, 1981. С. 7.

¹²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 87.

¹²⁵ Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. М., 1973. С. 184.

нии, а «основное содержание индивидуального сознания есть содержание определенного комплекса явлений общественного сознания»¹²⁶. Выделим в этой связи важную мысль А. К. Уледова о том, что «довольно интенсивный анализ общественного сознания, его структуры, закономерностей развития, роли в жизни людей показал, что как бы расширительно ни толковали это понятие, оно не охватывает всю духовную реальность, скажем, индивидуальное сознание»¹²⁷. «Индивидуальное сознание характеризуется множеством психических состояний и свойств, которые нельзя приписывать общественному сознанию»¹²⁸.

В философской литературе имеются упоминания об индивидуальном экологическом сознании, однако исследование проблем формирования индивидуального экологического сознания — экологизации индивидуального сознания — заметно отстает от уровня философского осмысления экологизации общественного сознания. В некоторых случаях экологизация индивидуального и общественного сознания отождествляется. Так, А. К. Жирицкий рассматривает экологизацию общественного сознания «через осознание человеком своего места в системе общества и природы»¹²⁹, т. е. фактически через экологизацию индивидуального сознания. Процессы экологизации общественного и индивидуального сознания тесно взаимосвязаны, дополняют друг друга, но тем не менее не тождественны.

Изучение проблем становления экологического сознания связано с тем, что в современных условиях особую остроту приобретает осознание каждым человеком особенностей взаимодействия общества и природы. Все более важной задачей становится формирование экологического сознания у каждого члена социалистического общества. Таким образом, анализ диалектики экологизации индивидуального и общественного сознания имеет прямой выход в практику экологического образования и воспитания, а, следовательно, и коммунистического воспитания. «Защита (активная охрана) природы, — замечает А. А. Шпунт, — дело глубоко личное, а не только государствен-

¹²⁶ Дубровский Д. И. Проблема идеального. М., 1983. С. 158.

¹²⁷ Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980. С. 9.

¹²⁸ Дубровский Д. И. Проблема идеального. М., 1983. С. 158.

¹²⁹ Жирицкий А. К. Плата за безответственность. М., 1979. С. 45.

ное и международное. Это нравственная задача для каждого <...> необходимо, чтобы достаточно большое количество людей само хотело и умело сохранять природу. Тогда появится творчество масс, и экологическая суперпроблема будет решена. Помочь каждому человеку усовершенствовать весь строй своих мыслей, желаний, поступков по отношению к природе и людям — великая задача природоохранного просвещения»¹³⁰.

В условиях научно-технической революции, современной экологической ситуации индивидуальное сознание приобретает целый ряд новых черт, которые раскрывают роль и значение экологического индивидуального сознания. Во-первых, «информационный взрыв» способствует акселерации индивидуального сознания, его быстрому развитию: происходит не только формирование конкретного специалиста в той или иной отрасли науки и техники, гуманитарного или естественнонаучного знания, но и человека всесторонне образованного, осуществляющего синтез самых разнородных знаний. Во-вторых, из индивидуального сознания постепенно вытесняются ненаучные идеи, религиозные представления; на базе передовой методологии, науки и практики идет процесс сциентизации (онаучивания) индивидуального сознания, формируется научное мировоззрение. В-третьих, растет творческий элемент индивидуального сознания, усиливается воздействие на социальную и природную среду отдельного человека, вооруженного силой научного знания и современной высокопроизводительной техникой. В-четвертых, все эти процессы охватывают сознание не отдельных людей, а миллионов и миллиардов, увеличивая тем самым силу и значение субъективного фактора.

Значение экологизированного индивидуального сознания возрастает еще и потому, что поступок человека по отношению к природе чаще всего остается анонимным, контролировать его — дело трудное, а в некоторых случаях, в силу обширных просторов нашей страны, просто невозможное. Воспитать в каждом человеке сознание того, что охранять природу надо не за

¹³⁰ Шпунт А. А. Созобиоохронные спирали: общие основы, практика и мониторинг // Проблемы природоохранного просвещения. Новосибирск, 1980. С. 53—54.

страх, а за совесть — первостепенная задача формирования индивидуального экологического сознания.

Экологизация индивидуального сознания как процесс становления индивидуального экологического сознания есть изменение чувств, знаний, отношений, целей человека как следствие осознания им взаимодействия общества и природы. В результате экологизации сознания человека происходит экологизация его потребностей, «качеств», мотивов и самого поведения.

Важной проблемой является выявление основных источников экологизации индивидуального сознания и ее многоступенчатая опосредованность. «Объективные условия развития и формирования индивидуального сознания нельзя сводить только к общественному сознанию, не учитывая индивидуальных, конкретных условий жизни каждого человека, в которых он живет и работает. При определяющей роли общественного бытия и общественного сознания, на формирование индивидуального сознания оказывают большое влияние условия микросреды, семейное воспитание...»¹³¹. В этой связи необходим анализ экологизации индивидуального сознания с точки зрения общественного бытия, общественного сознания и индивидуального бытия человека, одной из сторон которого является локальная экологическая ситуация, индивидуальная экологическая среда. Изменение отношения личности к своему индивидуальному бытию (в его социальном и социо-природном аспектах) позволяет проследить активную творчески-преобразующую роль человека и место его деятельности в преодолении экологических проблем разных уровней. Экологическое отношение человека к своему индивидуальному бытию, стремление оптимизировать свои потребности, экологически оценить мотивы своих поступков и поведение позволяют адаптироваться человеку к условиям внешней среды и одновременно адаптировать ее к себе. Глубоко и поэтически эту мысль выразил А. П. Чехов: «Если бы каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша»¹³².

¹³¹ Антонов Н. П. Коммунистическое сознание и его формирование // Проблемы формирования коммунистического сознания. Иваново, 1969. С. 6.

¹³² Цит. по: Чуковский К. О Чехове. М., 1971. С. 24.

Процесс экологизации индивидуального сознания связан с осознанием как позитивных, так и негативных моментов экологической ситуации. Д. Л. Арманд отмечал, что «правильное отношение к природе не может возникнуть само собой, его надо воспитывать в людях с детства, давая определенные знания; с одной стороны, надо разъяснять к чему приводит халатное, безответственное отношение к природе, с другой, какими средствами надо исправить нанесенный вред и ввести правильное природопользование»¹³³.

Эмпирически-практический уровень индивидуального экологического сознания (и в первую очередь его природоведческая и природоохранная сторона) формируется в процессе приобретения конкретных знаний и умений, т.е. путем восхождения от конкретного к абстрактному. Теоретический, системный уровень строится в результате восхождения от абстрактного к конкретному. Огромное значение этого последнего момента заключается в том, что он позволяет хорошо развитому экологическому сознанию находить верную линию поведения в ситуациях, отличных от обычных. Например, знание как посадить дерево ограничивается, в основном, практическим уровнем, учет того, какой сорт дерева выбрать (тополя нельзя сажать вблизи промышленных предприятий, хвойные деревья не выдерживают сильной загазованности), как расположить посадки в соответствии с застройкой, сколько гектаров леса необходимо для того или иного района города — требует теоретического мышления и учета самых различных факторов и показателей. Уже решение этой не столь сложной в экологическом плане проблемы предусматривает восхождение от абстрактного (степень антропогенного прессинга, качество природной среды) к конкретному (умение реализовать возможности оптимизации взаимодействия человека и природы в конкретных практических действиях).

Многоаспектность решения экологических проблем определяет особенности формирования индивидуального экологического сознания. Первая особенность экологизации индивидуального сознания связана с тем, что градостроитель, архитектор, озеленитель, равно как и врач, учитель, инженер, колхозник, руководитель предприятия, партийный работник имеют свой

¹³³ Арманд Д. Л. Географическая среда и рациональное использование природных ресурсов. М., 1983. С. 183.

уклон экологизации сознания. Учет профессии в этом случае имеет первостепенное значение, так как экологическое сознание направлено прежде всего на реализацию в деятельности человека. Вторая особенность проявляется в том, что формирование индивидуального экологического сознания зависит от конкретной местной экологической ситуации, экологической среды, в которой находится человек, — так возникает территориальный аспект экологизации индивидуального сознания. Экологическая ситуация в городе воздействует на всех его жителей в равной степени, но каждый человек акцентирует свое внимание на тот или иной факт в соответствии со своей профессиональной подготовкой.

Советские и зарубежные исследования по вопросам индивидуального сознания¹³⁴ позволяют глубже понять структуру и содержание процесса экологизации индивидуального сознания. Анализируя структуру индивидуального сознания, С. А. Шишкин пишет: «гносеологическом аспекте индивидуальное сознание как отображение индивидуального бытия является синтезом отображений внешнего объективного фактора, внутреннего объективного состояния и объективного отношения между ними. Каждое из отображений имеет в индивидуальном сознании свою специфическую форму существования, выступающую или в форме переживания, или в форме знания, или в форме субъективного отношения»¹³⁵. В этой связи содержанием процесса экологизации индивидуального сознания является экологизация переживаний, знаний и субъективного отношения. «Переживание, — отмечает С. А. Шишкин, — выступает как психический коррелят динамики потребностей»¹³⁶, поэтому формирование потребностей, соответствующих современному уровню взаимодействия общества и природы, тесно связано с экологизацией переживаний, эмоций, чувств. Эмоциональная сфера — сфера непосредственного отклика человека на явления окружающей среды, — связана с инстинктивными, подсознательными представлениями о качестве окружающей среды. Сфера чувств —

¹³⁴ См. Гырдев Д. Актуальные проблемы общественного сознания. М., 1982; Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М., 1980.

¹³⁵ Шишкин С. А. Структура индивидуального сознания // Сознание и диалектика процесса познания. Иваново, 1979. С. 78.

¹³⁶ См.: Там же.

это следующая ступень осознания своих непосредственных реакций, включающая в себя любовь к природе, негодование за ее порчу, «человеческое» отношение к ней. Культура экологических чувств, которые должны закладываться в раннем возрасте, — это нравственная база, на которой впоследствии вырастает научное и гуманное экологическое сознание; ее формирование не останавливается лишь на эстетической стороне, а требует всестороннего изменения отношения к природе, ее «одушевления», т. е. отношение к ней как к субъекту.

Экологизация знания в рамках индивидуального сознания происходит, с одной стороны, как экологизация обыденного, а с другой, как экологизация научного сознания. Эта сфера в наибольшей мере формируется под воздействием общественного сознания, науки. Экологизация на уровне обыденного сознания происходит в повседневной жизни, в быту, в труде: массовое озеленение улиц и дворов, бережное отношение ко всякой растительности в городе, пригородной зоне, в лесу, помощь птицам и защита животных, освоение приусадебных участков и коллективных садов — все это и многое другое способствует экологизации чувств и обыденного сознания огромного числа горожан, для которых все более ощутимым становится разрыв с природой, дисгармония, намечающаяся между человеком и природной средой. Процесс экологизации индивидуального научного сознания связан с пониманием экологических проблем и путей их решения. Он распадается на следующие моменты: 1) осознание изменившейся экологической ситуации, 2) выяснение причин негативных ее последствий, 3) постановка экологической проблемы, 4) поиск путей ее решения.

Третьей структурной единицей индивидуального сознания является субъективное отношение. Экологизация субъективного отношения связана с изменением ценностных ориентаций, интересов, убеждений личности, и проявляется, в конечном итоге, в появлении новых качеств человека, его отношении к природе. «Отдельный человек, — писал К. Маркс, — не может воздействовать на природу, не приводя в движение своих собственных мускулов под контролем своего собственного мозга. Как в самой природе

голова и руки принадлежат одному и тому же организму, так и в процессе труда соединяется умственный и физический труд»¹³⁷.

Важной проблемой экологизации индивидуального сознания является выяснение ее роли в процессе оптимизации взаимодействия человека и природы. В западной литературе часто преувеличивается роль индивидуального сознания в охране природы. «Только голос простых граждан, — пишет О. Дуглас, — звучащий со спокойной уверенностью, способен исправить положение дел... Простые люди гораздо лучше, чем эксперты, знают, сброс каких веществ может быть разрешен к западу от Миссисипи и на каких горных склонах должна быть навсегда запрещена вырубка леса»¹³⁸. В таком же плане высказывается Р. Парсон: «Защитник природы <...> играет решающую роль в определении того, насколько разумно мы будем вести наше природное хозяйство»¹³⁹. На наш взгляд, эта гипертрофия роли индивидуального сознания, упование на роль отдельной личности в решении экологических проблем, объясняется тем, что в условиях капиталистической действительности существует действительное противоречие между инициативой отдельных людей, стремящихся сохранить природу, и политикой капиталистического природопользования. Однако было бы неверно бросаться в другую крайность и не видеть действительного значения индивидуального экологического сознания в деле охраны природы, оптимизации взаимодействия общества и природы, сохранения своего здоровья и долголетия, зависящего от условий природной среды. «Попытки отдельных людей охранять природные ресурсы могут показаться несостоятельными в сравнении с теми громадными проблемами, которые изложены во Всемирной стратегии охраны природы. Более того, во многих случаях усилия отдельных лиц в этой области могут быть сопряжены с неоправданными для них трудностями. И все же именно эти усилия наиболее эффективны, потому, что вкуче они приведут к реальному, прочному успеху в этом благородном и нужном деле»¹⁴⁰.

¹³⁷ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 516.

¹³⁸ Дуглас О. У. Трехсотлетняя война: Хроника экологического бедствия. М., 1975. С. 219.

¹³⁹ Парсон Р. Природа предъявляет счет. М., 1969. С. 12.

¹⁴⁰ Аллен Р. Как спасти Землю. М., 1983. С. 162.

Выделим некоторые основные экологические проблемы, с которыми индивидуальному экологическому сознанию человека постоянно приходится сталкиваться на производстве, на отдыхе, в быту.

Во-первых, это проблемы, связанные с поддержанием функционирования окружающих человека экосистем в доме, во дворе, на территориях, где человек работает, отдыхает, занимается спортом, где он проводит значительную часть своего времени. Контроль за процессами, происходящими в живой природе требует хорошо развитого природоохранного сознания как существенной части экологического сознания.

Во-вторых, это проблемы контроля за воздействием технических систем на природу. Человек должен научиться оценивать степень возможного воздействия на природу и находить экологически оправданные его формы. Известно, например, что в средней полосе машина, нарушившая травяной покров, оставляет след на несколько лет, в тундре — на 10 и более лет.

В-третьих, важной группой проблем является рачительное использование энергии, сырья, продуктов, материалов. Трудность решения этих проблем в том, что изменение сознания невозможно без чрезвычайно сложной организационной и технической перестройки всей экономики, внедрения новых малоотходных производств. В настоящее время освоен сбор пищевых отходов, макулатуры, металлолома, лезвий от бритв, консервных банок, изделий из пластмасс, разного рода упаковочного материала и т. д. Однако это только начало. Возьмем простой пример — использование косточек от фруктов как сырья в промышленности. Сбор их возможен и необходим, а практически нигде не реализуется¹⁴¹. Экологический смысл этих проблем связан с ограниченностью природных ресурсов и возрастанием загрязнения окружающей среды бытовыми и промышленными отходами. Даже в нашей стране, столь богатой полезными ископаемыми, эта тенденция все сильнее проявляет себя и перестраивает сознание людей с «расточительных» установок на бережливые, рациональные.

¹⁴¹ См.: Правда. 1984. 26 января.

В-четвертых, имеется группа проблем загрязнения окружающей среды отходами производства, различными химикатами. Этот профессиональный аспект экологизации сознания, имеющий отношение к знанию технологии, путей и средств очистки сточных вод, воздуха, контроля за предельно допустимыми концентрациями вредных веществ, касается каждого человека. Человек, обладающий экологическим сознанием, фактически является первичным контролером на своем рабочем месте, дома. Речь идет не просто о том, чтобы дать каждому человеку знания об использовании химических веществ, в широком ассортименте производимых нашей промышленностью, но воспитать в человеке потребность делать именно так, как это полезно для природы, а в конечном счете — для самого человека.

В-пятых, экологическое сознание каждого человека вынуждено решать проблемы влияния экологической среды на человека, его здоровье, самочувствие, работоспособность. Осознание включенности человека в биосферу невозможно без понимания им состояния непосредственной окружающей его среды, поэтому особое место экологическое индивидуальное сознание занимает в оценке качества среды, в умении устранять вредные воздействия (шумовые, атмосферные и прочие). Еще многие люди не осознают экологическую неполноценность окружающих их условий, не проводят причинно-следственных связей между своим самочувствием и качеством среды. Между тем проблемы экологии человека, связанные с его здоровьем, самочувствием, производительностью физического и эффективностью умственного труда, творческой активности личности и активного долголетия можно решать, исходя из развития индивидуального экологического сознания. Важность их покажем на следующих примерах. В последнее время широко распространилось увлечение бегом и велоспортом. Физкультурники часто используют для своих занятий городские магистрали, междугородные шоссе с оживленным движением. Между тем, содержащийся в выхлопных газах автомобилей бензопирен является канцерогеном и усваивается в активно работающем организме гораздо быстрее и в больших количествах, чем в нормальном его состоянии. По той же причине опасно использовать лекарственные растения, скармливать скоту травы, растущие вдоль дорог, опасно употреблять в

пищу рыбу, выловленную в очень загрязненных реках. Во всех этих случаях проявляется следующая экологическая закономерность: каждое последующее звено трофической пирамиды (растение — животное — человек) содержит вредные вещества в увеличивающихся пропорциях.

Формирование индивидуального экологического сознания у каждого человека — важная социальная задача, требование времени. Однако ее решение сейчас находится в начальной стадии. Практика дает много примеров, когда общественный экологический интерес расходится с поступками отдельных граждан. Можно выделить три основные причины экологически необоснованного поведения людей: экологическая неграмотность (неумение предвидеть последствия своих поступков для природы); незнание природоохранного законодательства; сознательное пренебрежение экологическими закономерностями и правовыми нормами (превалирование экономического интереса, браконьерство, экоцид).

Устранение причин экологически неразумных поступков возможна лишь в том случае, если параллельно целенаправленному экологическому воспитанию и образованию будет происходить перестройка экономики в соответствии с требованиями экологии, экологизации общественного бытия, материальной жизни общества. Эффективность индивидуального экосознания зависит также и от того, насколько полно оно впишется в структуру индивидуального сознания и будет тесно связано с мировоззренческими установками и убеждениями человека.

Экологическое сознание и система современного экологического образования

Отражение современной экологической ситуации в общественном и индивидуальном сознании носит сложный и противоречивый характер. Это связано с тем, что процесс экологизации сознания идет чрезвычайно быстрыми темпами и за последние 30—40 лет проделал путь от спорадического проявления в индивидуальном сознании выдающихся ученых (В. И. Вернадский, Н. Г. Холодный и другие) до становления экологической формы сознания и экологизации общественного сознания в целом. Эта

диалектика экологизации индивидуального и общественного сознания определяется теми революционными изменениями общественного бытия, которые сопровождают научно-техническую революцию и обострение современной экологической ситуации.

В советской философской литературе большое внимание уделяется вопросам соотношения и взаимодействия общественного и индивидуального сознания. Существенный вклад в разработку этих проблем внесли В. С. Барулин, Д. И. Дубровский, Ю. М. Серов, А. Г. Спиркин, В. П. Тугаринов, А. К. Уледов, Б. А. Чагин и др. Их работы помогают глубже понять диалектику экологизации индивидуального и общественного сознания.

Общественное и индивидуальное сознание существуют в единстве, которое состоит, прежде всего, в том, что они имеют один источник — общественное бытие людей, определяющее в конечном итоге как общественное, так и индивидуальное сознание»¹⁴². Общественное сознание не существует вне и помимо индивидуального, экологизация индивидуального сознания способствует развитию экологизации общественного, и наоборот. В то же время «отношение индивидуального и общественного сознания друг к другу носит избирательный характер»¹⁴³, что и определяет «неравномерность» их развития. В ряде случаев индивидуальное сознание обгоняет общественное сознание, вместе с тем индивидуальное сознание значительного количества людей заметно отстает от уровня развития общественного сознания.

Наиболее ярким свидетельством того, что экологизация индивидуального сознания может далеко обогнать общественное сознание, служит творчество и образ мысли В. И. Вернадского. Общепризнано, что анализ проблем перехода биосферы в ноосферу на полвека обогнал реальный ход событий и, соответственно, общественное сознание. Еще в 1940-е годы изучение проблем становления ноосферы считалось не более, чем чудачеством старого академика, теперь на этих идеях строится научное управление охраной природы, рациональным природопользованием, перестройкой биосферы. Идеи В. И. Вернадского золотым фондом вошли в формирующееся экологическое сознание.

¹⁴² См.: Серов Ю. М. Общественное и индивидуальное сознание. М., 1964. С. 6.

¹⁴³ Там же. С. 16.

Практика решения экологических проблем дает нам массу примеров того, что многие природоохранные мероприятия начинались именно с личности, сознания человека. Это — спасение В. И. Лениным кремлевских деревьев в 1918 году от вырубки и ленинские декреты об охране природы, борьба М. М. Пришвина в 1930-е годы за сохранение реликтового растения клядофоры¹⁴⁴, сохранение кедровников (в романе Г. Маркова «Соль земли»), защита озера Байкал (в фильме «У озера»), возрождение популяции зубров в Беловежской Пуще. За всеми этими фактами стояли конкретные люди, которые своими делами формировали современное экологическое сознание. Эти примеры показывают, какую прогрессивную, эвристическую, творчески-активную роль играет индивидуальное сознание в его влиянии на общественное.

В современных условиях большую роль играет групповое экологическое сознание, под которым понимается выработанный коллективом ученых, производственников, тружеников сельского хозяйства взгляд на содержание тех или иных экологических проблем и пути их разрешения. Коллективы ученых Москвы, Ленинграда, Томска, Киева, Минска, Казани, Запорожья и других городов вносят огромный вклад в решение проблем экологического воспитания и образования, в разработку теоретических и практических вопросов охраны природы, философских и естественнонаучных аспектов взаимодействия общества и природы, конкретных способов защиты и восстановления окружающей среды. Групповое экологическое сознание, которое имеет в каждой области свою специфику, зависящую от получивших наибольшую остроту экологических проблем региона, области, выступает важным звеном в процессе экологизации индивидуального и общественного сознания.

Противоположная ситуация проявляется в том случае, когда индивидуальное и групповое сознание в понимании взаимодействия общества и природы настолько отстает, что начинает противопоставлять себя общественному сознанию. Такое отста-

¹⁴⁴ См.: Пришвин М. М. Дубровский (Исследование краеведа) // Советское краеведение. 1935. № 12. С. 47—49.

вание проявляется в экологической безграмотности или даже в экологическом преступлении.

В современных условиях на более высоком витке спирали экологизации сознания важное место занимает следующая закономерность: «индивидуальное сознание возникает на базе общественного сознания, в главном и решающем определяется им»¹⁴⁵, поэтому формирование индивидуального экологического сознания у каждого человека во многом зависит от степени экологизации общественного сознания, от эффективности образования в области окружающей среды и охвата им каждого, всего населения.

Важнейшим механизмом экологизации индивидуального и общественного сознания является экологическое воспитание и образование, которое приобретает новое звучание в контексте исследования экологизации сознания. Во-первых, экологическое образование и воспитание выступает в качестве сознательного, целенаправленного пути в процессе экологизации сознания; во-вторых, процесс экологизации сознания способствует более системному рассмотрению экологического образования, подходу к теории образования в области окружающей среды, т. е. выработке важнейших принципов, а также философских (методологических), естественнонаучных и методических его основ.

Необходимость создания теории образования в области окружающей среды отражена в материалах первой Межправительственной конференции (Тбилиси, 1977)¹⁴⁶. В этой связи И. П. Лаптев отмечает, что «пропаганда диалектико-материалистической трактовки проблемы взаимодействия общества и природы позволила бы многим странам избежать ошибок и быстрее решить проблемы оптимизации своего взаимодействия с природой»¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Чагин Б. А. Структура и закономерности общественного сознания. Л., 1982. С. 46.

¹⁴⁶ См.: Проблемы образования в области окружающей среды. М., 1979. С. 19.

¹⁴⁷ Лаптев И. П. Международные проблемы образования в области окружающей среды // Проблемы природоохранного просвещения. Новосибирск, 1980. С. 9.

Важнейшими руководящими принципами образования в области окружающей среды¹⁴⁸ являются принципы межпредметности, преемственности, последовательности, единства знания и деятельности и другие. Вместе с тем отмечено, что необходимы дальнейшие «исследования, касающиеся этих различных подходов, аспектов и методов в целях обеспечения надежной основы для разработки учебных планов и программ в области окружающей среды»¹⁴⁹.

Философское исследование экологизации сознания позволяет сделать важные выводы по вопросам образования в области окружающей среды. Первый из них связан с заключением о том, что процесс экологизации сознания и, следовательно, экологического образования и воспитания есть отражение современной экологической ситуации, поэтому образование в области окружающей среды необходимо связано с глобальной, региональной, местной и индивидуальной экологической ситуацией и осуществляется в процессе осознания экологических проблем и их решении. Второй вывод вытекает из основных путей экологизации сознания и предполагает выделение двух ступеней образования в области окружающей среды: 1) формирование у каждого человека знаний, чувств, отношений, характерных для экологического сознания как формы общественного сознания; 2) экологизация всего сознания человека, т. е. его экономического, политического, правового, нравственного, эстетического сознания с дальнейшим изменением мировоззренческих установок во взглядах на природу, а также его профессионального сознания.

Рассмотрение процесса экологизации сознания приводит к закономерному выводу о необходимости развития принципа межпредметности в принцип системности образования в области окружающей среды. Принцип межпредметных связей закреплён в Рекомендациях Межправительственной конференции по образованию в области окружающей среды, в которых записано, что «междисциплинарные подходы необходимы для улучшения

¹⁴⁸ См.: Проблемы образования в области окружающей среды. М., 1979. С. 188—189.

¹⁴⁹ См.: Там же. С. 198.

образования в области окружающей среды»¹⁵⁰, что «помимо предметного образования в области окружающей среды междисциплинарное рассмотрение основных проблем взаимосвязи между людьми и окружающей их средой необходимо для всех студентов, не только тех, кто занимается специальными и техническими науками, но и тех, кто занимается социальными науками и искусством...»¹⁵¹. Ту же особенность подчеркивает один из ведущих специалистов в области природоохранной пропаганды И. П. Лаптев. «Отдельный предмет "Охрана природы", — пишет он, — может быть поставлен как обобщающий, но им нельзя подменять изложения вопросов во всех предметах (междисциплинарный подход)»¹⁵². Американский исследователь А. Шмайдер считает, что природоохранное просвещение «не предполагает простого включения новых предметов в существующие программы. Обучение в области окружающей среды скорее должно пронизывать общеобразовательные программы, рассчитанные на учащихся всех возрастов <...> органическое слияние дисциплин, если оно вообще возможно, потребует многолетней работы»¹⁵³.

В практике школы междисциплинарный подход в экологическом образовании сводится к рассмотрению в рамках тех или иных предметов экологических знаний¹⁵⁴, причем очень важные формы общественного сознания — политическая, экономическая — с точки зрения их экологизации фактически остаются вне поля зрения школьников. В рамках вузовских дисциплин на том или ином факультете осуществление принципа межпредметных связей более доступно, но в полной мере охвата, формирования всестороннего экологического сознания не достигается. Студенты экономисты, например, не слушающие

¹⁵⁰ Там же. С. 198.

¹⁵¹ Там же. С. 201.

¹⁵² *Лаптев И. П.* Международные проблемы образования в области окружающей среды // Проблемы природоохранного просвещения. Новосибирск, 1980. С. 9.

¹⁵³ *Шмайдер А.* Сущность и общие подходы к просвещению в области окружающей среды: его задачи и цели // Охрана окружающей среды: проблемы просвещения. Л., 1984. С. 55.

¹⁵⁴ См.: Экологическое образование школьников. М., 1983.

курс этики, не смогут получить четкого представления об экологизации морали; наоборот, студенты истории имеют самое общее представление о связях экологии и экономики.

Такое положение позволяет сделать вывод о том, что междисциплинарный подход — необходимое, но недостаточное условие формирования всестороннего экологического сознания каждого человека. Анализ диалектики экологизации индивидуального и общественного сознания приводит к заключению о том, что формирование индивидуального экологического сознания должно логически содержать основные моменты экологизации общественного сознания, т.е. включать в себя важные моменты экологизации его форм, а не только отдельных дисциплин. Последовательно проведенный принцип межпредметных связей закономерно превращается в принцип системности экологического образования.

Формирование экологического сознания трудный и сложный процесс. Иллюзорное сознание «может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой»¹⁵⁵.

Праксиологический аспект экологического сознания

В условиях усиления научно-технического прогресса в народном хозяйстве все большее значение начинают приобретать экологические проблемы. Их решение зависит от умения людей во всех звеньях производства и потребления сочетать пропорции развития экономики с возможностями природы, с оценкой оптимального уровня антропогенного прессинга на окружающую среду.

Ускоренное решение различных экологических проблем требует форсированного роста экологического сознания населения, важнейший аспект экологического сознания на современном этапе — именно практическое экосознание. В условиях обострения гонки вооружений наша страна не имеет возможно-

¹⁵⁵ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 90.

сти изыскивать в полной мере те огромные суммы, которые требуются для природоохранных мероприятий на территории всей страны. Это создает необходимость активнее использовать субъективный фактор. На встрече с ленинградцами М. С. Горбачев подчеркивал, что пока экономика страны не перестроится на уровень современных достижений научно-технического прогресса, необходимо всемерно использовать человеческий фактор: добиваться высших достижений на старом оборудовании, экономить топливные и сырьевые ресурсы, укрепить организованность и порядок. Это требование можно отнести и к экологической дисциплине, организованности в деле рационального использования природных ресурсов, к порядку в деле охраны природы. В настоящее время уровень практического экологического сознания каждого труженика еще невысок (подтверждением этого служит, например, тот факт, что 21% чистой питьевой воды уходит в канализацию без использования¹⁵⁶).

Попытаемся проанализировать место практического аспекта экологического сознания и особенности его формирования в условиях курса на ускорение научно-технического прогресса.

В теоретическом плане праксиологический аспект экологического сознания выступает наряду с гносеологическим, социальным и аксиологическим аспектами: в отличие от них он имеет несколько иную функциональную нагрузку и социальную значимость. Как советские, так и зарубежные исследователи глубоко проанализировали существо практического сознания. Так, например, Д. Гырдев подчеркивает, что «методологическое достоинство понятия "практическое сознание" состоит в том, что оно обозначает такое сознание, которое неотделимо от повседневной жизни широких народных масс», что «по своему содержанию и функциям практическое сознание ближе всего к научному познанию»¹⁵⁷. Исследователь показывает, что практическое сознание не в состоянии проникнуть в сущность предметов и явлений, но, занимая промежуточное положение между

¹⁵⁶ Горбачев М. С. Настойчиво двигаться вперед: Выступление на собрании актива Ленинградской партийной организации 17 мая 1985 года. М., 1985.

¹⁵⁷ Гырдев Д. Актуальные проблемы общественного сознания. М., 1982. С. 93.

научным и обыденным сознанием, оно достаточно функционально нагружено и служит солидной основой для решения производственных и других задач¹⁵⁸.

Выделим наиболее существенные и характерные черты практического экологического сознания. Первая и важнейшая из них — *практическая активность*, которая может быть выражена в личном отношении к природной среде: либо человек исходит из принципа «не вреди», т. е. нейтралистски подходит к охране природы, либо преобразует ее с учетом многовековых традиций и экологических закономерностей. Но возможен и другой вариант, когда позитивная активность практического экосознания направлена на организацию деятельности других людей; она также непосредственно связана с производственным процессом и дает значительный экономический и экологический эффект.

Научность — следующая важная черта, присущая практическому экосознанию. Она проистекает из тесной связи теоретического и практического сознания. Исследования в области глобальной и социальной экологии, экологии человека, дающие четкие практические выводы для самых широких масс населения, — необходимое звено в формировании массового практического экологического сознания.

Первым источником практического сознания может служить самостоятельный анализ экологической проблемы самим работником. Этот путь подразумевает достаточный багаж экологических знаний, высокое развитие экологического сознания. Второй путь связан с ассимиляцией выводов науки практикой, причем довольно часто эта ассимиляция сводится на нет из-за превалирующих экономических интересов предприятия. Диалектическое противоречие проявляется в том, что на практике нередко индивидуальная экологическая инициатива отдельного человека не получает поддержки руководства и, на оборот, рекомендация «сверху» не находит отклика у всех людей. Вывод таков: практическая экологическая деятельность должна соответствовать уровню практического сознания людей. Проиллюстрируем этот вывод примером: миллионы людей ежегодно

¹⁵⁸ Там же. С. 94.

сгребают в кучи опавшие листья и сжигают их. Экологи подсказывают, что это нецелесообразно, неэкологично: в природе листья не горят, а сами постепенно перегнивают, давая материал для нового «строительства», для будущей листвы. Ученые советуют зарывать листья и землю, а через несколько лет перекапывать перегной с землей. Такая «перестройка технологии» даст большой экономический, и экологический эффект: высвободится транспорт, используемый для вывоза палой листвы за город, не станет и городов едкого дыма от костров. Кажется, вопрос ясен, но новое решение еще не проникло в практическое сознание людей, и все идет «по старинке».

Практическое экосознание дифференцируется по возрасту его носителей. Человеку необходимы такие практические знания, которые помогали бы ему сделать то, что в его силах. Существуют свои этапы развития практического экосознания на протяжении всей жизни человека от детского сада до пенсионного возраста¹⁵⁹.

Важна и *профессиональная характеристика* практического экосознания. Она, пожалуй, в наибольшей мере требует своего учета, ибо от нее зависит экологическая культура на производстве. Уже сейчас подготовлены программы, разработаны курсы для обучения навыкам и приемам экологической деятельности рабочих и инженерно-технических работников самых различных профессий и специальностей¹⁶⁰. При всем разнообразии профессиональных особенностей ядром практического сознания являются диалектико-материалистический подход к взаимодействию общества и природы, ленинские принципы природопользования, учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. В данном случае взаимосвязь научного, практического и профессионального экосознания может быть понята через диалектику общего, особенного и единичного. Профессиональное экосознание выступает здесь в качестве ядра практического экосознания.

¹⁵⁹ См.: Образование по вопросам охраны окружающей среды в школах стран-членов СЭВ. М., 1983; *Велек И.* Что должен знать и уметь юный защитник природы. М., 1983.

¹⁶⁰ См.: Образование по вопросам окружающей среды. Иваново, 1984.

Существенно важная такая черта практического экосознания как *территориальность*. Поскольку формирование практического экологического сознания идет рука об руку с деятельностью по охране природы, то естественно, что оно, будучи отражением местной экологической ситуации, теснейшим образом связано с местными экологическими проблемами. Так, например, многочисленность экологических проблем родного города осознается широкими слоями ивановцев. И хотя это осознание носит пока в основном эмоционально-отражательный характер (недовольство, удивление, неудовлетворенность), это уже дает существенный толчок к увеличению интереса к экологическим проблемам и развитию экологического сознания, включая его практический аспект. Используя такое социально-психологическое состояние горожан, можно значительно усилить у них формирование практического экосознания, повысить эффективность работы природоохранных организаций, самодеятельности населения, правильно организовав усилия людей.

Следует отметить, что наибольший вес практического экосознания падает на такие секторы общей экологии, как промышленная, сельскохозяйственная экология, и, пожалуй, в еще большей степени — экология человека. Формирование практического экосознания в этой сфере может дать самые благоприятные последствия для здоровья человека. Приведем наиболее типичные примеры. Известно, что косьба травы, растущей вдоль автомобильных дорог, и скормливание ее скоту может обернуться повышенным содержанием канцерогенов в организме человека (они будут получены через продукты питания — молоко, мясо), что выловленная в загрязненных реках рыба также может быть опасна для здоровья. Известно, что «бег трусцой» по автомагистралям тоже ведет к поглощению физкультурником большой дозы пыли, выхлопных газов, а также к предельным шумовым воздействиям; что наибольшую дозу бензопирена, содержащегося в выхлопных газах человек получает на перекрестках и в пробках на дорогах. Количество таких актуальных примеров достаточно велико, но тем не менее пропедевтика экологических заболеваний еще не вошла в практическое сознание и в привычный обиход.

Из всего вышесказанного очевидно, что особое значение

сегодня приобретает вопрос о методах формирования практического экосознания. Среди самых распространенных выделим воздействие средств массовой информации, лекционную пропаганду, широкое распространение научно-популярной литературы. Проходившие в Иванове конференции по вопросам экологии, образования в области окружающей среды позволили жителям города познакомиться с крупными специалистами, которые в лекциях и личных беседах давали ценные советы по организации экологической среды в городе, на предприятии. Так, например, говорилось о необходимости организации «зеленой волны» на дорогах города, о путях утилизации ртутных ламп на Камвольном комбинате и т. д. Другим методом формирования практического экологического сознания стало ежегодное проведение областных конкурсов на лучшую студенческую работу по охране природы Ивановской области, конкурсов по линии совета НТО на лучшее экологическое решение производственных проблем.

В системе природоохранного образования и воспитания практическое экосознание является своеобразным приводным ремнем между обыденным и научным экологическим сознанием. Развитие массового практического сознания — это то звено, ухватившись за которое, можно вытащить всю цепь проблем, связанных с формированием современного экологического сознания у различных слоев населения.

***Экологизация морального сознания:
ноосферный аспект основного морального отношения***

Экологизация нравственного сознания выполняет важную регулятивную функцию. По мере развертывания научно-технической революции обостряется общественная потребность в разработке той части этики, где обосновываются нравственные нормативы отношения общества и человека к природе, предполагающие ее охрану и защиту. Экологизация этики как научного ядра нравственного сознания, проявляющаяся во включении природы, природной среды в систему нравственных ценностей, дополняется процессом экологизации нравственных чувств и обыденного морального сознания, которые формируются сти-

хийно в результате производственной, общественной и бытовой деятельности при столкновении с положительными и отрицательными явлениями современной экологической ситуации.

Особое значение процесса экологизации морального сознания связано с тем, что отношение к природе опосредуется не только всем обществом в целом, но и каждым человеком в отдельности. Долгое время отношение к природе регулировалось именно нравственным сознанием, исторически оно было связано с народными традициями, обожествлением сил природы, поэтому не случайно, что именно с этических концепций начался период, связанный с переориентацией человека в своем к ней отношении.

Экологизация сознания играет тем большую роль, чем более оно связано с регуляцией такой деятельности, которая не имеет иного регулятора кроме морального. В условиях обширности территории нашей страны проявляется ограниченность правового и экономического контроля в области охраны окружающей среды, в частности поэтому экологизации морального сознания имеет существенное значение. Одна из насущных проблем теории экологического образования и воспитания связана с исследованием диалектики исторического и логического аспектов экологизации морального сознания.

В историческом аспекте можно выделить четыре основных направления процесса экологизации морального сознания. Первое связано с пространственной трансформацией: от индивидуальной среды человека до локального и глобального (и даже космического) уровня. Второе предполагает расширение содержания или изменение существа самого объекта морального отражения, осваивающего последовательно — моральное отношение к обществу, людям, моральное отношение к живой природе и, наконец, моральное отношение к неживой природе (социо-природному единству, находящему свое глобальное выражение в биосфере и ноосфере). Третья линия связана с формой проявления морального сознания: от религиозного и идеалистического до диалектико-материалистического толкования отношений человека к природе. Четвертое направление предполагает моральную оценку все более отдаленных экологических последствий (с удлинением временного лага от самого действия до последствий этого воздействия и их морального осознания).

Исторический подход в достаточной мере определяет логическое и методологическое содержание экологизации морального сознания: диалектико-материалистический метод, учение о биосфере и ноосфере, тенденция к учету долговременной перспективы прогрессивного развития человечества.

Анализ диалектики исторического и логического в процессе экологизации морального сознания позволяет проследить переход от антропоморфизма к пониманию диалектического единства неживого, живого и разумного.

Одной из важных проблем осмысления процесса перехода биосферы в ноосферу является проблема морали в системе субъективных факторов, гуманистических тенденций становления ноосферы.

В. И. Вернадский, раскрывая планетарное значение научной мысли, одновременно выделил нравственные аспекты использования научного знания, для того чтобы идея ноосферы не стала лишь сциентистской идеей. Моральный аспект становления ноосферы не просто налагает ограничения на научные открытия, научную деятельность в тех аспектах, которые ведут человечество к гибели, но подразумевает общее решение проблемы взаимоотношения человека и ноосферы, т.е. имеет не только запретительный, но и созидательный смысл.

Традиционно теория морали распространялась на отношения человека с человеком и человека с обществом. Однако в последнее время появилось много работ, в которых философски осмысливается отношение человека к природе, растительному и животному миру. Моральные аспекты отношения общества и природы находят отражение в различных концепциях. Среди прочих, на наш взгляд, наиболее продуктивна и эвристична та, которая рассматривает моральные отношения в рамках единой социоприродной реальности, расширяя тем самым традиционное понимание морали как явления, присущего только обществу.

Отталкиваясь от основного морального отношения «благо общества — высшая цель, благо человека — конечная цель» (Г. Н. Гумницкий), целесообразно рассмотреть как постепенно расширяется понятие «благо общества» со вступлением в силу экологических закономерностей, вызванных комплексом глобальных проблем современности. «Благо общества» превраща-

ется в «благо всего общества» т. е. человечества, а затем находит свое дальнейшее развитие в понятии «благо ноосферы», диалектически совмещающем в себе природную среду и человеческую цивилизацию. Понятие «благо ноосферы» в контексте основного морального отношения может быть воспринято как эквилибристика словами, однако глобальные проблемы современности однозначно указывают на то, что превратно понятое «благо общества» вдруг оборачивается злом не только для природы, но в конечном итоге и для самого общества. Таким образом, ноосферный подход позволяет сформулировать основное моральное отношение в следующем виде: «благо ноосферы — высшая цель, благо человека — конечная цель».

В рамках такой трактовки основного морального отношения преодолевается эгоизм каждого отдельно взятого общества, рассматривающего лишь свое благо как высшую цель, что имело место, например, в условиях холодной войны, а также корысть общества по отношению к природе, повлекшая колоссальные экологические, экономические, человеческие и культурные издержки.

Ноосферный аспект основного морального отношения позволяет теоретически осмыслить ту область морального сознания человека и человечества, которая до настоящего времени была развита слабее всего. Речь идет о формировании глобального морального сознания. Раньше его сфера регулировалась заповедями общечеловеческого характера, которые имели отношение и к человеку и к обществу и к природе. В наше время, оставаясь краеугольным камнем нравственного сознания, эти нормы претерпевают закономерное развитие. Ноосферный аспект основного морального отношения дает, пожалуй, самый широкий охват сферы его действия, а значит, является методологической основой системы глобального морального сознания, дополняющим ту сферу духовной жизни человечества, которая называется научной мыслью и является составляющей процесса становления ноосферы.

Ноосферно-экологическое видение мира: от экологического к ноосферному сознанию

Вторая половина XX века проходит под знаком экологического понимания мира. Родившись в конце 1860-х годов как нау-

ка о довольно узкой сфере взаимодействия организма и среды, экология за столетие своего развития превратилась в целый комплекс наук экологического и биосферного цикла. Биоэкология породила глобальную экологию, социальную экологию, промышленную и сельскохозяйственную экологию, экологию человека и экологию культуры. Уже само это перечисление показывает, что экологическое знание осуществило экспансию в современное научное знание — ярко проявил себя процесс экологизации науки. Более того, оказалось, что общественное сознание в условиях прогрессирующего ухудшения окружающей среды с середины 1960-х годов начало интенсивно впитывать в себя экологическое знание. Этот процесс затронул все страны мира.

В нашей стране наиболее рельефно процесс экологизации индивидуального и общественного сознания, и — что особенно важно — массового сознания, обнаружился во второй половине 1980-х годов, когда прозвучал колокол Чернобыля и Арала. Вплоть до самого последнего времени экологическое сознание развивалось по принципу «от противного», методом проб и ошибок, отталкиваясь от негативного опыта. Оно находилось в обороне от экономической, политической, идеологической сфер жизни общества, при этом технократическое мышление всегда побивало мышление экологическое.

Канун XXI века — это время переоценки ценностей, в результате которой экологическое сознание все более настоятельно требует поставить его на самую высокую ступень в иерархии ценностей вместе с гуманистическим сознанием. Таким образом, создаются предпосылки нового типа сознания, в основе которого лежит целевая установка на гармонизацию и оптимизацию взаимодействия общества и природы и которое рассматривало бы «благо» биосферно-ноосферной реальности как высшую цель, а благо человека как цель конечную. Этот новый тип сознания, который формируется в условиях планетарного процесса перехода биосферы в ноосферу можно было бы обозначить как ноосферное сознание.

Ноосферное сознание связано с пересмотром основных параметров современного менталитета человечества и его социально-психологической конституции: меняются цели, ценности, потребности, а, следовательно, и характер поведения человека,

его образ жизни, формы общения и деятельности. Выделение такого типа сознания как ноосферное сознание в полной мере согласуется с положениями В. И. Вернадского о том, что «в XX веке мы видим новый резкий перелом в научном сознании человечества <...> самый большой, который когда бы то ни было переживался человечеством на его памяти», что «мы живём во всяком случае в эпоху крупнейшего перелома»¹⁶¹.

Ноосферное сознание качественно отличается от других типов общественного сознания — мифологического, религиозного или отчужденно-фетишистского. Во-первых, оно носит общечеловеческий и глобальный характер, хотя все предыдущие типы сознания имели классовые, национальные или социокультурные рамки. Формирование ноосферного сознания идет в русле конвергенции достаточно стадияльно разобщенных и даже противоречивых типов сознания. Ноосферное сознание — это синтетическое и синкретическое сознание.

Во-вторых, в основе ноосферного сознания лежат не утопические, а научные подходы и пути в управлении социоприродными и социальными процессами, что стало возможным, по Вернадскому, в результате того, что биосфера есть такая реальность, на которую в наибольшей степени распространяется наблюдение, эксперимент, эмпирическое обобщение и, следовательно, точное научное знание.

В-третьих, ноосферное сознание, преодолевая рамки биосферы, стремится к охвату космической реальности и имеет ярко выраженную тенденцию к космизации.

В-четвертых, ноосферное сознание выступает важнейшим фактором самоорганизации биосферы-ноосферы, тем самым имея не только гносеологический, но и онтологический срез, в рамках которого сознание рассматривается как культурная биогеохимическая энергия.

Закономерное развитие экологического сознания в глобальное экологическое сознание, экологизация общественного и индивидуального сознания, экологизация науки приводят к

¹⁶¹ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 63.

формированию в процессе перехода биосферы в ноосферу нового типа сознания человечества — ноосферного сознания.

В конце нынешнего тысячелетия человечество достигло такого уровня планетарного бытия, когда каждый культурный человек реально ощущает биосферу, планетарную среду как свое собственное неорганическое тело. Очевидно, на сегодняшний день этот показатель может считаться самым интегративным в определении критерия культурности.

Понятие культурности, по Н. К. Рериху, есть самая высокая ступень развития личности, которой предшествует движение от дикости к цивилизации, от цивилизованности к образованности, от образованности к интеллигентности, от интеллигентности к культурности. Культура как данность представляет собой результат действия культурной биогеохимической энергии, и в этом смысле она предстает как онтологизированное сознание. Культурологический анализ позволяет максимально сблизить категории культурности и разумности, Культуру и Разум. Планетарный охват культурой человеческой цивилизации — существенный и главный момент ноосферного развития.

Культура конца XX века на естественнонаучном фундаменте века XIX создала новый образ мира, который включает в себя многообразие научных, философских, религиозных и художественных интерпретаций организованности (самоорганизации) планетарной Сверхсистемы. Кристаллизация ноосферно-экологического видения мира происходила на стыке западной и российской культур в лоне общеевропейской культуры. В наше время гносеологические и праксиологические координаты «ноосферно-экологического ареала» интенсивно расширяются, ноосферно-экологическое видение мира формируется как общечеловеческий синтез локальных культур в их отношении к общему биосферному телу планеты. Экологический подход дает философской рефлексии соответствующую современному уровню методологию: ноосфера (биосфера, переходящая в ноосферу) предстает как предельно конкретное, естественнонаучное осмысление сверхсистемы, в которой живет современный человек.

В условиях кризисных процессов, происходящих на планете, в силу неадекватности целого ряда «мифологических»

представлений человека о мире и поэтому «неразумности» и разрушительного характера антропогенной деятельности формирование ноосферно-экологического образа мира у каждого человека — важная образовательная доминанта.

Введение интегративного курса «Ноосферно-экологическое видение мира» в лицейские и университетские программы позволит рассмотреть исторические, социокультурные, философские, психологические и другие аспекты взаимодействия общества и природы, биосферы и цивилизации; систему экологического знания — экологического цикла наук, включающего глобальную и социальную экологию, промышленную и аграрную экологию, экологию человека и культуры; общее и особенное современной экологической ситуации (ноосферной реальности), региональные и локальные ее проявления, специфику индивидуальной экологической среды, способы адаптации и творчества; теорию и практику охраны окружающей Среды (инвайронменталистику); структуру и функции природоохранного, экологического и ноосферного сознания, этапы и механизмы формирования глобального и общечеловеческого сознания; основные вехи планетарного экологического движения; формирование нового «человеческого качества» (А. Печчеи) в результате революции в образовании, широкого и всестороннего непрерывного экологического просвещения; пути ноосферного развития вследствие преодоления глобальных проблем современности; теоретические и практические стороны реального процесса перехода биосферы в ноосферу; современное состояние ноосферной реальности и, наконец, перспективы движения к Ноосфере.

Ноосферно-экологическое видение мира способствует преодолению технократизма современного человека, его переориентации от ценностей космоцентризма, техноцентризма и антропоцентризма на экоцентризм, биоцентризм и нооцентризм, устраняет механицизм в понимании социоприродных процессов, создавая ощущение «включенности в Универсум» и научая избегать катастрофизма в контролируемых процессах на основе синергетического осознания мира.

Ноосферно-экологическая картина мира включает в себя создание нового «человеческого качества» с его гносеологиче-

скими, аксиологическими и праксиологическими параметрами. Особенное значение при этом имеют именно последние, так как по сравнению с идеологией проведения социально-революционных экспериментов и умозрительно-утопическими моделями начала XX века, современные творческо-преобразующие подходы ориентируются на «тонкую подгонку», плюрализм и толерантность, которые вошли в мировую практику как следствие «проб и ошибок» в широком спектре социально-политической и экономико-экологической деятельности.

***Экология Вселенной как экология лона:
ноосферно-универсумный подход***

Современная экология представляет собой бурно развивающуюся отрасль знания. В последние годы интенсивно застраивается пространство между естественными и гуманитарными науками, расширяется предметная область экологии. Такая тенденция предполагает поиск наиболее широкого объекта в рамках которого можно применить экологический подход. Заметим, что в этом случае экологический подход преодолевает себя, постепенно перерастает в ноосферный подход. Обратим внимание и на то, что расширение объектности одновременно свидетельствует о расширении субъектности предметной области экологического знания. Собственно экология предполагает наличие предметной области экологии человека, в свою очередь экология человека предполагает экологию среды обитания человека в широком смысле слова. Что же является сферой бытия человека? Это может быть и общество и планетная среда обитания, но в традиционном философском осмыслении действительности такой организменной средой является природа. Понятие «природа» в контексте «Человек — Природа» обычно рассматривается узко терминологически, т.е. фактически настолько широко, что термин природа перестает быть строгим термином, расплывается. Наполнение конкретным содержанием этого термина ведет к появлению новых понятий – в их чреде категории «Вселенная» и «Универсум». Последний термин широко ис-

пользуется в зарубежной философской литературе, а первый привычен для отечественного уха¹⁶².

Рассмотрение феномена Человека в контексте Вселенной предполагает новый предмет исследования и, следовательно, возникновение новой экологической области — экологии Вселенной. Ближайшим подходом к ней являются исследования феномена Человека в контексте космопланетарного универсума, проведенные В. П. Казначеевым¹⁶³. В указанном контексте можно было бы говорить об экологии космопланетарного универсума. Однако, в русской философской традиции гораздо чаще можно встретить соотношение человека и Вселенной, т.е. вселенский размер человека, или человеческое измерение вселенной¹⁶⁴. А. Г. Маслеев показывает, что на протяжении всей истории философии именно это отношение представляет собой проблемную область, порождавшую возникновение новых форм видения мира. Ярчайшим примером такого соотношения можно назвать «Дао-дэ-цзин» древнекитайского мыслителя Лаоцзы.

Представления о вселенскости человека в достаточно полной форме выражены в рамках философии русского космизма и обнаруживают себя в работах В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского и других. Бытие человека во Вселенной имеет не переносный (ближайшее земное окружение), а точный смысл. Термин «Вселенная философа», введенный В. А. Сагатовским ставит проблему, которая в равной степени важна и для философии и для экологии, так как именно здесь пересекаются представления о системе и методе, порождая новый философско-методологический подход — ноосферный подход к видению мира. Современная экология Вселенной — это, прежде всего, экология ноосферы.

Термин «экология природы» с философско-методологической точки зрения не вполне корректен, так как «природа» может пониматься по-разному, а значит и очень широко и очень узко. В этом случае теряется смысл локализации

¹⁶² См.: Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998. С. 25—27.

¹⁶³ См.: Казначеев В. П., Спирин Е. А. Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения. Новосибирск, 1991.

¹⁶⁴ См.: Маслеев А. Г. Человеческое измерение Вселенной. Екатеринбург, 1997.

«феномена дома». Экология ноосферы включает в себя момент указания на искусственность дома (ибо дом всегда искусственно создан, чем он, может быть, и отличается от гнезда, берлоги, норы). «Неприродность» дома указывает на самодетерминацию человеческого бытия и тем самым устанавливает границы бесконечно трудного пути, на который встал человек, постоянно изменяя и расширяя среду своего обитания.

В свое время А. Эйнштейн ставил вопрос о том, меняется ли Вселенная, когда ее созерцает, наблюдает мышь. Вряд ли можно «наблюдать» Вселенную в том смысле, что «смотреть на нее, положив ее на блюдо», но от этого не становится меньше сама проблема — меняется ли Вселенная от того, что в ней думает (мыслит), живет и действует человек. Эзотерические учения строятся как раз на утверждении, что все, даже самые тонкие вне- и внутри-действия человека меняют Вселенную, а, значит, жизнь человека есть всеобщая экологическая форма бытия.

В последние десятилетия человек быстро научается оценивать последствия своего материально-экономического воздействия на среду обитания, на биосферу планеты, хотя еще столетие назад философы и культурологи лишь догадывались, что действия человека отзываются в будущем и, причем весьма печально. Экологическое сознание человека развивается по мере того, как он научается понимать, определять, предвидеть и предупреждать самые незначительные следы своего индивидуального и общественного бытия.

Проблема экологии Духа относится к числу самых трудных теоретических проблем именно потому, что временной лаг последствий духовных и бездуховных деяний может оказаться чрезвычайно длинным. Так, чтобы убедиться в неэкологичности вульгарно-атеистического мировоззрения, стране пришлось проделать путь длиной в восемьдесят лет, при этом данный вывод до настоящего времени рассматривается многими как гипотеза, а в некоторых случаях и как идеологическая конструкция.

Рассматривая эту проблему, целесообразно обратиться к мировому опыту развития культуры. Культурология дает возможность проследить логику развития духовности человечества и сделать вывод о том, что мировые религии потому и «выжили», потому и стали мировыми, что обладают в самой значительной

мере качеством экологичности, может быть в несколько нетрадиционном понимании этого слова. В то же время без такого расширения смысла невозможно построить конструкции таких дисциплин как «Экология ноосферы» и «Экология вселенной».

Каковы критерии эколого-духовной практики человека и общества, человеческой цивилизации в целом? В силу того, что между указанными субъектами деяния имеют отношения общего, особенного и единичного, сами критерии могут быть различными, но при этом необходимо учитывать специфику континуальности экологического взаимодействия. На первый взгляд, это указание подрывает устоявшийся авторитет диалектического понимания, по причине недистинктивности самих категорий единичного, особенного и всеобщего. На самом же деле речь идет о самом существенном качестве экологического понимания мира, когда среда обитания и организм меняются местами, как это произошло, например, с функционированием человеческой цивилизации: она из организма постепенно превратилась в среду обитания, а биосферная среда обитания — в выживающий организм. Точно также всеобщее превращается в единичное, а единичное во всеобщее. Когда человек общается со Вселенной, он из единичного превращается во всеобщее, тем самым еще раз доказывая существенность предметной области философствования.

Рассматривая зону сближения смыслов экологии Духа и экологии ноосферы, необходимо отметить, что процесс опредмечивания и распредемечивания, интериоризации и экстериоризации предполагает исчезание различий между материальной и духовной деятельностью в той самой мере, в которой любая материальная деятельность является материально-практической (с учетом того, что практическая деятельность понимается в широком смысле слова). Жесткое противоречие между материальным и идеальным снимается интерсубъективным, мысль как функция бытия человека (вселенской единицы всеобщего бытия) — «природна» Вселенной, а значит человек, как может оказаться, — неприроден Вселенной прежде всего как «не так мыслящее существо», и только после этого — не так действующее. Эти размышления могут рассматриваться как общеизвестные и тривиальные, за исключением небольшого, но весьма существенного момента — они вытекают не из мифологического, религиозного или другого частного мо-

мента, а предполагают синтетический универсумно-ноосферный смысл и от этого становятся более генерализирующими.

В контексте «экологии вселенной» и «экологии ноосферы» целесообразно учитывать историко-философские моменты. Выделим прежде всего специфику герметической философии и даосизма.

Одним из самых существенных моментов содержания экологии ноосферы может рассматриваться проблема «у-вэй». «Неделание» (по Л. Н. Толстому), «недеяние» не является апологией бездеятельности, в которой иногда обвиняют даосов. К. Ясперс точно замечает, что «понятие недеяния» из-за своей противоположности «деянию» может привести к ложному представлению о том, что у истока вообще нет никаких законов. Но это представление будет относиться не к сути, а к словесному выражению. В у-вэй не может быть чего-то одного, исключаящего другое, иначе оно вновь было бы втянуто в сферу целенаправленной активности, за рамки которой выходит. Что соединяет в себе противоположности, не может получить адекватного выражения в противоположности слов... «Премудрый человек пребывает в деле недеяния»¹⁶⁵.

На наш взгляд, для современного понимания проблемы недеяния целесообразно применить синергетический подход. В широком смысле слова деяние человека в той мере отвечает Вселенной, в которой он ей отвечает: лишь только когда человек в своей деятельности видит вселенский контекст, а не только средовой фон бытия, он применяет как «бритву Оккама» принцип у-вэй. Разворачивание бытия через деяние не предполагает суеты (как избытка хаоса) для нахождения правильного пути (играя словами, можно было бы сказать «путия»). В этом смысле принцип у-вэй — это древнекитайское выражение противодействия энтропии.

В философской литературе в последнее время проблеме у-вэй посвящено много места: китайский взгляд на мир оказывается более современным, нежели самые современные теории и концепции. В этом смысле классификация «деяний недеяния» может стать важным теоретическим посылом экологии ноосфе-

¹⁶⁵ Ясперс К. Лаоцзы // Лаоцзы. Обрести себя в Дао. М., 1999. С. 373.

ры. Это своеобразный заход с другой стороны — не через общее, а через особенное и единичное.

Вселенная — это феномен, во всей полноте выражающий *топологию* лона, может быть, точнее было бы сказать *хронологию лона* ибо в каждом факте рождения обнаруживается великая сущность, стоящая за данными нам в ощущении пространственно-временными представлениями, а разворачивание пространства во времени и времени в пространстве лишь подчеркивает глубинную суть универсума-Вселенной. Таким образом, путь развития человека в материнском, биосферном и вселенском лоне — это постоянное «рождение-для» бытия в новом лоне.

Лоно как термин, обозначающий *рождающую субстанцию*, может применяться и в отношении к лону Вселенной, и в отношении к лону биосферы Земли. Лоно — это форма эволюции жизни, эволюции мира. Экология лона — это наука, изучающая условия стабильного развития организма, свертывающего в этом онтогенетическом процессе филогенетическую историю Вселенной. В этой связи одна из самых существенных проблем экологии лона — диалектика онтогенеза и филогенеза естественного и искусственного.

Загадка лона — загадка зарождения, развития, рождения — в то же время *явление* непостижимой сущности вселенной в реальной форме. При этом Вселенная не только предстает как Единое Лоно, но и как соединение бесконечного количества рождающих сущностей.

В *экологии лона* может быть сильнее, чем в других дисциплинах экологического цикла обнаруживается континуальность связи «организм — среда», более того, сама эта дуальная связь, как бы выворачивается наизнанку: организм становится средой, а среда — организмом. Экология лона с максимальной полнотой доказывает тезис о том, что экологические науки, несмотря на некоторые условия закрытости, изучают или *принципиально открытые (во вне) системы*, или *системы, готовые стать открытыми*.

Рассматриваемая проблема свидетельствует о том, что экология XX века фактически стала философской дисциплиной, вокруг которой и через которую происходит общение сообществ естествонаучного и гуманитарного знания. Философская экология раскрыла новые горизонты позна-

ния мира: мир стал измеряться не первичностью и вторичностью, а универсумностью, которая предполагает всеобщие формы взаимопроникновения сущностей и взаимооплодотворения субстанций: экология человека невозможна без социальной экологии, глобальная экология — без экологии культуры. Развитие системы экологического знания привело к тому, что, занимая в начале века лишь мизерную часть единого научного знания, сейчас оно сравнимо и по масштабности, и по своей значимости в выстраивании всеобщей картины мира с естественнонаучным и гуманитарным знанием, выполняя при этом функцию связующего звена между ними.

«Большая экология» действительно стала образом дома, а дом — это всегда лоно, место, где сохраняется, живет и умножается самое главное и самое ценное. В системности экологического знания самая непостижимая часть — это полнота неразделимости внешне-внутреннего, духовно-телесного, биосферно-цивилизационного, культурно-ноосферного. В эколого-универсумном взгляде на мир Вселенной обнаруживается недизъюнктивность лона Вселенной, лона биосферы Земли и лона Матери мира. Подобие видимого и невидимого (но существующего) дает возможность человеку проникнуть в самые тонкие слои понимания бытия.

Наукообразные размышления о «философии лона» раньше заменялись детской игрушкой — матрешкой, которая, дойдя до наших дней, продолжает оставаться фундаментальным архетипом универсумного бытия человека и раскрывает, не называя, тайны герметической философии, по-новому понимаемой современным человеком.

Рождение новой экологической науки — *экологологии* — говорит о появлении тонких экологических наук, тонких не в смысле узости предмета, а в смысле утонченности понимания глубины родового существования и сосуществования человека.

Экологология — дисциплина, раскрывающая глубинную диалектику (триалектику) дома и лона (лона как дома и дома как лона) еще только начинает свое развитие. Современное сознание не научилось еще в полной мере выстраивать цепочки «пуповин мира» (или, говоря философским языком, «узловые линии мер»), не обнаружило «ценности-для-себя» в обращенности к

вселенской значимости рождения и рассматривает этот феномен лишь как социальный (и даже чисто производственный) акт, но первые шаги в этом направлении уже сделаны из сферы медицинской экологии и экологии человека.

В той же мере, в какой Вселенная порождает в человеке свое тождество, рожденный человек создает тождество Вселенной самому себе. В этом смысле может быть понят библейский смысл христорождения, имеющий самое прямое отношение к тому, с чем столкнулось человечество в эпоху глобальных проблем и великой цивилизационной трансформации рубежа тысячелетий.

***Управляемое и направляемое развитие:
становление ноосферной экологии***

Рассмотрение перехода биосферы в ноосферу в контексте синергетических представлений дает важные инструменты для выявления сущностных сторон процесса, который одновременно включает в себя стихийное и сознательное, спонтанное (иррациональное) и рациональное, «разумное» и «неразумное». В настоящее время «сознательное» действительно пронизывает все ноосферное пространство планеты, но вопрос в том, насколько это разумное (сознаниевое) становится универсумно-разумным (а не только антропо-разумным или социально-разумным). Сфера управления, опосредуя (соединяя) мысль и социально-практическое действие (деяние) объекта и субъекта управления, оказывается самой значимой для описания процессов мировой и региональной ноосферной динамики.

Проблема управления в экологической системе, рассмотренная в контексте философии организации (тектологии), сигнализирует о необходимости эксплицировать предмет экологии социального управления. Если сформулировать эту задачу в более общем плане, то речь пойдет об управляющем и направляющем развитии в ноосфере, о ноосферной экологии. Предметная область этой дисциплины напрямую связана с увязкой духовного и телесного в человеке, материального и идеального в обществе. Синтез этих противоположностей, осуществляемый в рамках системного подхода, позволяет продемонстрировать не

просто диалектику ноосферного развития, а экологию ноосферной динамики. То, что считается разумным в данной конкретной ситуации при наличном уровне культуры и при включенности в очерченную систему (или заданный конгломерат) вполне может оказаться неразумным при других параметрах указанных критериев. А значит ноосферная экология имеет свою предметную область, связанную с тем, насколько разумно поведение данного субъекта (человека, класса, страты, общества, человечества) в контексте масштабности задаваемой ноосферной системности.

В этих условиях может вполне оказаться, что самым ноосферным будет тот способ поведения, который обозначил себя в категории «у-вэй», являющейся своего рода соединительным мостом между «Дао» и «Дэ». Делать недеяние — так можно сформулировать категорический императив ноосферного поведения (значительная часть которого — или все — есть управление). Делать недеяние — это управлять, не управляя. Любой современный управленец скажет, что такой управленческий негативизм большой пользы не принесет, и будет прав. Но в данном случае речь идет о выделении «идеального типа» (абсолютной абстракции), что и составляет главную задачу философского осмысления проблемы — дать предел беспредельного, т.е. того, что как бы не существует, но к чему устремляется мысль человека, который размышляет (и не может не размышлять) над проблемой. Тем самым философствование, с одной стороны, устанавливает внутреннюю интенцию, с другой, — выбирает ориентиры в соответствии с розой ветров, а, значит, в конечном итоге определяет в какую сторону дует ветер.

В «Дао-дэ-цзин» Лаоцзы¹⁶⁶ можно обнаружить идеи, позволяющие прикоснуться к проблеме управляющего и направляющего развития в ноосферной системе. Главная, на наш взгляд, сложность ноосферно-экологического дискурса заключается в том, что в процессе перехода биосферы в ноосферу приходится соединить (отождествить) сознательно и несознательно (подсознательно, сверхсознательно) осуществляемое управление-направление. Разрешение этой проблемы в методологическом плане потребует привлечения экологического, сис-

¹⁶⁶ Лаоцзы. Обрести себя в Дао. М., 1999.

темного, универсумного подходов, которые в совокупности и представляют собой ноосферный подход к изучению динамики социоприродной реальности.

Выделим два типа социального управления. Первый — «реальное управление», осуществляемое посредством создаваемых организационных (государственных, муниципальных, экономических и прочих) структур. Второй — «виртуальное управление», которое может быть названо так в силу того, что его фактически нет как фактора целенаправленного действия, но оно есть как момент, который необходимо обязательно учитывать. С чем чаще всего связаны неудачи управленческого воздействия на социальную (социоприродную) систему? С тем, что управляющее воздействие не может до конца учесть специфических особенностей объекта управления, прежде всего, его субъективных сторон — человеческого и социокультурного качества (интеллигентности, воспитанности), образовательного уровня. По этой причине часто работает принцип «хотелось как лучше, а получилось как всегда».

Виртуальное управление — это управление посредством культурного и образовательного уровня. На наличие подобной специфики обращал внимание Н. Н. Моисеев, когда говорил о направляемом и управляемом развитии¹⁶⁷. Управляемое развитие предполагает действие жесткой вертикали, позволяющей отслеживать ближайшие и наблюдаемые (пред-видимые) последствия управляющего воздействия. Однако для сложных социоприродных систем эти ближайшие последствия не являются подчас социально значимыми, их значимость для всей системы проявляется в режиме отсроченного времени («временного лага»). В таких условиях управляющее деяние порождает то, на что не рассчитывал субъект управления. Такого рода результаты, как показывает богатый российский опыт, случаются достаточно часто. Чем менее культурно управленческое воздействие, и чем менее образован объект управления (который на самом деле является субъектом), тем неожиданнее будет конечный результат. Эту закономерность, которая похожа на известные «законы Паркинсона», можно переложить в иной

¹⁶⁷ См.: *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М., 1995; *Он же.* Универсум. Информация. Общество. М., 2001.

редакции: чем меньше культурный и образовательный уровень элементов социальной системы, тем менее сложной представляется им система, в которой они осуществляют свою жизнедеятельность. Управленческие воздействия в глобальной системе могут (т.е. имеют право) осуществлять только высококультурные, образованные и профессионально подготовленные члены социальной (социоприродной) системы. Платон был глубоко прав, когда говорил, что философы должны управлять (*у-прав-лять*) обществом, ибо в этом можно усмотреть усиление компоненты направляющего развития в рамках феномена социального управления.

Впрочем, как показывает история философии, философы как раз и занимают именно этим, но их управление — не реальное, а виртуальное. Философ, сам того может быть не подозревая, управляет социальным универсумом. В этой связи к тому, что Х. Ортега-и-Гассет говорил о роли философа («философ — специалист по универсумам»)¹⁶⁸, следовало бы добавить, что философ, создавая свой универсум, одновременно задает параметры управления им. Эту специфику философского знания прекрасно чувствовали руководители советского государства, когда высылали российскую духовную элиту за рубежи нашей страны на «философском пароходе»: оказалось, что мощь направляющего развития могла быть более значимой нежели управляющее воздействие советской власти на первых этапах ее функционирования.

Направляющая компонента ноосферного (социоприродного) развития напрямую связана с процессами образования и всестороннего культурного развития, которое, в конечном счете, определяется тем, в какой универсум вписывает себя человек (субъект), осуществляющий управленческое воздействие, о какой системе, о какой масштабности, о каком универсуме он имеет представление.

¹⁶⁸ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.

Раздел II

НООСФЕРИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ

Научная мысль как фактор самоорганизации ноосферы (1983). Технократическое сознание versus ноосферное сознание человечества (1988/1992). Проблема «сознание и ноосфера» в творчестве Н. П. Антонова (1994). «Сознание и ноосфера»: проблемные поля современности (1998). Онтологический подход к проблеме «сознание и ноосфера» (1998). Сознание ноосферы и ноосферное сознание: категориальный статус (1998). От экологизации сознания к ноосферному сознанию: целостность и континуальность ноосферного знания (1998). Универсум ноосферной реальности (1998). От вернадскианской революции к ноосферной картине мира (2003).

Научная мысль как фактор самоорганизации ноосферы

Проблемы самоорганизации биосферы и ноосферы в наше время чрезвычайно актуальны. Особую остроту они приобрели в связи с проявлением глобальных проблем современности, с угрозой надвигающегося экологического кризиса. В этих условиях выяснение структуры биосферы-ноосферы, особенностей процесса самоуправления, самоорганизации дает в руки человечества рычаги управления сходными экологическими процессами, оптимизации взаимодействия общества и природы, гармонизации системы «Человек — Общество — Природа».

Современная эпоха характеризуется процессом перехода биосферы в ноосферу. Становление ноосферы идет параллельно с решением глобальных проблем современности, актуализацией самоорганизации ноосферы. От решения этих задач зависит не только прогресс человечества, но и само существование планеты. Значимой задачей представляется определение в системе «биосфера-ноосфера» элементов, связанных с ее самоорганизацией, рассмотрение сознания, научной мысли цивилизованного человечества в качестве одного из таких факторов.

В связи с бурным развитием таких отраслей знания, как кибернетика, синергетика; системный анализ, общая теория систем происходит глубокое осмысление процессов самоорганизации в сходных многокомпонентных системах. Современная наука переходит от изучения процессов управления, структурно-

функциональных характеристик системы к анализу ее самоуправления и самоорганизации. Довольно подробно процессы самоорганизации изучены в физических, химических и биологических¹, в меньшей степени в социальных и социоприродных системах².

Раскрытие процессов самоорганизации в экологических системах заставляет нас обратиться к творчеству В. И. Вернадского. Исторический подход к анализу его научных работ позволяет показать как в течение 1930-х годов в понимании структуры и функционирования таких сложных систем, какими являются биосфера и ноосфера, происходит заметный скачок. Так, в работах 1920-х годов структура биосферы определялась как «механизм», а в издании «Биогеохимических очерков» (1940)³ этот термин везде заменен на понятие «организованность», получившее развитие в более поздних работах В. И. Вернадского⁴.

Понятие «организованность» В. И. Вернадский связывал с определенной геологической оболочкой нашей планеты — биосферой, резко отличной от других ее оболочек, строение которой определяется ее своеобразной организованностью и которая занимает в ней как обособленная часть целого закономерно выражаемое место⁵. Организованность не есть механизм, она, подчеркивает В. И. Вернадский, резко отличается от механизма, так как связана с биогенным током атомов между косными природными телами и живыми веществами. Динамическое равновесие, организованность биосферы подчеркивает проникающая в биосферу космическая энергия. «Организованность биосферы — организованность живого вещества — должна рассматриваться как равновесия, подвижные, все время колеблющиеся в историческом и геологическом времени около точно выражаемого среднего»⁶.

¹ См: Новосельцов В. Н. Теория управления и биосистемы: Анализ сохранительных свойств. М., 1978; Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. М., 1979; Хакен Г. Синергетика. М., 1980.

² См.: Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977.

³ Барякин В. Н. Вернадский о сущности ноосферы и методологические аспекты ее современного развития как самоорганизующейся экологической системы. Препринт. Пущино, 1982.

⁴ Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М. ; Л., 1940.

⁵ Вернадский В. И. Размышления натуралиста М., 1977. Кн. 2. С. 13—15, 31—33, 38, 58.

⁶ Там же. С. 14.

Таким образом, В. И. Вернадский связывает организованность биосферы с притоком космической энергии, наличием косного и живого вещества и происходящим между ними биогенным током атомов, определявшим динамическое равновесие. Поэтому биосферу, с полным правом, можно рассматривать как самоорганизующуюся систему, в основе функционирования которой лежит комплекс биогеохимических процессов, носящих сложный взаимосвязный характер. «Миграция химических элементов, отвечающая живому веществу биосферы, является огромным планетным процессом, вызываемым в основном космической энергией Солнца, строящим и определяющим геохимию биосферы и закономерность всех происходящих в ней физико-химических и геологических явлений, определявших организованность этой земной оболочки»⁷. Организованность биосферы постоянно поддерживается стихийными процессами самоорганизации.

Эволюционный путь развития биосферы приводит к появлению на планете, в биосфере новой силы, имеющей геологический характер — научной мысли человечества⁸, которая определяет специфически человеческую деятельность. В. И. Вернадский подчеркивал, что «ход истории научной мысли выступает перед нами как природный процесс истории биосферы <...> как проявление структуры биосферы, выявляющее нам новые большие черты ее организованности»⁹. С этим связан переход биосферы в ноосферу.

Отметим два принципиальных момента такой эволюции. Во-первых, появляется человек, наделенный разумом и способностью трудиться. Он выступает не только как мыслящая, но и как деятельная сила, постепенно приобретающая геологические масштабы. Человек выступает как ячейка организованности ноосферы. Во-вторых, в организованности биосферы появляются идеальные компоненты, которые ранее отсутствовали в ней — сознание, научная мысль. «Научная мысль есть часть структуры — организованности — биосферы и ее в ней проявления, ее создание в эволюционном процессе жизни является

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 120.

⁹ Там же. С. 32—33.

величайшей важности событием в истории биосферы»¹⁰. «Наука, — подчеркивал В. И. Вернадский, — есть создание жизни <...> проявление действия в человеческом обществе совокупности человеческой мысли»¹¹.

Так же, как живое вещество определяет особенности организованности биосферы, так и научная мысль цивилизованного человечества определяет основные характеристики организованности ноосферы, а процессы самоорганизации в последнем случае носят не стихийный, а сознательный характер. В биосфере процессы самоорганизации определяются биогеохимическими принципами и законами, в ноосфере — социальными и социоприродными закономерностями, познанными научной мыслью. В ноосфере человек берет на себя задачу сознательного управления биогеохимическими, социальными, социоприродными, а впоследствии и космическими процессами.

Классики марксизма-ленинизма отмечали творческую, деятельную роль сознания. К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе» подчеркнул не только значение человеческой чувственной деятельности, практики как предметной деятельности, но и то, что эта предметная деятельность изменяет мир¹². Научное освоение мира, превращение науки в непосредственную производительную силу, представления о «второй очеловеченной природе» — таковы важнейшие философские предпосылки концепции ноосферы. В этом наглядно проявляется созвучие научного социализма и концепции В. И. Вернадского о ноосфере.

В. И. Вернадский впервые определил место научной мысли в организованности ноосферы, указав, что процесс становления ноосферы связан с развитием научной мысли. Очень важно, что это развитие он рассматривал как объективный и закономерный процесс.

Комплекс глобальных проблем современности, современная экологическая ситуация связаны со сложными, трудно управляемыми, имеющими нелинейный характер процессами. Важное свойство, отличающее нелинейные системы от линей-

¹⁰ Там же. С. 32.

¹¹ Там же. С. 91.

¹² См.: Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 4.

ных, — отсутствие для них принципа суперпозиции: для нелинейных систем результат каждого из воздействий в присутствии другого оказывается не таким, каким он был, если бы другое воздействие отсутствовало. «По существу все эти (глобальные. — Г. С.) проблемы суть проявление некоторых общих нелинейных закономерностей. Мир в целом вышел за рамки линейного приближения»¹³. Самоорганизация ноосферы в этих условиях становится самоорганизацией неравновесной, нелинейной системы. Наука только начинает подходить к этим процессам. В связи с этим «проблема самоорганизации превращается в самостоятельную и развивающуюся область науки, в которой особую роль играют макроскопические процессы многоуровневой координации; среди них большое значение имеют нелинейные процессы и неравновесность состояния»¹⁴. Применение этой области знаний к социальным и сложным социоприродным системам еще только начинается.

Современный этап, связанный с наличием глобальных проблем современности, с нарушением самоорганизации биосферы и становлением ноосферы, характеризуется особым состоянием научной мысли. С одной стороны, как писал В. И. Вернадский, в мировоззрении наряду с научными идеями сосуществуют религиозные и ненаучные философские представления, которые рождают неверные представления о мире, ложную картину мира¹⁵. С другой стороны, широко и неодолимо, по экспоненте идет процесс сциентизации («онаучивания») человеческого сознания, проникновение научных идей в сознание миллионов и миллиардов людей. Вытеснение этими идеями ненаучных представлений способствует становлению идеального компонента ноосферы и тем самым становлению ее самоорганизации.

Сознание может выполнить функцию самоорганизации только в том случае, если оно познало основные социоприродные и социальные закономерности функционирования системы. Осознание этих закономерностей связано с формированием науч-

¹³ См.: Басов Н. Квантовая электроника и философия // Наука и жизнь. 1982. № 7. С. 12.

¹⁴ Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. М., 1979. С. 490.

¹⁵ См.: Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М., 1977. Кн. 2. С. 82.

ной картины мира. В. И. Вернадский дал блестящий образец анализа смены научных картин мира, показав, что в XX веке «совершается один из величайших процессов хода научного мышления, один из переломов векового человеческого сознания»¹⁶. Он продемонстрировал, что научная мысль вносит поправки в ньютоновскую, чуждую человеческой жизни научную картину Космоса, а ее преодоление связано с преодолением пропасти между живым и косным веществом, с внесением явлений жизни в научную картину мира. Замечательно, что ученый привнес в научную картину мира не только явления жизни, создав учение о биосфере, но и специфическое проявление жизни — разум, научную мысль, которые занимают первейшее место в концепции ноосферы, в учении о переходе биосферы в ноосферу.

Эти гениальные идеи В. И. Вернадского уже нашли свое дальнейшее развитие. Советские ученые сделали важнейший диалектико-материалистический вывод о том, что «единство естественнонаучной картины мира должно состоять, прежде всего, в том, что она призвана дать общее представление о природе, о взаимосвязи форм движения материи, об общих принципах развития нашей Вселенной, начиная от ее сверхплотного сингулярного состояния и вплоть до формирования жизни и разума как космического фактора»¹⁷.

В. И. Вернадский подчеркивал, что научная мысль в полном ее объеме пока в состоянии охватить лишь планетный уровень¹⁸, но тесная связь земных процессов с космическими диктует необходимость введения в научную картину мира все более вселенских масштабов. Внесение явлений жизни и разума в космическую научную картину мира позволило мыслителю создать концепцию ноосферы, дальнейшее развитие которой идет рука об руку с процессом изменения мира, практикой его познания, с процессом объективного становления ноосферы. Концепция ноосферы В. И. Вернадского дополняется, конкретизируется, включает в себя новые закономерности и взаимосвязи, фактически превращаясь в диалектическую и материалистическую концепцию.

¹⁶ Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М. ; Л., 1940. С. 175.

¹⁷ См.: Философия и развитие естественнонаучной картины мира. М., 1981. С. 16.

¹⁸ См.: Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М., 1977. Кн. 2. С. 110.

Сознание, научная мысль являются идеальными факторами самоорганизации ноосферы. Это проявляется в социальной самоорганизации на основе данной социальной системы, и в этом случае осуществляется через структуру учреждений и институтов, материализующих общественное сознание. В условиях общественной собственности на средства производства создается система социоприродной самоорганизации, направленной на оптимизацию взаимодействия общества и природы, с тенденцией к гармонизации биосферных, антропогенных и техногенных процессов, происходящих в недрах современной человеческой цивилизации. Эти возможности могут реализоваться на той высокой стадии ее развития, которая получила название «коммунистическая цивилизация»¹⁹. Коммунистическая цивилизация создает не только материальные (технические, экономические, технологические, социальные и т.д.), но и духовные (сознание, научная мысль) предпосылки формирования ноосферы. Общественное и индивидуальное сознание в условиях развитого социализма становятся важнейшим фактором самоорганизации ноосферы.

В противовес единству биосферы и коммунистической цивилизации в условиях ноосферы буржуазная цивилизация поставлена перед фактом антагонистического противоречия между обществом и природой. В этих условиях осуществление самоорганизации в системе «Биосфера — Цивилизация» невозможно, сущность ноосферы приходит в противоречие с сущностью современного буржуазного общества.

Таким образом, организованность биосферы-ноосферы является структурно-функциональными ее характеристиками и осуществляется путем самоорганизации. Самоорганизация биосферы происходит стихийным путем в процессе биогенного тока атомов, биогеохимических превращений, а самоорганизация ноосферы качественно отличается от самоорганизации биосферы сознательным характером последней. В этих условиях сознание выступает идеальным фактором самоорганизации ноосферы: в условиях социалистической цивилизации создаются мате-

¹⁹ См.: Майзель И. А. Становление коммунистической цивилизации и развитие науки. Л., 1979.

риальные и духовные предпосылки формирования ноосферы. Важнейшую роль в структуре сознания как идеального компонента самоорганизации ноосферы играет научная мысль цивилизованного человечества. Становление идеального компонента, соответствующего ноосфере, идет параллельно формированию научной картины мира, сциентизации и экологизации общественного и индивидуального сознания. Сознательная самоорганизация в ноосфере возможна только в системе «Биосфера — Коммунистическая цивилизация», ибо функционирование буржуазной цивилизации несовместимо с процессами сознательной самоорганизации в ноосфере.

Технократическое сознание versus ноосферное сознание человечества

Формула «биосфера-техносфера-ноосфера» составляет на сегодняшний день один из самых острых мировоззренческих и методологических вопросов. Происходит ли переход от биосферы и современной техносферы в ноосферу или идет процесс перехода биосферы в техносферу, которая принципиально отлична от биосферы и, в известном смысле, является ее могильщиком?

Остановимся на точке зрения, которая получила выражение в учении В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Это фундаментальное учение опиралось в момент своего создания в 1930—40-е годы на самые последние достижения общественных наук, однако его автор мог и не предвидеть конкретные проявления современной научно-технической революции. Для ответа на поставленный вопрос требуется сопоставить масштабы происходящих глобальных процессов и ответить на вопрос: можно ли понимать учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу как объяснение процесса перехода современной биосферы и техносферы в ноосферу.

Ответ, который напрашивается сам собой, отрицателен. Современная техносфера, как показывает реальность, ежечасно и ежеминутно убивает биосферу, отравляет ее химическими веществами, губит радиоактивностью, нарушением естественных биосферных циклов, дегуманизацией человека, уничтожением

почвы, животного и растительного мира. Это общепризнанный факт и с этим нельзя не считаться: из всех пророчеств наступления конца света мы подошли к самому реальному. Мир находится на переломе, а, значит, у него есть альтернатива: либо уйти в небытие, либо качественно измениться, стать другим.

Публикация работ В. И. Вернадского, особенно интенсивная в последнее время, позволяет лучше представить масштаб философского и естественнонаучного осмысления им перспектив развития биосферы и человеческой цивилизации. Понимание великим ученым будущего обосновывалось представлениями о естественном, закономерном процессе перехода биосферы в ноосферу. Его удивительный оптимизм и глубокий энтузиазм в отношении перспектив развития планеты основывался на выведении фундаментальных биогеохимических принципов, носил научный, а не утопический характер.

Современная техносфера принесла многочисленные беды как биосфере, так и обществу. Но зададимся вопросом, а возможно ли было преодолеть технократическое ослепление человечества, технический «апофигей» без катастроф, подобных Аралу и Чернобылю, без разрушений многого другого? Современная техническая цивилизация в ее развитии последних десятилетий — есть ответ на вопрос: что можно и что нельзя делать человеку? Этот ответ дан или, может быть, лучше сказать, получен после того, как человечество выбросило своей технической и научной деятельностью веер тенденций развития, многие из которых мы теперь понимаем как разрушительные. Проблема самоограничения человечеством самого себя по образу и подобию тех ограничений, которые вводила природа, создавая человечество, — естественный и закономерный путь современного развития.

Итак, видел ли В. И. Вернадский мощный расцвет техносферы в XX веке, как он связывал техносферу и ноосферу, видел ли трагичность противоречия сосуществования биосферы и техносферы? Думается, он в своих представлениях «снял» этот вопрос изучением явления более глубокой сущности — исследованием научной мысли как планетного явления. Мыслитель видел не только развитие техносферы, но и пришедшей в наш сегодняшний мир

инфосферы (информационной сферы), понимал, что вслед за техносферой грядет явление и более глобальное и более синтетическое — космическое явление, которое он назвал ноосферой.

Классическая работа В. И. Вернадского «Очерки геохимии» положила начало изучению процессов и их последствий, которые связаны с живым веществом. В этом направлении идет исследование геохимических процессов, порожденных современной техносферой. Ученый не придавал своим высказываниям характер догмы, нацеливая на самостоятельное выведение эмпирических обобщений. Не случайно он писал: «Где остановится этот новый геологический процесс? И остановится ли он?.. Равновесие в миграции элементов, которое установилось в течение геологических времен, разрушается разумом и деятельностью человечества. Мы находимся в настоящее время в периоде изменения этим путем условий термодинамического равновесия внутри биосферы»²⁰.

Таким образом, В. И. Вернадский ставил задачу охватить научной мыслью, эмпирической работой те фундаментальные геохимические процессы, которые проявили себя в середине XX века. Все вышесказанное позволяет вынести на обсуждение тезис: на современном этапе процесс перехода в ноосферу связан с сохранением биосферы, формированием новой социосферы и созданием качественно иной техносферы, предпосылки становления которых уже имеются. Важно сделать их реальными возможностями, сформировать тенденции ноосферного развития.

Современный этап развития планеты все более и более комплементарен понятию «ноосфера». По В. И. Вернадскому, ноосфера — это сфера труда и разума цивилизованного человечества. Диалектико-материалистический подход к анализу ноосферы подразумевает выяснение диалектики становления ноосферы и становления ноосферного сознания. Развитие ноосферы определяется формированием ноосферного сознания человечества, и, наоборот, становление ноосферного сознания — есть отражение стихийного геологического процесса перехода биосферы в ноосферу.

²⁰ Вернадский В. И. Очерки геохимии. М., 1983. С. 258.

Ноосферное сознание является планетарным, геологическим феноменом. Сознание в ноосфере выступает в качестве культурно-биогеохимической энергии, которая, как подчеркивал В. И. Вернадский, связана с разумом. Гениальное эмпирическое обобщение о роли культурно-биогеохимической энергии в становлении ноосферы — результат глубокого естественнонаучного осмысления диалектики материального и идеального в ноосфере. С одной стороны, такой подход нетрадиционен в сфере философского мышления, с другой, — он выступает как еще один шаг в естественнонаучной интерпретации материи как субстанции.

Используя марксистскую методологию, можно рассмотреть формирование ноосферного сознания как реальный процесс отражения в сознании человечества объективного процесса становления ноосферы. В этом случае тезис об определяющей роли общественного бытия по отношению к общественному сознанию получает свое дальнейшее развитие в социоприродном масштабе.

Ноосферное сознание — есть сознание становящейся ноосферы. Вслед за меняющейся ноосферой ноосферное сознание проходит определенные этапы. Для многих предшествующих типов сознания было характерно игнорирование объективных социоприродных отношений, биосферно-ноосферной реальности. Для современного уровня развития цивилизации система явлений, включающихся в понятие общественного бытия, расширяется за счет чрезвычайно разветвленной и очень существенной группы социоприродных отношений. Ноосферное сознание — это система идеальных явлений, присущих человеку и обществу, которая посредством опережающего отражения действительности, прогнозирования формирует отношения человека к природе, обществу и человеку в их вещественных, энергетических и информационных измерениях.

Для ноосферного сознания характерны некоторые существенные черты: глобальность и общечеловеческие ценности, активность и опережающее отражение, научность и моральность, гуманистичность. Многие из них присущи общественному сознанию вообще, но для ноосферного сознания характерна перестановка акцентов, которая приводит к качественной трансфор-

мации. В рамках ноосферного сознания понятие «общественное» приобретает подлинный смысл, ибо касается человеческой цивилизации вообще. Перечисленные черты ноосферного мышления в той или иной мере пробивают себе дорогу как тенденции, но уже сейчас мы можем уверенно говорить о действительном вторжении и «экспансии» ноосферного сознания в современное общественное сознание. Часто этот процесс происходит вне всякой связи с представлениями о ноосфере. Примерами, иллюстрирующим этот тезис, является новое политическое мышление, а также подходы Римского клуба, выраженные формулой «мыслить глобально, действовать локально».

Становление ноосферного сознания связано с изменениями в системе общественного сознания и в его функциях. Отражение глобальных проблем современности как проявления общественного бытия в общественном сознании формирует космический, экологический, (глобально-)экономический, ресурсно-потребительный и демографический виды сознания в дополнение к таким традиционным видам как политическое, правовое, нравственное, эстетическое и другие. С формированием новой системности перемещаются и акценты в рамках ноосферного сознания: в условиях кризисной экологической ситуации значительно возрастает роль экологического, экономического, ресурсного, демографического и гуманистического сознания, а экологическое сознание имеет тенденцию занять место системообразующего фактора в системе общественного сознания в силу его общечеловеческой ценности.

Важное место в исследовании ноосферного сознания занимает изучение его функций. В соответствии с классическими положениями марксизма философия (а учение о переходе биосферы в ноосферу носит мировоззренческий и методологический характер) должна не только объяснять мир, но и давать ориентиры для его изменения. Слова К. Маркса применимы в настоящее время не только к социальной, но и социоприродной действительности. В силу этого ноосферное сознание выполняет важнейшую функцию самоорганизации биосферы-ноосферы. Эта функция включает в себя гносеологический, ориентационный, прогностический аспекты, а также момент опережающего

отражения. Разум, научная мысль, ноосферное сознание становятся системообразующими факторами ноосферы, хотя вплоть до настоящего момента сознание по отношению к биосфере этой функции не выполняло.

Таким образом, ноосферное сознание — есть проявление культурной биогеохимической энергии, которая становится ведущей в процессе формирования такой сверхсложной системы, какой является ноосфера.

Трудности анализа становящегося ноосферного сознания во многом связаны с тем, что этот процесс носит всемирный, общечеловеческий характер, который не зависит от принадлежности к той или иной общественной или политической системе, культурно-исторических особенностей того или иного народа. В процессах материальной и духовной жизни современного человечества уже пробиваются ростки ноосферы: в общественном бытии — это интернационализация экологической, экономической, социальной и политической жизни, в общественном сознании — это развитие по экспоненте информационного потока и усиление информационного обмена между странами и народами, а также между отдельными людьми.

Понятие «ноосферное сознание» только сейчас начинает прокладывать себе дорогу, в силу этого встает задача определения места, которое может занять этот термин в ряду схожих понятий. По широте охвата явлений, по интегрирующей функции этой категории, она, на наш взгляд, носит формационный характер. Ноосферное сознание выступает как особый тип общественного сознания, как более общее понятие по отношению к понятию «коммунистическое сознание», существенно дополняя последнее в социоприродном аспекте.

Исследование гносеологических и социологических аспектов становления ноосферного сознания еще только начинается в современной литературе, но чем сильнее будет идти активный процесс становления ноосферы, тем большего внимания потребуют к себе эти проблемы и, соответственно, тем в большей степени ноосферное сознание будет оказывать воздействие на становление ноосферы.

**Проблема «сознание и ноосфера»
в творчестве Н. П. Антонова²¹**

На первый взгляд, может показаться, что пара философских категорий «сознание и ноосфера» рождается из духа марксистской философии, ибо в течение многих десятилетий мышление в рамках советской философии укладывалось в гносеологическую дихотомичность пары «бытие и сознание». Это так и не так. Это так, ибо используется богатейший арсенал методологических приемов, наработанных десятилетиями. Это не так, ибо современное бытие — это нечто совершенно иное, нежели имевшее место в XIX веке. Современное бытие человечества не просто социальное бытие, оно — социоприродное, ноосферное бытие. Феномен «ноосферного бытия человечества» формирует новое сознание человечества.

Рассмотрение сознания в качестве фактора самоорганизации ноосферы, концепта ноосферной реальности ставит проблемы ее главного агента. Речь идет, по существу, не о «философском субъекте», пусть даже в рамках субъект-объектной нерасчлененности, но о его конкретной представленности на уровне вещественно-энерго-информационного субстрата. Конкретно-историческое бытие ноосферной реальности порождало соответствующие названия этого агента: Бог, нус, разум, человек, субъект, человеческий фактор, человечество, абсолютный дух, научная мысль как планетное явление, сознание и другие. Понятие-концепт требовало в дополнение к себе понятие-субстрат. Проблема нахождения категориальной пары традиционно решалась в духе формальной или диалектической логики, но размышления о ноосферной реальности фактически требуют иного — триалектического (присущего русской философской традиции) подхода, когда «сознание и материя» не предстают в качестве исключających друг друга понятий, а рассматривается их взаимоотношение в рамках Универсума. В этом смысле замена пары «сознание и материя» на аналог «ноосфера и сознание» («ноосферная реальность и реальное сознание») означает

²¹ Написано в соавторстве с Ю. М. Серовым.

нечто большее, чем конкретизация субстрата, создает предпосылки для методологической и мировоззренческой динамики.

Проблема «ноосфера и сознание» выросла из истории «антоновской школы» философствования, берущей свое начало в 1950-е годы. Существует расхожее мнение о никчемности и безрезультатности исследований советских философов в «застойный период». В этом, без сомнения, есть доля истины, однако, на наш взгляд, этот вывод касается в основном так называемой аппаратной философии, т.е. философствования, «процеженного» через сито партийно-бюрократической цензуры. Помимо этой надземной ниши официальной философии подспудно, невидимо для других глаз в умах философов зрели идеи, которые, как им и положено, являлись отражением бытия, субъективно понятой реальности. Эта невидимая часть айсберга стала обнаруживаться как раз в условиях перестроечных процессов.

Отечественные философские произведения 1990-х годов в максимальной степени свидетельствует о значительном духовном потенциале советских философов. Публикуемое большими тиражами в «застойные годы», таким образом, представляло собой лишь тень реального философского процесса. Опыт исследования конкретных проблем не прошел даром: каждая из региональных философских школ наработала свои «философские зерна», которые в условиях оттепели закономерно дали свои ростки. Опыт становления и развития той или иной философской школы самоценен не только потому, что это конкретно-исторический опыт духовного постижения, но и потому, что он есть закономерное приближение к истине. Все вышесказанное в полной мере относится к «антоновской философской школе», сложившейся в Иванове.

Творческий путь профессора Н. П. Антонова был связан с философским осмыслением двух важных феноменов — сознания и ноосферы. Первый из них — сознание — сопутствует всему более, чем двухтысячелетнему развитию философии, второй — ноосфера — появился лишь в XX веке. Исторически для Н. П. Антонова как философа проблемы происхождения и сущности сознания оказались базовыми. К проблемам ноосферы ученый шел через осмысление роли сознания в формировании

общественных отношений и всей системы общественного бытия, в изменении биосферы планеты.

Первый период творчества Н. П. Антонова связан с изучением многообразных проблем сознания и завершается к середине 1970-х годов, когда начинается второй этап: интересы философа переключаются на творчество В. И. Вернадского. Изучение эпох становления ноосферы, выявление двух концепций ноосферы — таковы основные направления его исследовательской работы, выполненной совместно с аспирантами в 1974—1976 годах.

К концу 1970-х годов проблемы сознания пересеклись с ноосферной проблематикой. Анализ происхождения сознания не мог не привести к постановке вопроса о будущем сознания, перспективах его развития. Следует отметить, что к этому времени ученый ощутил необходимость пересмотра отдельных политических позиций, что, в конечном счете, оказало влияние и на мировоззренческие позиции. Явно обнаружился крен в сторону критического отношения к «идеологической алилуйщине», что, в частности, выразилось в поиске новых философских подходов к феномену сознания.

В статье «Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы» Н. П. Антонов сформулировал важные методологические идеи²². Для этой статьи характерны, по крайней мере, две существенных момента: доминирование гносеологического подхода и социально-философские ориентиры на коммунистическое общество. Гносеологический подход как следствие традиционных марксистско-ленинских установок на соотношение бытия и сознания напрямую был связан с господством в советской официальной философской науке «ленинской теории отражения». Этот подход был характерен для Н. П. Антонова на протяжении всего его творческого пути, однако ученый не исключал онтологические и аксиологические моменты и, в то же самое время, не форсировал их: «гносеологизм» гирями висел на ногах проблемы «сознание в ноосфере», не давая впасть в мис-

²² Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Сознание и диалектика процесса познания. Иваново, 1979. С. 3—20.

тический или религиозный онтологизм. Точнее было бы сказать, что вплоть до самых последних статей Н. П. Антонова гносеологический и онтологический подходы находились в некотором единстве, при доминировании сначала одного, а затем другого.

Анализ содержания статьи требует пояснения контекста соотношения понятий «коммунизм» и «ноосфера». К этому времени в понимании Н. П. Антонова возникли новации в осмыслении теории коммунизма: понятие «коммунизм» все более сближается с понятием «ноосфера». В литературе 1970-х годов совмещение этих понятий было связано с необходимостью реабилитировать, оправдать термин «ноосфера», раскрыть коммунизм через социоприродные, ноосферные характеристики. Для Н. П. Антонова значимой оказалась и другая сторона этих связей: коммунистическую формуляцию он видел через призму ноосферы. По его мнению, движение к коммунизму и должно было осуществляться по мере становления ноосферы. «Современное состояние ноосферы, — писал Н. П. Антонов, — это только ее начало, предноосфера. В полной мере ноосфера проявится в рациональном регулировании обмена веществом, энергией и информацией между обществом и природой в условиях коммунизма. Ноосфера без коммунизма также невозможна, как и коммунизм без ноосферы»²³.

Отметим, что Н. П. Антонов дополнил естественнонаучные выводы В. И. Вернадского о научной мысли как планетном явлении философскими выводами о роли сознания в целом в процессе перехода биосферы в ноосферу. Фактически он одним из первых так широко взглянул на проблему: пара категорий «научная мысль — ноосфера» была включена в более широкое категориальное единство «сознание — ноосфера». Чтобы отчетливее оттенить это различие, обратимся к термину «разум», чаще всего используемому В. И. Вернадским. С точки зрения философской нагруженности, «разум» подчеркивает единое, отделимое от человека, обезличенное, в известной мере даже «без-человечное», как бы бессубъектное явление. «Разум по-Вернадскому» лучше всего может быть раскрыт античным представлением о «нусе». Разум — это мышление, аналогичное мышлению природы. В отличие от него термин «сознание» по своей сути более гносеоло-

²³ Там же. С. 19—20.

гизирован, он имплицитно содержит в себе смысл «со-знания», т. е. не столько единого, сколько соединенного знания. В то же время термин «сознание» подразумевает не только персонифицированное сознание, но и сознание соборное, коллективное, как бы общественное. Есть еще один немаловажный момент: термин «сознание» в отличие от термина «разум», пришедшего из античности и философской классики XVII—XVIII веков, обладает тоналностью эвристичности, подразумевает функцию новообразования, раскрывается через принципиальную координацию субъекта и объекта. Вводя понятие сознание в контекст концепции ноосферы, Н. П. Антонов формирует новое для его подходов измерение — онтологичность сознания.

Статья о роли сознания важна еще и тем, что в ней, пожалуй, впервые так сильно, доминантно прозвучали аксиологические и праксиологические акценты. Она в большей степени имеет социально-актуализированный смысл, а собственно философские моменты анализа роли сознания в ноосфере как бы остаются в тени, они потеснены привлечением достаточно обширного естественнонаучного материала.

Важную роль в ноосферных ориентациях Н. П. Антонова сыграла книга А. Печчеи «Человеческие качества»²⁴, высоко им оцененная. С одной стороны, апокалипсический пафос этой книги привел Н. П. Антонова к еще большей критичности в оценках современной технологической цивилизации и возможности решения глобальных проблем современности на основе идеологических подходов; с другой стороны, для него был понятен и приемлем осторожный оптимистический подход к новым угрозам, с которыми столкнулась человеческая цивилизация.

Следующий шаг в осмыслении проблемы «сознание — ноосфера» был сделан в процессе подготовки в 1983 году научно-теоретической конференции «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение»²⁵. Подготовленная к ней статья Н. П. Антонова свидетельствует о том, что мысль философа шла в направлении явного доминирования общечеловеческих ценностей над клас-

²⁴ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

²⁵ Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. Т. 1—2. М., 1990—1991.

совыми в решении глобальных проблем современности, критических и порой даже экопессимистических оценок в отношении развития технокивилизации и выживания биосферы.

Попав в фокус союзной и международной ноосферистики, Н. П. Антонов предложил и научно обосновал несколько важных, методологически значимых идей. Во-первых, именно с этой конференции в научный оборот попал термин «учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу», в последующие годы оказавшийся в центре философских дискуссий. Во-вторых, наконец-то в полной мере было осознано центральное место сознания, научной мысли, человеческого разума в реальном процессе превращения биосферы в ноосферу, т.е. на деле преодолен вульгарно-материалистический подход к проблеме «сознание — материя», господствовавший как в советской философии в целом, так и при решении конкретных экологических и природоохранных проблем. С конференции 1983 года проблема «сознание — ноосфера» оказалась точкой приращения как философского, так и естественнонаучного знания, появилась возможность достраивать здание, спроектированное и в своей фундаментальной части заложенное В. И. Вернадским.

Доклад Н. П. Антонова на ивановской конференции еще более расширил субъектную ипостась ноосферы: при его подготовке ученый вдруг обнаружил острую необходимость обратиться к прежним, фундаментальным разработкам, связанным с диалектикой субъекта и объекта, объективного и субъективного в сознательной деятельности людей. Формулировка темы доклада «Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу»²⁶ замыкается на вывод ранней статьи о том, что «человек "творит" предметный мир, в котором он живет, всю вторую "очеловеченную природу" не из идеи, не из сознания, а при помощи сознания в процессе труда из вещества природы, материи»²⁷. В статье, написанной на основе доклада, Н. П. Антонов

²⁶ Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. М., 1991. Т. 2. С. 125—138.

²⁷ Антонов Н. П. Диалектика объекта и субъекта, объективного и субъективного в сознательной деятельности людей // Диалектика сознания и познания: Сб. науч. тр. Иваново, 1974. С. 13.

однозначно утверждает, что «суть концепции ноосферы у Вернадского состоит в признании возрастающего влияния научной мысли, труда и разума людей (т. е. субъективного фактора) на биосферу, на естественный процесс развития природы»²⁸. В этой цитате раскрывается содержание субъективного фактора применительно к ноосферной проблематике. Не менее важным является и представление об идеальном компоненте ноосферы, дополняющее представление о субъективном факторе. «Разум человека, его мышление и сознание, научная мысль, весь комплекс знаний, информации, накопленных человечеством, есть *идеальный компонент ноосферы* (курсив мой. — Г. С.), овеществляющийся в производительных силах, в техносфере, в произведениях материальной и духовной культуры, созданной людьми»²⁹.

Анализируя диалектику субъективного и объективного, материального и идеального, опредмеченного и распредмеченного, Н. П. Антонов формулирует несколько необычный для догматического направления марксистской традиции тезис о том, что «в условиях становления ноосферы это соотношение начинает меняться местами»³⁰, что «субъект, его сознание, научная мысль в процессуальном, производственном плане становятся первичными по отношению ко всему, что создано трудом человека. Сначала мысль, а потом задуманный предмет»³¹.

Приведя эти важные методологические положения, мы подходим к важнейшему моменту, характеризующему антоновскую концепцию роли сознания в ноосфере. За этим водоразделом мысли стоят инопорядковые ноосферные теории, включающие в себя и экстрасенсорные и мистически-космические оттенки. Н. П. Антонов пишет: «На основании объективации мысли в процессе труда, опредмечивании и распредмечивании иногда говорят о том, что идеальное превращается в материальное, а материальное в идеальное. В действительности никакого превращения идеального в материальное <...> не происходит...

²⁸ Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. М., 1991. Т. 2. С. 132.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 133.

³¹ Там же. С. 134.

Сознание как субъективная реальность не является субстанцией и само по себе творить и изменять мир не может»³². Тезис, выделенный в статье 1974 года, вновь повторяется с небольшим расширением смыслового содержания: «Человек творит предметный мир <...> не из идеи, не из сознания, а при помощи сознания в процессе труда»³³.

Таким образом, мы видим, что даже при всем синтетическом совмещении онтологического, гносеологического, аксиологического и праксиологического в понимании сознания кардинального переосмысления проблемы не происходит. Следует отметить, что Н. П. Антонов и его школа фактически стояли на пороге осмысления феномена «интерсубъективности»: это видно из того, что, с одной стороны, выявляется единство субъективного и объективного, с другой стороны, — в силу включения гносеологического аспекта в онтологический. Справедливости ради заметим, что подобные подходы в советской философской литературе в качестве новой парадигмальной установки обнаружат себя в изучении сознания несколько позднее.

Таким образом, Н. П. Антонов, идя вслед за В. И. Вернадским, охватил значение и роль сознания, научной мысли в процессе становления ноосферы уже не с естественнонаучных, а с философских позиций, более широко осмыслив субъективную ипостась ноосферы, ее идеальный компонент и сделал дальнейший шаг по пути осмысления перехода биосферы в ноосферу. Его подход смягчил отстраненно-рационалистический онтологизм В. И. Вернадского и акцентировал внимание именно на аксиологических и, что особенно важно, праксиологических моментах, что можно расценить как безусловный ответ на вызов времени, эпохе глобальных проблем современности.

В своей последней статье, вышедшей на русском, английском и болгарском языках в Софии³⁴ и представлявшей собой несколько измененный вариант одноименной статьи, вышедшей

³² Там же. С. 135.

³³ Там же. С. 136.

³⁴ Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Человек, Эволюция, Космос. Год. III. Кн. 4. Книжка 1. София, 1984. С. 93—104.

значительно позднее в России, Н. П. Антонов представил международному обществу основные выводы в области изучения сознания и ноосферы. Парадигма осмысления проблем «ноосфера — субъективный фактор», «сознание в ноосфере», сформулированная им, позволяет, во-первых, развязать многие теоретические узлы ноосферной проблематики (такие, например, как «казус неразумной ноосферы»), а, во-вторых, сделать дальнейшие шаги в сторону универсального осмысления процесса перехода биосферы в ноосферу.

***Сознание и ноосфера:
проблемные поля современности***

В творчестве В. И. Вернадского мы можем обнаружить такие категориальные пары, как «научная мысль — планета», «разум — человеческая цивилизация», но заметим, что в его методологическом багаже нет противопоставления, а есть утверждение атрибута целого. Оригинальный мыслитель выделил из феномена культуры эманацию «научной мысли как планетного явления» в качестве самого «онтологического» (в смысле стойко-общечеловеческого, целостно-организменного явления) ее элемента. Применяя образ биосферного порядка, можно сказать, что научная мысль — это «плотные слои атмосферы человеческого духа». Научная мысль В. И. Вернадского выработана естественнонаучным мышлением, основана на фундаменте эмпирического обобщения, рожденного составленностью мирового научного знания.

В книге «Научная мысль как планетное явление» В. И. Вернадский на практике продемонстрировал особенности применения биосферно-культурно-исторического метода к одному из самых существенных элементов духовной культуры, формирующему планетарно-человеческую субстанцию ноосферного качества. Как культуролог, В. И. Вернадский заложил основы методики и методологии исследования биосферно-культурной сверхсистемы («ноосферы»), которые включают в себя принципы актуализации, глобализации, организованности, а также принцип «инновационно-личности». В этом смысле понятие «человек

ноосферы» обозначает прежде всего мыслителя мирового масштаба, область знаний которого настолько универсальна, что претендует на степень ноосферной всеобщности. «Человек ноосферы» — это творец ноосферного знания, способствующего построению ноосферы. Феномен ноосферного знания как понятие несколько шире, чем близкое к нему понятие «научная мысль». Ноосферное знание достаточно близко к аутентичной научной мысли, ибо научная мысль есть некая процессуальность, работающая на стыках субъективностей и культур, в переходах смежных областей реальности; но оно не замыкается на ней, а стремится к философскому, художественному и религиозному знанию. В результате сложнейшей работы научной мысли появляется не только антинаучное, ненаучное, вненаучное, паранаучное знание, но и выдается на гора знание философское.

Общеизвестно, что текст книги был подготовлен по рукописи уже после смерти В. И. Вернадского большим и квалифицированным коллективом, который в силу политических условий вынужден был сделать купирование некоторых мест, редакторскую правку. По этой причине данному труду академика часто отказывают в отшлифованности, научности, столь характерных для других его работ. Думается, что такой подход неправомерен: готовя книгу, В. И. Вернадский работал в несколько ином жанре, его труд носит характер философско-культурологического трактата, раскрывающего надстроечный этаж «научной картины мира», но «выведенность» философского знания из естественнонаучного знания отличается высочайшей пробой и не имеет прецедентов как в отечественной, так и в мировой науке.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что термин «научная мысль» имплицитно включает в себя онтологический контекст, позволяющий выйти из зоны «ядра» в приграничные оболочки, «защитные пояса» и связать научную мысль с философской категорией «сознание». Несколько упрощая, можно сказать, что мысль есть бытийность сознания, а научная мысль — это каркасная доминанта, соединяющая человеческое сознание с ноосферной реальностью.

Онтологический статус научного знания способствовал широкому использованию В. И. Вернадским термина «разум».

Философская мысль того времени по преимуществу осмысливала экзистенциальный ряд субъективности на отрезке от гносеологичности к аксиологичности. Экзистенциальная и персоналистическая сфера философского знания была наиболее далека от ноосферных интересов ученого, и он сознательно отбирал в анналах мировой философской мысли онтологические системы, ориентированные на «натуралистические» интерпретации человеческой субъективности. Все это способствовало симпатии к понятию «разум» с ярко выраженной онтологической заданностью.

В течение длительного времени термин «сознание» имел значительный гносеологический акцент, и тем самым сильно ограничивалось его содержание, эвристический потенциал. Пересмотр гносеологизированных, «отражательных» парадигм сознания привел к тому, что сознание, приобретая онтологический статус, оказалось очень близко по смыслу, содержанию и функциональности термину «разум».

Ограниченность утилитарно-отражательных интерпретаций сознания стала очевидна уже во второй половине 1970-х годов. В этой связи развернулись дискуссии о понимании ленинской мысли «сознание творит мир», возникли споры о природе идеального, об онтологическом контексте понятия «материя» и, наконец, об онтологическом статусе сознания. Своеобразная «онтологическая революция» в советской философской науке привела к инопониманию контекста сознания, позволила шире взглянуть на предметную область философии.

Весьма убедительно факт подобного движения, пусть внутренне противоречивого, больше интуитивного, нежели осознанного, можно продемонстрировать на примере творчества Н. П. Антонова, в котором онтологичность сознания вызревала в связи с осмыслением процесса перехода биосферы в ноосферу. В советской философской науке процесс утверждения рядоположенности онтологического, гносеологического, аксиологического и праксиологического постепенно набирал силу, и к началу 1990-х годов онтологический статус сознания окончательно получил право на существование.

Таким образом, постепенно проблема «сознание и ноосфера» раскрылась в своем настоящем звучании, обнаружилась ее содержательная сторона, проявилась ее социально-практическая

актуальность. Эта проблема выстраивает довольно обширное «регулярное поле»: координаты ноосферы и координаты сознания подразумевают не плоскость, но пространство, некую сферу, где смыслы приобретают объемность. В этой связи ноосферная реальность и ноосфера требуют новых философско-методологических подходов, адекватных той сложности, которая стоит за термином и самим феноменом. Однако это не означает так называемую кардинальную ломку менталитета. Было бы слишком просто, если бы направление философско-методологических поисков вызывалось только социокультурной динамикой современности. Сегодняшний предродовой духовный хаос разноинтенционален, и остается лишь признать, что современная методологическая ситуация должна быть принципиально полипарадигмальна не только в пространственном, но и во временном измерении. Чем разнообразнее духовное содержание субъективностей, тем больше шансов на правильную сборку «ДНК духовной жизни» настоящей ноосферной реальности.

История философской мысли показывает: когда возникающая философская парадигма в своем развитии доходит до праксиологического уровня, мир уже настолько изменился, что она даже в гносеологическом срезе оказывается несостоятельной. Закон ускорения темпов изменения реальности делает неизбежным привлечение наиболее длиннолаговых духовных конструкций — прежде всего прошедших тысячелетнюю проверку. Соединение современного научного знания с общекультурным потенциалом философского и религиозного знания позволяет сделать осторожный вывод о возникновении своеобразной формы философско-методологической революции.

Вопрос о методологических основаниях проблемы «сознание и ноосфера» всплывает вполне естественно, так как эти термины выступают в слишком разных, на первый взгляд, философских «весовых» категориях. Сознание — неизменный спутник всей истории человечества; вокруг этого термина сломано столько копий и реализовано столько подходов, что, кажется, «белых пятен» не осталось и он, как выдержанное вино, благоухает всеми ароматами, начиная от «абсолютной идеи» и заканчивая экзистенциальностью и персоналистичностью. На сегодняшний день методологический арсенал категории «созна-

ние» один из самых значительных — в нем сосредоточены тончайшие инструменты анализа и мощнейшие приборы синтеза действительности. Понятие «ноосфера» возникло в XX веке, однако, это не означает, что «ноосферной проблемы» не существовало ранее. Над ноосферной проблематикой — созданием достойных человека условий жизни, построением мира по законам истины, добра и красоты, очеловечиванием природы, созданием нового образа человека и его духовности — бились лучшие умы человечества. Век от века эта сверхзадача все более усложнялась и «оговаривала» новые условия для дерзającego человечества: над историческими аналогами ноосферной реальности трудились философы, по крайней мере, две тысячи лет. Ноосферная реальность в каждую эпоху имела свое собственное лицо, но нет сомнения, что осмысление реальности шло в направлении поисков разумной организованности, высших ценностей и идеалов.

Проблема «сознание и ноосфера» задает наибольшую широту охвата мирореальности. Философская специфика этой пары заключается в том, что между этими категориями выстраивается все бесконечное категориальное многообразие как мироматериальной предметности, так и разумо-реальностной действительности. Рассматриваемая категориальная пара, на первый взгляд, аналогична паре «бытие и сознание», что свидетельствует о связи с философской традицией рационалистическо-гносеологической эпохи. Однако при всем богатстве толкований соотношения категорий бытия и сознания в мировой философии при анализе пары «ноосфера и сознание» возникают новые контексты и смыслы, вносятся новые доминанты. Содержательная сторона синкретэмы «ноосфера» бесконечно более конкретна, нежели категории «бытие». Фундаментальная философская категория «бытие» наполняется экологическим, естественнонаучным, гуманитарным содержанием в категории «ноосфера» («ноосферная реальность»). В нарушение закона формальной логики объемы понятий «ноосфера» и «бытие» тождественны, а содержание понятия «ноосфера» бесконечно богаче. Наполнение философской категории архетипического масштаба естественнонаучным содержанием — закономерный путь развития культуры, проистекающий из стихийного прирастания знания.

В известном смысле термин «ноосфера» — феномен абсолютной конкретности, в то время как термин «бытие» — феномен абсолютной абстрактности.

Ситуация с категорией «ноосфера» похожа на исторические трансформации категории «материя»: механизмы их наполнения содержанием подчиняются одинаковым законам, хотя синкретизма «ноосфера» имеет личностно-субъектно-разумную представленность, а гносеологизированная категория «материя» — безличностно-объектно-вещественную. Образно говоря, ноосфера и материя — две стороны одной медали. В методологическом плане анализ категории «ноосфера» требует интерпретантов, характерных для категории «материя» и для категории «сознание», наработанных в ходе историко-философского процесса. Так рождается новая пара категорий — «ноосферное сознание» и «ноосферная реальность».

Для анализа проблемы «сознание и ноосфера» может быть применен традиционный субъект-объектный подход, характерный для философской рефлексии европейского образца. Философско-культурологический подход к ноосферной проблематике предполагает расширенный его вариант. Социодинамика культуры показывает, что имеет место поступательное движение от объект-объектной доминанты миропонимания к субъект-объектной и далее к субъект-субъектной форме миропредставленности. Подобная закономерность проявляется как на уровне филогенеза, так и на уровне онтогенеза организма философского знания. Современная культура показывает, что собственно человеческое бытие (бытие родового человека) практически всегда, даже в самых сильных объект-объектных и субъект-объектных отношениях, имеет значительный и существенный субъект-субъектный подтекст. В этом смысле даже отношение человека к природе не объект-объектно (что фактически до настоящего времени признается не всеми) и не субъект-объектно (что является лишь определенным этапом в развитии экологического видения мира), а субъект-субъектно, ибо, познавая ее, мы строим ее в себе по образу и подобию себя, т. е. по образу и подобию природы, которая создала человека. Природа, таким образом, представляет собой «субъект-для-нас»: она, рассматриваемая как бытие живого вещества, обозначается термином

«биосфера», а взятая как бытие человеческого разума в биосфере — термином «ноосфера». Ноосфера представляет собой субъект-субъектно понятую природу.

Таким образом, парное понятие «ноосфера-сознание» интерпретируется как сложнопересеченность объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений. Когда триединство различных форм отношений достигает состояния максимальной нерасчлененности, как это имеет место в данном случае, «феномен Троицы» в качестве методологического подхода становится важным, если не единственным интерпретантом. Как это ни парадоксально, но разведенные противоположности оказываются «вложенными» друг в друга. Понятие «ноосфера», поглощенное понятием «сознание», становится «ноосферным сознанием»; понятие «сознание», поглощенное понятием «ноосфера», превращается в «ноосферную реальность». Дальнейшие категориальные подвижки приводят к тому, что «ноосферная реальность» задается как «ноосферное сознание», и наоборот. Так складывается контекст и подтекст синкретэмы «ноосфера».

К термину «ноосфера» философское знание шло не через деривации понятия «материя», а проистекало из контекста «сознания». Чем полнее и глубже раскрывается содержание понятия «ноосфера», тем больше необходимости в разработке «сознания», и наоборот. Такое самораскрытие двух разнящихся понятий очень плодотворно еще и потому, что приводит к их «вотождествлению». На уровне синтеза (после разведения противоположностей) «сознание» и «ноосфера» соединяются, становясь не подлежащим раздвоению феноменом. Ноосфера предстает, таким образом, в качестве онтологизированного и праксиологизированного сознания.

Рассмотрение синкретэмы «ноосфера» через призму «сознания» и «материи» задает взаимодополняющую полноту онтолого-гносеолого-праксиологического континуума и определяет его отдельные составляющие.

Гносеологическое измерение проблемы «сознание и ноосфера» связано с собственно научной формой осмысления ноосферы, начало которой было положено В. И. Вернадским. Изучение ноосферы в рамках отдельных наук дополняется изучением по проблемам: настоятельное требование исследования ноо-

сферной реальности (реальной ноосферы) привело к возникновению большого количества смежных, промежуточных, пограничных наук, с появлением которых формируется единый комплекс ноосферного знания — своего рода синтез гуманитарных, естественных, экологических и технических наук. В этой системе особое место занимают науки экологического цикла, бурное развитие которых в XX веке и потребовало от философов иного — неантагонистического (недихотомического) понимания мира. Мир не столько разъединен в антиномичности материального и духовного, сколько соединен, и чем далее в историческом плане, тем более он становится едино-глобальным. Этот факт в наше время начинает осваиваться мировой культурой уже не как рефлексия, а как форма бытия самой культуры.

Комплекс современного ноосферного знания формируется в процессе осознания необходимости решать глобальные проблемы современности. Кризисность современного состояния мира подчеркивает значительное несоответствие между императивом созидательной целенаправленной экологически обоснованной деятельности человечества и его современным состоянием — его реальными экологическими, экономическими, политическими, социальными и культурными возможностями. Современное человечество в лучшем случае еще только готовится к созданию планетарных общечеловеческих форм ноосферного бытия. Отчасти по этой причине в целом ряде философских работ можно обнаружить не только вполне оправданный «ноосферный скептицизм», но и «ноосферный негативизм», вызванный, на наш взгляд, «сциентистским гносеологизмом» — формой духовного охвата технико-антропной реальности как таковой без учета историко-культурного потенциала прошлого, настоящего и будущего человеческого бытия. Форма ноосферного движения современной цивилизации определяется противодействием пружины техногенной цивилизации и сжатости природно-космической пружины. Ноосферный процесс, таким образом, не гносеологическое пожелание человека, а, как доказано В. И. Вернадским, стихийно-геологический планетарный процесс космической размерности. Наш человеческий мир устроен так, что человек и его сознание являются главными агентами явленного Универсума — Ноосферы. В этой точке движе-

ния философской мысли можно видеть превращение «гносеологической ноосферы» (а значит, недодуманной, неполной, как если бы донаучной ноосферы) в «онтологическую ноосферу» (т. е. явление природное, или, как это звучит на уровне идеала, — божественное).

Историко-философское движение от гносеологического видения к онтологическому было опосредовано решением аксиологического и праксиологического «основных вопросов философии».

Аксиологический срез проблемы «сознание и ноосфера» является одним из самых трудно рефлекслируемых и теоретически сложных, ибо он выражает интенциональность (телеологичность) ноосферы и ноосферного сознания. Выстроенность, иерархия ноосферных ценностей в сознании человека и человечества подразумевает историческое и системное их исследование. Первое связано с историко-философскими и культурно-историческими подходами: главная их задача — выявление специфики каждой конкретной национальной культуры с точки зрения ее ноосферного потенциала («зёрен ноосферы»). Каждая локальная культура как некий хронотоп по-своему экологична и ноосферна, она имеет свое особое ноосферное лицо, а также ноосферную доминанту. Так, американская культура деятельностно-прагматически ориентированна, русская — духовно доминантна, индийская — чувственно-медитативна. Ноосферность каждой культуры складывается на протяжении многих веков, а в некоторых случаях — тысячелетий. Мощный аксиологический потенциал ноосферного плана содержится в духовно-душевной сфере религиозной жизни: православие ориентировано эстетически, католицизм — морально-этически, протестантизм — прагматически, буддизм — иррационально-интуитивистски, мусульманство — жизненно-поведенчески³⁵. Разумное вещество находит адекватное себе экобытие Духа.

Антиноосферная интенциональность культуры, как показывает опыт мировой истории, приводит к саморазрушению общества, дисгармонии во взаимодействии природы и цивили-

³⁵ См.: о. Александр (Ельчанинов). Отрывки из дневника // Человек. 1990. № 3. С. 106—113.

зации. Так, советская культура (в широком смысле слова) проявила свои качества неноосферности. В свою очередь, культуры, интуитивно или опытно нашедшие эколого-ноосферное русло развития, продвигаются по этому фарватеру тысячелетиями. На наш взгляд, к таким ноосферным культурам относится отечественная культура, прошедшая, как показывает Д. С. Лихачев, этапы «росьской», «русской», «российской» культуры³⁶.

Второе направление аксиологических исследований подразумевает построение сложнейшего континуума ценностей современной ноосферной реальности и реализуется оно на собственно культурологических подходах. В XX веке антиноосферная и ноосферная аксиологические системы начали проявлять себя не только на локальном, но и на глобальном уровне, в результате чего возник целый комплекс глобальных проблем современности, приведший к кризисной ситуации планетарного масштаба.

Осознание в 1960-х годах реальной близости «конца света» (в таких формах, как «экошок», «демошок», «футурошок») позволило сформулировать новые императивы бытия человечества. В дополнение к императиву И. Канта возник экологический императив, который в наше время перерастает в ноосферный императив. В иерархии ценностных ориентаций современности гуманистический, экологический и ноосферный императивы становятся фундаментальными основами бытия человечества. Если об экологическом императиве в последние годы написано достаточно много, то ноосферный императив лишь начинает свой путь к конституированию. Ноосферный императив рассматривает человека, общество и природу как единую целостную систему, акцентируя внимание на их общечеловеческом, глобально-планетарном субстрате. В призме ноосферного императива ноосфера предстает в качестве духовной и материальной культуры, функционирующей в мировом универсуме. Ноосферный императив является ценностным ядром ноосферного сознания человечества.

³⁶ Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М., 1992. С. 9—13.

Праксиологическая сторона проблемы «сознание и ноосфера» неизмеримо масштабнее предшествующих. Вместе с тем, она значительно слабее отражена в философской литературе. Деятельностный подход, получивший в последнее время повсеместное применение, позволяет указать на диалектику субъекта и объекта, обозначить формы и виды ноосферной деятельности, полнее охватить механизмы опредмечивания и распредмечивания, превращения идеального в материальное и материального в идеальное, но тем не менее сохраняет некий налет гносеологизма. Взятый в философско-культурологическом контексте, он обнаруживает качество онтологизированности: поле инверсии смыслов в этом случае может быть обозначено через соотнесение «ноосферности культуры» и «культурности ноосферы».

Праксиологический аспект требует рассмотрения философии как теории миропостроения, что, во-первых, подразумевает построение мира в сознании человека и, во-вторых, действительное построение мира в соответствии с выработанной культурой парадигмы миропостроения. В истории мировой культуры обнаруживается корреляция гносеологического построения (внутреннего) мира и действительного (внешнего) миропостроения. Парадигма миропостроения формируется в результате подстройки друг под друга теоретических (умозрительных) и практических (деятельностных) конструкций. Результатом философской рефлексии проблемы «сознание и ноосфера» в условиях современной ноосферной реальности является утверждение ноосферной парадигмы миропостроения, что возвращает нас к исходному пункту — онтологическому видению мира.

Онтологический срез проблемы «сознание и ноосфера» — один из самых неразработанных в современной науке о ноосфере. Трудности его реализации связаны, во-первых, с долгим забвением онтологического статуса сознания в отечественной философии, во-вторых, с традиционным «аксиологическим» (точнее — идеологическим) осмыслением феномена ноосферы. Онтологический подход к ноосфере как данности XX века устанавливает факт дисгармонии, несоответствия между уровнем вызванных человеческой цивилизацией космопланетарных процессов и человеческим качеством в совокупности его сенсуалитета, менталитета и праксиолитета. Качество сознания, которое явлено нам как

культурная биогеохимическая энергия, определяет и качество ноосферной реальности. Таким образом, ноосферу можно рассматривать как онтологизированное сознание, т.е. сознание, обращенное вовне, «вывернутое наизнанку в материю». Идеальное (сознание) тем самым приобретает статус материальности, оставаясь не объективной, а субъективной реальностью³⁷.

На наш взгляд, центральным понятием в рамках указанного подхода становится представление о «ноосферности» в двух его необходимых ипостасях — ноосферности сознания и ноосферности реальной ноосферы. Отечественные и зарубежные исследователи создали хорошую базу для рассмотрения ноосферности как экологичности. Процесс экологизации различных сфер жизни общества, в том числе общественного и индивидуального сознания, — обнадеживающий факт бытия человеческой цивилизации. Другое направление разработки термина «ноосферность» вытекает из обращенности к интегративному по своей природе, носящему ярко выраженный онтологический характер элементу — культуре. Культура как мост, соединяющий в себе гносеологические и аксиологические дихотомии, — один из самых сильных интерпретантов ноосферности.

В 1970—80-е годы проблема ноосферы по преимуществу рассматривалась в рамках марксистской традиции, которая в значительной степени игнорировала культурологический план общественного бытия. Обращение ко всей полноте ноосферной проблематики ставит целый ряд исследовательских задач, среди которых: 1) выявление взаимосвязи индивидуальной культуры личности и ноосферных (антиноосферных) процессов в реальной ноосфере; 2) осмысление проблемы ноосферной конвергенции национальных культур (включая религиозные системы); 3) исследование процесса формирования общечеловеческой ноосферной культуры; 4) изучение механизмов и путей становления ноосферной целостности планетарной духовной жизни.

Очерченное проблемное поле дает лишь самое общее представление о направлениях изучения универсума «сознание — ноосфера» и требует дальнейших усилий раскрытия ноосферо-

³⁷ См.: Гумницкий Г. Н. О двух подходах к раскрытию содержания понятий «материя» и «сознание» // Философские науки. 1987. № 2. С. 24—29.

культурных процессов. Синтетический характер ноосферной реальности как соединенности несоединимого ставит вопрос об актуальном рассмотрении не только всего мирового философского знания, но и религиозно-философско-научно-художественной субъективности консолидирующегося человечества.

Методология, наработанная в советской философии, в области изучения онтологических, гносеологических, ценностных и праксиологических контекстов сознания закономерно может быть использована в анализе проблем «системность сознания и ноосферы», «становление ноосферного сознания», «социокультурные изменения сознания ноосферы», «становление субъективных факторов ноосферы».

Вместе с тем проблема «сознание и ноосфера» потребовала и поисков новых подходов, новой расстановки акцентов. Прежде всего, следует отметить перенос акцента с гносеологического на онтологический уровень: онтологичность сознания в контексте ноосферы подразумевает рассмотрение ноосферы как «сознание-содержащего Универсума», что приводит к ослаблению субъектности (точнее было бы сказать персоналистической гносеологичности) и усилению аспектов интерсубъективности сознания.

Рассмотрение сознания в ноосфере-универсуме требует комплексного изучения. Неразличимость «осубстраченного сознания» (овеществленного сознания) и одухотворенной ноосферы в универсумной реальности позволяет использовать системный и универсумный подходы в качестве всеобщего метода исследования. С этого момента проблема выходит на совершенно иной, более высокий уровень. Проблема сознания (со-знания) становится проблемой мудрости, проблемой софийности ноосферы. Этот уровень теории ноосферного миропостроения реально обозначен философией русского космизма, которая до настоящего времени еще недооценена в деле интерпретации ноосферных процессов.

Многообразие методологического багажа в изучении проблемы «сознание и ноосфера», на наш взгляд, не есть показатель эклектичности. Это, скорее, свидетельство масштабности, многоуровневости поставленных задач.

Онтологический подход к проблеме «сознание и ноосфера»

Выявление новой системной целостности сознания составляет по-новому осмыслить его место и роль в развитии цивилизации. В философском плане этот сдвиг мировоззренческого характера по преимуществу связан с переходом в исследовании проблем сознания от гносеологизма к онтологизму. Смена доминант произошла не сразу: движение к ноосферному онтологизму было опосредовано вначале рассмотрением ценностных характеристик сознания, его интенциональности, аксиологической ориентированности, затем произошел перенос аксиологических моментов на праксиологические формы. Постепенное утверждение «деятельностных школ» в отечественной новейшей философии окончательно предопределило приоритетность онтологических подходов как в общепhilософской проблематике, так и в философии сознания.

Освоение нового измерения сознания было связано с констатацией проблемы межпредметного исследования содержания сознания³⁸, с попытками разведения понятий «материальность сознания» и «объективность сознания»³⁹, с укоренением онтологического взгляда на проблемы диалектического материализма⁴⁰. В работах А. В. Ерахтина проблема онтологичности сознания из разряда «скандальных» переходит в разряд обычных и традиционных, всеми адекватно воспринимаемых⁴¹.

Введение онтологической проблематики в проблему сознания обозначало разрушение стандартных «отражательных» схем анализа сознания. Сознание обрело ту многозначность, за которой появилась возможность говорить о «жизни сознания», а

³⁸ См.: Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 11. С. 3—30.

³⁹ См.: Гумницкий Г. Н. О двух подходах к раскрытию содержания понятий «материя» и «сознание» // Философские науки. 1987. № 2. С. 24—29.

⁴⁰ См.: Акулов В. Л. Философия, ее предмет, структура и место в системе наук. Краснодар, 1976.

⁴¹ См.: Ерахтин А. В. Проблема сознания в марксистской и современной западной философии // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Иваново, 1994. С. 18—31.

не только о его механическом отраженческом бытии, — сознание стало равноправным с объективной реальностью, приобрело подобающую ему значимость, стало действительным агентом, а не статистом. Сознание приобрело статус «бытия-для», становясь тем самым «сознанием-для». Оно раскрывается, с одной стороны, и как «осознаваемое бытие», и как «осознанное бытие», и как «сознающее бытие», и как «осознающее бытие»; с другой стороны, и как «объективирующее сознание», и как «бытийствующее сознание», и как «бытующее сознание», и как «самобытное сознание».

Проблема взаимодействия Бытия и Сознания оборачивается, таким образом, множеством вариантов фиксации неуниверсальности бытия и сознания: каждый из них имеет определенный смысл в рамках заранее очерченных значений и тем самым инструментально выполняет ту или иную функцию.

Онтологический подход к анализу сознания позволяет значительно расширить философско-методологическую базу его изучения. Если рассмотрение проблем сознания традиционно базируется на диалектическом методе восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, то осмысление мирового сознания (точнее говоря, «мирового сознания»), всемирного сознания, планетарного сознания невозможно вне изучения его частей, типов, сознания как целого, с точки зрения и логического, и исторического измерений. Кроме того, исследование общемирового сознания (сознания ноосферы) требует также пространственного видения: привлечения бесконечного множества кусочков мозаики, т. е. форм группового и индивидуального сознания. Формирование образа планетарного сознания дает возможность выявлять в нем ноосферное содержание, тем самым содержательно и структурно определить понятие «ноосферное сознание». Так, в самых общих чертах связаны понятия «ноосферное сознание» и «сознание ноосферы»: если сознание ноосферы в полном объеме включает в себя феномены природного и общественного бытия, то ноосферное сознание представляет кажимость хаоса в формулах порядка — отрефлексированного бытия человека в Универсуме. Ноосферное сознание формируется там и постольку, где и поскольку осуществляется оптимизация и гармонизация уровней природного и со-

циального, естественного и искусственного, биосферного и техносферного, духовного и материального.

Наряду с проблемой соотношения «ноосферного сознания» и «сознания ноосферы», одной из актуальных проблем современной философии сознания является изучение механизмов «нетождественности» (опосредованности, несовместности) ноосферной реальности и сознания ноосферы (включая в него ноосферное сознание). Научно-техническая революция привела к резкому усилению темпов изменения вещественно-энергетической субстанции планеты: обнаружилось сильное несоответствие общественного и природного бытия человека и человеческой цивилизации и темпов (объемов) информационного выражения субъективности, необходимых для адаптации и выживания человека. Неадекватность сложности субстрата и информационно-духовного представления о нем привела к одновременной деструкции и духовных и материальных оснований космопланетарного Универсума. Проблема временного лага, разведения бытия и сознания существует в современной постановке вот уже более тридцати лет. Она была обозначена в деятельности Римского клуба, в докладах которому были сформулированы основные угрозы современному человечеству.

Методологические проблемы исследования ноосферного сознания связаны с двумя существенными обстоятельствами: с одной стороны, исследование феномена сознания оказывается невозможным без использования потенциала диалектического и исторического материализма, с другой, — эти подходы оказываются ограниченными. Главным недостатком методологии философии отечественного марксизма в применении к проблемам сознания является жесткая гносеологичность и, соответственно, ограниченное толкование творческой роли и возможностей сознания. Методология, необходимая для исследования сознания эпохи ноосферы, должна, сохраняя отзывчивость на изменения общественного и природного бытия, быть применимой к массиву информационных феноменов и пространству тонких духовных структур универсумного плана.

Особенностью современной ситуации в изучении проблем сознания является стремление к соединению традиционных марксистских методик, позволивших конституировать и про-

анализировать важные формы общественного сознания, с классической российской традицией широчайшего охвата Души и Духа. Опыт структурирования общественного сознания, анализа его конкретного содержания способствовал постановке вопроса о типе сознания, который является философски и идеологически одним из самых актуальных и существенных. Конструирование социалистического и коммунистического сознания обрело самодовлеющий смысл, подчиняя себе поиски нового мировоззрения. Схоластический характер исследований в меньшей степени был связан с самой методологией, а в большей — с устаревшими идеологическими установками, которые вытекали из партийно-аппаратных эгоистических клише. В силу этого опыт конструирования типа сознания может быть использован в изучении процесса перерастания сознания ноосферы в ноосферное сознание человечества как тип сознания, форму мировоззрения.

В конкретных исторических условиях партийной диктатуры советских философов на путях конструирования «коммунистического» сознания поджидала ловушка: в отличие от форм (видов) общественного сознания, типы общественного сознания требовали максимально широких методологий. Тип сознания не может быть задан как постфактумная констатация, вытекающая из идеологических установок. В этой связи закономерно движение от сталинского «социалистического сознания» к хрущевскому «коммунистическому сознанию», брежневскому «сознанию развитого социализма». Каждый из типов советского сознания конструировался произвольно — задавался некоторым набором «качеств», рождающихся не из пены общественного бытия, а из утопической предустановленности, т.е. фактически был больше «утопическим типом» (а не «идеальным типом»), исходным постулатом которого можно было бы считать максимум: «сознание партийной элиты определяет общественное и индивидуальное сознание, а также отделяет друг от друга общественное бытие и общественное сознание общества».

О том, насколько значителен и значим был такой подход, насколько чреват последствиями был наскок на него свидетельствует то, что его размывание пробило себе дорогу лишь в начале 1980-х годов. Первыми признаками этого могут служить толкование Т. И. Ойзерманом связки «общественное сознание —

общественное бытие» как такой, в которой элементы не существуют по отдельности, а лишь благодаря друг другу; тезис С. С. Гольдентрихта о первичности общественного сознания⁴²; утверждение онтологичности материи⁴³ и сознания⁴⁴, а также признание огромной эвристической роли индивидуального сознания во всех сферах жизни общества и, соответственно, иная расстановка доминант в соотношении общественного и индивидуального сознания.

Вовлечение в культурный оборот произведений отечественных и зарубежных философов резко изменили методологический климат: анализ типологии сознания оказался невозможным без широкого вовлечения в оборот экзистенциальных и персоналистических, онтологических и деятельностных, интуитивистских и экстрасенсорных моментов. Эта «постмодернистская атмосфера» задала новые параметры для анализа сознания ноосферы. Рассмотрение ноосферного сознания как типа сознания предполагает, во-первых, разработку представлений об общечеловеческом сознании, во-вторых, осмысление вопроса о всеединстве сознания, или «реальном единстве сознания» (Л. М. Лопатин), в-третьих, исследование проблемы корреляции знания и сознания, в-четвертых, разработку методологических оснований соборного сознания, в-пятых, изучение особенностей социокультурного субстрата сознания, в-шестых, выявление персоналистического контекста микрокосма сознания, в-седьмых, конституирование информационно-онтологического статуса современного сознания, в-восьмых, привлечение философско-методологических и социально-исторических кросс-культурных вариаций на тему становления единого планетарного человеческого сознания. Впрочем, даже этот обширный список «расширения измерений сознания» неполон для осуществления описания современной субъективности как духовности и

⁴² Гольдентрихт С. С. Общественное бытие, социально-историческая практика и сознание // Общественное сознание и общественная практика. М., 1979. С. 34—53.

⁴³ Акулов В. Л. Философия, ее предмет, структура и место в системе наук. Краснодар, 1976.

⁴⁴ Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах К. Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С. 14—25.

бездуховности, он служит больше для фиксации доминант становления ноосферного сознания цивилизованного человечества.

Среди значимых последствий постмодернистского философствования в отечественной и зарубежной литературе выделим постепенное принятие того, что философский синтез феномена сознания в своем предельном выражении оставляет место для признания наличия зерна истины в любом из многочисленных подходов, сохраняя за ним право на теоретическое объяснение той или иной связи бытия и сознания.

Рассмотрение взаимодействия субъекта и объекта в Универсуме дает возможность с необычной стороны увидеть континуум «бытия-сознания», в некотором смысле вернуться к контексту «принципиальной координации», ситуации, когда оба термина приобретают статус имен собственных, ибо, исчерпывая целостность Универсума, они, как сиамские близнецы, становятся неразличимыми: Сознание — инобытие Бытия, а Бытие — инобытие Сознания. Сознание становится в такой же мере бытием, как и бытие сознанием.

Потребность переосмысления проблемы сознания и мышления возникла в результате новой ситуации, сложившейся в отношениях между человеком и природой: сознание вышло за пределы головы человека, а работа мозга стала осмысливаться в контексте бытия мышления во Вселенной. Подобный подход отчетливо виден в книге И. А. Сафронова, который считает, что «понять, что такое мышление вообще, т.е. в качестве универсальной способности человека, можно лишь посредством теоретического исследования его закономерной связи со Вселенной и ее субстанцией»⁴⁵. Новые подходы к анализу процессов мышления ведут к далеко идущим выводам: мышление и сознание приобретают вселенское, космическое качество. «Принцип генетического единства со Вселенной требует при объяснении связи мышления с внешним миром исходить из признания универсальных законов субстанции, которые выступают в качестве общего основания всех происходящих в нашей Вселенной процессов, включая и разнообразные психические структуры»⁴⁶.

⁴⁵ Сафронов И. А. Философские проблемы единства и человека и природы. СПб., 1992. С. 58.

⁴⁶ Там же. С. 67.

Анализируя современные проблемы взаимосвязи человека и Вселенной, И. А. Сафронов приходит к выводу о том, что «мыслить — значит существовать универсальным образом: не только в определенном, чувственно воспринимаемом мире, но и в иных, в том числе ненаблюдаемых мирах. В связи с чем индивид бесконечен в той мере, в которой он мыслит. Другими словами, приобщение человека к вечности осуществляется им через процесс собственного мышления»⁴⁷.

Сознание ноосферы проистекает не столько из общественного, сколько из социоприродного бытия. Обозначение социоприродного бытия термином «ноосферная реальность» отвечает попыткам совмещения природы и сознания.

Возвращение к контексту учения В. И. Вернадского о ноосфере предполагает преодоление узко гносеологических и узко-утилитарных подходов и выход на полноценный онтологический простор. Исходный пункт движения в этом направлении связан с идеями индийской и античной философии, которые оказали сильное влияние на русского мыслителя. Онтологичность сознания, его неразрывность с бытием природы становится максимально очевидна в моменты озарения, проникновения в суть вещей, будь то сон или созерцание природы, позволяющие найти структуру мысли, адекватную искомому решению. Демокрит, ослепивший себя, чтобы вид вещей не мешал узреть их сущность, Лейбниц, построивший свою «монадологию» во время прогулок по лесу, созерцая мысле-формы древ, Ванга, «изымавшая» мысли из «открытого человеку бытия», — примеры, не годящиеся для чистых гносеологических подходов. Они показывают не только онтологичность мышления, но и онтологичность сознания, ибо налицо «отождествление» до некоторой степени форм мышления человека и форм «мышления» природы. «Природа мыслит», но она мыслит иначе, чем человек, природа генетически и апперцепционно задает и сохраняет архетипы человеческого мышления.

В этой связи вполне применим термин «кристаллизация сознания» — он точно передает смысл геологической размерности становления сознания-Разума на планете, похожего на скла-

⁴⁷ Там же. С. 144.

дывание горно-кристаллических пород. «Горы Духа», возникающие в результате со-мышления миллиардов сознаний, до известной степени похожи на реальные горы, например рериховские «Гималаи». Эта мысль «доказывается» всем творчеством В. И. Вернадского — тонкого знатока минералов и художника форм бесконечной Вселенной.

Развертывание онтологического подхода применительно к сознаниевым проблемам позволяет полнее охватить феномен «самосознания ноосферы», найти доводы в пользу тезиса об адекватности субъективного фактора той сложности универсумно-ноосферной реальности, в которой задается бытие человека и человечества. Думается, что «конструктивный оптимизм» В. И. Вернадского по поводу становления ноосферы во многом питался подобным пониманием происходящих на планете процессов. Современная постсоветская философская мысль подходит к творчеству В. И. Вернадского с аршином «диалектического материализма» и доминирования гносеологических интерпретаций, в результате чего исчезает момент «аутентичности», а творчество ученого понимается не из его духовной эпохи, а из форм позднейших напластований.

В философском плане В. И. Вернадский прошел длительный путь развития. Его особенностью является то, что порождение философского контекста естественнонаучного сознания ученого определялось не столько «научением» (отстраненным философским знанием), сколько «порождением» смыслов формами бытия в Универсуме. Философствовал В. И. Вернадский, так же как и экспериментировал в науке, — не из книг, а из общения с «живым временем и пространством» — самым полным источником знаний о мире (Книгой Жизни).

Мода на онтологический поворот философствования, отчетливо просматривающаяся в современной отечественной философии, во многом связана со все более глубинным освоением традиций русского космизма, в целом русской философии и приобретает статус «парадигмы мышления» — философемы онтологичности. Обращение к «открытому Бытию», бытийственности сознания характерно для философского творчества многих мыслителей Серебряного века: русское понимание сознания никогда не разрубало «бытие и сознание», но, наоборот,

стремилось найти формы их неразрывности, тождественности, т. е. соборности. В работах Вл. С. Соловьева, Н. Ф. Федорова, Л. М. Лопатина, Н. О. Лосского, С. Л. Франка и других проблема сознания — независимо от философских симпатий и предпочтений — «не диалектизировалась», не доводилась до разрушения целостности духовно-телесной и идеально-материальной субстанциональности.

Усиление доминантности онтологического подхода к проблемам сознания приводит к преодолению зауженного взгляда на сознание, способствует новому видению места и роли этой проблематики в философском знании. «Онтологическая концепция, рассматривающая развитие мира как целостный процесс самоорганизации Универсума, — пишет А. В. Фомин, — идущий в направлении усложнения структуры, становления качественно новых уровней бытия, дифференциации его форм и в возрастании упорядоченности, позволяет определить статус сознания как космического явления... Сознание является не только результатом определенного развития, но и фактором дальнейшей самоорганизации мировой системы, преобразования мира»⁴⁸.

Итак, проблема онтологичности сознания оказывается напрямую связанной с философией Универсума. «Сознание, — утверждает В. Е. Гарпушкин, — духовный универсум, идеальная, знако-смысловая модель большого Универсума»⁴⁹. Универсум в категориальном смысле связан с «универсализацией категории "жизнь"»⁵⁰ и универсализацией категорий «сознание», «разум».

Вывод об онтологичности сознания, укорененности его в бытии в современной философской ситуации является исходным пунктом размышлений о сознании вообще (Сознании), ибо современное человеческое сознание, достигнув высоких степеней развития, обнаруживает себя в единой ноосферной реально-

⁴⁸ Фомин А. В. Онтологический статус сознания // Проблема сознания в философии и науке. М., 1996. С. 37.

⁴⁹ Гарпушкин В. Е. Универсализм как тенденция и перспектива // Человек — Философия — Гуманизм: в 7 т. СПб., 1997. Т. 5. Философия в мире знания, техники и веры. С. 79.

⁵⁰ Гирусов Э. В., Никитин Е. Д. Хомонатурология и экологическое самосознание // Проблема сознания в философии и науке. М., 1996. С. 178.

сти, целостно охваченной человеческим разумом. Онтологический подход к сознанию позволяет серьезно (вне имитаций проблемных постановок) взглянуть на субъективные основания процесса перехода биосферы в ноосферу. Думается, что в рамках традиционных гносеологических подходов данная проблема вообще не имеет достойных решений, что и доказывает практика постоянного забегания в тупики «неразумной ноосферы». Онтологически понятое сознание оказывается до некоторой степени причиной становления ноосферы даже в том случае, если человечество в очередной раз обнаруживает свое основное «гносеологическое заблуждение».

Представления об онтологичности сознания никогда не исчезали с философского горизонта, они лишь в известные периоды времени уходили на второй план. Бытие сознания — сознания самого человека и сознания человечества — оказывается наиболее реальным бытием. Сила сознания заключается в его онтологичности, непосредственной бытийности: вне этого контекста человек редко отражает само Бытие, но значительно чаще отражает отраженное, т.е. возможные миры, созданные другими людьми. Очевидно, именно в космической бытийности сознания берет начало Всеобщая Мифология бытия человека и человечества, неискоренимая никакими гносеологическими ухищрениями: человек живет в Мире как в Мифе, и наоборот, Мир (всеобщее бытие) живет в Мифе, требуя своего раскрытия, своей «распакованности» в космической жизни каждого человека.

Так же, как имеют свои периоды интенсивного развития и соответствующие формы гносеологическая, аксиологическая и праксиологическая ипостаси сознания, имеют место и исторические формы онтологичности. Мифологическая онтологичность сознания — базовый слой сознания, каркас антропо-фауно-флористических, земно-небесных и космическо-планетарных архетипов, которые не устраняются даже самыми «эффективными» способами тоталитарного образования и представляют собой ядро сознания, генерирующее (как Солнце свои лучи) смыслы, идеи, ценности и цели. Для данного случая характерно то, что ослабление научного пояса, охватывающего и сдерживающего мифологическую составляющую сознания, приводит подчас к «мифологическому токсикозу», который, как это часто

бывало в российской истории, приводил к тяжелой болезни Духа (сознания) — мифо-иллюзорной одержимости. Как языческая, так христианская и любая другая форма мифологической онтологичности обладают собственным набором «сознаниевых генов» — их культурно-историческая роль непереоценима и заслуживает тщательной проработки.

Развитие на протяжении тысячелетий научного знания постепенно превратило научную мысль в доминирующую форму сознания, в результате чего возникает сциентистская (научная) онтологичность, выражающаяся в разнообразных формах естествознания, которое, как считается, наиболее тождественно, адекватно отражает внесубъектную составляющую бытия. Всеобщее упование на научное миропостроение, абсолютизация исторически ограниченных интерпретационных средств, приводит к неаутентичным («искусственным») трансформам как природной, так и социальной реальности.

Один из самых дерзновенных — «коммунистический вариант» практической реализации сциентистской онтологичности в своей одномерности и прямолинейности, схематизме и позитивизме понимания социальной жизни, при игнорировании корневых онтодуховных форм, нарушил (если не сказать, разрушил) экосоциальную систему российского общества, его фундаментальные социоприродные основания.

Технократическая и техницистская оснащенность сциентистской онтологичности подвела к порогу исторического апокалипсиса, катастрофизму XX века и заставила человечество критически переосмыслить философию миропостроения, направить свои поиски на обнаружение иных способов и механизмов экологического, экономического, социального, политического, культурного, духовного, психологического трансформирования социоприродного Универсума.

Гносеологизированная (сциентистская) и аксиологизированная (идеологизированная) формы онтологического сознания имеют, таким образом, существенные пороки: их путь формирования порядка из хаоса оказывается ограниченным, неполным и доведение его до логического конца приводит к дестабилизации всей системы, утрате общественного доверия (на уровне подсознания!) и предкризисному застою. *«Не та онтологич-*

ность» — так можно выразить рефлексию мыслителей сборника «Вехи», отчетливо и полно прояснившего сложившуюся в начале XX века ситуацию.

Сегодняшний уровень освоения мировой культуры позволяет найти более синтетические формы онтологичности сознания. Ноосферная онтологичность сознания вытекает не только из контекста неразрывности познания и деятельности: на место гносеологически задаваемого образа мира и аксиологического конструирования иерархии ценностей приходит «метод тонкой подгонки», «принципиальной координации» тождественности бытия и сознания, создания устойчивой организованности процесса перехода биосферы в ноосферу. Сущность онтологической концепции ноосферного миропостроения, имеющей праксиологическое измерение, может быть упрощенно выражена формулой: «мыслить глобально, действовать локально».

Раскрытие сущности ноосферного сознания ведет человека к иным, все более тонким уровням бытия, ноосферной реальности. Так обнаруживается его конкретно-исторический срез: простирающееся тело человечества не ограничивается его социальным или техническим телом, современная наука в достаточной и сравнительно полной мере позволяет охватить его биосферно-ноосферную «косно-органическую» организменную организованность, что создает предпосылки для дальнейшего движения к пониманию более сложных и на сегодняшний день научно еще не понятых, а лишь религиозно, художественно или философски представленных ноосферных образований.

Особый поворот онтологического среза сознания связан с представлением о любой форме сознания как о растении, древе мира, вырастающего на социоприродном субстрате. В этом смысле любое «видовое сознание» (этническое, национальное, классовое) оказывается необходимым для поддержания планетарного процесса эволюции ноосферы, в равной мере как отдельное явление живого вещества способствует формированию организованности биосферы. В этих неадекватных аналогиях между материальной формой и формой сознаниевой, несмотря на всю их парадоксальность, отчетливо виден бытийный подтекст: так раскрывается еще одна, может быть, самая непривычная, сторона ноосферной реальности. Феномен ноосферного

сознания (в данном случае понимаемого как просто «Сознание») обретает ту космическую, вселенскую, корневую масштабность, которая ему редко приписывается в силу социально-образовательной поверхностности, достаточной для техногенно-социального самоманипулирования.

Онтологическая ипостась, хотя и пришла в советскую философию в перестроечное время из западной традиции, всегда была присуща российской философии. Более того, именно эта сторона философствования на протяжении многих веков российской истории являлась доминирующей — вплоть до сциентистско-гносеологических построений атеистического (диалектического и исторического) материализма.

Обращение к онтологической проблематике при анализе сознания в рамках традиционной марксистской советской философии отнюдь не случайно. Социокультурная динамика представляет собой стремление выйти на уровень обобщений, уже достигнутый предреволюционной российской философской мыслью. Целая плеяда философов, религиозных мыслителей, ученых описывала сознание в его различных свойствах и отношениях в рамках тех взглядов, которые впоследствии получили название онтологического подхода.

Онтологический характер российского философствования, в частности, может быть продемонстрирован проблемой соборности. Из этой традиции вырастает и проблема ноосферного сознания. Близость соборного и ноосферного сознания обнаруживается и в социально значимом, и в актуально-философском планах. Во-первых, соборность подчеркивает субъектно-процессуальность становления ноосферного сознания в формах коллективного сознательного и сверхсознательного; во-вторых, оба термина имплицитно содержат значения материально-вещественной и духовно-душевной собранности, т.е. Всеобщего Синтеза; в-третьих, за терминами «соборность» и «ноосферность» стоит образ Храма-Универсума.

В русской философской традиции наработан значительный методологический потенциал для исследования на всех уровнях самых сложных феноменов духовной жизни человека и человечества. Именно поэтому проблематика ноосферного сознания не быстро рожденное дитя, но закономерное продолжение

традиций исследования сознания и его роли в заданных исторически и культурно бытийных формах. Для русской философии именно этот подход оказался типичным: всеобщий синтез, ставший альфой и омегой российского миропостроения, неотделим от признания мира как Универсума, как органического целого, как организованности, как Вселенной.

Исследование формирования ноосферного сознания как планетарного процесса требует выхода за рамки узких (традиционных «уледовских») методологических позиций. Системный подход позволяет масштабнее охватить различные сознаниевые феномены, измерения и элементы сознания. «Для всех концепций, обосновывающих реальность сознания, характерна определенная методологическая стратегия: при обосновании реальности сознания производится конструирование его как *системного объекта*. В зависимости от гносеологических установок той или иной философской концепции сознание может представлять собой системные объекты разного качества. Возможны *гносеологическая* системная модель сознания, в которой сознание рассматривается как системный механизм познания, и *онтологическая* системная модель сознания, в которой само сознание представляет собой объект исследования. Возможны модели смешанного типа»⁵¹.

Проблема реальности сознания в связи с конструированием онтологических моделей мира наиболее адекватно отражает существо ноосферной проблематики. И. В. Дмитриевской выделены априористическая (гносеологическая) модель И. Канта, феноменолистическая (смешанная) модель Э. Гуссерля и онтологические модели реальности сознания (гегелевская объективно-идеалистическая и «спинозистская» материалистическомонистическая)⁵². К последнего рода онтологическим моделям сознания относится и синтетическая универсумная (ноосферно-универсумная) модель реальности сознания, вытекающая из построений русской философии сознания.

⁵¹ Дмитриевская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Проблема системности сознания и ноосферы // Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века. Иваново, 1994. С. 24.

⁵² Дмитриевская И. В. Онтологические модели мира и проблема реальности сознания // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Иваново, 1994. С. 15—17.

Усиление онтологизма в понимании мира в русской культуре связано с быстрым и всесторонним развитием русского космизма: абсолютизация его форм и приводила к тем мировоззренческим последствиям, которые получили впоследствии название «космоцентризм» и которые преодолеваются в формулах «биоцентризма»⁵³ и «космосоциогенеза»⁵⁴.

Становление ноосферного сознания сопровождается значительными подвижками в архетипическом слое сознания (коллективного бессознательного). В рамках социодинамики российской культуры самой сильной деформацией «тектонических плит сознания» в филогенетическом плане следует признать эпоху «русского авангарда», который фактически принял форму освобождения сознания от множества художественных, философских, эстетических, нравственных, ценностных, эротических, деятельностных табу. Русский авангард стал цивилизационной формой «освобождения от», внутреннего кипения от переизбытка энергии пассионарности, накопленной в теле российской культуры.

Постепенно в соборном (общественном) и индивидуальном сознании происходит вытеснение одних архетипов и «научение» новым. Наступает самый трудный момент невидимой борьбы архетипов в подсознании, идет разрушение структур, закладывавшихся в течение миллионов лет. Создаваемая искусственная, новая культурная среда изменяет сознание, на место природнического сознания приходит «общечеловеческое» и «технотехнологическое» сознание, архетипы социума становятся более значимыми, нежели природно-космические архетипы («архемы»). Наступает эпоха духовного стресса, эпоха борьбы сознания и подсознания (время борьбы «унгрудов», как сказал бы Н. А. Бердяев, противоборства уицраоров и ликов Гагтунгра, как обозначил бы этот феномен Д. Л. Андреев) заполняет первую половину XX века. Образно говоря, «Архетип Мыши» в свободном от «кошмаров прошлого» обществе обретает очертания Микки

⁵³ Гирусов Э. В. Влияние идей В. И. Вернадского на перестройку мировоззрения // Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века. Иваново, 1994. С. 9.

⁵⁴ Сафронов И. А. Человек и Вселенная: философско-методологический аспект. Дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 1994. С. 38.

Мауса, страшный Серый Волк — облик «Волка Котеночкина», тотемический медведь — образ Олимпийского Мишки. Формируется новая мифология социокультурных форм.

Переход от психоанализа З. Фрейда к коллективному бессознательному К. Юнга и современному шизоанализу, формирование экзистенциализма и феноменализма демонстрирует иную сторону формирования сознания растущей ноосферы — соотношение сознания и сверхсознания. Существующие формы постмодернистского отношения к миру могут служить показателями не только «освобождения сознания от», но и фактом «освобождения сознания для»: сознание человека ноосферы оказывается вспаханным для свободного, неканонического, жестко не регламентированного, нетабуированного личностного творчества. Так постепенно, преодолевая исторические пороги XX века, к 1960—1970-м годам формируется одно из важнейших ноосферных качеств человечества — свобода религиозного, философского, научного, художественного творчества. Архетипы прошлого либо всплывают на поверхность сознания и трансформируются, ассимилируя, либо тонут в темных пучинах под-подсознания, чтобы, лишь изредка выплывая, «тяготеть над умами людей» в эпохи социальных деструкций. В силу этого меняются структура сознания, его информационная база, инструментально-технические основания и деятельностные механизмы.

В XX веке феномен взорванного, «открытого» сознания становится предпосылкой для устранения национально-культурных перегородок и складывания общечеловеческого и глобального сознания, т. е. того сознания, которое «находится для» ноосферной реальности. Так в самых общих чертах может быть представлено палеопсихическое направление в изучении ноосферного сознания, таковы социокультурные основания его становления.

Философская проблема онтологичности сознания и психики нашла отражение в отдельных работах ученых и философов. Естественнонаучная экспериментальная мысль в подобном направлении работает стараниями и психологов, и медиков, и физиков, и философов⁵⁵. Теории «стоячих волн», «информаци-

⁵⁵ См.: Мозг и разум. М., 1994.

онного поля Земли», «ноосферных колец» с разных сторон выясняют смысл «Бытия Сознания», «Сознания Бытия», «Бытия-Сознания» — терминов, которые логично являются вслед за формулами «природное бытие и сознание», «общественное бытие и сознание», «бытие и сознание», «общественное бытие и общественное сознание».

Сущностные моменты ноосферного сознания проявляются в том, что оно лежит в основе управления природными, социоприродными и социальными процессами. Природные процессы, которые, на первый взгляд, не могут быть управляемыми, все чаще реагируют на антропогенные факторы: землетрясения, дожди, смерчи и другие природные процессы оказываются «управляемыми» в такой же мере, как изменение генетического кода, видообразование — человек научается управлять биогеохимическим током атомов.

Социальные процессы с самого начала замыкались на процессы управления, однако в настоящее время помимо механизмов управления экономическими, социальными и политическими параметрами общественной жизни возникают формы управления и самоуправления информационными и духовными процессами.

Социоприродные процессы, лежащие в нише между природными и социальными процессами, все более превращаются в доминанту биосоциокультурной (биоцивилизационной) динамики. В этой связи ноосферное сознание выполняет важную функцию самоорганизации ноосферы, выступает основой, определяющей будущее человеческой цивилизации.

Общеизвестно, что сознание выполняет функцию опережающего отражения, без чего человек просто не смог бы существовать. В течение миллионов лет в организме человека выработался механизм, который поддерживает функционирование всех жизненно важных систем. В сознании сосредоточивается вся необходимая информация, связанная с процессами адаптации человека и приспособления окружающей среды к его потребностям. В отличие от организма человека, современная стремящаяся к ноосферному состоянию биогеоэотехносфера еще не имеет подобного механизма на целостно-организменном уровне. Ноосферное сознание как раз и призвано выполнять

функцию опережающего отражения в развитии и становлении ноосферы. В рамках онтологического подхода оправданно было бы рассматривать ноосферное сознание как сознание биоцивилизационного субстрата. Поскольку управление такой сверхсложной системой, какой является ноосфера, требует нового качества: отражательный комплекс не может ограничиться только головой человека, сколь универсальной она ни была бы. Субстрат ноосферного сознания в онтологическом плане имеет формулу кентавра: вычислительные информационные комплексы, планетарные коммуникационные сети являются продолжением головы человека в той самой мере, в какой орудия труда являются продолжением его руки. Именно в этом контексте для анализа процесса становления ноосферного сознания актуальными являются представления об «информациосфере»⁵⁶ и мышления Э. В. Ильенкова о природе идеального⁵⁷.

Анализируя процесс информационно-кибернетического (компьютерного) сближения субъектности и объектности в универсуме ноосферной реальности, следует тем не менее остановиться перед некоей чертой, за которой возникает вопрос о возможной замене человека роботами-компьютерами. Универсумный подход — включение человека в жизнь Универсума (точнее, «невыключение» его из жизни Универсума социокультурными заданностями) — дает возможность найти границу, которая отделяет самый сложный компьютер от человека. Компьютер по определению не находится в пространстве Большого Универсума, но всегда имеет четко очерченные границы локального универсума, который является «средой его обитания». Человек же по определению принципиально открыт Вселенной — Универсуму, даже если сам этого не осознает и не пользуется этой открытостью, ограничивая пределы личностного универсума.

Эта проблема накладывает особый отпечаток на осмысление онтологического аспекта ноосферного сознания: прагматизм, инструментализм, деятельностьный подход (т. е. праксиологические аспекты) далеко не исчерпывают масштабы всеоб-

⁵⁶ Забелин И. М. Физическая география и наука будущего. М., 1970.

⁵⁷ Ильенков Э. В. Дialeктика идеального // Ильенков Э. В. Философия и культура. М., 1991. С. 229—270.

щей онтологичности сознания, но, может быть на сегодняшний день являются самыми значимыми для реализации большого пакета программ универсумно-ноосферного сознания. Анализ природы и сущности ноосферного сознания закономерно приводит к представлениям В. И. Вернадского о феномене культурной биогеохимической энергии, являющемся эмпирическим обобщением огромной эвристической силы. Выделение этого вида космической, ноосферной энергии наряду с биогеохимической энергией как базой биосферных представлений, позволяет точно локализовать онтологический статус ноосферного сознания, его функцию системообразующего фактора ноосферы⁵⁸.

Затрагивая эту непростую проблему, следует отметить, что предупреждения об угрозах человечеству обнаруживает не только на путях научного познания, но и, как теперь становится очевидным, в рамках вненаучных форм. Феномен ноосферного сознания содержит в себе столько непознанного и лишь интуитивно улавливаемого, что было бы излишне самоуверенным останавливаться в его исследовании только на традиционных методологических принципах.

Одним из труднейших вопросов теории ноосферного сознания является его становление в условиях имеющейся в настоящее время сильной экономической, социальной, политической и культурной разнородности, а также неравномерности информационной насыщенности различных территорий. Тем не менее в современных условиях межнационального синтеза культурные различия не только разъединяют, но и объединяют людей, способствуют отходу от крайних степеней расовой, национальной, социальной и религиозной нетерпимости. Особо важным в этой связи является процесс конвергенции сознания, вытекающий из глобальных процессов становления мировой экономики. Одной из самых значимых предпосылок развития ноосферного сознания является прекращение состояния расколотости мира, ухода от перманентной холодной войны. Конвергенция сознания как процесс становления ноосферного сознания не подразумевает исчезновения территориальных, национальных, культурных и других

⁵⁸ См.: *Смирнов Г. С.* Научная мысль как фактор самоорганизации ноосферы. Иваново, 1983. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР 15.12.83. № 14752-Д83.

особенностей, наоборот, именно на основе широкого разнообразия только и сможет сформироваться комплекс идей, отвечающих ноосферному состоянию человечества.

Становление ноосферного сознания идет в русле общечивилизационных процессов. В онтологическом плане — это такой же реальный процесс, как складывание мирового рынка, который является главным механизмом управления всем комплексом материальных, социальных и духовных процессов в обществе. Включение нашей страны в материальную жизнь цивилизации на равных рыночных условиях определяет и другие особенности ноосферного сознания — глобальность и общечеловеческий характер. Формирование единого мирового материального и духовного пространства приведет к осознанию людьми всего комплекса общечеловеческих ценностей, которые могут быть положены в основу будущей мировоззренческой парадигмы новой цивилизации, осознающей себя как развивающееся по общим законам единое целое.

Становление ноосферного сознания из меона сознания ноосферы — процесс многосторонний и сложный. Наша задача заключается прежде всего в том, чтобы наметить основные тенденции, пути и способы его кристаллизации, дать эскизную картину, может быть малозаметного в условиях углубляющегося кризиса в развитии человеческой цивилизации.

К числу самых важных сторон процесса становления ноосферного сознания относятся, во-первых, уход от крайностей техносферного сознания в результате всеобщей экологизации материальной и духовной жизни общества; во-вторых, движение от экологического сознания (как вида общественного и индивидуального сознания и, одновременно, как нового типа единого планетарного сознания человечества) к ноосферному сознанию; в-третьих, утверждение движения от космизации и планетаризации сознания к его реальной глобализации, постепенному переходу от онтологического и гносеологического к ценностному и праксиологическому измерениям сознания; в-четвертых, существенное изменение в содержании сознания, ускорение роста масштабов общечеловеческих составляющих различных видов сознания в его этнонациональных формах и профессиональных спецификациях.

В первом случае речь идет об изменении методологической и «технологической» характеристик мышления, во втором — о радикальном преобразовании (дотраивании) структуры сознания с параллельным расширением содержания сознания, в третьем и четвертом — о смене ценностных доминант во вновь образованном типе синтетического сознания.

Ноосферное сознание, таким образом, — это действительное единство экологического глобального общечеловеческого культурного сознания цивилизованного человечества.

Философско-методологический анализ предпосылок и духовных условий становления ноосферного сознания позволяет перейти к выявлению конкретно-исторических и социокультурных реалий кристаллизации ноосферного сознания.

В первом приближении процесс становления ноосферного сознания предстает как движение от природоохранного сознания к экологическому, а затем от экологического сознания в разнородных проявлениях к биосферному и ноосферному сознанию.

Процессы перехода биосферы в ноосферу, становления ноосферы, формирования ноосферного сознания происходят на фоне развернувшихся глобальных проблем современности. Глобальность как характеристика современного сознания предполагает, что человеческое сознание в настоящий момент претерпевает существенные трансформации на личностном (экзистенциально-персоналистическом), групповом (коллективистском), классовом, национальном, а также общечеловеческом (соборном) уровнях. Для каждого из них имеет место своя особая пространственная и временная специфика, ибо для любых сложных систем применим закон неравномерного развития. Многолика не только структура, но и логика происходящих изменений: турбулентность актуализации многовековых и тысячелетних культур обнаруживает элементы соревновательности и конфронтации, а также конвергенции и консенсуализма, что в конечном счете способствует синтезу общечеловеческого сознания. Идет постепенная подгонка друг под друга социокультурных императивов, и происходит корреляция содержательных конструкций различных вариантов «национальной мечты», проверяются на практике модели («идеальные утопии») миропо-

строения. Такова диалектика синтеза ноосферного сознания — его движение от особенного к всеобщему.

Итак, ноосфера может быть представлена как онтологизированное сознание (как «обытийное» сознание), как сознание вовне, как бессубъектное и универсумное сознание, как «культурное коллективное сознательное». Ноосфера творится высшими духовными человеческими проявлениями, которые формируются в лоне культуры. Культурность в этом смысле — своего рода высшие этажи коллективного сознательного. Максимальное, на что способен человек как слишком импульсивное и слишком чувственное существо, чтобы творить абсолютное материально-духовное, — это достигнуть совершенства в сферах искусства как ипостаси культуры. Именно из этих дерзновенных движений духа, души и ума складывается то, что называется Ноосферой.

Современный человек с поразительной настойчивостью пытается прорваться в понимание коллективного бессознательного, ограничивая его рамками достаточно узкого представления об общественном сознании. Задание структуры общественного сознания видами социально значимого, актуального сознания отрывает «человека общественного сознания» от присущего и неотъемлемого индивидуального бытия, разрушая тонкие и тончайшие нити духовности. Даже сознание общества более амбивалентно, аморфно, амфотерно (и потому свободно), чем общественное сознание. Анализ сознания как ноосферного сознания поэтому и невозможен без определенного перекоса в сторону субъектно-экзистенциально-персоналистического момента — личностного, индивидуального сознания. Ноосферное сознание — это коллективное сознательное с сильным привкусом опережающего отражения индивидуальным сознанием.

Современный человек находится в коктейле коллективного подсознательного, сознательного и сверхсознательного и постоянно ощущает деструктивное состояние выбора: замыкаясь на социотехносферу, но реально не осознавая ее, он находится в положении «нерефлексирующего», лишь фиксирующего «поток сознания», который на деле оказывается потоком «современной адаптивно-адаптационной культуры» — массовой культуры. Эта вынужденность человека из контекста мировой и всемирной культуры, т. е. из лона культуры планетарной, и порождает феномен «неноосферности».

**Сознание ноосферы и ноосферное сознание:
категориальный статус**

Термин «сознание ноосферы» обладает самым широким охватом духовных явлений современности. Сознание ноосферы — это совокупность всех форм и видов общественного и индивидуального сознания человека и человечества, это заведомо конгломерат — противоречивая целостность, определяющая сложные метаморфозы всех сторон исторического развития человеческой цивилизации. Сознание ноосферы — важнейший неотъемлемый фактор духовно-телесной конструкции космопланетарного Универсума. Ноосферное сознание — интенция сознания ноосферы, его вторая производная, его сущность, его постоянно меняющееся, но сохраняющее устремленность к «точке Омега» ядро. Ноосферное сознание — форма Духовности, задающая развитие планетарного пространства по законам космического универсума.

Таким образом, наряду с проблемой соотношения сознания и ноосферы возникает проблема соотношения сознания ноосферы и ноосферного сознания, а значит, включенности ноосферного сознания в ноосферу. Традиционное узкоотражательное понимание этого взаимоотношения не позволяет выявить всю сложность — взаимообратность, взаимодетерминации, stochasticность — ноосферной сверхсистемы.

Попытка ухода от ограниченностей философско-методологического порядка приводит к появлению категорий «ноосферное сознание» и «ноосферная реальность». В рамках такого подхода снимается гносеологическое противопоставление материального и идеального, точнее, продолжается линия на сведение, приближение онтологических форм идеального к информационно-кибернетическим подходам, идеально-материальным конструктам, столь характерным для размышлений Э. В. Ильенкова. В этом смысле ноосферное сознание — некая форма, имеющая смысл лишь в контексте понятия «ноосферная реальность», ибо в таком контексте она предстает как вещно-идеальная субстанциональность. В научном и философском наследии В. И. Вернадского нет термина «ноосферное сознание»,

но эта сознаниевая проблематика была ему чрезвычайно близка: ее можно считать исходной во всех исторических формах философствования, а также ноосферных поисках ученого-энциклопедиста. Архетипические ощущения своей природно-субъективности, идущие от «праотеческой» традиции украинской манеры бытия, не исчезают под напором постоянно увеличивающегося научного знания, а постепенно обрастают все более конкретным, точным, научно и философски значимым содержанием.

Вторая половина XX века характеризуется не только огромным вниманием к экологии, охране природы, рациональному использованию природных ресурсов, но и обозначившимся процессом переноса акцента с экологии окружающей среды на экологию человека.

В связи с тем, что XXI век, как считают многие исследователи, будет «веком человека», уже сейчас можно говорить о формировании *экологического гуманистического глобального общечеловеческого сознания*. Большое количество прилагательных к феномену современного сознания законно требует рождения нового термина, который вбирал бы в себя эти характеристики, одновременно обладая семантической многозначностью и способностью широкого его толкования. Именно такую функцию выполняет термин «ноосферное сознание». Экологическое сознание столь же закономерно переходит в ноосферное сознание, как и биосфера в результате космического геологического процесса переходит в ноосферу. Ноосферное сознание охватывает сверхсложную систему, которая включает в себя биосферу, техносферу и социосферу.

Методология разработки проблем взаимосвязи ноосферы и ноосферного сознания человечества отчетливо обнаруживает себя в трудах В. И. Вернадского. Хотя ученый не пользовался термином «ноосферное сознание», в его творчестве имеется достаточно близкое понятие — «научная мысль как планетное явление», требующее в современных условиях конкретизации. Ноосферное сознание есть отражение процесса формирования ноосферы, но одновременно — оно есть причина становления ноосферы (превращения ноосферной реальности в Ноосферу), перехода биотехносферной реальности в ноосферное состояние.

Фактически сейчас человек и его ноосферное сознание определяют современные тенденции формирования ноосферы. Конституирование понятия «ноосферное сознание», как и вхождение в оборот термина «экологическое сознание», — процесс длительный и непростой, прежде всего потому, что современный человек обладает в большей степени разрушительным для биосферы сознанием, чем сознанием ноосферно-созидательным.

Развести понятия «сознание ноосферы» и «ноосферное сознание» можно достаточно показательно на примере, взятом из эпохи начала XX века. «Сознание ноосферы» в этом контексте обозначает все пространство опредмеченных и распределенных смыслов, естественных и искусственных форм, духовных и информационных воплощений, антропных и биосферных тел, техногенных и социосферных состояний мира; «сознание ноосферы» — это и сознание всего человечества, и сознание социальных групп, и отдельных индивидуумов.

Особая смысловая сторона понятия «сознание ноосферы» возникает, если «расшифровать» (русифицировать) термин и представить его как «сознание сферы разума». Каждое поколение, каждая социокультурная общность в этом случае оказывается ограниченной определенной суммой сознания, как бы взятой из «сферы Разума» (сферы онтологического Разума).

Проблема соотношения «сознания ноосферы» и «ноосферного сознания», таким образом, предстает перед нами как проблема перетекания, проблема выбора, проблема естественного отбора, эволюции видов духовных форм и их выживаемости и приспособляемости ко все более расширяющемуся космопланетарному телу родового человека, а значит, совокупного человечества.

Исследование становления ноосферного сознания опирается на очень существенный фактор — забегающее далеко вперед индивидуальное сознание отдельных представителей мировой общественной мысли. Особое значение в этом плане имеет творчество В. И. Вернадского.

Анализ ноосферного творчества В. И. Вернадского предполагает обращение к самым ранним его годам, когда закладывались доминанты и архетипы специфики его мышления. В ос-

нову методологии рассмотрения становящегося ноосферного сознания мыслителя положим следующие идеи: 1) сознание В. И. Вернадского складывалось на пространстве кросскультурных влияний; 2) в сознании ученого на протяжении всей жизни формировалась единая целостная субъектность, включающая и систематическое, полноценное научное знание, и постепенно складывающееся синтетическое философское сознание, и глубинные религиозно-теологические архетипы, как вытекающие из личностного бытия человека во Вселенной, так и складывающиеся в результате конкретно-исторической духовно-душевной жизни мирового сообщества; 3) ноосферное сознание В. И. Вернадского есть продукт тысячелетнего развития российской культуры, в первую очередь ее академической составляющей; 4) в сознании российского мыслителя сконцентрировались самые разнообразные (киевская, московская, петербургская, парижская) университетские духовные традиции, обнаружившие не только взаимодополнительность, но и единство, и тем самым создававшие предпосылки универсумного *видения* мира, которое впоследствии приняло формы ноосферного *видения*.

Изучение творчества В. И. Вернадского позволяет строить весьма точные индукции в сферу общественного ноосферного сознания, дает возможность проследить пути становления и развития ноосферного сознания в истории и современности. Это тем более важно, что современная практика показывает: поиски нового мировоззрения идут на том самом пространстве, которое в свое время было обозначено линиями становления «ноосферного сознания» П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского.

Изучение биографии В. И. Вернадского⁵⁹ дает возможность выделить несколько важных этапов в становлении ноосферного сознания ученого. *Традиционно-культурный* этап охватывает самый значительный и прежде всего научный период деятельности В. И. Вернадского охватывает первые пятьдесят лет жизни (1863–1913 гг.) Следующий — *биосферный* период продолжается до выхода итоговой работы «Биосфера» (1926).

⁵⁹ См.: Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). М., 1982; Баландин Р. К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М., 1979.

Вплоть до 1945 года длится *ноосферный* период формирования сознания В. И. Вернадского. Несколько иными были точки бифуркации сознания — подчас, по дневникам и письмам ученого можно точно установить время (даже день) совершающегося переворота в его сознании. Чаще всего эти переходы в новое духовное качество были сопряжены с огромными потрясениями, переломами в жизни не только творческой личности, но и всей страны, переживавшей самые радикальные изменения за всю свою тысячелетнюю историю.

Первая точка в становлении мировоззрения связана с общением В. И. Вернадского со своим дядей, заложившим в сознание подростка ощущение полноты бытия и архетипических основ интуитивного русского космизма. Фактически все последующее духовное развитие предполагало развертывание аргументации научного и философского плана для конкретизации гениальных интуиций, идущих из глубин языческой и православной традиций.

Вторая переломная точка имеет свою локализацию, и ее обнаружением мы обязаны Г. П. Аксенову⁶⁰. Связана она с событиями лета 1920 года, когда В. И. Вернадский, вынужденный в революционные годы отойти от общественной и политической деятельности, посвящает себя научной работе, делая глубочайшие эмпирические обобщения о живом веществе планеты, и начинает разрабатывать биосферные представления. Согласимся с Г. Аксеновым, что именно август 1920 г. стал временем самого значительного мировоззренческого переворота в жизни В. И. Вернадского — ноосферные представления лишь развитие идей, которые возникли именно в этот период.

Третья точка бифуркации, на которую необходимо обратить внимание, — встреча ученого в Сорбонне с Э. Ле Руа и П. Тейяром де Шарденом.

Подобные вехи в становлении ноосферного сознания проходит и каждый современный ученый,двигающийся по пути глубинного освоения глобального бытия человечества.

Для В. И. Вернадского, как пишет Г. Аксенов, даже в 1892 году характерно такое высказывание: «Есть один факт развития

⁶⁰ См.: Аксенов Г. П. Вернадский. М., 1995.

Земли — это усиление сознания» (курсив мой. — Г. С.)⁶¹. Эта идея прошла красной нитью через всю эволюцию философского мировоззрения мыслителя. 18 октября 1920 года — в период интенсивной работы над монографией о живом веществе (и после тяжелой, почти смертельной, болезни, во время которой Вернадского в бреду посещают видения великого будущего открытых им законов) он, будучи избранным ректором, читает в Таврическом университете в Симферополе лекцию на тему: «О роли человечества, его сознания и воли для жизни природы»⁶². Для нас чрезвычайно важно установление контекста, в котором В. И. Вернадский употребляет термин «сознание»: речь идет о сознании человечества, т.е. фактически об использовании понятия в широком онтологическом смысле. «Странно как-то на себя и на весь ход истории со всеми ее трагедиями и личными переживаниями смотреть с точки зрения бесстрастного химического процесса природы», — замечает ученый в своем дневнике 21 июля 1917 года⁶³. Вне всякого сомнения, уже в этот период для натуралиста и биосфериста было характерно ярко выраженное онтологическое понимание мира (Вселенной) и сознания человечества, которое обнаруживает себя в творчестве Вл. С. Соловьева, С. Н. Трубецкого, Н. О. Лосского, С. Л. Франка, Л. М. Лопатина и некоторых других российских философов.

В целом сознание человека и человечества, получающее выражение в формах культуры, есть фактор организованности (самоорганизации) материального и духовного Универсума, а значит — Ноосферы. Этот вывод в самой общей форме содержался уже в работе В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление», в которой ученый исследовал элиминированный объект — научную мысль, предполагая и осознавая всю широту затрагиваемой социокультурной проблемы. Широкая постановка вопроса требует выстраивания категориальной цепочки «сознание ноосферы» — «ноосферное сознание» — «научная мысль как планетное явление». На наш взгляд, не будет

⁶¹ Там же. С. 180

⁶² Шаховская А. Д. Хроника большой жизни // Прометей. М., 1988. Т. 15. С. 67.

⁶³ Там же.

преувеличением сказать, что методология и внутреннее содержание термина «научная мысль как планетное явление» уже предполагает представление о ноосферном сознании. В той мере, в которой научная мысль превращается в планетное (и планетарное) явление, происходит выращивание ноосферного сознания. С определенными ограничениями, с расширением социокультурного смысла, можно сказать, что «научная мысль как планетное явление» В. И. Вернадского и есть феномен «ноосферного сознания».

Исследование такого сложного явления, как ноосферное сознание, стало возможным в последние десятилетия в силу той огромной работы, которую проделала над осмыслением феномена сознания мировая философская мысль. Дальнейшие разработки типов и форм общественного сознания, анализ взаимодействия общественного, массового, группового, индивидуального сознания, исследования биоэнергетической природы сознания и многое другое заставляют пересмотреть некоторые положения о природе и сущности сознания, а значит, иначе представить феномен ноосферного сознания. Диалектика физиологического и психологического, персоналистического и коллективистского, индивидуального и общественного, монолитность и структурность, гармоничность и разорванность, амбивалентность и аксиологичность, локальность и глобальность, пессимизм и оптимизм, аморфность и интенциональность, активность и пассивность, субъективность и интерсубъективность, научность и мифологичность — вот далеко не полный перечень измерений, в которых обнаруживает себя процесс становления ноосферного сознания цивилизованного человечества.

Таким образом, сознание ноосферы представляет собой совокупность, сумму бесконечно разнообразного и как бы аморфного сознания отдельных и разновеликих субъектов мирового действия. Ноосферное сознание — универсумная (интенциональная), соборная (устремленная) составляющая сознания ноосферы, проявляющаяся в «буре и грозе» (как написал бы В. И. Вернадский) — в условиях решения глобальных проблем современности.

***От экологизации сознания к ноосферному сознанию:
целостность и континуальность ноосферного знания***

Проблема новых тенденций в развитии сознания в последние годы обратила на себя пристальное внимание многих исследователей. Среди самых значительных направлений анализа выделим фиксацию и изучение феномена планетарного сознания, анализ глобального сознания, анализ общечеловеческого сознания.

Процесс движения от экологического сознания к ноосферному имеет несколько опосредованных друг другом линий: преодоление технократического и техносферного мышления; перерастание экологического сознания в глобальное экологическое сознание, сопровождающееся формированием биосферного мышления; превращение эгоистического экономического сознания в глобальное экологическое (совмещающее экологическое и экономическое) сознание; постепенное становление общечеловеческого сознания в религиозном (экуменическом), философском (вселенско-универсумном), политическом, правовом, нравственном и эстетико-художественном измерениях.

Сегодняшнее сознание человечества демонстрирует свою амбивалентность и разнонаправленность. Важнейшие его составляющие — техническое и технологическое сознание — доминируют в современном инструменталистском сознании. Техносферное сознание в значительной степени не обладает качеством ориентации на организованность окружающей среды и тем самым является, по существу, разрушающим космопланетарную среду: оно оказывается в социальном плане технократическим сознанием, задающим технодоминанту развития не только природной среде, но также социальному и культурному бытию человечества. Сколь разрушительной может быть технодоминанта в сознании общества, показывает пример Советского Союза и США в условиях противостояния двух миров и ведения «холодной войны».

В отечественной и зарубежной литературе детально прослежено развитие техносферы: показан экспоненциальный рост ее могущества и способы самоорганизации, прослежены процессы вытеснения техносферой биосферы и формы разрушения последней. Тотальная техносфера, работающая по законам технократического сознания, вела к подавлению и уничтожению

живого и разумного вещества на планете, тем самым запустив механизм глобальных проблем современности, обозначив неуправляемые, нелинейные процессы деградации биосферы Земли. Путь от «хомо-фабера» к «человеку-машине» и «роботу» — путь становления тотального технократического сознания.

XX век оказался переломным в осмыслении необходимости восстановления гармонии глобальных планетарных оболочек — социосферы, техносферы, культуросферы, антропосферы и биосферы. Для многих философов-гуманистов стало ясно, что техновирус выел изнутри общественное сознание, лишил его «человечности», превратил человека в «винтик», в «техномена» (сделав человека роботом не по форме, а по своему существу). Тот факт, что техника окончательно оторвала человека от человека, человека от общества, человека от природы, породил инстинктивную технофобию, связанную с оторванностью от Мира, от Универсума, от Вселенной, в которых родовой человек ощущал себя, словно в материнском лоне. Так постепенно вызревал кризис технократического сознания, обостривший до крайности глобальные угрозы. Постоянным оппонентом техносферного сознания являлось экологическое сознание, противопоставившее себя различным формам технократической инженерии в 1960—70-х годах. Дегуманизация сознания посредством его отчуждения техникой со времени Н. А. Бердяева стала глубоко осознанным фактом XX века. С большой уверенностью и обоснованностью современное сознание можно было бы назвать антиноосферным и антибиосферным. Эта антиноосферность проявляет себя в технократическом сознании, в свою очередь, преодоление технократизма посредством экологизации и гуманизации — отчетливая ноосферная тенденция.

Технократизм в современном сознании — не один единственный момент абсолютизации противоположностей. Ноосферное сознание, отражая сложную системность, включающую биосферу, техносферу и социосферу, может быть искривлено в результате абсолютизации любого элемента этой системы, тем самым превращаясь в «неоруссоизм», «технооптимизм», «экопессимизм» или иные другие односторонние концепции. Через преодоление односторонностей происходит реальный процесс становления ноосферного сознания и раскрытия его сущности.

Смена доминанты с технократической на экологическую — один из первых существенных шагов в сторону ноосферного сознания и ноосферной реальности.

В 1970—80-е годы борьба технократического и экологического сознания достигла уровня соперничества, вектор экологичности стал ведущим в техносферном развитии человеческой цивилизации — началось медленное сглаживание противоречия, сближение противоположностей. Современная эпоха — эпоха расставания и прощания с технократическим сознанием, которое явилось детищем «негуманитаризированной» естественно-научной и технической интеллигенции как особого привилегированного слоя общества. Одним из примеров перехода от технологического подхода к экологическому может служить анализ феномена индустриализма М. Л. Полищуком, который утверждает, что «под воздействием индустриальных реалий глобальное мышление оказывает, в свою очередь, влияние на процессы, происходящие в современном мире, подталкивая их в русло планетаризации ценностных систем, гуманизации, экологизации, умиротворения»⁶⁴. Автор делает вывод о необходимости создания новой индустриальной стратегии развития в историческом универсуме общественного сознания⁶⁵.

В сознании человечества постепенно совершается переход от бытия в техносферной реальности в систему более высокой сложности — биосферную и ноосферную реальность. Биологический организм человечества, обретя скелет техносферы, продолжает свое естественное развитие к более гармоничному, организменному состоянию, исключающему самоотторжение.

Процесс экологизации общественного и индивидуального сознания достаточно хорошо исследован в отечественной и зарубежной философской литературе. Первым шагом в этом направлении является формирование природоохранного сознания, затем постепенно складывается экологическая форма общественного сознания, влияющая на другие формы общественного

⁶⁴ Полищук М. Л. Феномен индустриализма в общественном сознании Запада (теоретико-методологический анализ): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1990. С. 11.

⁶⁵ Там же. С. 20.

сознания и способствующая широкому всеобъемлющему процессу экологизации сознания как отражению современной экологической ситуации.

Масштабные процессы экологизации материальной и духовной жизни общества послужили важной предпосылкой качественного изменения сознания как российского общества, так и мирового сообщества. Произошла переориентация ценностей, целей, поведенческих реакций в сфере социально-природных отношений. Пересматривается вся система потребностей человека, задаются новые «пакеты потребностей человека», ориентированные на критерии минимальности и оптимальности в противовес перегрузкам максимальной. Особое значение в процессе формирования «широкого экологического сознания» (т.е. гуманистического экологического сознания) в российском обществе имело активное участие в экологическом движении российских писателей. Общественное звучание экологических проблем стало возможным в результате утверждения значимости общественной экологической экспертизы в качестве рычага экологически ориентированного сознания.

Важнейшим последствием процесса экологизации общественного и индивидуального сознания стало постепенное преодоление идеологизированной философско-методологической заданности абсолютизации противоречий в системе социума, человеческой цивилизации. Контекст глобального экологического сознания потребовал смягчения или устранения «горячих» и «холодных» войн, привел к «погружению» советской культуры в среду мировой культуры. Российское общество постепенно осознало себя в пространстве планетарного бытия человечества, что закономерно поставило перед духовной элитой страны задачу поиска своего пути в общецивилизационном развитии. Такая идейно-политическая ситуация, в которой совершается трансформация российского общественного сознания от технодоминанты к экологическому и ноосферному видению мира.

С середины 1980-х годов экологическое сознание, как и в целом общественное сознание российского общества, испытывает огромное влияние общемировых процессов развития: наряду с локальным и региональным уровнями формируется гло-

бальный уровень экологического сознания. В максимальной степени этим процессам способствовали тяжелейшие экологические катастрофы современности, включая аральскую и чернобыльскую, последствия освоения целины, строительства волжских и сибирских каскадов гидроэлектростанций.

Становление глобального экологического сознания шло параллельно с формированием биосферного мышления. Учение о биосфере заставило цивилизованное человечество постепенно сменить научную парадигму понимания мира, иначе взглянуть на роль живого и разумного вещества в космопланетарной среде его обитания. Проблема формирования биосферного мышления достаточно широко проникла в сферу общественного сознания, хотя в некоторых случаях речь идет не столько о механизмах биосферного мышления, его логике, сколько об использовании содержательных моментов учения В. И. Вернадского о биосфере, теории ноосферы в различных формах общественной рефлексии. Так, К. И. Шилин постулатно представляет содержание биосферного мышления, фиксируя основные идеи учения о биосфере и некоторые культурологические и социокультурные его аспекты, что свидетельствует об отождествлении становления биосферного мышления с экспансией учения о биосфере во все сферы духовной жизни человека и человечества⁶⁶. Современное научное биосферное мышление неотрывно от глобального экологического сознания, но следует иметь в виду, что само по себе оно не позволяет философско-методологически обрисовать параметры сегодняшнего видения мира: еще В. И. Вернадский прекрасно чувствовал потребность задания интенциональности учения о биосфере, сформулировав основные выводы в учении о переходе биосферы в ноосферу.

Формирование биосферного мышления вытекает из логики развития науки и смены ее парадигм: механика как доминанта XVII—XVIII веков сменяется химической доминантой XIX века, а в XX веке имеет место превалирование биологии. Формирование биосферного цикла наук является прелюдией к

⁶⁶ См.: Шилин К. И. Основы биосферного мышления // Системный анализ и основы биосферного мышления. Челябинск, 1994. С. 37—45.

широкому внедрению в формы парадигмального мышления — биосферного мышления⁶⁷.

В некоторых работах биосферное мышление и «биосферное мировоззрение» рассматриваются через призму системного анализа. К. А. Шишов в этой связи утверждает, что «учение всепланетного уровня создано в России величайшими энциклопедистами столетия — Вернадским, Поршневым, Гумилевым, следующими традициям своих предшественников — титанов XIX века. К сожалению, оно было устранено из сферы образования и культуры не только технократов ("винтиков" при социализме), но и гуманитариев...»⁶⁸. Авторский курс К. А. Шишова «Основы биосферного мышления» родился из общения с величайшими людьми столетия — Н. В. Тимофеевым-Ресовским и Л. Л. Оболенским, посвятившими его еще в середине 1950-х годов в тайны учения Вернадского. К. А. Шишов выделяет 10 постулатов Вернадского, 7 постулатов ноосферы (по Вернадскому), анализирует модели сознания (по Б. Ф. Поршневу и Л. Н. Гумилеву) и роль культуры в биосферном мышлении.

Внедрение в научное мышление биосферной парадигмы способствует формированию ноосферного сознания, которое представляет собой в этом плане интеграцию биосферного (глобального) и культурологического (общечеловеческого) мышления.

Ноосферное сознание, вырастая из экологического и биосферного, вбирает в себя, с одной стороны, научные и философские знания, с другой, — «синтетическое народное сознание», включающее массивы локального и регионального экономического, демографического, экологического, политического сознания.

Этнорегионализация процессов становления ноосферного сознания необходима в силу значительных социокультурных особенностей отдельных стран и народов. Каждый из этносов имеет свой ноосферный потенциал, свою ноосферную специфику и свой собственный путь движения к качествам ноосферности.

⁶⁷ См.: Федоров В. М. Учение о биосфере и интеграция наук: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1983; Червинский А. С. Интегративные функции глобальной экологии в процессе изучения биосферы // Фундаментальные исследования и технический прогресс. Новосибирск, 1985. С. 93—99.

⁶⁸ Системный анализ и основы биосферного мышления. Челябинск, 1994. С. 118.

Обращение к историческому развитию стран мира показывает, что для американской нации характерны техносферные доминанты, для японцев — эстетико-природнические, для российского этноса характерна софийно-духовная доминанта. Сверхзадача российского сознания — построение целостного, основанного на принципах ноосферности общества, достигающего до максимальных духовных высот, в жертву которым иногда приносятся даже самые значительные материальные ценности.

Становление ноосферного сознания в мировом сообществе идет зигзагообразными путями, что в полной мере относится и к российскому обществу. Россия в 1990-х годах, несмотря на все трудности социально-экономического характера, вышла на дорогу ноосферного развития, в том числе и на пути становления ноосферного сознания.

Первой особенностью процесса становления российского ноосферного сознания является сильная укорененность языческого «природосообразного» видения мира, связанного с тем, что русский человек, более чем кто-либо другой, живет в первозданной природной среде и имеет непреодолимый инстинкт самостного отношения с природой в ее самых диких, древних и девственных проявлениях. Будучи по глубинной природе новым язычником, типичный современный «советский» человек, чаще всего лишенный духовных одежд православия, имеет потребность доходить в своих отношениях к природе-матушке до самых высоких духовно-интуитивных и эмоционально-чувственных форм.

Вторая особенность становления ноосферного сознания в его российском варианте проистекает из того, что оно кристаллизуется на «осевом времени православия». В исторических формах православия можно видеть этапы развития «софийного», «богочеловеческого», «всеединого» (а значит, по существу ноосферного) отношения человека к миру.

Однако пространство ноосферного сознания строится на осях и других противоречий — коммунистического и эгоистического, коллективистского и индивидуалистского, планового и рыночного, экологического и гуманистического, локального и регионального, национального и общечеловеческого. Рост ноосферного знания и сознания, строящегося по этим координатам, неравномерен, но закономерен.

Становление в человеке и человечестве единого знания есть функция исторического времени. Общечеловеческое знание, развивающееся как единый организм, в пределе своего эволюционного развития приобретает те формы, которые позволяют человеку наиболее адекватно приспосабливаться к окружающей среде, вписываться в контекст Универсума, творчески преобразовывать систему Бытия. Достаточная полнота знания до известной степени есть причина разумного устройства мира человеком.

«Космос Духовности» и «Духовность Космоса» — вот антиномия, в рамках которой осуществлялись антропокосмические поиски содержания и формы Универсума. В XX веке философско-религиозный космизм перерастает в свое новое качество и обретает статус научности в силу того, что человеческое бытие выходит на масштабность глобальности в форме биосферности и ноосферности. Постепенно выстраивается ноосферно-онтологическое доказательство единства Универсума и единого знания о нем. Современные споры о смысле духовности (утверждающие то одностороннюю религиозность, то закрытую философичность, то жесткую научность) в рамках универсумных представлений обнаруживают свою идеологическую заданность, ибо настоящая, истинная духовность формируется универсумом знания, а не его частями.

Культурное движение, как считал Н. К. Рерих, есть процесс перехода от дикости к цивилизации, от цивилизованности к образованности, от образованности к интеллигентности, от интеллигентности к культурности. В этой формуле зафиксировано «культурно-онтологическое» доказательство единства человеческого знания, над которым в XX веке работали и П. А. Флоренский, и Д. Л. Андреев, и В. И. Вернадский, и Л. Н. Гумилев, и многие другие. Общей особенностью их понимания культуры является утверждение статуса ее универсумности. Культура выступает в качестве творимого мира, значение которого все более и более возрастает. Культура в этом смысле — представленность человека в мире, онтологичность человека. Несмотря на то, что российские мыслители по-разному реализовывали представления об онтологичности культуры, сам культурологический процесс, социокультурная динамика предстает в контексте принципа дополнительности: культурные ниши требуют заполнения, иначе не соткется ткань куль-

туры — научное и логическое («основа») должно быть дополнено религиозным, художественным и философским («уток»).

Русские мыслители с великой осторожностью и тщательностью старались нести сосуд российской культурности, чтобы не расплескать его содержимое. Выработка целостности культуры, стремление к ее приращению, обобщению и синтезу, старание найти «золотую середину» между самобытностью и заимствованиями, национальным и инокультурным способствовали становлению мировости (вселенскости) российской культуры. Способность переживать другую культуру как свое собственное позволяет говорить не о простой сумме, не об эклектичности, а о выращивании гармонического целостного организма знания о мире и о человеке, т. е. об универсумном знании.

История русского философствования, начиная с Г. С. Сковороды, шла под знаком создания целостного знания о мире, в котором живет человек. В отличие от других философских школ, российская всегда обладала сильным художественным пафосом задания полноты и сокровенности знания. Стремление к полноте и цельности оказывалось более значимым, чем точность и практическая ориентация знания. «Наполненность культурой» была характерна для всей дворянской усадебной (природной и, одновременно, универсумной) жизни. Виднейшие представители российской культуры — от М. В. Ломоносова до А. Л. Чижевского — совмещали в себе качества ученого, философа, художника, писателя, поэта, музыканта.

К числу тех, кто способствовал осмыслению различных сторон цельного знания, относятся Г. С. Сковорода, М. В. Ломоносов, А. Т. Болотов, П. Д. Юркевич, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, Е. П. Блаватская, В. И. Вернадский, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, Л. М. Лопатин, П. А. Флоренский, Н. К. Рерих и многие другие. В эту работу внесли свою лепту и философы, и художники, и деятели науки.

В советское время качество цельности знания и широкого понимания культуры было в значительной степени утрачено; в виде исключения оно сохранялось у интеллигенции старой формации и отдельных представителей науки предперестроечной эпохи: творчество А. И. Вейника, А. А. Любищева, И. Р. Раушенбаха,

А. Д. Сахарова дает представление о направлениях развития синтеза знания, созвучных со старыми российскими традициями.

В истории российской культуры проблема цельного знания прошла несколько этапов в своем развитии: интуитивистски-синкретический (Г. С. Сковорода), просветителско-университетский (М. В. Ломоносов, Н. И. Новиков), единого цельного знания (В. С. Соловьев), Всеобщего Синтеза (Н. Ф. Федоров, Е. П. Блаватская), ноосферного синтеза (В. И. Вернадский), ноосферного синтеза современной науки. Остановимся на самых значительных моделях цельного знания, которыми, на наш взгляд, являются системы Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева и В. И. Вернадского.

Всеобщий Синтез (всеобщее объединение) Н. Ф. Федоров выразил следующим образом: «Синтез двух разумов (теоретического и практического) и трех предметов знания и дела (Бог, человек и природа, из которых человек является орудием Божественного разума и сам становится разумом вселенной), а вместе и синтез науки и искусства в религии, отождествляемой с Пасхой как великим праздником и великим делом»⁶⁹.

Идеи В. С. Соловьева о единственности жизни и знания ведут к осознанию безраздельности сознания, знания, чувства, веры, а также соединенности истины, красоты и добра в Любви. Характерно, что вслед за работой «Кризис западной философии (против позитивистов)» (1874), открывавшей философское творчество мыслителя, следует работа «Философские начала цельного знания» (1877).

Особое место в осмыслении синтеза науки, религии, искусства и философии принадлежит теософским текстам Е. П. Блаватской. Попытка представить человечеству тайную доктрину — синтез религии, философии, науки и искусства — до сих пор самая впечатляющая форма универсальных прозрений. Поставленная задача и сейчас кажется невоплотимой, но ее влияние оставило сильнейший след в духовной и культурной жизни «мыслящего пласта» — российской интеллигенции. Современное увлечение идеями Е. П. Блаватской связано с яркой

⁶⁹ Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 473.

художественной выразительностью текстов и одновременно традиционным мифологическим мышлением.

Наиболее близкое по духу современной сциентизированной духовной жизни осмысление единства знания о мире обнаруживается в работах В. И. Вернадского, прежде всего в «Научной мысли как планетном явлении» и книге жизни «Химическое строение биосферы Земли и ее окружения». В. И. Вернадский говорит о необходимости «вселенскости понимания»⁷⁰, выявляет факт создания «новых областей знания — новых наук»⁷¹, утверждает, что «значение науки в жизни, связанное... с изменением биосферы и ее структуры, с переходом в ноосферу увеличивается с тем же если не большим, темпом, как и рост новых областей научного знания»⁷².

Проблема целостности знания находилась в центре внимания таких зарубежных исследователей как П. Тейяр де Шарден, М. Шелер, А. Эйнштейн, Б. Рассел, а также анализировалась в работах представителей философии науки К. Поппера, М. Полани, П. Фейерабенда, Т. Куна, И. Лакатоса и других.

Целостность знания — «всегдашний» идеал любого ученого. Стремление к энциклопедизму — факт XVIII века, для эпохи конца XIX — начала XX века речь идет уже не только о переходе от энциклопедизма к универсализму и синтетизму, но и о всеобщем синтезе культуры. В. И. Вернадский в максимальной степени соответствовал этому запросу времени, который в той или иной мере отразился на творчестве крупных философов и ученых современности. Всеобщий синтез — это стремление совместить в своем творчестве философские, религиозные, художественные и научные искания. Применительно к творчеству В. И. Вернадского речь может идти о соединенности науки и философии, религиозных поисков и научных исканий, художественного и научного видения мира. В литературе, посвященной вернадоведению, в той или иной степени затрагивались все эти подходы⁷³, но подробнее всего анализировался вопрос о целостности научного знания. Та-

⁷⁰ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 76.

⁷¹ Там же. С. 72.

⁷² Там же. С. 83.

⁷³ См.: Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. Л., 1989.

кой взгляд был характерен для «сциентистской» эпохи, немного позднее ракурс осмысления творчества В. И. Вернадского сменился⁷⁴. Область, в которую мы вступаем, достаточно рискованна для однозначных выводов, но именно на этом пути исследователей творчества В. И. Вернадского ждут самые значительные и самые неожиданные открытия. Как показывает опыт 1990-х годов это одна из наиболее сложных проблем наукознания.

В последние двадцать лет вопросы интеграции и дифференциации науки, межпредметного и общенаучного синтеза занимали существенное место в философских исследованиях отечественных ученых. Одним из важнейших выводов в этом плане является обоснование формирования биосферного цикла наук и определение места экологического знания в системе единого современного научного знания. Работы Б. Е. Большакова, Э. В. Гирусова, В. П. Казначеева, А. Н. Кочергина, П. Г. Кузнецова, Г. В. Платонова, В. М. Федорова способствовали глубокому пониманию процесса сближения естественнонаучного, экологического и гуманитарного знания, заложили методологическую основу для формирования представлений о ноосферном знании.

Одной из важнейших особенностей развития ноосферного сознания является действие закона «сообщающихся сосудов»: знания о мире и знания о человеке «перетекают» друг в друга, они гносеологически взаимодополнительны, так как имеет место своего рода методологическая «опрокинутость» знаний о человеке в знания о мире, и наоборот. Эта специфика «подобия подобия знания» может быть названа «казусом ноосферы», так как расхождение, несоответствие знаний о мире и знаний о человеке в социокультурном плане становится камнем преткновения становления ноосферы.

Из указанной проблемы вырастает вопрос о подобии человека и ноосферы, задаваемый, к примеру, архетипом «Мирового Древа». Символический контекст этого художественного образа позволяет понять, что корневая система Древа и его крона — подобны, но выполняют различные функциональные роли, составляя при этом единый подземно-наземно-надземно-небесный Универсум, живущий по единым законам космо-земного бытия.

⁷⁴ См.: Гиренок Ф. И. Экология, цивилизация, ноосфера. М., 1987.

Ноосферный контекст образа «Древа Мира» можно обнаружить уже в исходных посылках книги Я. Беме «Аврора»⁷⁵, однако символ «Мирового Древа» (как Универсума) имеет и множество других антропо-ноосферных ассоциаций, таких как структурность кроны и структурность мозга человека, а также структура единого ноосферного знания, аналоговость ствола древа и способа соединенности подземного и надземного: они не являются главными, но имплицитность их существования важна для понимания подобия человека и ноосферы.

Одним из самых существенных моментов проблемы подобия человека и ноосферы, их универсумности является целостность, соединенность традиционной оппозиции «телесность — духовность». Заданный синкретический контекст, во-первых, отдаляет нас от акцента на первичность или вторичность духовно-телесности, что присуще «радикальному гносеологизму», во-вторых, позволяет посмотреть на проблему подобия через призму всего объема философской мысли, а не только произвольно выбранной методологии. Размышления о «соотносительности» телесного и духовного пронизывают насквозь религиозную, философскую, научную и художественную сферы духовной культуры, что позволяет искать в веере методологических подходов наиболее адекватные, работающие со сверхсложным материалом антропо-ноосферного универсума. Корреляция духовности и телесности, ноосферной реальности и ноосферного сознания — такова, на наш взгляд, ноосферно-универсумная субстанционализация мировой культурной традиции, порождающая единое ноосферное знание.

Системность ноосферного знания можно представить, обозначить термином «ноосфероведение». Эта широкая дисциплинарная конструкция состоит из двух дополняющих друг друга частей — ноосферологии и ноософии. Как та, так и другая сфера ноосферного знания имеют гносеологическую, ценностную, праксиологическую и онтологическую стороны. Такая полнота предполагает всесторонние связи основных ипостасей духовной культуры, имплицитность синкретичности и синтетичности.

⁷⁵ Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. М., 1990.

Ноосферология — качественно иная, нежели традиционные, дисциплина, ибо она предполагает соединенность в своем предмете и в своем содержании естественнонаучного и гуманитарного знания посредством знания экологического, в ней мы видим форму нового синтеза общекультурного плана. Новизна характера синтеза, представленного в содержательных, концептуальных и структурных аспектах ноосферологии, порождает и новую социокультурную функцию — обращенность к мировой культуре как форме внутреннего и внешнего миропостроения человека, человечества, Ноосферы и Универсума. Такое положение стало возможным лишь в условиях единого информационного пространства «технотронной цивилизации».

Ноосферология как наука представляет собой принципиально открытую, развивающуюся систему «живого синтеза». Живого в том смысле, что дается он как форма субъективирования, субъект-субъектного отношения к миру. Ядром ноосферологии, как и ноосфероведения в целом, является учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу.

В плане конституирования новой мировоззренческой дисциплины весьма существенен вопрос о способах соединения естественнонаучного и гуманитарного знания сферой экологического знания. В современной философской литературе сложились представления об экологическом знании как сложной системе, которая включает в себя такие науки, как глобальная и социальная экология, промышленная и агроэкология, инженерная экология, демозэкология, экология человека и экология культуры, экология Духа. Из этого перечня дисциплин видно, что одной своей стороной пространство экологического знания касается блока естественных наук, а другой — гуманитарного знания. Способы воздействия стягивающих нитей экологического знания очень разнообразны.

Ноосферология как мировоззренческая дисциплина играет важную роль в системе университетского образования, так как по своей природе университетское образование предполагает знакомство с универсумом Знания и универсумом Мира. Предвидения немецких философов о постепенном складывании единой науки о человеке реализуются и, более того, развиваются в

ноосферологии как единой «науке-философии» о человеке, космопланетарной и социокультурной основах его обитания.

Современная биосферно-ноосферная реальность (ноосферный Универсум) имеет свое субстратное, структурное и концептуальное выражение, а едино-дуалистическая троичность ее содержательности задает сложное биосферно-ноосферное отношение, которое проявляет себя во взаимодополнительности объект-объектных, субъект-объектных и субъект-субъектных отношений (измерений). Условно первое измерение охватывается блоком естественных наук, второе — экологическими и общественными науками, наконец, третье измерение биосферно-ноосферных отношений раскрывается гуманитарными науками и теологическим знанием.

Заданность биосферно-ноосферного континуума строит в радиально-концентрическую структуру знания об Универсуме. В то же время, плоскости, созданные линиями естественнонаучного и технического, социального и гуманитарного знания, выводят на эколого-культурологическую вертикаль, центрирующую ноосферные «силовые линии». Реальный контекст и подтекст интерференции единого знания в действительности гораздо более сложен, хотя бы в силу различной интенциональности хронотопов знания, имеющего историческую и социокультурную специфику.

Ноосферно-универсумный человек одной ногой опирается на естественную, а другой — на «вторую, очеловеченную», искусственную природу; правой рукой (как хомо-фабер) он создает техносферу, по левую руку от него располагается социосфера; над головой — культуросфера. Если учесть, что за спиной у него прошлое, а шагает он в будущее, что человек, размещенный в центре, окружен, как в коконе, информатиферой, то мы получим схематическую топографию Универсума, которая отражается в ноосферном знании.

Предложенный выше интерпретант ноосферной сверхсистемы позволяет продемонстрировать тот факт, что современная наука — это не просто наука о человеке («единая наука о человеке»), но целостная наука о ноосфере — ноосферология, вбирающая в себя наличное в XX веке совокупное знание, описывающее процессы возникновения, функционирования и развития ноосферы. Термин «ноосферология» имплицитно содержит

в себе космологический контекст, ибо ноосфера в той же самой степени космична, как и биосфера — таков вывод теории и практики традиционного и современного русского космизма.

Отметим, что «ноосферология» предлагает несколько иной, чем «ноокосмология» (термин О. Д. Куракиной⁷⁶) ракурс: в первом случае в основу положено изучение ноосферы как универсума, а во втором делается упор (как это следует из самого термина) на исследование космической функции разума.

Философско-методологическое обоснование целостного знания является одной из главных предпосылок осмысления целостности ноосферного Универсума третьего тысячелетия. В рамках этого процесса происходит формирование такой теоретической дисциплины как универсология, которая опирается на национальные и общекультурные стремления к Всеобщему синтезу.

Ноосферное знание не ограничивается лишь знанием «научным» по определению, в нем всегда находятся большие массивы знания религиозного, философского, художественного. Религиозное знание позволяет человеку ощутить в полной мере всеобщность своей связи с миром, художественное знание дает возможность освоить культурные формы выражения невыразимого, постижения непостижимого, познания непознаваемого. Философское знание выполняет особую роль в едином ноосферном знании, поэтому остановимся на этом вопросе подробнее.

Структурность философского знания в ноосферной реальности предполагает не только предметно-дисциплинарную организацию материала, но и (может быть, прежде всего) онтологический аспект — значимость философского знания в процессе перехода биосферы в ноосферу. С этих позиций вывод В. И. Вернадского о необщезначимости философского и религиозного знания теряет свою категоричность: философское знание необщезначимо в силу своей субъективности и персоналистичности, но оно общезначимо, поскольку неустранимо из духовной жизни человечества и универсально для размышляющего о мире человека.

В каждую эпоху пропорции религиозного, философского, научного и художественного — различны, но без достаточной

⁷⁶ См.: Куракина О. Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993.

полноты представленности философского знания сознание человека оказывается разорванным, впадает в абсолютизацию частных или крайностей. Современный человек, по преимуществу, живет научным и обыденным знанием, но наблюдается и тенденция медленного, постепенного увеличения роли философского и культурологического знания (причем речь идет не только о перераспределении акцентов в сфере среднего и высшего образования).

В культурной стране сферы духовной жизни общества распределяются пропорционально, поэтому четверть массива Духовности должна приходиться на философскую рефлексию — форму теоретической и обыденной мудрости. Современный размышляющий человек — это человек философствующий, который, без преувеличения, является важным системообразующим фактором совершенствования ноосферной реальности, субъектом синтетического ноосферно-экологического видения мира.

Непреодолимая ценность и роль философствования в социокультурном процессе выражается в том, что оно застраивает свободное пространство между формировавшимся тысячелетиями религиозным знанием и экспоненциально увеличивающимся в объеме научным знанием. Философия как знание об Универсуме в XX веке стала иной, ибо эпоха постмодернизма разрешила «человеку философствующему» пользоваться для описания реальности любым методологическим инструментарием при условии его правильного применения. В философском знании человек действительно сложно-субъективно соединяет землю и небо, науку и религию, он самостоятельно строит линии схождения и расхождения смыслов внутреннего и внешнего миропостроения.

Функциональная специфика философского знания задает особенности его реализации в мыслительном субстрате человека и человечества. Если наука общеобязательна, то философское «необщеобязательное» знание и предметно, и реляционно, и атрибутивно, и интенционально, и деятельностно — ситуативно. Философское знание как бы подразумевает бытие человека в мире, так как отрывается от весомости объект-объектного бытия и переходит в сферу «тонкостей» субъект-объектного и субъект-субъектного характера.

Новая реальность Духовного порождает новый образ и синтез Знания. В данном смысле ноосфера — своего рода зна-

ниевая сфера, в которой наряду с научным знанием свою роль играет и философское, и религиозное, и художественное знание. Процесс ноосферного миропостроения реализуется во всем объеме духовных и материальных отношений.

Превращение Бога в религиозном сознании в Сверхсубъект или Сверхобъект — Универсум ведет к формированию нового уровня отношений, которые можно было бы обозначить как «квазиотношения». Включенность человека в Универсум Бога как в свое собственное духовно-телесное бытие приводит к синкретичности и синтетичности знания на таком уровне, когда теряется возможность рассуждать и даже раздумывать о его структурности.

Структурность философского знания в том смысле, как было описано выше, заключается в его виртуальной интересубъективности. Если интересубъективность — вообще характеристика любого экстериоризированного сознания (сознания для всех), то из этого следует, что философское знание описывает Универсум сразу во всех его измерениях, регистрах, состояниях, проявлениях, поэтому оно не может быть однозначно. Оно принципиально многолико и существует в «формах-перевертышах», когда «одно присутствует во всем, и все — в одном». Таковым видится смысл виртуальности философского знания, философии в целом. Философское знание, таким образом, — это своего рода «стоячая волна» состояния человеческой субъективности, резонанс восприятия мира и актуального бытия в нем.

Ноосферология коротко может быть определена как наука о ноосферном миропостроении. В этом своем качестве она является наследницей чреды иных, менее сложных, теорий миропостроения. Ее продолжением и дополнением выступает ноософия. Термин «ноософия» исторически и генетически есть порождение софиологии и ноосферологии. В конце XX века в мировоззренческом процессе современности произошло соединение философских идей начала столетия (философия Всеединства, философия Общего Дела, софиология, представления о пневмосфере), которые совпали по своей направленности с ноосферологическими поисками. Так обозначил себя наиболее высокий уровень ноосферного сознания — ноософский, предполагающий философскую экстраполяцию знаний ноосферологического уровня. Синкретэма «Ноосфера» как максимально широкое понятие, соеди-

няющее в себе и абстрактно-всеобщее, и конкретно-всеобщее и представляющее тем самым универсальный феномен планетарной духовно-телесности и материально-идеальности, является предметом синтетической дисциплины «Ноософия».

В рамках ноосферной реальности особенно отчетливо проявил себя факт плюралистичности философского знания, множественности философских истин, их «противоречивой непротиворечивости», длящегося характера субъективной реальности с ее перерывами постепенности, флуктуациями и возвращениями к единству дифференцирующегося целого. Тезис о всеобщей актуальности философского знания получает в рамках ноосферной реальности не только свое новое подтверждение, но и специфическое выражение, ибо философия становится все более софиологией, когерентной мудростью универсального бытия человека в космопланетарном универсуме Ноосферы.

Потенциал становления в человечестве нового человеческого качества актуализируется, заявляет о себе как потребность построения на базе современного научного знания и тысячелетнего религиозного познания буферной философской дисциплины, отвечающей в известной мере сложности сегодняшнего духовно-ноосферного состояния мира. Плавление религиозного опыта в тигле современной науки (что мы наблюдаем на протяжении всего XX века) предвещает появление всеобъемлющих синтетических концепций и теорий. Ноософия как философская дисциплина, собирающая мудрость бытия в ноосфере, — один из возможных вариантов квинтэссенции новой современной Духовности.

Ноософия вырастает из ноосферологии, но отличается от последней степенью всеобщности, стремлением собрать воедино разрозненность субъективно-неоднородного, рождающегося из пространственно-временных и социокультурных различий. Ноософия отражает бытие человека не только в его органическом и планетарно-биосферном, но и в его едином ноосферном теле. Бытие различных людей на общем вещественно-энергетическом и информационно-духовном субстрате порождает феномен ноософии, который концентрирует в себе тысячелетиями копившуюся мудрость, отразившуюся, в частности, в представлениях о «Сфере Разума», «Державе Света», «Розе Мира».

Ноософия имеет сильный культурологический контекст, поэтому она может быть названа в полном соответствии с особенностями современного периода, философско-культурологической дисциплиной. Каждая культура в процессе своего развития нарабатывала собственный опыт разумного миропостроения; каждая культура в этой связи имеет свою собственную «ноосферную особенность» — духовно-ценностную или деятельностно-практическую доминантность. Пример тому — формирование в недрах российской культуры мощного духовного потенциала, который без особых натяжек можно назвать ноосферным и ноософским.

Человеческое знание всегда стремилось к органической целостности и непротиворечивости, завершенности как отдельных частей, так и системы в целом. Реальное отношение человека к миру всегда требовало превращения знания в формы миропостроения: сознание человека оказывалось наиболее действенным и адекватным в той мере, в которой удавалось совместить внешнее и внутреннее миропостроение.

Несмотря на то, что все конкретно-исторические духовные системы претендовали на завершенность и построенность здания мира по единому проекту, рано или поздно любая религиозная, философская, научная или художественная система обнаруживала свою внутреннюю противоречивость. Кроме того, специфика различных типов систем знания порождала особенности функционирования «знаниевых систем». Научная парадигма, имея большую общезначимость и объективность, тем не менее оказывалась в историческом плане более преходяща, текуча. Философема, будучи (в силу своей заданной субъективности) менее общезначимой, — более статична, устойчива, обладает статусом универсального, всеобщего мирочеловеческого отношения и обнаруживает потенциальное свойство быть вечной. Как факт истории духовной жизни и как некоторая актуальность философема не может быть вычленена из современности, она как если бы остается, даже если уходит. Религиома обладает способностью на протяжении очень длительного промежутка времени сохранять свою внутреннюю противоречивость без разрушения целостности мировоззренческой системы. Эта уникальная особенность религиозного знания делает его пре-

дельно монументальным, монолитным, удивительно стойким и не подверженным временным коллизиям.

Целостность неотрывна от такого качества знания, как континуальность, ибо в точках разрыва знания как раз и создаются максимальные нагрузки для сохранения его системности. В истории совокупного знания имели место различные формы континуальности, предполагающей наличие атрибутов универсумности, праксиологичности (утилитарности) и антропности (гуманистичности). Источник континуальности знания лежит не только в континуальности самого Мира, но и в выраженности знания через человека. Целостность и континуальность характерна для таких энциклопедических и универсальных личностей, как Аристотель, Аквинат, Кант, Вернадский. Целостность и континуальность знания формируются в процессе духовно-мыслительной деятельности человека: «сделанность» мира в его архитектурной законченности, поиск Универсума бытия — важная интенция человеческого интеллекта и сознания.

Знания всегда мозаичны, фрагментарны, неполны, разорваны, но мудрость по определению континуальна. Научное знание предпочитает точность, непротиворечивость — для него характерны дискретность и эмпирический характер. Философское знание, как и знание религиозное, обречено быть континуальным и целостным. В процессе миропостроения наука, философия, религия выполняют различные функции: первая фиксирует элементы знания, вторая соединяет, складывает кирпичики знания в определенную конструкцию, третья вдыхает жизнь в образ мира. Так, качество ученого у В. И. Вернадского переросло вместе с возрастом мудрости в философичность и фактически сделало его «первым богословом XX века». Ученость, мудрость, сакральность — единство научного, философского и религиозного опыта — создали и реализовали в творчестве В. И. Вернадского феномен ноосферного сознания.

Ноосферное знание в наибольшей степени обладает качеством континуальности и связано с необходимостью целостного отражения человеком среды обитания во всех ее параметрах. Континуальность хронотопа вселенной (универсума) ноосферного знания — это континуальность и *плоскости* научного знания, и *поля* философского знания, и *пространства* религиозного знания.

Континуальность научного знания выражена, во-первых, в расширении предмета самой дисциплины, во-вторых, в сращивании смежных дисциплин, в-третьих, в появлении новых дисциплин, предметная область которых открывается в результате новых естественнонаучных, технических или гуманитарных достижений.

Континуальность философского знания предполагает актуальность для каждого человека умений пользоваться в своей практической (духовной и материальной) жизни любыми философскими формулами, аксиомами, концепциями, философемами в зависимости от сложившейся жизненной ситуации или социокультурной опосредованности (духовной и материальной апперцепции).

В максимально возможной степени континуальность знания проявляется в религиозном знании, которое выполняет функцию превращения всего существующего в единое целое — функцию соединения всего в Универсум. В философско-методологическом плане понятие «Бог» выполняло задачу превращения человека в сверхсубъект для возможности выразить в значимых формах необъятность объекта Вселенной.

Итак, ноосферное знание представляет собой организм с хорошо дифференцированными и функционально подогнанными частями (элементами). Важнейшими сферами ноосферного знания являются *религиозное* (соединяющее, единство(едино)-стремительное), *философское* (миропостроительное, системосозидающее), *научное* (разъединительное, дизъюнктивное, предметно-дискретное) знание. Ноосферное знание как ядро ноосферного сознания обладает всеми «мировыми» (в смысле П. Филонова) измерениями — онтологическим, гносеологическим, ценностным и праксиологическим.

Ноосферное знание выполняет важнейшую роль в ноосфере, в своих развитых формах оно является системообразующим фактором ноосферы, процесса перехода биосферы в ноосферу. С одной стороны, для него характерна дискретность — точная социокультурная локализация в хронотопе, с другой стороны, оно обладает качеством континуальности — цельности и соответствия многосложности Универсума на всей его протяженности, во всех его бытованиях. Современная Наука представляет собой единое знание о ноосферном Универсуме во всей полноте ноосферной реальности и ноосферного сознания.

Универсум ноосферной реальности

«Основная черта всего человеческого, — писал О. Вейнинггер, — искание реальности»⁷⁷. На протяжении всей своей жизни каждый человек строит свой собственный образ реальности, и чем дольше он живет, чем полнее погружает свою субъективность в мир, тем более становится реалистом. Понятие «реальность» в последнее время приобрело необычайную популярность в силу того, что обладает удивительными синтетическими качествами. Оно может конкурировать с самыми широкими по объему понятиями. Особенность внутреннего, семантического содержания этого термина заключается в том, что объективная реальность существует лишь посредством реальности субъективной, они нераздельны и взаимодополняются. От разведения понятий объективной и субъективной реальности к пониманию их единства — такова главная задача синтетического, универсального подхода и цель введения понятия «ноосферная реальность».

Ноосферная реальность — это своего рода проявленность ноосферного сознания в социоприродном бытии. Становление ноосферы как стихийный естественноисторический процесс подразумевает стадийность: «ноосферное качество» проявляется не сразу и не во всех сферах универсального бытия человечества одновременно, оно формируется под воздействием научной мысли, мировой культуры. Воздействие на биосферу культуры делает ноосферу реальностью.

Проблема реальности-реализма — одна из неотъемлемых в российской культуре. Реализм, лишь немного меняя особенности характера, черты лица, выраженность в звуке и знаке, торжественно прошествовал сквозь XIX—XX века, что особенно проявилось в художественном плане. Реализм в литературе, реализм в живописи явился предтечей российского философского реализма. Тем значительней выглядит социокультурная переключка изофилософствования и лого-философствования. Ностальгически переживая затмение российской культуры в эпоху социалистической культурной революции, М. М. Пришвин 4 декабря 1937 года записал: «Легенда, как связь распавшихся

⁷⁷ Вейнинггер О. Последние слова. Киев, 1995. С. 101.

времен, — все, что есть и самое нужное»⁷⁸. У писателя есть удивительно точное наблюдение относительно характера эпохи великих преобразований: «Это стремление вперед так огромно, что будущее становится реальной настоящего. Ведь это верно, что инженер еще прошлый год заблудился в лесу. Теперь тут город, а лес стоит вдали. Но какой это лес, ведь он обречен, его завтра не будет, этот лес почти нереальность. Зато вот механический цех, которого еще нет, — он реальность»⁷⁹. Позднее он написал: «Мания или реальность Кашеевой силы? Ну как же не реальность...»⁸⁰.

Представление о реальности в русском языке имеет два смысла. Во-первых, смысл наличного бытия, реальности как данности (включая объективную и субъективную реальность). Во-вторых, реальность как возможность, т.е. действительность этой реальности («реальность» планов, дел, целей). Введение понятия «ноосферная реальность» обладает качествами обоих смыслов: ноосферная реальность и реальность ноосферы. Реальность ноосферной реальности связана, таким образом, с массивом субъект-объектных и субъект-субъектных — познавательных, ценностных, деятельностных — отношений, моментов как индивидуального, так и коллективного (интерсубъективного) плана. Гегель, заявивший: «Все действительное — разумно, все разумное — действительно», — фактически заложил методологические основы понимания терминов «ноосфера» и «ноосферная реальность».

Методологический курьез (софизм), возникший в связи с вопросом о «неразумной ноосфере», — своего рода подтверждение ухода от реального процесса становления ноосферы, происходящего в условиях сложнейших политических, экономических, экологических, демографических, культурных процессов современности. Выход из ситуации, когда термин «ноосфера» теряет свое лицо в силу невозможности локализовать смысл, видится, во-первых, в том, чтобы наработать кластер взаимосвязанных понятий, в рамках которого преодолевалась

⁷⁸ Пришвин М. Дневники. М., 1990. С. 259.

⁷⁹ Там же. С. 182.

⁸⁰ Там же. С. 184.

бы полисемантичесность слова «ноосфера», во-вторых, как можно точнее определить перечень смыслов, которые вкладывал в этот термин В. И. Вернадский.

Прежде всего, целесообразно развести понятия «ноосфера» (конкретно-историческое состояние сферы бытия человеческого сознания) и «Ноосфера» (некое идеальное, мыслимое в доступных человеку формах рефлексии). Даже такое элементарное разведение понятий снимает большинство претензий к неинструментальности термина и его недееспособности. Анализ работ В. И. Вернадского позволяет утверждать, что для него «ноосфера» есть то состояние биосферы, которое связано с функционированием в ней разума, научной мысли цивилизованного человечества, а «Ноосфера» — есть некоторое будущее состояние космопланетарной системы (организованности), которое возникнет в перспективе, когда человечество в той или иной мере сможет осуществить оптимизационные и гармонизационные процессы глобальной среды обитания человека.

Для того чтобы понятие «ноосфера» обрело философский и общенаучный смысл, требуется создание целой системы, сложной цепочки переходящих от одного к другому понятий. Так, «формальная ноосфера» соотнесется с «реальной ноосферой», «номинальная ноосфера» — с «действительной ноосферой», в конечном итоге «ноосфере» будет противостоять на другом краю смыслов «носферату» («ужасная «ноосфера»»). В рамках этого термина «ноосфера» превращается в свое абсолютное отрицание⁸¹. Архетипическая основа понятия «реальность» хорошо видна в случае обращения к категориям народной мудрости, таким, например, как «житье-бытье», «житие-бытие». Дефисный вариант использования двух казалось бы далеких по смыслу слов предполагает переход от диалектики к триалектике. «Житие» — это форма индивидуально-персоналистического воплощения личностного Бытия. «Бытие» — это соборно-онтологическая форма. Соединение в один термин «житие-бытие» двух разведенных смыслов рождает особое семантическое пространство, в полной мере отвечающее содержанию категории «реальность».

⁸¹ Кино: Энциклопедический словарь. М., 1987. С. 284.

Особую архетипическую значимость приобретает в этой связи сказка А. С. Пушкина о золотой рыбке: «Жили-были старик со старухой у самого синего моря...» Разделенность двух миров — земного и водного (подводного), указание на приближение к разделительной черте, двойственность однозначности («у самого синего моря») — все это не столько говорит о реальности описываемого, сколько намекает на приобщение к формам погруженности в метаисторию. Забрасывание невода («невода») в сказке в этом случае не столько форма действия, сколько форма деяния — исторического, вселенского, универсумного.

Реальность в русских народных сказках — полная и абсолютная в том смысле, что это такая реальность, в которой действительно (орудийно-инструментально-действенно) жил человек. Особенность сказки и былины в том, что они передают субъекто-объектную форму жития-бытия, которая характерна для исторического человеческого (как бы вечного) времени. Читая сказки и былины, человек приобщается ко времени вечности, помещается в действительный культурный, а затем и в реальный универсум.

Философичность сказки о золотой рыбке более многопланова, нежели это может показаться: в ней имеется отчетливый эколого-универсумный подтекст, ибо каждый последующий круг социальности, затребованный старухой, возможен, но лишь до того предела, за которым собственно социальность исчезает. Быть «царицею морскою» оказывается невозможно: тому, кто возжелает быть всем, не остается ничего, кроме самого себя.

Любая сказка, таким образом, выступает представлением неотмирной реальности, в которой человек действительно живет, но о которой не имеет никакого представления, кроме архетипического образа. В интуитивном ощущении полноты жизни — абсолютной представленности реальности и есть та тайна, которая скрывается от глаз большинства людей, но тем не менее довлеет над их умами независимо от понимания ими этого.

Архетипическо-культурологический анализ пушкинских сказок в последнее время становится очень популярным: сказка оказывается очень «отзывчивой» на неожиданные повороты, нетрадиционные взгляды — глубину ее невозможно исчерпать до конца, ибо в ней скрыта мудрость тысячелетий. Сказка как

форма «абсолютной мифологии» представляет собой абсолютную форму мышления.

Одной из самых значительных сторон современной духовной жизни является наполнение старых культурных, религиозно-философских архетипов фундаментальным (естественно-научным, экологическим и гуманитарным) содержанием. В рамках этого глубинного процесса и происходит формирование лица и лика ноосферной реальности.

В постановке проблемы познания истинной реальности обнаруживается тайное прикосновение человека к абсолютно сокровенному, которое бывает дано ему лишь формой длительного проживания и переживания жизни и абсолютной погруженностью в культуру, пусть даже имеющую историческую ограниченность. Воплощенность личностного в мире — действительная проблема истинной реальности. В российской культуре более чем кто-либо осознавал свою сопричастность Реальности П. А. Флоренский. Соловецкое откровение пневматосферы — лучшее тому доказательство. Не случайно обращение П. А. Флоренского к творчеству Г. Лейбница и И. Ньютона. «Истинная реальность, — по Лейбницу, — это точки монады, метафизические точки — *points metaphysiques* или субстанциальные точки *points de substance*, среда же, пространство есть не что иное как *ordo rerum*, порядок существования вещей, то есть нечто производное... По Ньютону же, истинной реальностью в мире признается содержащее его в себе *sensorium dei*, чувствилище Божие, Божественный орган, которым мир промышляется, а потому и существует, и это чувствилище Божие есть не что иное как мировое пространство — сплошное и неделимое»⁸². Как похоже это противоречие, чреватое синтезом, на то, которое возникло в связи со спором о корпускулярной или волновой природе света.

Х. Ортега-и-Гассет, анализируя проблемы Универсума, не может пройти мимо анализа понятия «реальность». «Для античных ученых реальность, бытие обозначали "вещь"; для ученых нового времени бытие обозначало "интимность, субъективность"; для нас бытие обозначает "жизнь", — стало быть, ин-

⁸² Флоренский П. А. *Symbolarium* (Словарь терминов) // Флоренский П. А. Сочинения. В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 580—581.

тимность по отношению к самому себе и к вещам»⁸³. Для испанского философа очевидно, что «жить — это осознавать себя»⁸⁴, «жить — это находиться в Мире»⁸⁵.

Приведенные выше рассуждения привлекли нас потому, что похожим путем к представлениям о биосферно-ноосферном универсуме шел В. И. Вернадский, намеренно отказавшийся от понятия «жизнь» ради естественнонаучной рефлексии «живое вещество». «Путь, который привел нас к тому, чтобы принять "жизнь" в качестве исходного данного — первичной реальности, — пишет Х. Ортега-и-Гассет, — несомненно в Универсуме»⁸⁶.

В конце XIX — начале XX века «философский реализм» является знаком, указующим на синтетическую ориентацию мыслителя, ученого. В частности именно так обстоит дело с творчеством В. И. Вернадского, отрешивание которого от идеализма и материализма в пользу реализма — точная философская самоидентификация⁸⁷. Традиционно творчество В. И. Вернадского ретушировали под формы диалектического материализма, в действительности же его философское сознание формировалось в течение очень продолжительного времени под воздействием широкого и глубокого знания истории мировой философии. Интерпретационное уважение к личности такого масштаба — одно из главных условий его философской идентификации. С некоторым запозданием, но в отечественной литературе обращено внимание на проблемы философского реализма⁸⁸.

Основы реализма В. И. Вернадского лежат в понимании меры гносеологического отношения человека и «трех отдельных пластов реальности». «...Совершенно неожиданным и новым основным следствием новых областей научных фактов является вскрывшаяся перед нами неоднородность Космоса, реальность и ей отвечающая неоднородность нашего ее познания»⁸⁹. Многообразие реальности задает различные формы про-

⁸³ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991. С. 164.

⁸⁴ Там же. С. 171.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. С. 164.

⁸⁷ См.: Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М.-Л., 1940. С. 8; Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 11.

⁸⁸ См.: Философия реализма: из истории русской мысли. СПб, 1997.

⁸⁹ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 68.

явленности человеческого сознания. «Мы должны сейчас различать три реальности: 1) реальность в области жизни человека, природные явления ноосферы и нашей планеты, взятой как целое; 2) микроскопическую реальность атомных явлений, которая захватывает и микроскопическую жизнь, и жизнь организмов, даже посредством приборов не видную вооруженному взгляду человека; и 3) реальность космических просторов, в которых Солнечная система и даже галаксия теряются, неосязаемые в области ноосферического разреза мира»⁹⁰. Итак, реальность В. И. Вернадского неоднородна гносеологически, аксиологически и праксиологически. Его представление о реальности имеет натуралистический, а не философский характер, но уже в этих подходах остается простор для более широких философских толкований. «В тех затруднениях понимания реальности, которые мы переживаем, мы имеем дело не с кризисом науки, как думают некоторые, а с медленно и с затруднениями идущим улучшением нашей научной основной методики»⁹¹. Как показывает история мировой культуры, этот вывод с соответствующими изменениями может быть применен и к философским исследованиям, и к формам художественного миропостроения.

Методология, примененная к анализу научной мысли В. И. Вернадским, с учетом специфики философского знания и колоссальных изменений, произошедших в XX веке, может быть распространена на философскую проблематику. Обоснование этого тезиса основывается на следующих выводах В. И. Вернадского: во-первых, на делении понятия «мысль» на социальную, религиозную, философскую и научную мысль; во-вторых, на признании, «что тысячелетним процессом своего существования философия создала могучий человеческий разум <...> создала отрасли знания, такие как логика и математика, — основы нашего научного знания»⁹².

Определяя социокультурную роль философии, В. И. Вернадский утверждает, «еще менее чем религиозная мысль, может создать единство — вселенскость понимания — философская мысль. В основе ее всегда лежит сомнение и рационалистическое обосно-

⁹⁰ Там же. С. 68.

⁹¹ Там же. С. 69.

⁹² Там же. С. 77.

вание существующего <...> философия никогда не решает загадки мира. Она их ищет. Она пытается *охватить жизнь разумом* (курсив мой. — Г. С.), но никогда достигнуть этого не может»⁹³. Системный подход, примененный в данном случае, позволяет рассмотреть научную мысль как субстрат, философскую мысль как структуру, а религиозно-художественное знание как концепт сверхсистемы духовной жизни общества, человеческой цивилизации в целом. Различны и их функции: научная мысль отбирает кирпичи здания, философская — определяет архитектурный проект, а религиозная мысль задает смыслы бытия в этом огромном здании знания. На наш взгляд, такая аналогия не разрушает, а подтверждает пафос творчества В. И. Вернадского: творческая мысль едина и неотрывна от мировой культуры.

В. И. Вернадский во многих своих философских произведениях выступает как культуролог, вне этого контекста некоторые его суждения могут показаться спорными, теряющими статус эмпирических обобщений. «...Наука в социальной жизни, — пишет он, — резко отличается от философии и религии тем, что она по существу едина и однородна для всех времен, социальных сред и государственных образований»⁹⁴. Думается, что в гносеологическом плане наука различна для разных времен, для разных социальных сред и, учитывая опыт «тоталитарной науки» советского периода, для разных государственных образований в такой же мере как, и философия. Еще значительнее этот вывод выглядит в рамках современной дискуссии о «философии и науке».

Указания контекста требует и работа с понятиями «реальность», «ноосфера», используемыми В. И. Вернадским. Так, в книге «Научная мысль как планетное явление» наряду с понятием «реальное стремление к единству»⁹⁵ используется понятие «окружающая нас реальность»⁹⁶. Новым оттенком может быть признана и такая формулировка: «Появилось реально то, что в действительности глубоко лежало в основе вековой борьбы...»⁹⁷.

⁹³ Там же. С. 76—77.

⁹⁴ Там же. С. 76.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же. С. 77.

⁹⁷ Там же. С. 99.

Уже из приведенных выше цитат видно, что В. И. Вернадский разворачивает понятие «реальность» в научном и философском пространстве. Для нас особенно важно, как понимается собственно философский его контекст: «Произведения великих философов есть величайшие памятники понимания жизни и понимания мира глубоко думающими личностями в разных эпохах истории человечества. Это живые человеческие документы величайшей важности и поучения, но они не могут быть общеобязательными по своим выводам и заключениям, так как они отражают: 1) прежде всего человеческую личность в ее глубочайшем размышлении о мире, а личностей может быть бесконечное множество — нет двух тождественных; и отражают во 2-х выработанное свое понимание реальности; таких пониманий может быть по существу не так уж много; они могут быть собраны в небольшое число основных типов. Но не может быть среди них одно единое, более верное, чем все другие. Критерия ясного и определенного для этого нет и быть не может...»⁹⁸ «...Можно лишь верить, что это будет не всегда, хотя всегда было»⁹⁹. Последнее замечание знаменательно потому, что мыслитель и в философствовании демонстрирует научный подход, он делает эмпирические обобщения, оговаривая при этом зону их действия. Философское и научное размышления, считает В. И. Вернадский, близки: «Процесс размышления, т.е. применение разума к пониманию реальности, общи для науки и для философии»¹⁰⁰. Как обычно, из обоснованной посылки ученый выводит проблему, ставит вопрос: «Существует ли особая область философского познания, особое проявление разума — "внутренний опыт" — позволяющее философии вскрывать новые проявления реальности»¹⁰¹. Фактически В. И. Вернадский положительно решает этот вопрос и, может быть, сам того не замечая, дает свои подходы к такого рода философствованию. «В действительности всегда философы, вдумываясь в реальность, правильно вводили в нее и собственный аппарат познания — разум — и

⁹⁸ Там же. С. 100.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 101.

¹⁰¹ Там же.

подвергали его тому же процессу о нем размышления, какой обращали на другие стороны "внешней им реальности"¹⁰². Из этого рассуждения вытекает вывод о том, что «реальность Вернадского» включает в себя на равных правах разум, хотя тот и является «внешним» этой реальности. Завершая экскурс в размышления о «реальности Вернадского», заметим, что в данном случае ученый предстает как философ духовно-телесного континуума, формирующегося в результате космопланетарного процесса перехода биосферы в ноосферу.

В условиях революционных изменений человеческой цивилизации меняются представления о реальности — происходит интеграция, новый синтез Реальности. В связи с этим распахнувшаяся реальность задает предмет философии — происходит расширение его, движение от абстрактных форм всеобщего к конкретным, усложнение диалектики субъекта и объекта, мира и человека. Предмет философии синтезируется в той же самой мере, в какой происходит интеграция Реальности. Современное философское сознание в поисках действительного «предмета синтеза» оказывается перед проблемой соединения социально-природного дуализма и социоприродного континуума.

Таким образом, складывается потребность в возникновении понятия ноосферная реальность, содержание которого напрямую связано с проникновением научной мысли, сознания человечества, мировой культуры во все сферы космопланетарного Универсума. В категории «ноосферная реальность» свернуты проблемы системы и элемента, субъекта и объекта, человека и Вселенной, физиологического и психического, живого и косного вещества, сознательности и разумности, телесности и духовности — в ней полноценно обнаруживается соединенность абстрактно-всеобщего и конкретно-всеобщего.

Отечественной и зарубежной общественной мыслью проделана огромная работа по анализу и осмыслению такого предмета философского размышления как социоприродная реальность. Тем самым натурфилософия подошла вплотную к пониманию всего комплекса проблем, которые скрываются за категорией «ноосферная реальность». В XX веке преодолевается

¹⁰² Там же.

философская традиция разведения «философии духа» и «философии природы». С возникновением представлений о биосфере и ноосфере философия уже не может оставаться тем, чем была раньше, — ее предмет обретает синтетический характер, и проблема «Человек — Общество — Природа» перерастает в проблему становления ноосферной реальности.

Раскрытие ноосферной реальности подвело современную философию к кардинальным изменениям: в условиях растущей образованности философская мысль обнаружила гигантское воздействие на социум и стала действительно квинтэссенцией культуры, реальной материальной силой. Открытое бытие прошлого и будущего в настоящем позволило осмыслить разъятое единство человека, общества и природы как целостность универсального порядка. Изменение предмета философии повлекло за собой постановку современного «основного вопроса философии». «Отношение сознания (мышления) к бытию» расширяется до формулировки «отношение сознательного бытия и бытийствования сознания», «единство ноосферного сознания и ноосферной реальности». В рамках этой новой задачи возникает не столько новая форма идеализма или материализма, сколько формула нового типа мышления — *синкретического ноосферного осмысления бытия*.

«Основной вопрос философии XXI века» поставил вопросы праксиологического, синтетического и синкретического характера: «Как возможна разумная (ноосферная) деятельность?», «Как можно мыслить-творить Мир-в-целом на базе материальной и духовной практики?», «Как можно совмещать несовместимое, бытующее в опредмеченных и распредмеченных формах?»

Всплеск в отечественной философии интереса к проблемам реальности, и в том числе реальности сознания, закономерен. Он представляет собой возвращение к большим вопросам, поставленным еще в начале века. Работы А. И. Абрамова, А. И. Бродского, И. В. Дмитревской, А. А. Ермичева, В. А. Кутырева, В. С. Никоненко, И. Д. Осипова, А. Г. Никулина, Е. А. Некрасова, Т. В. Чумаковой и других свидетельствуют об актуальности «возвращения к реальности».

«Континуальное единство реальности, — считает, например, В. А. Кутырев, — не есть единство разных сущностей, оно предполагает взаимопроникновение, взаимопронизанность и растворенность двух полюсов одной сущности. Через понятие континуума преодолевается разрыв между субъективной и объективной, духовной и чувственной формами выражения реальности...»¹⁰³. В этой связи пара понятий «реальность» и «идеальность» предполагает «классический» и «новый» типы понимания. «Сознание как реальность» подразумевает онтологический угол зрения, а «формирование символической, духовно-информационной реальности является выражением становления ноосферы и представляется ее закономерным следствием»¹⁰⁴.

Ноосферная реальность предстает в гигантском разнообразии своего материального и духовного содержания. Даже современная цивилизация, накопившая огромный объем информации о биосфере-ноосфере, не обладает абсолютной полнотой представлений о ее системности, организованности, штрихуя «белые пятна» понятиями ненаучное, вненаучное, антинаучное знание. При всей многозначности в основании представлений о ноосферной реальности лежит общенаучный синтез. На протяжении XX века постепенно складывалась «ноосферная картина мира», возникновение которой было связано с превращением кластера научных картин мира (физической, химической, биологической, информационной, социальной, экологической) в общенаучную картину мира с тенденцией формирования всеобщей картины мира — биосферной и ноосферной.

Процесс конституирования ноосферно-экологической картины мира отчетливо наблюдается в отечественной литературе конца XX века. Итоги проделанной работы представлены в монографии В. С. Степина и Л. Ф. Кузнецовой, которые сделали вывод о том, что «основой и стратегией формирования научной картины мира в конце XX века является Универсальный эволюционизм, что одним из существенных факторов естественна-

¹⁰³ Кутырев В. А. О континууме реальности (реальное и идеальное в условиях становления ноосферы) // Вестник Московского государственного университета. Серия «Философия». 1994. № 5. С. 31.

¹⁰⁴ Там же. С. 29.

учного обоснования универсального эволюционизма может рассматриваться учение В. И. Вернадского об эволюции биосферы и ноосферы»¹⁰⁵.

Понятие «ноосферная реальность» — результат развития противоречивого социокультурного процесса двух последних десятилетий XX века. За годы диалектико-материалистического философствования понятие «реальность» потеряло свое самостоятельное значение и подразумевалось в качестве родового понятия парных (соотносимых) категорий «объективная и субъективная реальность». «В диалектическом материализме термин "реальность" употребляется в двух смыслах: 1) объективная реальность... 2) все существующее, т.е. материальный мир и все его идеальные продукты»¹⁰⁶. В таком определении — при подмене понятия «реальность» понятием «объективная реальность» — теряется философская глубина термина и его задаваемая инструментальность.

Термин «ноосферная реальность» имеет расширенный смысл: он совмещает идеальное и материальное, объективное и субъективное, возможное и действительное. С одной стороны, ноосферная реальность — это структурированное и целостно представленное «все существующее»; с другой стороны, ноосферная реальность — это проявленность ноосферности (ноосферного качества) в социоприродном бытии. Становление ноосферы как стихийный естественноисторический процесс подразумевает определенную стадийность, поэтому «ноосферное качество» проявляется не сразу в полном объеме, не во всех сферах одновременно, оно формируется на протяжении всей человеческой истории.

Понятие «ноосферная реальность», предполагающее системную и экологическую методологию, используемую для описания процесса перехода биосферы в ноосферу, позволяет сформировать представление об «идеальных типах былых ноосфер» (по аналогии с представлениями о «былых биосферах»). Исторические типы ноосферы (формы ноосферной реальности) соразмерны и соответствуют известным эпохам развития чело-

¹⁰⁵ Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М., 1994. С. 212.

¹⁰⁶ Реальность // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 572.

веческой цивилизации: они до известной степени «снимают» формационную, цивилизационную и культурно-историческую парадигмы представления планетарно-геологического развития человеческой цивилизации. Ноосферный критерий оказывается в этом случае самым интегративным: в нем переплетаются и природные, и исторические, и социальные, и экономические, и духовные циклы развития.

В социокультурном пространстве — от садов Семирамиды до Биосферы-II, которые являются «идеальными типами былых ноосфер», наличествует огромное количество промежуточных ноосферных феноменов: «японский сад», «русская усадьба», «английский парк». С течением времени «оазисы ноосферы» расширялись и превращались в локальные и региональные ноо-феномены, в других случаях имели место факты ноосферных катастроф.

Большинство так называемых «экологических катастроф» (возникновение пустыни Сахара, исчезновение плодородного Междуречья, аральская катастрофа) представляют собой именно ноосферные катастрофы, ибо свидетельствуют о неумении субъекта истории вписаться в природный контекст, о неадекватности уровня культуры и масштабов общения с природой. Любая достигнутая форма ноосферного бытия — это дерзновенный поиск человека в реализации системы общечеловеческих ценностей.

Культурно-исторические системы бытия и хозяйствования постепенно создали базу для ноосферных поисков в глобальных, планетарных масштабах: небесное движение от Эдемского сада к Новому Иерусалиму архетипически задает те ноосферные формы, которые стали подвластны только в условиях высоких технологий.

Принципиальное отличие ноосферной реальности сегодняшнего дня состоит в том, что человечество совершает прорыв от опробованных проектов и реалий локальных «ноосфер» к региональному и глобальному уровням. Для этого движения требуется не только иная методология и праксиология нравственного, эстетического, экологического, экономического, политического и социального миропостроения, но и новое «человеческое качество» — ноосферное качество человечества. Поня-

тия «бытие ноосферы» («ноосферное бытие») и «ноосферная реальность» дополняют друг друга. Первое выражает непреложный факт, эмпирическое обобщение наличия процесса перехода биосферы в ноосферу, второе — вывод об онтологическом, гносеологическом, ценностном, праксиологическом измерениях бытования ноосферы.

В истории человеческой цивилизации одной из первых начала осваиваться природная реальность. Языческая аура бытия и миропостроения последовательно сменялась «географическим», «геологическим» и, наконец, «биосферным» видением мира. Значительно позднее проявило себя обращение к системности социальной реальности, ибо ее рефлексия требовала значительно большего мыслительного опыта, нежели был необходим для конструирования природной среды локального характера. Выделение социальной реальности как доминирующей в действительном бытии человека не сопровождалось элиминированием природного бытия (этого не было в явном виде даже в таких социально ориентированных концепциях, как марксизм), последнее лишь отодвигалось на второй, дальний план. Смена доминанты произошла в XX веке, когда человек оказался (ощутил себя) в искусственной, технической среде — техносферной реальности. В каждом из перечисленных выше случаев имела место своя специфика включенности человека в доминантно природную, доминантно социальную или доминантно техносферную реальность, вследствие чего претерпевала реформацию и адекватная ей духовность.

В XX веке реальность, в которой бытует и бытийствует человек, становится максимально универсальной и синтетической. В силу этого проблема несоответствия сложности самой реальности и факта наличной примитивности отражающей ее субъективности становится трагической. Диссонанс между формами поведения человека и его деятельности и состоянием космопланетарного тела человека и человечества виден невооруженным взглядом. Механизм устранения этого несоответствия напрямую связан с эффективностью национальных образовательных систем, а значит, с философско-методологическим инструментарием, применяемым к перспективным научным

исследованиям. Сущностный характер образования перестает быть дискуссионной проблемой и превращается в наличное человеческое качество.

За современной сверхсложной ноосферной реальностью не поспевает и обыденное, и философское, и научное сознание: временной лаг между наличной реальностью и формами ее образно-информационной представленности свидетельствует о появлении еще одной глобальной проблемы. Мировое философское и научное сообщество стоит перед задачей адекватного описания той реальности, в которой пребывает человек накануне нового тысячелетия. В этой связи следует заметить, что разработанные концепции «коммунистического», «индустриального», «технотронного», «информационного», «экологического», «устойчиво развивающегося» обществ не могут охватить наличную реальность целиком и подчиняются гуманитарному варианту «принципа дополнительности». Представление о ноосферной реальности как текущем процессе превращения биосферы в ноосферу позволяет с учетом анализа субстратного, структурного и концептуального измерений сверхсистемы совместить несовместимое, искать способы оптимизации взаимодействия качественно различных планетосфер и пути гармонизации всей системы в целом.

Анализ рассматриваемой проблемы показывает, что при всем разнообразии позиций и мнений «силовые линии» философского осмысления ноосферной реальности задаются системой координат по связкам «Природа — Человек — Культура» и «Техносфера — Человек — Социосфера».

Начало и вся первая половина XX века прошли под знаком философского осмысления ментальной плоскости «Техносфера — Антропосфера — Социосфера», вторая половина века — время социоприродных (экологических) и культурологических интенций.

Современная ноосферная реальность представляет собой не столько комплекс, сколько конгломерат, который можно было бы обозначить уродливым (как и наблюдаемая нами в настоящем, «действительная» ноосферная реальность) термином *«космобиогеоосоциотехноинформациокультуросфера»*. В рамках этого противоречивого образования оппозиция природы и куль-

туры играет традиционно особую роль: природа представляется фундаментом бытия, а культура является квинтэссенцией организованности человеческого бытия, современной интегративной реальности. Природа и культура выступают как всеобъемлющие формы ноосферной реальности, напрямую связанные с местом человека и ролью его сознания в процессах адаптации творческого преобразования окружающей среды.

Необходимость введения термина «ноосферная реальность» связана с поиском инструмента максимально широкого охвата системы «Человек — Мир» при наиболее полной содержательной нагруженности. «Ноосферная реальность» не противостоит «ноосфере», наоборот, устраняет многозначность (философскую недистинктивность) толкования. Термин «ноосфера», ворвавшийся в последние десятилетия XX века в научную, философскую и теологическую литературу, теряет свою строгость и постепенно приобретает религиозно-художественную окраску. Незавершенность философского языка для описания ноосферных явлений приводит к поляризации точек зрения ноосферологов: на одном краю размещаются неоправданно оптимистические взгляды на происходящие процессы, на другом — прямо противоположные — *эсхатологическо-нигилистические*. В такой ситуации понятие «ноосфера» оказывается заведомо «идеологемным», теряющим статус общенаучного. На наш взгляд, подобное положение неадекватно эвристическому потенциалу термина и его месту в традициях российской социально-философской мысли.

Русская философия в течение веков наработала алгоритмы решения «нерешаемых задач», одним из вариантов которых является примирение дихотомичностей мира (в нашем контексте речь идет о разумно-неразумности действительной, актуальной мыслимой реальности) посредством триалектических (в частности ноосферных) построений.

В историко-философском плане возможна методологически значимая аналогия между категориями «ноосфера» и «истина-добро-красота», поэтому ноосферная реальность может быть представлена как «целесообразное без целеполагания», «видение непостижимого», в условиях неопределенности современному человеку приходится решать большинство глобальных

задач. В процессе перехода биосферы в ноосферу человечество действует с повышенным риском, имея неоправданно высокие социальные потери, экономические и экологические затраты.

Ноосферная реальность сверхсистемна, что выражается в ее двоякой открытости (созвучии кантовской «вещи-в-себе»): вписанности в бесконечность космоса Вселенной и погруженности в космос Человеческой Субъективности. Ноосферная реальность амбивалентна, что порождает феномены «разумной неразумности» и «неразумной разумности». Она дискретна, ибо ограничение оптимизационной деятельности человека сверхкороткими промежутками времени приводит к тому, что ламинарное течение в развитии техносциума становится вихревым и выводит развитие за рамки «разумного» (чаще всего связываемого с континуально-статическим модусом отражения действительности).

Субстратное рассмотрение ноосферной реальности отчетливее всего задается *сферным подходом*: «поотдельным» рассмотрением «литосферы», «гидросферы», «атмосферы», «атмосферы», «биосферы», «техносферы», «социосферы», «информациосферы», «культуросферы». Их диалектика играет особую роль в понимании фундаментальной ноосферной динамики.

Ноосферная реальность плюралистична, так как способ выживания человечества завязан на максимально возможную культурную множественность, а сама «ноосферная жизнь» во многом подчиняется биосферным закономерностям.

Термин «ноосферная реальность» носит синтетический характер, так как в его реализации участвуют самые различные сферы культуры: в нем звучат и философские, и общенаучные, и художественные мотивы, что позволяет рядоположить объект-объектные, субъект-объектные и субъект-субъектные измерения современности.

Человек растворен в ноосферной реальности как в вещественно-энергетическо-информационной среде космического порядка, и в этом смысле она может быть представлена в качестве единого духовно-телесного континуума, формирующегося в результате космопланетарного процесса перехода биосферы в ноосферу. Опыт конструирования ноосферной реальности — ноосферного миропостроения — очень дорого дается как отдельным странам, так и всему человечеству.

От вернадскианской революции к ноосферной картине мира

История российской науки в XVIII—XX веках — это путь от М. В. Ломоносова до В. И. Вернадского. Если первого величают первым российским университетом, то второго («Ломоносова XX века») современники вправе назвать первым ноосферным университетом. Идея В. И. Вернадского о превращении научной мысли в планетное явление стала своеобразным преддверием формирования современной картины мира, отвечающей реалиям третьего тысячелетия.

История науки показывает, что наука развивается не только сама по себе («как удовлетворение интереса ученого за государственный счет»), но, может быть, прежде всего, в контексте образовательного процесса. Попытка мыслителя объяснить насколько возможно более доходчиво, понятно затрагиваемую проблематику, подчас приводит к формированию новой теории и возникновению нового термина. В таком случае возникает не редукция-упрощение (сведение), а теоретическое восхождение. Образовательный (объяснительно-понимательный) синдром в истории мировой науки играл огромную роль: устройство мозга требовало комплементарности массиву представляемого и передаваемого знания. Человеческий и общечеловеческий разум, действуя как единое целое, отбирал аутентичные формы представляемого знания. Познание, таким образом, обнаруживает свою вселенскую (универсумную) природу.

В процессе объяснения совершается самая глубокая и тонкая процедура обоснования и познания мира. Этот мировоззренческий процесс оказывается подчас более значимым, чем форма экспериментального доказательства. Объяснение для других, принятие другими в контексте самостоятельного познавательного процесса той или иной концепции или теории может быть представлено в качестве момента верификации.

Картина мира формируется целостностью конкретной культуры, поэтому единая картина мира складывается обычно в результате взаимодействия религиозной, философской, научной и художественной картин реальности. Любой этнос формирует

свою собственную, особую картину реальности, в разные исторические периоды, ставя акценты на той или иной ипостаси национальной культуры. Картина мира выполняет важнейшую образовательную задачу создания единого, целостного образа мира, без которого любое образование будет мозаичным, разорванным, а значит, не создаст условий для эффективного внутреннего и внешнего миропостроения. Мозаичность и разорванность мировоззрения свидетельствует о том, что в обществе идет интенсивная борьба между настоящим прошлым и настоящим будущим, о переходном периоде в культуре. Все это сопровождается интенсивными поисками целостности. Когда общество оказывается в состоянии тяжелого социального или всеобщего системного кризиса, то интеллигенция — слой-созидатель мировоззренческих основ общества — прилагает максимальные усилия не к тому, чтобы доработать старую модель (отшлифовать ее, достроить недостающие звенья), а строит новую модель потребного будущего. Таким образом, она выполняет свою футурологическую миссию — миссию опережающего отражения.

В 1990-е годы наряду с большим количеством традиционалистских, модернистских и постмодернистских картин мира постепенно сложилась ноосферная картина мира, которая опирается на творческое наследие В. И. Вернадского. Именно эта синтетическая картина мира в настоящее время рассматривается как перспективная модель самоидентификации России, она оказывается в центре образовательного процесса, ибо ориентирует человека на осознание параметров и направленности человеческой деятельности в сверхсложной социоприродной системе.

Специфика становления ноосферной картины мира проявилась в том, что в процессе научного поиска российский энциклопедист последовательно расширял область мировой реальности в начале за счет включения в нее явлений жизни, а затем — явлений разума. В конце XIX — начале XX века разум стал предметом естественнонаучного и естественноисторического исследования, хотя до этого он оказывался, прежде всего, предметом разнопарадигмального философствования.

Возникновение биогеохимии связано с тем, что вместо понятия «жизнь» ученый вводит термин «живое вещество», с по-

мощью которого осуществляет биосферный дискурс. В такой же, если не большей, степени категория «разум» не поддается естественнонаучному анализу. Она в течение долгого времени (по крайней мере, начиная с египетского герметизма) является в значительной степени философской категорией. Для обозначения религиозных форм духовности традиционно использовались категории «дух», «душа», но не разум. В рамках философского дискурса категория «разум» — это вселенско(природно)-онтологическая категория. В. И. Вернадский ограничил зону исследований естественнонаучным уровнем, что стало возможным посредством введения категории «научная мысль». На эту сторону научного анализа ученого (аналогию от «жизни» к «живому веществу» и от «биогеохимической энергии» к «культурной биогеохимической энергии», а затем от «разума» к «научной мысли») обычно не обращают внимания (что и приводит к искусственному разрыву учения о биосфере и концепции ноосферы). В. И. Вернадский гениально угадал, что онтология разума (точнее, его социальная онтология) может начаться с фиксации феномена научной мысли. Эта строго научная аналогия представляет собой выбор точного названия для «естественного природного тела» (естественного природного явления) — попытку перевести проблему (предмет исследования) в область естественнонаучного, а не только философского или религиозного порядка.

Сравнивая научную, религиозную и философскую мысль, ученый обнаружил общезначимость и общеобязательность (когерентность) научной мысли, что и является ее отличием от других форм духовности. Именно по этой причине научная мысль максимально «освещает» хронотоп мира и позволяет его преобразовывать.

Диалектика разума и научной мысли в творчестве В. И. Вернадского подробно проанализирована в философской литературе. Найдя архимедов рычаг разума — научную мысль, он раскрыл возможность действительного изменения мира, а изменить мир возможно только научно поняв его. Но его «научная мысль» не тождественна «научной мысли» эпохи Просвещения. Думается, что ученого напрасно упрекают в приверженности механистической модели Разума («Демона Лапласа»), ибо

она носит открытый характер, совершенно не чужда гуманитарно-философского измерения.

«Система разума» строится на уровне субстрата информацией, на уровне структуры — научной мыслью, на уровне концепта (целевая составляющая) — философией и религией (при этом религия может быть представлена как предельные по своей бесконечной глубине формы философии). Выявление феномена научной мысли как планетного явления сделало возможным обнаружение ядра новой — ноосферной — картины мира. Выделим два важных истока ее формирования в творчестве В. И. Вернадского. Во-первых, единство мира, задаваемое целостностью культуры; во-вторых, интеграция научного знания (научной мысли), которая проявляется в экстенсивном (как планетное явление) и интенсивном измерении (как взаимопроникновение наук, их континуальность).

Категория «ноосферная картина мира» оказывается многозначной, но чрезвычайно важной для многих образовательных приложений. С одной стороны, ноосферная картина мира рождается лишь как логико-методологическая форма научного знания; с другой, — она имеет предметно-сферную локализацию. Такая дополнительность имеет больше плюсов, нежели минусов, ибо в рамках такого понимания расплывчатость термина «ноосфера» обретает конкретность — прежде всего содержательно-знаниевую, а затем — полевою и информационную.

Первый признак сознательного (целенаправленного) мировоззренческого перехода В. И. Вернадского к новой парадигме связан со сменой терминологии. В первом издании книги «Биосфера» (1926) ученый еще использует термин «механизм», однако в последующих изданиях он везде заменен на термин «организованность». При этом следует заметить, что использование термина «организованность» (которое имело органицистскую ориентацию) применительно к учению о биосфере и ноосфере свидетельствует о том, что в работах В. И. Вернадского проявилось стремление к смене парадигмы науки.

«Наша научная картина Космоса получила свое начало впервые в эпоху Возрождения... Все научное миропонимание коренным образом менялось. Разрушалась тысячелетняя традиция, — пишет В. И. Вернадский и продолжает, — *научная кар-*

тина Вселенной (курсив мной. — Г. С.), охваченная законами Ньютона, не оставила в ней места ни одному из проявлений жизни и вместе с тем она, казалось бы, достигла предельного научного совершенства»¹⁰⁷. Российский мыслитель отметил, что в XX веке «впервые в течение трех столетий вскрывается возможность преодолеть созданное ходом истории мысли глубочайшее противоречие между научно построенным Космосом и человеческой жизнью — между пониманием окружающего нас мира, связанным с человеческим сознанием (курсив мной. — Г. С.), и его научным выражением»¹⁰⁸. Последний момент особенно важен потому, что позволяет сделать вывод о том, что картина мира (Вселенной, Космоса по словам В. И. Вернадского), эскизно набрасываемая ученым носит не только биосферный, но и ноосферный характер.

Дальнейшее раскрытие основных идей учения о переходе биосферы в ноосферу и ноосферной картины мира осуществлено В. И. Вернадским в работе «Научная мысль как планетное явление» (1938)¹⁰⁹. Это позволяет ему оперировать термином с естественнонаучным статусом, отделить философские размышления о разуме от естественнонаучного анализа процесса становления ноосферы как процесса развития научной мысли. Ученый получает возможность изучать научную мысль с той же степенью научности, с которой он исследовал живое вещество. На этом основании можно сделать вывод о том, что «Научная мысль как планетное явление» является обоснованием естественнонаучной и общенаучной ноосферной картины мира, при этом в его последующих работах («Несколько слов о ноосфере») она обретает статус синтетической культурологической концепции.

Восстановленный ноосферологами и вернадоведами текст учения о биосфере и ноосфере (о переходе биосферы в ноосферу) позволяет утверждать, что В. И. Вернадским в самых общих чертах была построена ноосферная картина мира. Впервые, выстроен ее фундамент — биосферное естествознание,

¹⁰⁷ Вернадский В. И. Изучение явлений жизни и новая физика // Известия Академии наук СССР. 1931. Вып. 3. С. 404.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

биосферология, во-вторых, введен термин «цивилизованное человечество», который в настоящее время обнаруживает свой сущностный смысл — выражает единство антропосферы, социосферы, культуросферы и техносферы. Ноосфера в этом смысле предстает как космопланетарное единство биосферы и человеческой цивилизации. В-третьих, обнаружило себя эстетико-культурно-нравственное содержание процесса перехода биосферы в ноосферу.

Неполнота ноосферной картины мира в работах В. И. Вернадского не столько недостаток, сколько возможность для современных ноосферологов ее углубления и расширения, уточнения отдельных деталей, прорисовывания белых пятен, которые сам В. И. Вернадский прекрасно видел и обозначал в своих трудах. Представления о ноосферной картине мира «снимают» не только ньютоновскую (механистическую, классическую) и эйнштейновскую (неклассическую) картину мира, но и созданную в середине 1920-х годов биосферную картину, включившую явления жизни в современное естествознание.

В механистической и термодинамической картинах мира описываются формы движения-развития неживой природы, в биологической — взаимодействия в живой природе, в биосферной — коэволюция живой и неживой природы. Синтетическая — ноосферная — картина мира соединяет в единое функционирующее и развивающееся целое неживое, живое и разумное вещество. Это триединство в ноосферной картине мира только в XX веке получило статус естественнонаучного обоснования, хотя в течение долгого времени вечная философия медленно готовила этот прорыв в естествознании и науке в целом. Ноосферная картина мира, над которой трудилась тысячи лет мировая культура, обрела свое современное научное измерение в трудах, в том числе и российских мыслителей космистов и органицистов. Так постепенно узкопредметная картина превращалась в широкопредметную, а затем межпредметная в интегративную и, наконец, синтетическую. Ноосферная картина мира наследует потенциал всех предшествующих картин Космоса, Мира, Вселенной.

Ноосферная картина мира — это нечто большее, чем очередная парадигма науки. Ее возникновение свидетельствует о

рождении новой формы коэволюции не только философии-науки (что имеет место в творчестве большинства философов с эпохи античности), но «философии-науки-религии-искусства». Таким качеством в полной мере обладал, пожалуй, только герметизм. Герметическая линия в философии (и культуре) подспудно существовала всегда: даже в творчестве И. Ньютона научные трактаты ученого из общего массива сохранившихся текстов составляют лишь несколько процентов, большинство же посвящено герметическим и астрологическим вопросам.

Термин «ноосферная картина мира» связан с представлениями о ноосферной реальности и выражает то видимое, что осваивается в рамках научного и философского дискурса. Философский смысл ноосферной картины мира обнаруживается посредством применения универсумной и системной методологии, общенаучное ее измерение раскрывается экологическим и синергетическим подходами. Экологический подход к анализу ноосферной картины мира позволяет соотнести организм и среду (а, значит, понять ноосферу как систему и сверхсистему) как форму взаимозаменяемости прямых и обратных связей, помещать местами организм и среду (рассмотреть среду как организм и организм как среду). Он позволяет вырваться из «дурной бесконечности» концентрически расширяющейся среды Вселенной, дополняет герметический принцип подобия, позволяет вплотную подойти к синергетической методологии.

Следующий шаг в становлении ноосферной картины мира связан с движением от межпредметной (экологической) к синтетической (ноосферной) картине мира. Важнейший аспект современной научной картины мира заключается в использовании значительного и постоянно растущего экологического цикла научного знания. Современное единое и континуальное естественнонаучно-гуманитарно-экологическое знание — предпосылка создания синтетических картин мира. Именно такой является ноосферная картина мира.

Представления о ноосферной картине мира органично вбирают в себя системный, экологический, сферный подходы, а также напрямую связаны с эволюционно-синергетической парадигмой (универсальный эволюционизм), которая является иным названием постнеклассической парадигмы.

Сферный подход к анализу ноосферной реальности опирается на методологический багаж, оставленный В. И. Вернадским. Н. П. Антонов одним из первых философски осмыслил потенциал «сферного подхода». В его статье «Ноосфера — сфера разума и труда человечества в развитии Земли» раскрывалась взаимосвязь литосферы, гидросферы, атмосферы, биосферы, социосферы, техносферы, ноосферы в контексте планетарной эволюции¹¹⁰. При всех «механистически-прямолинейных» особенностях применяемого подхода круго-концентрическая схема сфер, восходящая по стреле развития, до настоящего времени имеет философско-методологический и учебно-методический смысл. Более того, она демонстрирует варианты стремления к системности, целостности, исторические формы комплексного подхода к изучению ноосферных процессов, перехода биосферы в ноосферу.

Рассмотрение ноосферной картины мира с позиций *системного подхода* предполагает ее анализ на *субстратном* уровне, связанном с выделением таких подсистем (геосфер) как биосфера, гидросфера, атмосфера, антропосфера, геносфера, этносфера, социосфера, техносфера, информациосфера, идеальносфера т.д., которые в свою очередь являются системами; на *структурном* уровне, предполагающем выявление взаимосвязи и взаимодействия элементов системы с фиксацией состояния противоречивости, оптимальности или гармоничности; на *концептуальном* уровне, когда обнаруживается системообразующее свойство сверхсистемы, которое прячется за терминами «ноосферная картина мира» и «ноосферная реальность», — разум, научная мысль, цивилизованное человечество.

Ноосферная картина мира опирается на *универсальный эволюционизм*, основные положения которого применительно к ноосферному видению мира разработал Н. Н. Моисеев¹¹¹. Главная особенность ноосферной картины мира заключается в том, что она имплицитно включает в себя синергетическую картину мира, всеобщие процессы самоорганизации, которые человек в

¹¹⁰ Антонов Н. П., Халезова Т. А. Ноосфера – сфера разума и труда человечества в развитии Земли // Проблемы сознания в условиях развитого социализма. Иваново, 1976. С. 12—30.

¹¹¹ Моисеев Н. Н. Восхождение к Универсуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М., 1994.

гносеологическом срезе воспринимает как формы управления и детерминации. Универсальный эволюционизм в этом случае предстает как основной метод, используемый для описания ноосферной системы.

Универсумный подход к анализу ноосферной картины мира предполагает выход на философско-культурологический уровень и тем самым создает формулу универсального синтеза, «сильного синтеза» (Э. В. Гирусов). Ноосферная картина мира предстает как голография Универсума-Вселенной, в которой человек с его разумом находит свое адекватное место. Н. Н. Моисеев подошел к проблеме ноосферной картины мира через выявление сущности современного рационализма и движение от простейшей картины мира к интерпретации универсума. Весьма ценно, что он не ограничивается видением Универсума в рамках настоящего, а рисует перспективу: «Наша Вселенная, может, и не является самостоятельной системой, а лишь составляющая некой Суперсистемы, в которой одним из принципов отбора на "уровне вселенных" является возможность появления живого вещества»¹¹².

Ноосферная картина мира является не только формой синтетической рефлексии, но и творческого духовного развития, и поэтому имеет прямое отношение к проблемам образования. Панорама Универсума (Вселенной) в каждую эпоху рисовалась различно — в зависимости от пассионарности субъекта воплощения замысла. Рождающаяся в начале нового тысячелетия картина все более вбирает в себя все предшествующие философеми и испытывает сильное влияние синкретизма, герметизма, космизма. Современная картина мира строится по принципу дополнительности, она задается не только графикой научных парадигм, но и живописностью синтеза религиозной, философской и художественной «картинностей». В силу этого картина мира превращается в картину Универсума, что отражает главную тенденцию духовной жизни современности — превращение национально-культурной мозаики в синтетическое духовное (ноосферное) пространство, построенное по законам обратной перспективы и принципу «везде-вечности».

¹¹² Там же. С. 13.

Идеи учения о переходе биосферы в ноосферу (ноосферной коэволюции), начало которым было положено творчеством В. И. Вернадского, в настоящее время создают фундированность ноосферной картины универсума, представляющей стремление к оптимизации и гармонизации в системе ноосферной реальности, задаваемой взаимодействием биосферы и цивилизации. При этом последняя, с точки зрения сферного подхода, представляет собой сложный конгломерат, виртуальное единство социосферы, техносферы, антропосферы, культуросферы, информациосферы).

Ноосферная картина Универсума подобна живому организму, поэтому в ее эволюции важную роль играют принципы органицизма, системности, синергетичности, актуальности. Она является результатом сложного переплетения европейских (испанской, французской, германской, российской) и восточных (египетской, китайской, индийской) философских традиций. Ноосферная картина Универсума обладает интегративностью, синтетичностью, синкретичностью, она наиболее полно отвечает формам современного бытия человека в сверхсложной социоприродной системе, позволяет изучать параметры ноосферной динамики человеческой цивилизации, в ней обнаруживается значительный воспитательный и образовательный момент. XXI век — время ноосферной флуктуации, ведущей к «духовной революции» («человеческой революции»), определяющей параметры внутреннего и внешнего ноосферного миропостроения — новую ноосферную рациональность («современный рационализм» по Н. Н. Моисееву¹¹³), модель нового ноосферного человека и образ рационального (ноосферного) общества.

Модель ноосферной картины мира может быть представлена следующим опорным сигналом. В центре ноосферной картины мира находится человек — главный субъект ноосферной динамики. От его эволюционных материальных и духовных потенций зависят параметры ноосферного развития, его векторность, темпы, в конечном итоге — возможности выхода из сложнейших кризисных ситуаций, с которыми сталкивается человеческая цивилизация. Под ногами у него единая («естественная» и «вторая очеловеченная») природа (биосфера), над голо-

¹¹³ См.: Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М., 1995.

вой культуросфера (сфера иной — «противоположной» — духовной природы), с правой стороны — созданная правой рукой техносфера, а с левой — социосфера. С миром этих сфер человека (антропосферу) соединяет информатосфера (идеально-сфера). Эта модель может быть дополнена достаточно большим количеством уже исследованных и обозначенных сфер (геносферой, этносферой, экосферой), которые рассматриваются в философской, научной и культурологической литературе.

Таким образом, ноосферная картина мира как учебная модель, во-первых, представляется самым кратким изложением сути и смысла ноосферного образования; во-вторых, достаточно полно выражает системность (интегративность) ноосферного знания, соединяющего естественнонаучный, экологический, гуманитарный циклы наук; в-третьих, может быть использована в соответствии с возрастными особенностями на различных (начальном, среднем, высшем) уровнях образования; в-четвертых, способствует осуществлению преемственности и непрерывности ноосферно-экологического образования в системе школьного и вузовского образования.

Ноосферная картина мира в отличие от биосферной еще только складывается, она создается разумом на субстрате косного и живого вещества, а поэтому ее статус не определился, но ее ядро уже отчетливо проявилось, и она уже является работающим инструментом современного вузовского и школьного образования.

Раздел III

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ

Глобальность как феномен современного сознания: «Мыслить глобально, действовать локально» (1984/1988). Сознание: общечеловеческое, планетарное, ноосферное (1994). Реалии третьего тысячелетия: ноосферная динамика глобального месторазвития (2001/2003). Ноосфера в век глобальных катастроф (2010). Великая глобальная социальная революция (2011). Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества в эпоху глобализации (2012). Ноосферный поворот в истории человечества: гетеротрофность, миксотрофность, автотрофность (2014). Миксотрофность современного человечества: реалии ноосферного перехода (2014). Тектонические сдвиги в глобальном сознании: ноосферный императив этологии человека (2015).

Столетие Первой мировой войны в значительной мере заставляет задуматься о фактическом столетии глобального сознания, которое было порождено не только военными действиями, но и новыми информационными ресурсами. Родившись как географическое и геополитическое сознание, глобальное сознания во второй половине XX века быстро приобрело широкое экологическое содержание и стало рассматриваться как сознание «золотого миллиарда», сформировавшееся в рамках четырех саммитов по проблемам устойчивого развития (1972, 1992, 2002, 2012).

Парадигма монизма и дуализма глобального сознания за последние годы подверглась не только верификации, но и фальсификации: постепенно стало ясно, что на мировой арене активно взаимодействуют несколько «глобальных сознаний». Плюралистическая методология и типология глобального сознания позволяет увидеть возможности различных классификаций по различным основаниям. Выделим некоторые значимые типологизации глобального сознания: во-первых, западное, восточное и российское; во-вторых, научное, философское, религиозное и художественное; в-третьих, христианское, мусульманское и буддистское; в-четвертых, олигархическое и народное; в-пятых, мужское и женское; в-шестых, стихийное и сознательное; в-седьмых, рациональное и иррациональное.

Структура глобального сознания весьма разнородна, ибо включает не только глобальное историческое, экономическое, социальное, экологическое, политическое, правовое и нравствен-

ное сознание, но и глобальное техносферное, культуросферное, антропосферное, семиосферное и информациосферное сознание.

Идеи А. Г. Дугина о «ноомахии» позволяют увидеть войны умов (и разумов) в контексте ноосферных и антиноосферных процессов рубежа тысячелетий. За прошедшее столетие мировое сознание проходит последовательно три радикальные трансформации: экологизацию, глобализацию и ноосферизацию. Последняя предполагает процессы конвергенции глобальных сознаний, формирование того Большого глобального сознания, о котором мечтали великие утописты XX века.

***Глобальность как феномен современного сознания:
«Мыслить глобально, действовать локально»***

В 1980 году в Торонто проводилась «первая глобальная конференция», посвященная проблемам изменения сознания в современную эпоху. Ее девизом было: «Думая глобально, действуя локально». Материалы этой конференции позволяют сделать некоторые выводы о направлениях, в которых идет осмысление проблем формирования нового сознания и новых человеческих качеств.

«Действовать локально без умения мыслить глобально — верный способ накликать на себя беду»¹, — из такой посылки исходят авторы сборника. Они ставят перед собой две задачи: во-первых, выяснить концептуальные основания глобального порядка, который смог бы обеспечить честь и безопасность различных несходных культур; во-вторых, понять, как можно действовать локально, чтобы в то же время содействовать всеобщему социальному выбору желательного будущего². Западные ученые, например, Р. Амара и У. Харман (Roy Amara, Willis W. Harman) рассматривают феномен «думать глобально», используя религиозный подход, в основу которого они кладут разделение на экзотерические и эзотерические (ориентированные «во вне» и «во внутрь») религии. Вместе с тем они обращаются

¹ Through the 80s. Thinking globally, acting locally. Washington, 1980. P. 40. См.: «Американская модель»: С будущим в конфликте. М., 1984.

² См.: Там же. P. 36.

к буржуазным философским учениям, например, «неувядаемому учению» О. Хаксли (А. Huxley), которое в нашей литературе расценено как наиболее реакционное и религиозно-мистическое³. Во всех этих случаях чувствуется абстрактный подход к анализу сложных проблем структуры современного человеческого сознания и путей его развития.

Предисловие к сборнику «Сквозь 1980-е» написано А. Печчеи, автором переведенной у нас в стране книги «Человеческие качества». В ней автор предложил концепцию «чувства глобальности», которая позднее была развита на конференции в Торонто. А. Печчеи — президент Римского клуба — своей деятельностью дал пример активности сознания в поиске путей решения глобальных проблем современности. «Настало время, — пишет он, — выявить и освободить дремлющую в каждом человеке способность видеть, понимать и созидать, направить моральную энергию людей на то, чтобы они сами создавали достойное их общее будущее»⁴. «Чувство глобальности» у А. Печчеи подразумевает, с одной стороны, целостность человеческой личности и ее возможностей, а, с другой, — единство мира и целостность человечества в эпоху «глобальной человеческой империи». «Такая всеобщая взаимозависимость процессов и явлений, — пишет А. Печчеи, — диктует еще одну необходимую для формирования чувства глобальности концепцию — *концентрацию системности*»⁵. «Чувство глобальности» позволяет заглянуть в будущее, а затем и создавать его. При всей абстрактности рассуждений А. Печчеи, они заслуживают пристального внимания и всестороннего обсуждения, на что и рассчитывал сам автор⁶. Неслучайно, подчеркивая утопизм А. Печчеи, акад. Д. М. Гвишиани вспоминает о великом соотечественнике А. Печчеи — Томмазо Кампанелле⁷.

Для нас ценно то, что А. Печчеи предлагает осмысление тенденций изменения сознания в результате изменения жизни

³ См.: Современная буржуазная философия. М., 1972. С. 347.

⁴ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 8.

⁵ Там же. С. 184.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ См.: Там же. С. 279.

человечества. В этом случае экологизация сознания выступает одной стороной этого процесса. «Чувство глобальности», за которым кроется и процесс «экологизации сознания», к сожалению, рассмотрено в самых общих чертах. Осмысление советскими учеными с иных методологических позиций умения мыслить глобально — исследование экологизации и космизации сознания⁸ — гораздо глубже позволяет рассмотреть проблему, которую поставил А. Печчеи.

Утопизм характерен не только для А. Печчеи. Природоохранные и экологические утопии имеют глубокие корни и достаточно широко распространены в капиталистических странах, в частности, в США. Отказ от прогресса, возврат к прошлому в духе Руссо проявляется в самых различных формах. Утопизм Г. Торо⁹ предвосхитил появление природоохранного и экологического сознания. Однако утопия, как показала история, должна всегда преодолеваться наукой: только на пути от утопии к науке лежит путь преобразования мира. Однако идеи Г. Торо получили иное развитие. Утопизм в охране окружающей среды и сейчас жив в капиталистическом обществе, как это хорошо показали Р. Мосс и Р. Браунштейн¹⁰. Авторы подчеркивают, что в своей книге они соединяют два важных направления: во-первых, изучение окружающей среды и, во-вторых, отношение между человеком и окружающей средой, которые традиционно шли порознь. На примере трех наиболее крупных утопий — Онейда (Oneida), Уолден-II (Walden-II), Кибуцы (Izraely Kibbutzim) можно выделить утопизм как характерную черту буржуазного экологического сознания, главной причиной которого является противоречие между капиталистической действительностью и человеческими потребностями. Отсутствие верной методологической основы исследования приводит к ложному выводу о том, что раз наука не в силах найти основы новой этики, нового от-

⁸ См.: Давидович В. Е. Освоение космоса и общественное сознание // Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР. М., 1983. С. 322—328; Школенко Ю. А. Философия, экология, космонавтика. М., 1983.

⁹ См.: Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М., 1979; Покровский Н. Е. Генри Торо. М., 1983.

¹⁰ См.: Moss R., Brownstein R. Environment and Utopia. A Synthesis. N.Y., 1977.

ношения к природе, раз существуют ценности, которые не могут быть описаны наукой, то надо искать основы взаимодействия общества и природы, помимо науки¹¹, что ведёт, в конечном счете, к утопизму, религии и идеализму.

Мы видели, что связь между экологическим сознанием и религией в капиталистическом обществе проявляется достаточно ярко. Церковь принимает активное участие в экологическом движении, что само по себе является положительным моментом, однако религиозно-мистическое истолкование экологических проблем лишь уводит человека от истинных причин экологического кризиса¹².

Еще одной особенностью буржуазного экологического сознания является его прагматизм. В своей книге Б. Уорд выделяет проблему роли горожан в решении экологических проблем. В основу ее подхода положен практический интерес — роль горожан в утилизации бытовых отходов, макулатуры и т.д. В США, — пишет автор, — накануне энергетического кризиса 1973 года только 7% всех городских бытовых отходов утилизировалось с целью повторного использования — таков был уровень экологического сознания населения. В 1960-х годах наблюдался значительный рост экологического сознания (environmental consciousness) и ответственности, и это не давало причин предполагать, что этот интерес и поддержка не будут продолжаться. Однако сейчас чувство беспомощности часто играет роль сдерживающего, тормозящего фактора в развитии экологического сознания¹³. При всей важности указанных мероприятий вряд ли можно свести экологическое сознание только к этим аспектам. В данном случае, на наш взгляд, проявляется излишний практицизм в его толковании.

В отличие от буржуазного экологического сознания, сконцентрировавшего в себе идеалистические, религиозные, утопические, прагматические и сциентистские моменты, носящего пессимистический, алармистский характер, экологическое сознание при социализме характеризуется научностью, партийностью, оп-

¹¹ Там же. Р. 245.

¹² См.: Мчедлов М. П. Религия и современность. М., 1983; Разлогов К. «Боги и дьяволы» в зеркале экрана. М., 1983.

¹³ См.: Ward B. Progress for a small planet. Penguin books, 1979. P. 75—76, 81.

тимизмом и гуманизмом. Оно выражает преобладание позитивной тенденции современной экологической ситуации в условиях развитого социализма, направленность на оптимизацию и гармонизацию взаимодействия человека, общества и природы.

Одним из тревожащих феноменов современного общественного бытия стали глобальные проблемы современности: проблемы сохранения мира на земле и предотвращения мировой термоядерной катастрофы, сохранения живой природы и создания для человека экологических условий жизни на планете, проблемы народонаселения и рационального использования природных ресурсов. Эти проблемы сейчас — в центре внимания человечества, так как, во-первых, они затрагивают интересы всех людей планеты без исключения, во-вторых, для их решения каждый человек должен внести посильную лепту; в-третьих, здесь необходима координация усилий всех стран и народов мира. Эти специфические черты глобальных проблем современности заставляют глубже вдумываться в проблемы диалектики общественного бытия и сознания, общественного и индивидуального сознания, роли сознания в преобразовании общественного бытия.

Проявление глобальных проблем способствовало возникновению новых черт в современном сознании, которые касаются как его содержания, так и формы. Одной из таких черт является глобальность. В течение короткого времени идея глобальности пронизала все типы, уровни и формы общественного сознания.

Идея глобальности имеет древние истоки в духовной жизни человечества, но наиболее научно оформлено она обозначила себя именно в XX веке. Глобальность «мифологическая», а позднее «идеалистическая» («религиозная») снимается в диалектико-материалистическом осмыслении, превращаясь в глобальность научно понимаемую. Глубоко и всесторонне философское осмысление глобальности еще только начинается, но уже сейчас видно, что эта черта современности сильно преобразует общественное сознание человечества.

Истоки научного осмысления глобальности в наиболее существенных своих проявлениях, как нам кажется, лежат в наследии В. И. Вернадского, его учении о биосфере, исследованиях перехода биосферы в ноосферу в результате трудовой и мыслительной деятельности. Вместе с тем глобальность связана с

другими достижениями в научной мысли XX века, в частности, с появлением вычислительных машин, освоением ядерной энергии, космической деятельностью человечества. Однако, до того как «человек разрушающий» в процессе своей трудовой деятельности осознал, что планета Земля — это лишь «небольшой шарик», подвластный воле человека, способного уничтожить не только все живое, но и саму планету, В. И. Вернадский в рамках научного осмысления мира показал геологическую роль современной человеческой цивилизации. Его идеи, в течение довольно продолжительного времени лежавшие мертвым капиталом, его гениальные предвидения были открыты вновь и введены в научный оборот объективным ходом геологического процесса, всемирной историей второй половины XX века.

Глобальность как феномен не только индивидуального сознания отдельных ученых, но и общественного сознания в целом, предстала в виде глобалистики, идеи которой в 1960—70-х годах разрабатывали ученые, объединившиеся под эгидой Римского клуба. В умах людей была произведена, без преувеличения, революция в понимании места и роли человеческой цивилизации в окружающем мире, ближайших и отдаленных перспектив развития человечества; революция, родившая требование «мыслить глобально, действовать локально». Осмысление глобальности основывалось на моделях, создаваемых на вычислительных машинах, причем, как показали советские ученые, методология таких исследований страдает определенными недостатками, в частности «техницизмом». Поэтому ученые социалистических стран все более настойчиво обращаются к идеям В. И. Вернадского, оказавшимся более плодотворными в мировоззренческом и методологическом планах.

В основе исследования идеи глобальности лежит марксистское положение об определяющей роли общественного бытия в формировании сознания людей. Системность всех процессов, протекающих на планете, их взаимосвязанность, освоенная на уровне геологической деятельности человечества, требовала осознания последствий воздействия каждого человека на общепланетные процессы. В настоящее время принцип материального единства мира требует несколько шире трактовать само общественное бытие, которое в современных условиях охватывает

деятельность человечества в биосфере и космическом пространстве. Современное общественное бытие фактически становится социоприродным, что тесным образом связано с глобальностью. С другой стороны, в значительно большей мере необходимым учет диалектики общественного бытия и индивидуального бытия, которое в условиях современной научно-технической революции расширяется до масштабов планетарных: человек осознает свое место в системе биосферы, свою роль в становлении ноосферы.

Осознание биосферно-ноосферного феномена приводит к выделению общечеловеческих интересов в качестве наиболее фундаментальных. Глобальность как черта современного сознания становится доминирующей, меняющей не только акценты, но и существо различных видов сознания: происходят изменения в буржуазном сознании, в условиях перестройки начинает пробивать себе дорогу «новое политическое мышление», представляющее собой новую парадигму, которую можно было бы назвать «глобальным социалистическим сознанием». Несмотря на непривычность такого термина, он, на наш взгляд, имеет право на существование, так как фиксирует глобальность как в каждой отдельно взятой форме общественного сознания, так и в социалистическом сознании в целом.

Наиболее ярко глобальность проявила себя в политическом сознании, что может быть проиллюстрировано «Делийской декларацией». Этот документ фиксирует не только экономические, социальные, политические и идеологические различия, но и исходит из принципиального единства человеческой цивилизации, из того факта, что главной задачей в настоящий момент является сохранение мира на планете, предотвращение мировой термоядерной войны. В такой же степени проявляется глобальность и в экологическом сознании, которое ориентируется не только на непосредственно окружающую человека среду, но и природу в целом. Такой подход обусловлен тем, что, функционируя как единая экологическая система, биосфера реагирует на совокупное воздействие человеческой цивилизации и не имеет политических границ.

Под воздействием становления мировой экономики, характерной как для капиталистической, так и социалистической систем, формируется *глобальное экологическое сознание*. В результате обострения экологической и ресурсной проблем, а также увеличения темпов миграции населения складывается *глобальное демографическое и интернациональное сознание*, идет осмысление тенденций изменения человеческой популяции, состояния ее физического, психического, генетического нравственного здоровья.

В последнее время в философской литературе широко обсуждается вопрос об общечеловеческих нравственных ценностях: термины «планетарная этика», «общечеловеческие интересы» довольно прочно вошли в философский оборот. Это связано с тем, что человечество осознало себя как единое целое. В рамках нравственного сознания глобальность проявила себя раньше, чем в других формах общественного сознания, но утвердилась прочно и всесторонне исследуется лишь после закрепления, этого феномена в его экономической и политической формах.

Глобальность сознания отражает не только пространственную характеристику, она разворачивается и во временном аспекте. В то же время глобальность связана с восхождением от обыденного уровня сознания и регионального масштаба до научного уровня и глобального планетарного подхода, ибо впервые человечество получило возможность не просто фантазировать относительно своего ближайшего и отдаленного будущего, но и реально планировать его, способствовать становлению ноосферы.

Сознание:

общечеловеческое и планетарное, ноосферное

Конец XX века — время интенсивного поиска новых основ духовной и материальной жизни человечества. Взрывное изменение состояния общественного и природного бытия привело к тому, что общественное и индивидуальное сознание вдруг оказались на большом отдалении от экологических, экономических, социальных и политических реалий. Комплекс глобальных проблем современности оказался самым существенным

фактором кардинальной перестройки человеческого сознания, условием процесса формирования общечеловеческого сознания. В течение нескольких десятилетий этот важный факт планетарной жизни был скрыт от внимания нашей философской и научной общественности под покровом целого ряда «аппаратных философий», связанных с господством узкоклассовых и групповых интересов.

«Общечеловеческое сознание» — это понятие, которое еще только начинает обретать категориальный статус, превращаясь в актуальный социальный смысл феномен. Процесс формирования общечеловеческого сознания рассматривается с различных философских и мировоззренческих позиций, что свидетельствует, по существу, о своеобразном консенсусе в этом вопросе.

Феномен общечеловеческого сознания можно обнаружить на протяжении всей двухтысячелетней истории мировой философской мысли. Он проглядывает в таких философских категориях, как «нус», «идея», «Бог», «мировой разум», «соборность», «всеединство» и других. Чрезвычайно интересны поиски общечеловеческих ценностей и общечеловеческого сознания в русской философии. Примером тому может быть творчество В. С. Соловьева, сверхзадачей которого стал синтез мировых религий, примирение науки, философии и религии. Всеобщий духовный синтез в конце XIX века оказался преждевременным и потому недоступным. Общественное сознание было разбито вследствие множества самых различных причин: национальных движений, революционных событий, носивших классовый характер. Процесс складывания, актуализации общечеловеческого сознания оказался заложником великих социальных катастроф и коллизий.

Как ни парадоксально, вывод о формировании общечеловеческого сознания фактически вытекает и из классических марксистских представлений об общественном бытии и общественном сознании, традиционно являвшихся обоснованием раскола единого сознания на его антагонистические классовые элементы. Более того, в рамках диалектико-материалистического подхода появляется возможность ставить и решать такие важные проблемы, как выявление закономерностей общечеловеческого сознания, темпов и специфических особенностей его становления в различных странах и регионах мира. Используя эти

подходы, можно показать процесс складывания планетарного бытия человечества и соответственно механизмы формирования общечеловеческого сознания.

Представления о глобальном сознании сформировались в 1960-е годы в деятельности Римского клуба и творчестве его первого президента А. Печчеи. Идеи, связанные с ноосферным сознанием, вытекают из творчества В. И. Вернадского. Эти подходы, с одной стороны, по-разному освещают процессы становления общечеловеческого сознания, с другой — дополняют друг друга. Гуманистический подход А. Печчеи поставил в центр внимания «человеческое качество» («человеческие качества»), а ноосферный подход В. И. Вернадского рассматривает как планетное явление, прежде всего, научную мысль, деятельность цивилизованного человечества по преобразованию биосферы на научных основах.

Идеи А. Печчеи воплощают в себе итог развития западной цивилизации, европейской мысли в целом, ищущей новые пути, критически оценивающей свой собственный путь развития и носящей ценностно-праксиологическую окраску. Парадигма осмысления места, роли и значения сознания человечества, предложенная В. И. Вернадским, вытекает из идей русского космизма и в известной степени имеет онтологический контекст.

В теоретическом плане необходимо «развести» понятия «общечеловеческое сознание» и «планетарное (глобальное) сознание». С одной стороны, складывается впечатление, что общечеловеческое сознание существует извечно в силу принципа «общечеловеческое — это человеческое». Существенные компоненты общечеловеческого сознания, зафиксированные в Библии, с другой стороны, не связываются с тем уровнем сознания, который называется глобальным сознанием. Общечеловеческое сознание исторически и логически отличается от планетарного, глобального сознания: последнее появляется лишь в силу определенных материальных и духовных предпосылок в середине XX века. Целый комплекс кардинальных изменений в планетарном бытии, выявление единого биосферного, техносферного и цивилизационного пространства незаметно для людей кардинально перевернули общественное и индивидуальное сознание. Глобальное сознание как «расширенное» сознание начало окончательно утверждаться в идеологии и социальной психологии с

момента развертывания глобальных проблем современности, которые явились мощным толчком для интенсивных поисков новых мировоззренческих парадигм.

Таким образом, элементы общечеловеческого сознания, в основе которого лежат естественнонаучные идеи, общечеловеческие моральные «заповеди», представления о красоте, в течение XX века оказались «снятыми» новым уровнем сознания человечества — сознанием планетарным. Этот процесс протекал в специфических формах. Глобальное сознание проявило себя прежде всего как сознание экологическое. В этой сфере — глобальной экологии — человеческая мысль выше всего поднялась в теоретическом осмыслении протекающих на планете процессов. Активная деятельность Римского клуба приблизила общественность к пониманию сущности воздействия антропогенного фактора на здоровье природы и цивилизации. Отрезвляюще подействовали на весь мир сценарии «ядерной зимы», а также «мировая динамика» Дж. Форрестера, однако для нашей страны, чьи идеологи настойчиво отрицали включенность соцстран в глобальные процессы, рубежом, заставившим перейти к глобальному мышлению, стал, как отмечают многие исследователи, Чернобыль. Высшее руководство начало осознавать, что в технократическом ослеплении, в стремительной гонке вооружений и производстве ради производства происходит постепенное сползание общества к краю пропасти.

Процесс экологизации сознания стал важнейшей вехой в становлении общечеловеческого глобального сознания. В этой связи можно было бы высказать следующее суждение, носящее дискуссионный характер: *экологическое сознание, строящееся на базе естественных, гуманитарных и технических наук, оказывается ядром, выполняет функцию системообразующего фактора, является своеобразной точкой роста общечеловеческого планетарного сознания.* Тенденция на экологизацию всей материальной и духовной жизни человеческой цивилизации формирует принципиально новые цели, задачи, потребности, ориентации, идеалы, тем самым отбрасывая, отсеивая старые идеи, связанные с философией потребления и идеологией «рога изобилия».

Современный этап формирования сознания человечества поражает удивительной пестротой духовной жизни, ее ярко вы-

раженной плюралистичностью, амбивалентностью, противоречивостью, а подчас и антиномичностью. О подобном перевороте в сознании человечества прозорливо говорил В. И. Вернадский. Великий синтез философской и мировоззренческой парадигм XXI века идет в русле формирования глобального общечеловеческого сознания, вбирая в себя в снятом виде духовные формы предшествующих исторических и культурных эпох.

Вполне естественен вопрос о дальнейшей эволюции глобального общечеловеческого сознания, некоторые элементы которого проявились уже сейчас. Экологический бум середины и второй половины XX века обнаружил и вторую свою сторону — обозначился перенос акцента с экологии природы на экологию человека. Тривиальной становится мысль о том, что XXI век будет веком человека. В этой связи можно говорить о формировании гуманистического экологического глобального общечеловеческого сознания. Такое количество определений к слову сознание требует рождения нового термина, который бы вбирал в себя эти характеристики, одновременно обладая многозначностью и способностью выполнять эвристические функции. На наш взгляд, таким понятием является понятие «ноосферное сознание». Экологическое сознание столь же закономерно переходит в ноосферное сознание, как и биосфера в результате космического геологического процесса переходит в ноосферу. Ноосферное сознание в гносеологическом плане охватывает сверхсложную систему, которая включает в себя биосферу, техносферу и социосферу.

Методология разработки проблем взаимосвязи ноосферы и ноосферного сознания заложена в трудах В. И. Вернадского. Ученый не пользовался термином «ноосферное сознание», однако в его творчестве рассмотрен один из важнейших моментов ноосферного сознания — научная мысль как планетное явление. Ноосферное сознание есть отражение процесса формирования ноосферы, но одновременно оно — причина становления ноосферы, перехода биотехносферной реальности в ноосферное состояние. Фактические человек и его ноосферное качество определяют современные тенденции формирования ноосферы.

Конституирование понятия «ноосферное сознание», как и вхождение в оборот термина «экологическое сознание», — процесс длительный и непростой прежде всего потому, что совре-

менный человек обладает в большей степени разрушительным для биосферы сознанием, чем ноосферно-созидательным. Сущностные моменты ноосферного сознания проявляются в том, что оно лежит в основе управления природными, социоприродными и социальными процессами. Природные процессы, которые, на первый взгляд, не могут быть управляемыми, все чаще реагируют на антропогенные влияния. Землетрясения, дожди, тайфуны и другие природные процессы оказываются «управляемыми»: человек получил возможность влиять на генетический код, научился управлять биогеохимическим «током атомов». Социальные процессы с самого начала замыкались на процессы управления, однако в настоящее время, помимо механизмов управления экономическими, политическими и социальными параметрами, возникают механизмы управления информационными и духовными процессами в обществе. Социоприродные процессы, лежащие в нише между природными и собственно социальными процессами, также требуют учета и управления, а экологическая сфера все более превращается в доминанту социального прогресса. В этой связи ноосферное сознание как отражение ноосферной реальности выполняет важнейшую функцию самоорганизации ноосферы, выступает основой, определяющей будущее человеческой цивилизации.

Общеизвестно, что сознание выполняет функцию опережающего отражения, без чего человек просто не смог бы существовать. В течение миллионов лет в организме человека выработался механизм, который поддерживает функционирование всех жизненно важных систем. В сознании сосредотачивается информация, связанная с процессами адаптации человека и приспособления окружающей среды к потребностям человеческого организма. В отличие от организма человека современная стремящаяся к ноосферному состоянию гео-био-социо-техносферная система еще не имеет подобного механизма на целостно-организменном уровне. Ноосферное сознание как раз и призвано выполнять функцию опережающего отражения в развитии и становлении ноосферы. В рамках онтологического подхода оправдано было бы рассматривать ноосферное сознание как «сознание» био-технического субстрата.

***Реалии третьего тысячелетия:
ноосферная динамика глобального месторазвития***

Двадцать лет — короткий срок для исторического и тем более для геологического процесса эволюции. Однако в жизни идей, особенно в условиях информационного общества, это время подчас оказывается очень большим, достаточным для того, чтобы идея захватила значительный общественный слой и из формы ментальной стала формой предметной. Российская история показывает, что в начале XVIII века, начале XIX и начале XX века за подобный двадцатилетний период совершалась быстрая фундаментальная сборка общественной самоорганизации. Однако пренатальный период, предшествующий общественному рождению идеи, может быть достаточно продолжительным. История в течение века вынашивает форму духовности, чтобы потом явить ее миру, как социально-экономическое, технологическое, духовно-образовательное единство.

Подобное происходит и с ноосферной идеей в современной России. Последние двадцать лет XX века — время интенсивного внутреннего вызревания ноосферной идеи на субстрате российской интеллигенции. Система образования чутко уловила вектор ноосферного развития и тянется к ноосферным образовательным формам, как цветок к Солнцу. Идет интенсивный процесс накопления экономического, социального, человеческого, научного, образовательного, философского, семиотического потенциала ноосферного развития России.

Реалии третьего тысячелетия ставят на повестку дня вопрос о пересмотре форм и способов месторазвития, системы ценностей и смысла бытия. Глобальное месторазвитие обретает ноосферное измерение и становится ведущим фактором будущего, задает реалии третьего тысячелетия. Начало века и начало тысячелетия — очевидная точка бифуркации, в которой рождается и совершается выбор стратегии человеческой цивилизации, соперничества антиноосферных и ноосферных процессов. Человечество, наполненное довлеющими «духами прошлого», вынуждено расставаться с ними и обретать новое — не локальное геополитическое, а планетарно-ноосферное тело.

Главная реалья третьего тысячелетия — экономический ноосферный конфликт — становление единопланетной, целостной формы бытия консолидированного человечества. В начале XX века Россия обратила внимание на отсталые народы российских окраин. За небольшой исторический период эти народы сделали гигантский скачок в своем социально-экономическом, политическом и культурном развитии. Сейчас подобная ситуация сложилась в мире в целом. Развитые страны и народы, преодолевая свой эгоизм, стоят перед проблемой обеспечения развития отсталых (развивающихся) стран Азии и Африки для того, чтобы напряжение в уровнях экономического и культурного развития не привело к планетарному конфликту столкновения цивилизаций.

По С. Хантингтону, это цивилизационное столкновение имеет, прежде всего, конфессиональный характер, а значит, перед цивилизацией третьего тысячелетия стоит проблема *духовного ноосферного конфликта*, смысл снятия которого — в создании нового общечеловеческого мировоззрения, сопрягающего в «птицу-тройку» три мировые религии. Это *вторая реалья* третьего тысячелетия. Ответ на этой мировоззренческий вызов может лежать в области учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, в представлениях о ноосфере.

Третья реалья (которая впрочем, должна быть поставлена на первое место) — космический ноосферный конфликт — необходимость для человечества учитывать специфику несовпадения экстенсивно техносферного развития с тенденциями космического и биосферного (космо-биосферного) развития. Философия автотрофности — самая существенная духовная составляющая учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу.

Четвертая реалья связана с движением от субъективного фактора ноосферной динамики к собственно человеческому. Новый «ноосферный человек» может оказаться столь же не похожим на нас, как «*homo sapiens*» не похож на «человека умелого». При этом процессе «культурной сапиентации» и «компьютерной цефализации» может получить бесконечно большое ускорение, даже по сравнению с той огромной исторической скоростью, которую человек обретает в условиях постиндустриального развития. Антропологические реалии — самая значимая

составляющая и предпосылка разрешения ноосферного конфликта, в эпоху которого вступило современное человечество. Ноосферный человек — самое главное достояние ныне рождающейся цивилизации. Творчество, гуманизм, недеяние (толерантность и терпимость), духовность, интеллектуальность, интеллигентность — удастся ли родовому человеку обрести эти новые качества, образы которых формировались многотысячелетним развитием культуры, и которые составляют культурное измерение космоантропологической эволюции человека? Ноосферный человек — самая фундаментальная реалья третьего тысячелетия, главный гарант глобального устойчивого ноосферного развития, или как говорил В. И. Вернадский — «мирового устойчивого существования».

Наконец, *пятая реалья* — это расхождение между реально-данностью и духовно-виртуальностью в ноосферном развитии третьего тысячелетия. Современное образование должно совершить гигантский рывок, чтобы обеспечить преимущество интеллектуальности и интеллигентности в формировании будущего ноосферного человечества. Духовно-образовательная духовная революция стучится во все национальные окна всех материковых домов «глобальной деревни» и от ее осуществления в ближайшие десятилетия зависит, сможет ли человечество к середине XXI века (о которой Н. Н. Моисеев говорил как о рубежной точке) подойти с ощущением полноты духовного потенциала, готовности к глобальной ноосферной коэволюции (кореволюции).

Сейчас мы переживаем события, по своей масштабности воспринимаемые также, как почти век назад В. И. Вернадским воспринимались события мировых войн и революций. Двадцатый век разрушил иллюзии простого рационализма, «современный рационализм»¹⁴ — это не просто расставание с простотой¹⁵, а порождение цветущей сложности, соответствующей сложности нашего мира. Эта сложность с парадигмальной масштабностью ощутил и осознал В. И. Вернадский и с высоты своей мудрости был уверен, что «можно смотреть поэтому на наше будущее уверенно. Оно в

¹⁴ См.: Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М., 1995.

¹⁵ См.: Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М., 1998.

наших руках. Мы его не выпустим»¹⁶. Опыт прошедшего столетия говорит о том, что это будущее называется ноосфера.

Процесс перехода биосферы в ноосферу имеет как глобальное (космопланетарное), так и локальное (региональное) измерения. Одно из проявлений всеобщей (мировой) ноосферной динамики — формирующиеся глобальные геополитические отношения, включающие в себя многообразные аспекты синтетического геолого-географического, биосферно-ноосферного тела человеческой цивилизации.

Становящаяся структура человеческой цивилизации разнородна и не имеет единого концепта, в силу этого процессы страно-географического синтеза оказываются чрезвычайно противоречивыми и даже разрушительными. Складывание биосферно-цивилизационного человеческого тела в настоящее время выходит на новую ступень — глобальной геополитики. Кажется, что геополитика по определению глобальна, однако, в действительности, чаще всего она носила национальный характер не только в силу теоретического осмысления национального интереса, но и в связи со спецификой своего регионального геополитического положения. Эпоха великих сверхдержав постепенно заложила дипольную парадигму глобальной геополитики: «пан-американа» и «пан-советиана». В настоящее время, когда глобальная геополитика на практике проводится фактически лишь единственной сверхдержавой — США, сложился иной смысл глобальной геополитики — монополюсная геополитика.

Геополитический конфликт — это своеобразный показатель того, что экономические, демографические, ресурсные, технико-технологические факторы, характеризующие состояние того или иного ноосферного хронотопа, находятся в разбалансированном состоянии, что приводит к внутреннему напряжению всей глобальной системы. Фактически любой локальный конфликт проявляет тенденцию к превращению в конфликт глобальный.

Ноосферное измерение геополитических и геоэкономических конфликтов оказывается особенно значимым в силу того, что на постсоветском пространстве произошли кардинальные

¹⁶ Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. С. 242.

геополитические изменения, равных которым не было со времен начала XX века. Геополитический хронотоп России пульсирует с размерностью целого столетия то сжимаясь, то разжимаясь. Работы Н. Н. Моисеева показывают, что страна находится в состоянии неустойчивого равновесия, чреватого катастрофой, за которой могут последовать и глобальные катастрофы.

Ноосферный контекст геополитики предполагает рассмотрение религиозных, духовных и информационных процессов, происходящих в рамках единого поделенного мира. Удастся ли перевести геополитические конфликты из сферы военного противостояния (горячей и холодной войны), а также демографических и экономических войн в сферу новых форм построения международных отношений — от этого ответа зависит будущее всей человеческой цивилизации.

Со времени В. С. Соловьева интеграционные процессы в религиозной сфере рассматриваются как имеющие общечеловеческую значимость, т.е. ноосферный характер. Духовная геополитика приобретает в наше время большую значимость, ибо мощь государства все в более значительной степени определяется именно уровнем духовного потенциала как фактором решения противоречий современного мира: противоречиями между человеком и человеком, обществом и обществом, обществом и природой, цивилизацией и биосферой.

В условиях уже поделенного мира коллизии духовного интеграционного процесса, синтеза внутреннего и внешнего миропостроения ведут к разнообразным формам политических, экономических, демографических конфликтов. Традиционно считается, что политика есть концентрированное выражение экономики, однако в ноосферной (информационной) системе информационные и духовные потоки оказываются важнейшим системообразующим фактором, моментом, рождающим флуктуации, ведущие к тектоническим подвижкам в ноосфере как духовной сфере современного человечества. Духовно-идеально-информационная компонента оказывается не менее значимой, и, таким образом, политика (геополитика) оказывается концентрированным выражением духовной жизни общества. Эффект песочных часов в рассмотрении ноосферной динамики становится непреложным условием полноты. Гуманитарное приложение

принципа дополнительности свидетельствует о том, что описание экономического процесса не дает выраженности состояния духовного, а духовная жизнь не всегда свидетельствует о параметрах экономических процессов.

В геополитическом конфликте отражаются две пирамиды материально-экономических и духовно-информационных конфликтов, при этом доминирующей все более становится именно духовно-идеальная составляющая.

Раньше геополитический конфликт обычно разрешался в результате изменений на субстратном или структурном уровнях. В настоящее время геополитические подвижки позволяют выявить этапы и формы глобализации.

Глобальные геополитические противоречия раскрывают смысл мировой ноосферной динамики. Противоречия по линии Восток — Россия — Запад в яркой форме обозначают духовно-культурную палитру противоречий развертывания ноосферности как фактора рационально-научного, нравственного и эстетического миропостроения. Противоречия по линии «Север — Юг» указывают на материально-экономические противоречия становящейся ноосферы. На этой геополитической крестовине мира и возлежит «Великая шахматная доска»¹⁷, на которой разыгрывается партия белых и черных — ноосферных и антиноосферных процессов (сил), причем результат этой партии до самого ее конца не известен.

Политические (в том числе и геополитические) процессы в значительной степени свидетельствуют о рождении и умирании фактов и факторов ноосферной динамики. Если политические процессы подобны горам и горным цепям, то геополитические конфликты — это самые высокие вершины, интегрированные показатели конфликтности. Определение конфликта как геополитического предполагает применение методологического багажа полипарадигмальности, рассматривающего весь комплекс факторов — политические, географические, экономические, демографические, культурные, духовные. Более того, геополитические противоречия сигнализируют о многоуровневости нестабильности, своеобразной иерархии политических противоречий.

¹⁷ См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2010.

Систематика геополитических конфликтов предполагает выделение геоэкономических, геодемографических, геоинформационных, геодуховных, геокультурных конфликтов, которые как показывает исторический опыт последних лет подчас имеют тенденцию ползучего перерастания в открытые и скрытые экономические, экологические, информационные и духовные войны.

В настоящее время формируется особый ряд противоречий перехода биосферы в ноосферу, геополитических конфликтов – *геоноосферные конфликты*, имеющие интегративную природу. Отслеживание этого рода конфликтов позволит более обоснованно формулировать стратегию национальной безопасности России, видеть основные направления мировой ноосферной динамики.

Ноосфера в век глобальных катастроф

В творчестве В. И. Вернадского есть один весьма примечательный факт. В 1944 году на 81 году жизни, тяжело переживая смерть супруги Натальи Егоровны, завершив подготовку своей «книги жизни», он пишет статью «Несколько слов о ноосфере», предназначенную для широкой общественной публикации, в которой утверждает, что в эпоху завершения величайшей и кровопролитнейшей войны, в «буре и грозе» мир вступает в ноосферу. Этот ноосферный оптимизм человека, идущего навстречу приближающейся смерти, говорит об особом типе мировоззрения, сложившегося в среде высококультурной классической российской интеллигенции, которой пришлось жить в советскую эпоху.

Это мировоззрение естественно сложилось под влиянием христианской традиции, господствовавшей в России в годы, когда формировалась личность ученого, но в этом ноосферном мировоззрении присутствует очень значительный элемент античной философско-мировоззренческой культуры. Ноосферное мировоззрение В. И. Вернадского, как особый социо-культурный геном, порожденный гениальным российским мыслителем, послужило началом революции в сознании в XX веке, но особенно оказывается востребованным в открывшемся третьем тысячелетии. Многие из возникших позднее угроз ученый гениально

предвидел, но вся масштабность быстро приближающегося катастрофизма, думается, становится ясной лишь сейчас в веке, первое — разгонное — десятилетие которого уже прошло, а второе, как показывает логика российской истории, всегда знакомит с новым проявлением катастрофизма.

Некоторые наши современники утверждают, что В. И. Вернадский был слишком оптимистичен в своих оценках приближения ноосферы. Более того, дальнейшее развитие человеческой цивилизации идет совершенно не в том направлении, которое предчувствовал «первый богослов XX века». Думается, что не наша задача оценивать опыт жизнебытия мудреца, вышедшего за рамки восьмого десятка лет. Наша заинтересованность в том, чтобы понять фундаментальный смысл его вездечной мысли — особого взгляда на Вселенную, которая породила разум, создала условия для его интенсивного развития на планете Земля и довела развитие человеческого сознания до понимания своей ответственности за дальнейшее его развитие.

Самая главная черта в мировоззрении В. И. Вернадского — это абсолютная вера в беспредельные силы и возможности разума, точнее, разума человеческого — крайне несовершенного, часто заблуждающегося и ошибающегося, но через все преграды пробивающегося пути к пониманию Вселенной, помещающей в себе как в лоне робкий, но дерзновенный разум. То, что мы обнаруживаем в творчестве великого мыслителя — это даже не философия разума, это теософия разума, разума в широком смысле слова, включающего не только научный ум, но и философско-религиозное сознание открытого миробытия восходящего человечества. Следует сказать, что современное российское общество, в том числе в его властная вертикаль, еще очень далеки от понимания бесценности наследия, которое оставил России и миру академик В. И. Вернадский.

Показательно, что именно такое отношение к уходящей реальности и такого же рода мировоззренческая парадигма были характерны и для советского ноосферолога, профессора Н. П. Антонова¹⁸. Достаточно познакомиться с его работами по-

¹⁸ См.: Антонов Николай Павлович: Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003.

следних — предперестроечных — лет, чтобы обнаружить неистребимую веру в победу разума и здравого смысла в эпоху на излете великого Союза. В ноосферном сознании и мировоззрении Н. П. Антонова естественно проявился коммунистический пафос, но этот пафос вырастал не столько из идеологического, сколько из философско-поэтического понимания мощи человеческого разума. Каждый свободно мыслящий человек в советское время воевал со своими ветряными мельницами, и масштаб этих мельниц ни в коей мере не умаляет роль провинциальных дон-кихотов. Для Н. П. Антонова было характерно ощущение нарастание катастрофичности в развитии человеческой цивилизации, но он хотел (и заставлял себя) верить в реальные возможности преодоления тех колоссальных трудностей, которые замаячили на горизонте в конце XX века.

Рождение, рост, развитие и смерть человека — этапы экзистенциальной (персоналистической) истории. В современной техногенной цивилизации человек в значительно большей степени чувствует себя «человеком катастрофическим», ибо более чем когда либо его бытие может закончиться в любой момент катастрофой. Термин «катастрофа» в русском языке используется с начала XIX века в смысле «заклучительная часть (развязка) в классической (греческой) трагедии»¹⁹. В информационном обществе сфера видимых и невидимых катастроф интенсивно расширяется. Экзистенциально-катастрофическое сознание человека — это неотъемлемое от существующей «релятивистской» реальности состояние, формирующееся стихийными формами бытия и сознательными формами нейролингвистического программирования (зомбирования) сознания, говоря высоким риторическим языком, от меона и стиля²⁰.

Рождение, рост, развитие и гибель империй — по сути дела, главное содержание державной (государственной) истории. В этом смысле историческое (в том числе и глобально-историческое) сознание в полной мере предстает как сознание катастрофическое. Только после того, как очередная «буря и

¹⁹ См.: Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13560 слов. М., 1994. Т. 1—2.

²⁰ См.: Раков В. П. Меон и стиль. Монография. Иваново ; Шуя, 2010.

гроза» (катастрофа) заканчивается, вместе с очистительным озоном для оставшихся жить приходит ощущение нового будущего. Разум, преодолевший катастрофу, испытывает катарсис геологического восхождения к новым высотам своей космической эволюции.

Так устроена мировая история. Но XX век — уже не век личностных, локальных или национально-государственных катастроф, как это имело место в предыдущие исторические эпохи. Континентальные революции и мировые войны позволяют говорить о нем как о веке полинациональных и континентальных катастроф.

Ощущение катастрофичности бытия в XX веке породило вопрос о пределах развития разума — вопрос, над которым В. И. Вернадский размышлял в учении о переходе биосферы в ноосферу, показывая исторические этапы цивилизационного и геологического развития разума.

Учитывая опыт XX века, С. Лем спрашивал: «...должны ли также разум порождаться разрушительным катаклизмом? XXI век не ответит на этот вопрос окончательно. Он будет собирать все новые вещественные доказательства, создавая новую картину мира как совокупности случайных катастроф, подчиненных точным законам, но по интересующему нас здесь ключевому вопросу окончательного решения не вынесет. Так, что же в грядущем столетии будет воскрешена теория, созданная около 1830 г. французским палеонтологом и анатомом Кювье и получившая название катастрофизма?»²¹. Эти размышления очень хорошо иллюстрируют движение научного сообщества в сторону синергетики, в то время еще только начинавшей свое триумфальное шествие, а в наше время представляющей самое интенсивно разрабатываемое методологическое течение.

Существует оригинальная версия о том, что между орбитами Марса и Юпитера некогда существовала планета Фазтон. Разумные существа обитали на ней, до тех пор, пока не достигли уровня ядерной цивилизации, а затем, не справившись с нарастающими внутренними противоречиями, взорвали планету в

²¹ Лем С. Принцип разрушения как творческий принцип // Природа. 1987. № 9. С. 75.

ходе термоядерной войны. Возможен ли подобный сценарий для нашей планеты? Судя по всему, мировая история как раз подходит к подобной развилке. Впрочем, землян может ожидать не только возможность превратиться в пояс астероидов, но и, как считают некоторые астрономы, возможность исчезновения с лица Земли в результате парникового эффекта — космической катастрофы, подобной марсианской.

Современный человек живет в пространстве беспрецедентного нарастания версий катастрофического развития событий, причем это разнообразие имеет не только количественный, но и качественный характер, а версий катастроф значительно больше, нежели стратегий бескатастрофического развития.

Н. Н. Моисеев — специалист, чье мнение невозможно игнорировать, — спрогнозировал пик глобального кризиса на середину XXI века. К этому же времени относят точку полифуркации и многие другие специалисты. Оптимистический пессимизм Н. Н. Моисеева — лишь самая розовая форма в системе катастрофического видения мира. В этом смысле показательна следующая мысль российского ноосферолога: «Говоря об общественных катаклизмах, я предпочитаю терминологию Рене Тома, а не Анри Пуанкаре, ибо абстрактная "бифуркация", во всяком случае для моего поколения (курсив мой. — Г. С.), несет куда меньше трагических ассоциаций, чем томовская "катастрофа"»²².

Первая форма (сознаниевая стадия) ноосферного катастрофизма — «экошок» эпохи 1970-х годов. За ним последовали «демошок», «инфошок», а сейчас можно говорить о сведении социальных шоков человеческой цивилизации в «глобальный шок». Человечество медленно осознает, что оно вступило в принципиально иную стадию своего развития — век всеобщих глобальных катастроф, эпоху, с которой ранее ей не приходилось встречаться.

Ноосферный катастрофизм вытекает не только из несовершенства человеческого разума, но в значительной степени из несовершенства социальной природы человека и человечества. Неадекватность социальной организованности, проявляющаяся в беспрецедентной поляризации бедности и богатства, и, судя по

²² Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели. М., 1997. С. 166.

всему, возникшая в силу того, что человечество не удержалось на пике устремления к коммунистическому развитию, ведет к тому, что ситуативная вероятность социально-глобальных катастроф оказывается значительно выше, нежели вероятность катастроф природных, вызванных отчасти также особенностями сложившихся социально-экономических, социально-демографических и конфессионально-культурных отношений. Алармизм перерастает в XXI веке в глобальный катастрофизм. Этот факт требует своего фундаментального осмысления.

Противоречие между золотым миллиардом и остальным населением мира, сложившееся в период демографического взрыва в XX веке, как показано С. П. Капицей²³, очень похоже на то противоречие демографического характера, которое возникло как причина первой и второй мировых войн. Современная демографическая девальвация дает некоторую надежду на социальную стабилизацию, но совершенно не исключает возможные потрясения в результате социоприродных катастроф глобального характера. В силу этого не столько государства, сколько всемирная олигархия готовится к наступающим временам катастроф.

Среди современных олигархов проблема самосохранения столь же актуальна, как она стояла в эпоху Жюль Верна, но если раньше можно было укрыться на необитаемом острове, то сейчас возможности сократились до олигархической яхты Абрамовича, пусть дорогой и обеспеченной, но все-таки становящейся все более похожей на Ноев ковчег или на «Марию Целлесту», обитателем которой пришлось бросить все и перейти в другое измерение жизни. Современная эпоха, судя по всему, эпоха агонии мировой олигархии в преддверии глобальной социально-экологической революции, требующей пересмотра размерности между материальными и духовными потребностями человечества.

Как и любое новое столетие, XXI век открылся знаками предзнаменований. Человек, сформированный XX веком, устроен так, что видит в этих знаках только предапокалипсические сюжеты, и в силу этого строит свои, в достаточной степени традиционные, сюжеты объяснения настоящего-будущего, ибо в информационном обществе человек в действительности, оказы-

²³ Капица С. П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М., 2010.

вается, живет в пространстве единого прошлого-настоящего-будущего, которое раньше измерялось пятилетками, а в настоящее время охватывает 10—15, а в некоторых случаях и 20—25 лет. Этот промежуток времени быстро увеличивается и может стать, что современное человечество уже скоро будет вынуждено жить в пространстве-времени 30—40 лет. Это означает, что человечество вступило в период, который с точки зрения постнеклассики называется точкой бифуркации.

Смысл этого периода различно описывается футурологами и философами. Одни считают, что будущее для человечества весьма вероятно ограничивается 2012 годом, другие рисуют сценарии «конца истории», третьи — «столкновения цивилизаций» и цивилизационных кризисов²⁴, четвертые — «глобальной клинической смерти»²⁵, пятые признают возможности устойчивого развития человеческой цивилизации, шестые — формирования «рационального общества»²⁶, седьмые — возможности ноосферного развития²⁷. В этих вариантах ожидаемого будущего, пожалуй, нет одного варианта, который в традициях подзабытого марксистского понимания развития мира может быть назван «глобальной социальной революцией».

Великая российская социальная революция начала XX века оказала огромное влияние на развитие мировых социальных и технологических процессов. Мир в известной мере развивался под диктовку Великой социалистической российской империи, представившей не только теоретические конструкции переделки мира, но и осуществившей пассионарным рывком создание нового космического и ядерного бытия в формах, претендующих на конкретно-исторические версии социального и национального мира в рамках одного полюса бытия становящейся глобальности. Пока существовал СССР, мир находился в ощущении «предустановленной гармонии» сопряжения международных и социальных отношений, что и обеспечивало, как это ни странно

²⁴ Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: Синергетика, психология и футурология. М., 2001.

²⁵ Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля. Новосибирск, 2004.

²⁶ Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М., 1995.

²⁷ Реалии ноосферного развития. М., 2003.

будет звучать, устойчивое развитие человечества XX века. «Гибель коммунизма» и разрушение СССР привело к тому, что хищнические инстинкты и позывы потенциальных и актуальных агрессоров перестали сдерживаться, и в течение очень короткого времени человечество оказалось в условиях неконтролируемой эксплуатации бедного мирочеловечества со стороны богатого «золотого миллиарда». Уже через 10 лет после разрушения СССР проявил себя первый признак глобальной социальной революции, который политологами и политиками, исповедующими атлантическое мышление, был понят как повод к борьбе с «мировым терроризмом». Всего двадцать лет потребовалось для того, чтобы новый безумный мир обнаружил свои глобально-катастрофические черты.

Разусложнение сложности, чаще всего, по ступенькам кризисов ведет к катастрофе. А самой большой глобальной катастрофой, очевидно, явится разрушение этно-национальной государственности и регионально-национальной экономики, что, впрочем, станет лишь виртуальной («когнитивной») катастрофой — катастрофой для старой, ограничивающей свободу человека этнонациональной культурности. Разрушение всех старых форм эколого-экономической, социально-экономической и социально-культурной жизнеобычности весьма вероятно станет глобальной катастрофой человеческой цивилизации в ближайшие три-четыре десятилетия: «техноинформационная биосфера» эффективно проведет «зачистку» всей совокупности отношений каждого конкретного человека к планетарной среде глобального общеобитания.

Человечеству, как и человеку, свойственно убеждать и утверждать себя в «светлом будущем», при этом речь идет и о посястороннем, и о потустороннем будущем. В каждой культуре в зависимости от социально-экономической и внешнеполитической ситуации работают два видения мира — оптимизм (уверенность, радость) и пессимизм (алармизм, тревожность). Иногда розовый оптимизм побеждает, и тогда обществу приходится платить за это дорогую цену. Алармизм, сформировавшийся в XX веке, может рассматриваться как прелюдия к формированию философии и психологии глобального катастрофизма, которые предстают как факторы попытки вырваться на са-

мом может быть сложном повороте мировой (ноосферной) истории. Н. Н. Моисеев писал о том, что «... об устойчивом развитии в его банальной трактовке следует просто забыть: и человечество в целом, и каждая страна в отдельности будут встречать и преодолевать многочисленные кризисы, взлеты и падения, это будет путь непрерывных поисков, а не устойчивое развитие. И к этому надо быть готовым»²⁸.

Глобальное катастрофическое сознание, как сейчас становится отчетливо видно, — наша ментальная реальность, выросшая из понимания самоорганизации бытия, его напряженного «жужжания» перед стартом от одной сложности к другой сложности, который всегда чреват потерей целостности, а подчас и катастрофой.

В мировой истории хорошо видна тенденция нарастания катастрофизма по мере увеличения количества сложных социальных систем. Это особенно хорошо стало видно в условиях перехода к синергетической методологии конструирования исторических процессов. Философия эволюционизма, овладевшая умами ученых и мыслителей в XIX веке, затмила философию катастрофизма, в XX веке универсальный эволюционизм стал в значительной степени основанием для формирования стратегии устойчивого развития и даже ноосферного развития, но в новое тысячелетие человечество входит с теоретическими моделями глобального катастрофизма. (Ярким примером такой смены декораций стала теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона²⁹).

Современное глобалистское сознание хорошо представлено в энциклопедии «Глобалистика». Статья «катастрофа» в энциклопедии фиксирует, что «катастрофа — широкомасштабное, сравнительно быстрое изменение хода событий, приводящее к сверхнормативной смертности, заболеваемости и/или прямым и косвенным социально-экономическим и экологическим переменам, в т.ч. ущербам. Различают природные катастрофы (такие стихийные бедствия как землетрясения, цунами, извержения вулканов, и т.п.) и экологические катастрофы (например, уменьшение водности рек из-за вырубки лесов, опустынивание,

²⁸ Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели. М., 1997. С. 220.

²⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

радиоактивное загрязнение местности и т.п.)»³⁰. Как отдельные проблемы анализируются «Экологическая катастрофа» и «Глобальные климатические катастрофы», но на детальную проработку системы глобальных катастроф международное сообщество глобалистов ставки не делает. Современная глобалистика в значительной степени согласна на концепты «кризисов», «угроз», «проблем», «вызовов», но не катастроф. Думается, что приходит время, когда традиционное христианское апокалипсическое сознание, закономерно перерастает в научно-апокалипсическое сознание. Человек апокалипсического мироощущения, как показывает русская история, подчас создает такие образцы искусства, которые обеспечивают спасение и выживание культуры на целые столетия.

Развитие мира многими учеными еще представляется как «устойчиво-ориентированное», однако изменения в человеческой цивилизации столь стремительны, что пришло время «смены глобальных вех». Стратегия устойчивого развития и как олигархическая теория «золотого миллиарда», и как паранаучная иллюзия в значительной мере девальвирована. Очевидно, наступила пора строить стратегии глобальных катастроф — такой вывод следует из событий первого десятилетия XXI века. Думается, что даже несовершенная теория глобальных катастроф значительно более гуманна и прагматична, нежели самая хорошая теория «устойчивости», исчезающей как «шагреньева кожа». Даже если в пространство ноосферы не придет брейгелевская «безумная Грета» как символ термоядерной войны, его посетит (как и положено двуликому Янусу разума) смерч носфераты, а деконструкция тексто-бытия обернется деконструкцией самого бытия.

Катастрофология, думается, единственно адекватное выражение когнитивно-эпистемологического аппарата для оценки и прогнозирования состояния грядущего ноосферного перехода. Если раньше версии нулевого, ограниченного или органического роста подпитывали иллюзии стратегии устойчивого развития, то затем оно стало рассматриваться через призму различных пониманий от устойчивого равновесия до относитель-

³⁰ Пырин А. Г. Катастрофа // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 432.

ных равновесий в природе (биосфере) и ноосфере³¹. Очевидно, пришло время, когда теория катастроф (Р. Тома³², В. И. Арнольд³³) с математического и техносферного должна перескочить на социально-праксиологический и социоприродный уровни. В серии книг «Синергетическая парадигма» постепенно откристаллизовалась форма сопряжения устойчивости и диссипативности (катастрофичности). В синергетическом сознании современного человека катастрофизм стал органической составляющей³⁴. Человек в век глобальных катастроф должен понимать способы выживания как способы личностного комплементарного синергетического поведения.

В катастрофоведении понятия «спонтанная катастрофа», «организационная катастрофа», «организованная катастрофа», «виртуальная катастрофа», «прогнозируемая катастрофа», «когнитивная катастрофа», «катастрофическое сознание», «катастрофическая реакция», «катастрофическое прогнозирование», «знаки катастроф» и другие должны получить адекватное осмысление.

В свое время виртуальный прогноз «ядерной зимы» внес существенные коррективы в глобальное сознание. Те обвалы, которые претерпевает Россия последние двадцать лет, могут рассматриваться как убедительные и очевидные знаки будущих, еще более страшных обвалов и катастроф. Современная стратегия, ориентированная на кризисологию с оглядкой на версии прошлых эпох, может оказаться «программой опоздания». Задача, очевидно, заключается в создании философии катастроф — онтологии, гносеологии, аксиологии и праксиологии катастроф. Это тем более значимо, что Россия всегда представляла именно как территория масштабных катастроф, и это ее качество лишь усиливается. Еще совсем недавно казалось, что в силу громадности территории Россия представляет собой огромный ледяной материк, подобный Новой земле. Желание «подморозить» Россию позволяло отсрочить приход диссипации. Геополитический

³¹ Кожевников Н. Н. От равновесия к равновесию. Концептуальный анализ относительных равновесий в природе. М., 1997.

³² Тома Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М., 2002.

³³ Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990.

³⁴ Буданов В. Г. Программа курса «Синергетика для гуманитариев» // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М., 2007. С. 584—592.

катастрофизм казался невозможным, но, судя по всему, историческое потепление в России пришло раньше, чем пришло понимание глобального потепления климата. Современная Россия как Антарктида, от которой интенсивно откалываются огромные айсберги, а, значит, приходит эпоха катастроф. Думается, что самая большая ошибка коммунистических геронтократов заключалась в том, что они не хотели и могли представить уже пришедшую перестройку как реальную катастрофу, убеждая себя в том, что все еще можно избежать. (Предперестроечная чехарда генсеков — яркий пример тому. Лишь А. Громыко как отвечающий за международные отношения, хорошо понимавший положение СССР, очевидно, первым осознал, что откладывание прихода молодых лидеров смертельно опасно уже даже не для партии, а для страны в целом.)

Фигура «страуса» и даже «римские гуси» — уже слабые ответы на приближающиеся вызовы: более адекватна формула Хемингуэя, знавшего «по ком звонит колокол».

Практически все рассматриваемые варианты, называемые катастрофой, в действительности — *«катастрофы-для-нас»*, ибо они реально разрушают сложившиеся стереотипы жизни и бытия. Как таковыми катастрофами они не являются, а лишь называются. В действительности — это закономерные синергетические процессы, к которым придется привыкать и мириться как с неизбежностью, ибо, как верно заметил Д. Быков, «от нас уже ничего не зависит».

Ноосфера, как ей и положено, родится в «буре и грозе», а параметры возможных состояний посткатастрофического будущего, скорее всего, должны определяться уже сейчас. «Мир без границ», «Мир без денег», «Мир без воды», «Мир без электричества», «Мир без власти» — это лишь некоторые из возможных вариантов. Особенно эти прогнозы последствий виртуальных катастроф важны для России, ибо, судя по всему, именно «хартленд» может стать геополитическим разломом ближайшего столетия.

Грядущее великое переселение народов естественно требует иного понимания происходящих процессов. Девальвация границ и собственности потребует иных императивов поведения в условиях катастроф, а наряду с медициной катастроф, потребуются и философия катастроф, и психология катастроф. Компью-

терное моделирование катастроф уже сейчас может оказаться одним из самых социально значимых трендов компьютерных игр.

На нашей планете сохранились следы не только биосферных, но и ноосферных катастроф. Разрушения и повреждения разума столь же обычное дело как рождение и смерть человека. Каждый раз смерть человека сопровождается гибелью сферы его разума. Остается лишь информационное бессмертие разумного бытия: другой человек принимает ноосферную эстафету, продолжается жизнь рода и, вместе с ним, жизнь социокультурного генома.

Не менее обычна и гибель цивилизации и всего опыта ее бытия в земном и космическом пространстве. Ноосферные катастрофы — вечный спутник ноосферной истории. Ноосферная эволюция оставляет следы былых ноосфер в той же самой степени, как и биологическая эволюция, оставляет следы былых биосфер. Ноосферный опыт человечества — великое достояние ноосферой истории. Таким образом, ноосферное развитие представляет собой чередование этапов катастрофического и устойчивого развития.

Причины возникновения биосферно-ноосферных конфликтов разнообразны, это и нехватка информации, и недостаточность квалификации управленца, неадекватность оценки риска, непонимание размерности среды обитания, рассогласование процессов во времени или в пространстве, несистемное мышление. Одна из возможных стратегий «канализации» глобальной катастрофы — шенгенизация мировых границ, а затем и ноосферная атомизация — процесс, предполагающий безнациональные и безгосударственные формы самоорганизации коллективного человеческого разума в техно-информационных формах.

Причины возникновения ноосферных катастроф в значительной степени связаны с действием теоремы Геделя о неполноте, т. е. неподготовленностью людей, принимающих решения в условиях неожиданного явившегося сверхсложного глобального бытия. Практически все региональные катастрофы вытекали из того, что местные власти вынуждены были действовать наугад, вслепую, при огромной нехватке информации или когнитивно-эпистемологических умений и навыков.

Как показывает история, XX век был веком спонтанных катастроф техногенного и антропогенного характера. XXI век в значительной степени остается таким же, но появляется новое качество, связанное с тем, что теория катастроф (синергетика) позволяет инструментально относиться к нарастающим катастрофизмам, обнаруживать способы «канализации» катастрофы и при известных условиях даже ее контролирование. Самым ярким примером катастрофичности Системы явилась чернобыльская катастрофа. Оказывается, что практически всегда, когда на первое место приходят личностная жадность или коллективная алчность возможность техно-антропокатастрофы или социоприродной катастрофы неизмеримо увеличивается. Алчность как коэффициент катастрофичности работает, прежде всего, потому, что нарушается антропосоциальная гармония. Механизм рыночно-плана, возникающий в силу сопряжения материально-технического (или как раньше говорили материально-экономического), антропо-социального и духовно-культурного развития, теряет равновесие и срабатывает «машина катастроф». Плановые отношения в ноосферном развитии выступают графитовыми стержнями рыночной ядерной реакции в котле мировой (и, значит, национальной) экономики. «Управление катастрофами» в XXI веке на основе катастрофологии — центральная задача мирового научного сообщества и власти, а также общества в целом.

Ноосферная неравновесность возникает в том случае, когда круговая платформа цивилизационного развития, на краях которой стоят технологические, антропологические, демографические, экономические, культурные и духовные процессы, оказывается неустойчивой в силу крена в одну какую либо сторону (особенно в том случае, если сама эта биосферно-ноосферная платформа начинает вращаться с ускорением). Возникает реальная возможность, когда все «фишки» могут слететь со стола, и тогда все начнется сначала.

Разум оказывается главным регулятором прихода катастроф. Фактически катастрофа — это признак неразумности данного конкретного национального социального разума (руководителя или руководства страны) или неразумности общечеловеческого коллективного разума. Формула катастроф могла бы, очевидно, включать в себя следующие показатели: *«массу разу-*

ма»³⁵, выраженную в количестве информации (культурной биогеохимической энергии) с поправкой на религиозно-нравственную составляющую, «демографическую массу», оказывающую самое сильное влияние на масштабность и вектор катастрофичности, а также коэффициенты *космичности*, связанные с «деятельностью» солнечной или космической энергии.

Проблема ноосферных катастроф связана в значительной степени еще и с встречными цивилизационными потоками культурных биогеохимических энергий, феноменом «столкновения цивилизаций» (С. Хантингтон), т.е. фактически локальных духовно-информационных систем. Противоречие еще не повод для катастрофы, но антимир действительно склонны к социальной аннигиляции (как, например, в результате столкновения «социальных элементарных частиц» с различными *спинами* под названием Гитлер и Сталин).

Гегелевская диалектика, доведенная до философии управляемой катастрофы в социально-материалистической диалектике Маркса, может служить примером философии катастроф. (Не случайно Гегель считал войну способом разрешения противоречий, а Маркс революцию — повивальной бабкой социального прогресса.) Эта мысль не означает, что философия запрограммировала XX век как век катастроф, это означает лишь, что философы точно угадали (поняли, отрефлексируют) главные тенденции надвигающего века. Точно также многие философы XX века усмотрели в катастрофизме мировых войн и континентальных революций повод для антидиалектических — универсальных антропоэкологических философских построений.

СМИ в информационном обществе предназначены для формирования массива информации, за истинность и адекватность которой они несут моральную и правовую ответственность. Общество, особенно российское — вышедшее из советского, чрезвычайно трудно обмануть: запах лжи всегда разносится чрезвычайно быстро. В олигархическом обществе, в котором социальное расслоение всегда требует приглаживания реальных дей-

³⁵ См.: Брагин А. В. Проблема мысл. разума и устойчивость развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 2. С. 59—66.

ствий высших классов, правда драпируется еще более интенсивно, нежели это было в советское время. Более того, очевидно, существует закон, по которому коэффициент децильности одновременно является и показателем «адекватности» («дебильности») средств массовой информации. В условиях российской действительности средства массовой информации в большей степени выполняют роль «неинформации», чтобы не говорить «дезинформации»: псевдоинформация — сообщение без необходимой конкретики — лишает смысла «объективные высказывания».

Главное отличие советской «широкой» информации от российской «широкой» информации — смена знака: в советской традиции важно было подавать только позитивное, в современной российской традиции — создать ощущение катастрофичности для каждого жителя каждого региона и страны в целом. Причина формирования «катастрофического вектора широкого сознания» — в установке на ослабление социального недовольства: когда где-то рядом происходит катастрофа, то человек более радостно воспринимает свои небольшие беды и проблемы. Но в последние годы катастрофическое сознание постоянно расширяет свой ареал — формируется тотальное апокалипсическое (глобальное катастрофическое) сознание. Масштаб факта «приземления» к земной жизни выходит за рамки формулы «предупрежден, значит вооружен». Зависимость от негатива позволяет исподволь формировать настроение безразличия как к ближней, так и дальней жизни. Постепенно формируется глобальное катастрофическое сознание у широких слоев общества. Эта социальная анестезия позволяет осуществлять довольно рискованные социально-хирургические операции, которые ранее было бы невозможно осуществить.

Устойчивость общества в условиях нарастающего катастрофизма социоприродного развития может быть достигнута, прежде всего, за счет гармонизации социальных и экологических отношений. В условиях осознания приближения человечества к всеобщей гибели (в результате космических или планетарных факторов) весьма вероятно могут заметно ослабляться факторы борьбы за национальное, социальное и личностное выживание (борьба всех против всех), на их место могут придти факторы сотрудничества и взаимопомощи. Таким образом, модели Дарвина

и Кропоткина потребуют переосмысления в условиях локальных и глобальных катастроф. Весьма показательно это видно на примере романа «Война и мир», когда социальные дистанции настолько сокращаются, что представители высокого и низкого классов оказываются одинаково стоящими перед высшими и настоящими ценностями бытия и послебытия. Экзистенциальный социализм эпохи нарастающей катастрофы — признак того, что русская культура, как и любая другая культура, — справедливо-центрична, а власть практически всегда навязывает с помощью права свою меру несправедливости, превышение которой всегда ведет к «бунту бессмысленному и беспощадному».

Заметим, что для российского общества жизнь в условиях социально-исторической катастрофичности дело столь же привычное, как для американского или японского общества — жить в условиях природной катастрофичности. При этом оказывается, что в России даже природная катастрофичность — дело рук человеческих (каждый год приход зимы и лета — катастрофичны, в одном случае замерзанием систем отопления, в другом небеспричинными пожарами). По сути дела, человеческая культура и представляет собой в значительной степени форму навыков жить в «ожидании Годо», в ощущении перманентной катастрофичности бытия.

В современной науке универсальный эволюционизм иногда рассматривается как синергетика — учение о самоорганизации. Однако терминологический анализ заставляет увидеть различия между ними: в значительной мере синергетика представляет собой единство универсального эволюционизма и универсального катастрофизма. Проще было бы сказать, при диалектическом подходе эволюционизм и есть в определенном смысле катастрофизм и наоборот, однако, историческая традиция науки разделять эволюционизм Дарвина и катастрофизм Кювье не позволяет осуществить такое совмещение.

Библейская история и библейское мирознание наполнено философией социальных и природных катастроф: они возникали каждый раз, когда человеческий разум заходил в тупиковую ветвь своей эволюции. В этой связи философия катастроф, или универсальный катастрофизм, — одна из самых устойчивых мировоззренческих конструкций человеческой истории. Лишь в

просвещенческую и постпросвещенческую эпоху оптимистический сциентизм заполнил сознаниевое пространство, пока мировые войны не отрезвили человечество в его розовой иллюзорности. Ницше как предтеча катастрофического сознания XX века заставил человечество проснуться от «золотого сна». Современное катастрофическое сознание и философия катастрофизма в известной степени расстается с религиозным контекстом: его сменяет сциентистский катастрофизм, который лучше всего выражен в современной синергетике. Создание предпосылок для перескоков («туннельных переходов») с одной ветки социоприродного развития на другую ветку при учете социальных и природных потерь — одна из сложных задач *универсального катастрофизма*. Смена парадигмы устойчивого развития на парадигму ноосферного катастрофизма — предстает закономерной и естественной инверсией в условиях перехода мира в третье тысячелетие. Фактически человечество уже живет в новом глобальном катастрофическом сознании, но пока до конца не осознало это свое новое состояние. В условиях глобальных катастроф у «социальных динозавров» не остается возможностей выжить, они не смогут эффективно транслировать информацию от маленькой головы к весьма отдаленному хвосту, а значит глобальный социоприродный катастрофизм ближайшего времени предполагает дальнейшую атомизацию, элементаризацию континентально-монолитных систем, что потребует от государств поиска способов спускать катастрофы на тормозах (создания катастрофической трибологии) как единственной альтернативы запуска реальной катастрофы.

Любой прорыв в будущее имеет свою «отдачу», любое историческое ускорение, в силу того, что оно требует антропологического напряжения, предполагает последующее торможение: так в известной степени проявляет себя и техносферное ускорение последних двух веков техно-исторического прогресса.

Техносферный и демографический перегрев биосферы как своеобразного резервуара человеческой деятельности, как это видно уже сейчас, должен быть смягчен, возвращен в русло оптимума. Этот вывод мирового научного сообщества абсолютно очевиден, и теперь дело заключается в том, чтобы властные структуры, осознав это неблагополучие, осуществили реше-

тельные шаги, на которые все равно придется пойти, но, при задержке, — в крайне неблагоприятных условиях.

Те меры, которые были приняты государствами в ходе зеленой революции последней четверти XX века, оказались лишь первым — отчасти бессознательным, и потому слабым, — торможением неблагоприятных глобальных антропогенных процессов. Сейчас, очевидно, пришло время для продуманных и просчитанных торможений разнообразными способами.

На каждое проявление глобальной катастрофы может быть предусмотрена своя адекватная форма оптимального торможения. С. П. Капица в своей книге показал, как осуществляется глобальное торможение в демографическом экстремуме. За один век население Земли увеличилось с 2 до 6 млрд человек. Это не могло не сказаться на обострении противоречий в цивилизационной системе. Две мировые войны — как показано в книге, — фактически предстают как процесс самоорганизации в условиях беспрецедентного демографического роста. Таким образом, следует признать, что первый шаг в направлении торможения эксплуатации биосферы был сделан в значительной степени бессознательно — как естественный шаг борьбы за ресурсы для этнонационального развития. Темпы прироста народонаселения замедлились, но рост не прекратился, население Земли продолжает увеличиваться и достигнет максимума в 11 млрд. к середине XXI века. В этих условиях формы ноосферного торможения должны проявить свое многообразие.

Первое, на что следует обратить внимание это социально-экономические проблемы. Великая Российская социальная революция, очевидно, была первым признаком того, что стремление к социальной справедливости приобретает не локальный (континентальный или национальный), а евразийский и даже глобальный характер. Русское религиозное стремление к человеческой справедливости приобрело в значительной степени утрированный и примитивный характер, но даже такого рода достижение справедливости показало колоссальные возможности социального, культурного, научного и антропологического развития. Коммунизм в его социально-экономическом измерении в эпоху беспределов роста стал шагом назад в формационном и человеческом смысле, ибо оказался феодальным комму-

низмом. Но российский пример стал востребованным не только для ускорения развития слабых стран, но все больше становится калькой для развития в условиях экстремального социально-экономического торможения. На мировом саммите по устойчивому развитию (Йоханнесбург, 2002) проблема противоречий между бедными и богатыми странами была осмыслена в достаточной степени откровенно, но результатом стало лишь решение об отчислении 1% ВВП в пользу бедных стран, что не устраняет процесса обострения противоречий. Более того, «рождение и гибель коммунизма в XX веке» лишь обострили противоречия внутри отдельных стран: например, в России эта диспропорция поражает даже представителей развитых капиталистических стран. Постиндустриализация постсоветской России осуществляется все теми же петровскими и сталинскими (сравнительный анализ требует тщательного внимания социологов, экологов и демографов) методами и механизмами социального манипулирования. Партноменклатурное ядро, выполняющее либерально-олигархический заказ по отношению к уничтожению советских культурных архетипов у нового российского общества, действует с той же бескомпромиссной дегуманизацией, как это было при капэзэсном социализме, но с еще большей степенью лжи и самообмана. При этом следует признать, что общество терпит и, очевидно, какое-то время будет еще терпеть экспроприацию социализма, позволяющую как можно быстрее пробежать эпоху «ужасного конца». Если процесс десоциализации в России продолжится такими же темпами, то новое издание социальной революции станет неизбежным, а признаки такого неблагополучия отчетливо видны уже в настоящее время.

Безопасность разума — формула с двумя сторонами: первая связана с возможностью защиты тонких сфер разума от техногенного и властного безумия, вторая — с условиями защиты общества и человека от жестокосердия разума, от безумия разума. Не всегда быстро можно установить, как происходит дивергенция разума в полубезумие или в крайний случай — социальное безумие. Личностное и коллективное безумие предполагают разные форс-мажорные обстоятельства.

Защита разума от разума — центральная проблема ноосферной безопасности, и сложность ее требует уже не просто

учета «массы разума», а «момента импульса разума». Разорванность разума в социокультурном хронотопе неизбежно ведет к нарастанию катастрофичности и, в конечном итоге, к катастрофам различного уровня.

Из древних тысячелетних колоссов на ногах к настоящему времени остались лишь Россия, Индия и Китай. Причины этого в том, что монотопным (однопространственным) империям легче сохранить свое единство нежели империям поли- и гетеротопным. Разрушение российской и советской империи совершалось путем крайнего откалывания территорий, подобного рода поползновения характерны и для истории Китая, но последний имеет достаточно сил для пространственного самосохранения. История России показывает, что если первые столетия второго тысячелетия были связаны с преодолением восточного ига, то последние пять столетий Россия противостояла западному нашествию. Весьма вероятно, что маятник российского исторического катастрофизма может вновь качнуться в обратную сторону — с запада на восток, и думается, что, как это было в истории, тело России вновь подвергнется расчленению на договорных основаниях между Большим западом и Большим востоком.

Военно-крепостнический социализм в СССР в силу колоссальных личностных возможностей «советского народа» ценой огромных человеческих потерь смог победить империалистический еврокапитализм: «реальный» социализм стал экстенсивно утверждаться в разных частях света. Когда шествие примитивного социализма по планете было остановлено, когда «рождение и гибель коммунизма» стали историей не только для стран Восточной Европы, но и для самого СССР, то одновременно начался закат и буржуазно-капиталистической модели общественного развития. XX век — век начала вступления в глобальное социалистическое общество. Наступающие глобальные катастрофы станут похоронной командой по «реальному капитализму»: очевидно, эпоха «экологического социализма» станет первой ступенькой к провозглашенному К. Марксом коммунизму как строю, при котором материальные и духовные ресурсы станут одинаково доступными для подавляющего большинства населения Земли. Демографическая оптимизация и экологическая стабилизация, наряду с общепланетным техно-информационным субстратом

будущей цивилизации станут лекарствами для тяжелобольного общества, а Мадлен Олбрайт, провозгласившая, что Россия слишком много отхватила ресурсов и территорий и должна поделиться, может рассматриваться как первый представитель будущего глобального ресурсно-экологического коммунизма.

Современная Россия обязана сделать вывод из исторической практики прошедшего века, когда три раза (1905—1917, 1934—1941, 1985—1991) «пагубная самонадеянность» была похожа на игнорирование надвигающейся катастрофы. Самый яркий пример интеллектуальной и прогностической несостоятельности связан с допущением реализации гитлеровского плана «Барбаросса». Ни главнокомандующий, ни военачальники, ни офицеры, ни солдаты не были готовы к катастрофическому варианту развития событий. Все были уверены, что будут воевать на территории противника. Такого рода деморализация армии привела к катастрофе — к тому, что миллионы солдат вынуждены были сдаться в плен. Неготовность к возможности катастрофы деморализует общество, история показала, что лишь через полгода пришло примирение со случившейся военной катастрофой, началась борьба народа за свое выживание.

Нечто похожее произошло в период перестройки: эйфория от открывавшихся возможностей заслонила реальные катастрофические направления развития. В научной литературе, предшествующей перестройке, такие тенденции не обсуждались, ожидалась лишь эволюционные изменения социализма. При этом в большинстве своем советские люди, да и советские ученые, не могли знать (а если бы знали, то с трудом поверили бы) о неизбежном крахе большевистской системы, который предрекали многие мыслители русского зарубежья.

Реквием, который уже прозвучал для современной России³⁶, свидетельствует о том, что столица в значительной степени уже «отстегнула» не только дальние, но и даже весьма близкие территориально регионы. Поэтому очень важно понять, насколько жизненные силы России еще велики для противостояния диссипативным процессам, или Россия уже готова, как говорится в известном анекдоте, «сдаться Дании в плен». Самое

³⁶ Гиренок Ф. И. Реквием // Завтра. 2010. № 38. С. 7.

тревожное заключается в том, что в значительной степени население страны смирилось с любым ужасным концом, может быть даже более страшным, нежели последовавшим после ГКЧП. Если, практически все регионы страны дотационные, то очевидно система «раздач» закономерно ведет к дезинтеграции. Тотальная антироссийская европеизация, как сложившийся факт, есть знак распада последней мировой империи, ибо рыночные механизмы, как это сейчас отчетливо видно, чрезвычайно ускоряют центроостремительные процессы, и их результаты могут оказаться столь же неожиданными, как и Беловежские решения. Психологическое состояние страны уже не просто «мозаичная шизофрения», а деморализация похожая на состояние скотины, которую ведут на убой, убеждая, что все сделано для улучшения качества ее жизни.

Очевидно, следует признать, что главным ориентиром любой власти в ближайшие несколько десятилетий будет формула — «все возможно в любой момент, и, может быть, даже завтра» (в шутку иногда говорят «все будет хорошо — готовьтесь»). Именно это положение, с одной стороны, деморализует власть, но, с другой, — усиливает народную способность противостоять распаду. Для российской истории (речь идет об эпохах смуты) час «X» всегда связан с тем, что «антинародная власть убита», поэтому народу самому надо начинать новую жизнь. Закономерное отстранение обанкротившейся власти всегда необходимое условие для проявления народного энтузиазма. Так было в эпоху перестройки, так может оказаться и в эпоху «перестройки-2».

Катастрофа — это всегда потеря концепта, потеря системообразующего свойства. Антропологическая катастрофа в нашей стране, развернувшаяся в XX веке, одновременно стала и ноосферной катастрофой. С потерей не только количества людей (страна потеряла по средним оценкам около 50 млн. жителей, а «абсолютные» цифры говорят, что до 400 млн. человек не родилось в России в век континентальных катастроф), но и с потерей качественного разнообразия, страна подошла к культурной катастрофе, которую можно было бы назвать ноосферной катастрофой. Потеря русской социокультурной и социоприродной идентичности, в конечном итоге привела к разрушению государственности, построенной на многогранности (многона-

циональности и многоконфессиональности). Восстановление всей ноосферной палитры российского коллективного разума может рассматриваться как форма становления континентальной ноосферной безопасности.

В советскую эпоху сформировалась стойкая уверенность, что «жизнь стала лучше, жизнь стала веселее». Попытка снять стресс перед будущим в значительной степени формировала оптимистическое мировоззрение и мироощущение, что явилось, может быть, самым значимым эмоциональным фактором поступательного развития советского общества. Сползание в постсоветское катастрофическое сознание — хорошая прививка для будущего глобального катастрофического сознания, которое интенсивно формируется в наше время, в том числе и как форма «массового», а не только «элитарного» сознания. Апокалипсическое сознание, складывавшееся в эпоху легального тоталитарного православного сознания, судя по всему, сыграло свою значимую роль при подготовке Великой российской социальной революции. Грядущая социальная катастрофа потребует уже не просто восстановления современных форм православного апокалипсического видения мира, а значительно конкретизирующего научного катастрофического сознания.

Здесь хотелось бы обратиться к народной мудрости. Существует притча о мальчике-пастухе, который часто звал на помощь селян, крича: «Волки, волки!» Пришло время, когда волки действительно напали на стадо, но ему никто не поверил, на помощь не пришел... Современные размышления о катастрофах могут стать похожими на действия мальчика-пастуха, но в условиях нарастания неопределенности и катастрофичности разум должен быть всегда начеку.

Уже сейчас видно, что христианский ренессанс в новой олигархической России исчерпывает свой социальный потенциал. Для рывка вперед страна должна осмыслить тот гигантский мировой мировоззренческий опыт, который в российской традиции нашел свое воплощение в синтетической культурной традиции русского космизма. Думается, что именно этот русский пантеистический пафос имеет в своей основе величайшие достижения цивилизации, которые дали в XX веке миру российские

богословы и философы, ученые и инженеры. Таким образом, катастрофизм начала XXI века вызван в значительной степени ноосферной неадекватностью, которая, в свою очередь, вызвана не только отсталой техногенной цивилизованностью, но и корневой исторической отвязанностью, незнанием истории многовековых способов выживания на территории, где в течение предыдущего тысячелетия практически не менялась климатическая ниша. Для России ноосферная катастрофичность вызвана огромными людскими потерями, прежде всего в годы раскрестьянивания и Отечественной войны: в этот период оказались вымороженными деревенские традиции культурного освоения земли, реки и леса, это второе тело человека (среда обитания) перестало ассоциироваться с высшей ценностью в пределах досягаемости. Край утратил свою самость, как и человек, выросший на самозаветной почве. Понимают ли в столице, что, навязывая голую европейскость региональной культурно-образовательной традиции, они продолжают лишать данную территорию способности к выживанию?

Современное крепостное региональное право столь же губительно для населения региона, сколь оно было губительно для русского крепостного крестьянина. Без региональной свободы бессмысленно ожидать конкурентно-сравнительной среды, которая и создает возможности для тонкой подгонки экономической жизни края. «Торможение» пространством и временем по-прежнему оказывается главной проблемой неноосферности государственного и муниципального управления. У каждого региона есть свой ноосферный потенциал и свои ноосферные конфликты. Очевидно, региональная система образования и должна быть нацелена, прежде всего, на выстраивание региональной идентичности в различных сферах бытия общества.

В чем же выход из положения в условиях нарастающей нестабильности и катастрофичности для мира и для России? Ответ связан с поиском способа совместить эффективность и системосозидательность государственного управления — управления сверху, и возможность самоорганизации на низовых уровнях, начиная от личности, вплоть до региональных систем, имеющих возможность на основе информационной достаточно-

сти обеспечить существование социоприродных систем — ноосферных комплексов. Вероятно, самой сложной задачей в этом контексте должна быть информационная достаточность для процессов общегосударственной и народной самоорганизации.

Самыми существенными моментами века глобальных катастроф, требующими тщательного анализа, являются даже не формы государственной власти, не организационные структуры (они в первую очередь рухнут под ударами судьбы), а абсолютно приоритетные природно-хозяйственные и антропоэкологические ситуации. Сохранение человека — носителя культурной биогеохимической энергии и сохранение биосферы (природы) — носительницы космической и биогеохимической энергии в формах генетического разнообразия — важнейшие условия посткатастрофической синергийности.

Приходит катастрофа, и интеллигенция как выразительница конкретно-исторического сознания общества умирает. Вместе с тем, интеллигенция как общечеловеческая субстанция — вечна, ибо она — это особый прибор для защиты от «дураков, которые строят дороги», фактор предотвращения катастроф или способ управления катастрофой, путем ее осмысления. К сожалению, ни В. И. Вернадский, ни Н. Н. Моисеев не услышаны «властителями» новой России, а значит, следует готовиться к новой российской катастрофе.

Как бы ни складывалась история Земли, но в любом случае процесс дальнейшего развития связан с формами ноосферной прогрессии, с процессом постепенного оразумления разума. Планетарная история (Большая история) свидетельствует о том, что именно (ко)эволюция коллективного разума и человеческой разумности обеспечивает формы ноосферного развития. В этом смысле история разума (говоря словами В. П. Казначеева, интеллекта) на планете Земля возможна настолько, насколько возможна коэволюция носителей труда и разума в противоречивой системе культурного человечества, или как говорил В. И. Вернадский «нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей как закона природы»³⁷.

³⁷ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1987. С. 302.

Великая глобальная социальная революция

Средства массовой информации в последние годы интенсивно работают над формированием в сознании общества и каждого отдельного человека ощущения быстро приближающегося конца человеческой цивилизации в результате воздействия космических внеземных факторов: удара гигантского метеорита, увеличения интенсивности солнечной активности, возникновения пандемий, внезапного объявления внеземных цивилизаций и т.п. Это верный признак нарастания внутренних противоречий человеческой цивилизации. Каждый новый век приносит свои гигантские угрозы и потрясающие надежды, и из этой гремучей смеси рождаются социальные и природные трансформации и революции колоссальной силы. Два (и даже три) последних века истории России убедительно об этом свидетельствуют.

Великая социальная революция в России, разразившаяся в начале XX века свидетельствовала о том, что культура большинства населения страны доросла до понимания значения социальной справедливости и всеобщей образованности в развитии общества и государства. К сожалению, ни государство, ни церковь, ни общество не готовы были к таким серьезным вызовам нового модернистского века, а элитная российская интеллигенция в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств не могла консолидировать вокруг себя и своего мирозерцания общественные силы, которые могли бы стать важным фактором выбора адекватных направлений развития страны.

Великая российская социальная революция постепенно переросла в континентальную евразийскую революцию, а затем, в условиях развертывания исторических коллизий XX века, попробовала обозначить претензии на планетарность. Мировая социалистическая система, несмотря на все свои недостатки, оказалась, пусть весьма примитивной и негуманистической, но исторически оправданной конкретно-исторической формой организованности глобальной социальной справедливости, предполагающей консолидацию как природных, так и человеческих ресурсов.

Как и все исторически новое, советский крестьянско-пролетарский социализм оказался не в состоянии успешно противостоять развитому капитализму, отработывавшему эволюци-

онные жизнеспособные формы в течение, по крайней мере, трех веков. Выдержав на пике своей пассионарности открытую военную (физическую) битву (в «горячей мировой войне»), мировой социализм (рабоче-крестьянского типа) потерпел поражение в холодной интеллектуальной войне конца прошлого века. Причиной тому следует признать (вслед за В. И. Вернадским) отсутствие свободы научной мысли и диктат тоталитарной идеологической системы, выросшей вокруг философской системы диалектического и исторического материализма, больше соответствовавшей особенностям и условиям XIX века. Так завершилась первая глобальная интеллектуальная битва двух мировых социальных систем, которую З. Бжезинский назвал «рождением и гибелью коммунизма в XX веке»: как и следовало ожидать — молодость уступила опыту.

Парадоксально, но именно в этот момент торжества победитель утратил бдительность. Оказалось, что, выиграв холодную войну с «развитым социализмом» («русским коммунизмом»), он оказался в состоянии противостояния с другим, гораздо более опасным противником, который до поры до времени формировался в тени глобального противостояния двух сверхдержав. Китайский конфуционизм (в модели Дэн Сяопина) и исламский фундаментализм как новые модели социальной справедливости и новые центры претензий на мировое доминирование продемонстрировали неожиданную историческую форму противостояния «западнизму» (термин А. А. Зиновьева), в основе которого, как стало совершенно очевидным после мирового экологического саммита в Йоханнесбурге (2002), лежит теория «золотого миллиарда». События последнего десятилетия мировой истории, открывшегося 11.09.2001 и заканчивающегося 8.08.2008, свидетельствуют о том, что мир вступил фактически в эпоху Великой глобальной социальной революции, задачи которой не только в создании многополярного мира, но в действительности — в создании нового порядка социальной справедливости для всех стран мира, а значит и для азиатских, африканских, латиноамериканских народов.

Тот «евросоциализм» — социальный капитализм (социзм), который был создан в развитых европейских странах в послевоенный период (шведский, финский, французский), и ко-

торый выглядел как способ естественной интеграции околоевропейского пространства в Европу, смотрится теперь совсем не как общечеловеческий. Тот глобальный социализм, который грядет в ближайшие десятилетия, в значительной степени имеет не российское и не европейское, а китайское (азиатское, восточное) или латиноамериканское лицо. «Новорусский ревизионизм» постбрежневской эпохи окончательно подорвал мировой авторитет «союзного-лагерного социализма», и если и остается надежда на сохранение российского православно-социалистического лица, то это в значительной степени связано с возрождением и развитием «философии русского коммунизма». Случившаяся «партийно-коммунистическая приватизация» социалистической (государственной) собственности в России сделала страну «ресурсным хвостом» западнистской системы, тем самым, создав условия беспрецедентной нестабильности для самой «олигархической России».

Фактически в настоящее время, как и в начале XX века, стоит вопрос о «торжестве» социальной справедливости, но теперь уже в глобальном масштабе: одна шестая часть населения мира должна будет «поделиться» с пятью «незолотыми» миллиардами населения Земли.

В каких формах социальной, политической, экономической и экологической самоорганизации будет осуществляться этот «глобальный передел» покажет не очень далекое будущее. Но ясно, что часть этих форм себя уже отчетливо проявила. Фактически то, что сейчас получило название «глобальный терроризм» может быть обозначено как первые экстремистские формы достижения глобальной социальной справедливости в ответ на «межгосударственный терроризм» (западнистского образца). Думается, что становление нового глобального социализма — знак того, что мир вступает в новое противостояние не просто национального, культурного или конфессионального (по С. Хантингтону), а, скорее всего, «социально-интернационального» характера. В этом смысле «Россия олигархическая», вернувшись в эпоху начала XX века, вновь оказалась перед лицом новой социальной революции, которая до известной степени может совпасть с глобальной социальной революцией, что вновь несет уже не совсем Великой России очере́дные великие потрясения.

Весьма показательно, что истоки современных представлений о глобальной социальной революции идут не столько от формационного мировоззрения К. Маркса, связанного с технико-экономическими аспектами, сколько от глобальной гуманистики первого президента Римского клуба А. Печчеи. Его представления о человеческом качестве и человеческой революции в значительной степени можно рассматривать как основания для понимания этиологии глобальной человеческой революции. Предисловие к своей книге, написанное в феврале 1977 года, А. Печчеи начинает с утверждения о том, что «триумфальное развитие западной цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу»³⁸. И далее продолжает: «...в мире наметился новый, более глубокий раскол — между сверхразвитыми и слабообразованными странами»³⁹. Сущностью человеческой революции по Печчеи является революционный гуманизм: «Для меня наибольший интерес представляют три аспекта, которые, на мой взгляд, должны характеризовать этот новый гуманизм: чувство глобальности, любовь к справедливости и нетерпимость к насилию»⁴⁰. С точки зрения А. Печчеи, именно социальная справедливость составляет главную цель человеческой революции. Он считает, что, во-первых, «некоторый гарантированный минимальный уровень жизни должен стать неотъемлемым правом любого родившегося на свет гражданина»⁴¹, а, во-вторых, «еще более сложным оказывается вопрос о социальном максимуме...»⁴². Эта новая этика — философия глобальных человеческих качеств (идущая от А. де Сент-Экзюпери и А. Швейцера) — в наше время отчасти пробивает себе дорогу в сознании многих людей, понимающих, что дао-философия малых дел оказывается предельно эффективной в условиях преодоления глобальных проблем. В соответствии со своими возможностями участвуют в этом процессе и представители интеллектуальной олигархической элиты: например, американский мультимилли-

³⁸ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 11.

³⁹ Там же. С. 12.

⁴⁰ Там же. С. 183.

⁴¹ Там же. С. 187.

⁴² Там же. С. 188.

ардер Билл Гейтс, финансирующий борьбу с малярией в африканских странах, российский миллиардер В. Потанин, озвучивший намерение расходовать свое состояние на общественные нужды. Многие другие факты свидетельствуют о стремлении «богатых» к переделу своего богатства в пользу беднейших, но, судя по всему, это самое начало в смене социальных декораций.

«Человеческая революция, — писал А. Печчеи, — это процесс, небывалый по масштабам и сложности: мир поистине не знал еще столь грандиозных, головокружительных планов»⁴³. Поэтому есть надежда видеть грядущую великую глобальную социальную революцию именно как человеческую революцию, т.е. создание нового человеческого качества, а не новое издание революции начала XX века — физическое уничтожение «новых» богатых «новыми» бедными.

Цефализация ноосферы

Специалисты в области когнитологии утверждают, что человек в своих познавательных возможностях предстает единым в трех лицах: как крокодил, как лошадь и как человек — в соответствии в историческими формами эволюции мозга. Аристотель рассматривал эту проблему в контексте более широком, его «универсальный эволюционизм» представлял душу в трех измерениях — душа растительная, душа животная, душа человеческая. История философии знает и еще более широкие модели растворения во вселенной отражательно-познавательных способностей: панпсихизм предполагает самоотражение Универсума, Вселенная предстает как самонаблюдатель и как самосозидатель по герметическому принципу подобия. В этом смысле эволюция разума Вселенной предстает как филогенез, а формация земного разума человечества как онтогенез. Естественно, что процесс онтогенеза земной ноосферы идет значительно быстрее, чем эволюция разума организма вселенной, течение беременности человеческого разума схожа с беременностью, порождающей человеческую телесность (в соответствии с законом Геккеля-Мюллера).

⁴³ Там же. С. 183.

Так выстраивается стрела ноосферного времени, первые подходы к анализу которого реализовали П. Тейяр де Шарден (преджизнь-жизнь-разум)⁴⁴ и В. И. Вернадский (пространство и время в живой и неживой природе)⁴⁵. Синергетика разума (на философском языке точнее было бы сказать «синергия разума») на настоящий момент в достаточно полной мере отвечает методологической сложности репрезентации конвульсий мирового ноосферного сознания.

Современный разум, перманентно находящийся в точке бифуркации, существует даже не в трех измерениях (крокодила, лошади и человека), а в значительном большем количестве трансграничных версий самоидентификации и самореализации. Современная ноосфера думает не только когито-модусами домашних животных, но и диких животных: выбрасывающиеся на берег киты в последнее время сменились увечащими людей акулами. Еще более суровы формы геологического мышления Геи (Д. Лавлока), ибо стихийные бедствия всегда лишь последствия колоссальных информационных подвижек биосферно-ноосферного развития. Мертвая когнитология современной техногенной цивилизации душит, судя по всему, не только живую природу, но и живого человека. Все, кто не обслуживает современную техносферу, предстают как лишние люди: в сообществе технолюдей экологическая ниша ноосферных людей становится все незаметнее, человеческий разум все более вытесняется псевдо-разумом компьютерных систем, имеющих свои значительные ограничения не только по когнитивному потенциалу, но и даже по когнитивным ресурсам. Конечно, техномыслящая ноосфера как этап развития субстанциального развития человеческого разума вполне закономерна и даже оправдана, но институциональная абсолютизация этой преходящей формы может оказаться чрезвычайно губительной.

На повестке дня — когнитивная человеческая революция, которая позволит преодолеть геоархетипы пресмыкающегося и все без разбору пожирающего крокодила и подневольно и неосмысленно работающей без обозначения цели лошади. Когни-

⁴⁴ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.

⁴⁵ Вернадский В. И. Пространство и время в живой и неживой природе // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 210—384.

тивный взрыв не ограничивается лишь информационным взрывом. Более того, думается, что они не столько друзья, сколько враги — неравновесность и негармоничность когнитивного универсума порождают диссонансность ноосферной реальности.

В течение долгого времени управленческие процессы в становящейся ноосфере носили субъектно-монархический, групп-олигархический или коллективно-классовый, т.е. заведомо когнитивно-ограниченный, характер. Только в эпоху глобально-коммуникативного общества появляется возможность создания не анти- или псевдо- демократических механизмов манипулирования социумом, но сетевой организованности когнитивного потенциала ноосферно-эволюционирующего человеческого сообщества с целью форсирования коэволюционных процессов взаимодействия общества и природы, биосферы и цивилизации.

Когнитивная синергетика — одна из важнейших предпосылок ноосферного развития в третьем тысячелетии⁴⁶. Ноосферное человечество предстает в этом плане как единый и взаимосвязанный когнитивно-информационный и ноосферно-семиотический универсум, самосозидающий аттракторы и поисковые деятельностные формы предустановленной гармонии. Ноосферная монада как коллективно-соборное человечество — своеобразное следствие когнитивной пантономии, начинающей обозначать себя даже в столь несовершенных формах виртуальной (информационно-компьютерной) реальности.

Платоновская мудрость сохранила для современного человечества представления о Вселенной как Живом Космосе: Вселенная — организм подобный организму человека. Из этой мировоззренческой конструкции вырастает представление, которое в действительности отвечает биосферному видению мира: живое и неживое вещество вступают в сложнейшие соотношения между собой, организовывая тем самым не только планетарную, но и космопланетарную организмическую целостность. Таким образом, идея В. И. Вернадского о биосферности бытия и о процессе перехода биосферы в ноосферу⁴⁷, имеет более широ-

⁴⁶ *Хакен Г.* Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М., 2001.

⁴⁷ *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., 2002. С. 242—469.

кое значение, чем могло бы показаться. Она весьма эвристична для понимания процессов, происходящих в становящемся глобальном человечестве.

Принцип подобия, взятый из герметической философии, представляет собой самый убедительный пример выхода не только в формы верха и низа, но и в формы правого и левого. Тем самым он позволяет угадать форму бытия, невозможную (и не данную) для органов человеческого тела, именно мозг оказывается главным чувствилищем вселенной, выходя даже за пределы максимально возможного сердечного чувствилища, не говоря уже о традиционных 5 чувствах. Так принципиально переформатируется вся гносеология, построенная на традиционных подходах материально-физиологического взгляда на природу человека, которая в этом случае фактически исключает космическую модусность человека: космическая гносеология не выходит за рамки философии, она только неизмеримо расширяет гносеологическое пространство человеческого бытия. Современная наука подошла к тому времени, которое реально делает человека космическим гнозисом.

Представление И. И. Лапшина о вселенском чувстве, присущем человеку, его отраженности в мировой литературе, позволяет не только выйти на новый гносеологический уровень, но и обнаружить значимость экологии разума для выявления специфики «ноосферного перехода». Вселенское чувство человека позволяет понять космическую природу человеческого сознания, установить космо-планетарные формы тождества абсолютного максимума и абсолютного минимума.

Философия универсального эволюционизма предполагает выстраивание процессов коэволюции в системе «Человек — Общество — Природа», взятой как максимально возможная охватываемая наукой (и более широко — сознанием) целостность. Антропологическая досягаемость и достигаемость Вселенского бытия в значительной мере и определяет преодоление агностического парадокса «чем больше знаешь, тем больше не знаешь». Критерий сознаниевого обозначения окружающей среды для каждого человека свой, и определяется он спецификой космогенетической, биогенетической и социогенетической и культурно-генетической наследственности.

Примером гностической инициации может служить знаменитая картина М. Н. Нестерова «Видение отроку Варфоломею». В ней задается способ понимания как расширения окружающей среды: только выход за рамки старой (предшествующей) системы дает возможность переосмыслить взглядом издавна прежний объем телесно-духовной погруженности в бытие. Именно так работает в антропологическом контексте теорема Геделя о неполноте. Выход из этого познавательного тупика обычно совершается через индукцию, аналогию как своего рода расширенную индукцию, в которой вывод делается не из одного единичного суждения, а через или посредством схожести нескольких единичных суждений.

В индийской философской традиции сформировалось представление о том, что каждый человек есть своеобразные глаза и уши Вселенной, она чувствует саму себя посредством людей, которые неотрывны от ее организма. С философской точки зрения, эта ситуация предполагает наличие проблемы постижения клеткой самого огромного организма. Даже нервная клетка не может обладать полной информацией об организме, такого рода информация о пребывании организма в среде обитания должна быть дана организму через мозг, который и является в этом случае системой большей, нежели сам организм как форма биологической субстратности. Весьма важно в этом плане и то, что в человеческом организме происходят экологические процессы взаимодействия (отношения) живого и неживого вещества. Однако полевые отношения в этом случае предстают в качестве важнейших, ибо они могут оказаться системообразующими.

Космос организма человека — 300 трлн клеток организма, 100 млрд нервных клеток, 15 млрд нейронов. Биосферный (ноосферный) космос — 15 млрд людей на планете Земля (по подсчетам С. П. Капицы население Земли не должно превышать 11 млрд человек). Уже в этом контексте мозг человека, управляющий организмом, количественно подобен возможной человеческой структуре ноосферы. Проблема заключается в том, как выстраиваются отношения между людьми — есть ли похожесть между такого рода людскими коммуникативными взаимодействиями и взаимодействиями между нейронами в логике эволюции живого вещества?

«Энцефалоз, или цефализация — палеонтологический термин, который обозначает увеличение массы и повышение организации головного мозга организмов в процессе эволюции. Введен в науку американским геологом Дж. Дана (Dana) (1813—1895). Дана рассмотрел цефализацию на примере ракообразных и пришел к выводу, что головной мозг, в отличие от других органов, никогда с течением времени в ходе изменений организмов не деградировал, а постоянно прогрессировал. В. И. Вернадский возводит научное положение Дж. Дана в принцип и называет его в числе 20 важнейших эмпирических обобщений высшего ранга...»⁴⁸. Цефализация как процесс развития головного мозга многочисленных форм живого вещества, таким образом, есть процесс не просто биологический или биосферный. Это процесс космический, ибо он представляет собой способ адаптации к космическому организму Вселенной. Вселенское чувствилище — есть адекватная форма космического бытия человека. Цефализация ноосферы — особая надсоциальная (метасоциальная, социоприродная) форма биосферно-цивилизационного развития, имеющая космическую телеологичность.

Исторический процесс развития человеческой цивилизации дает нам возможность последить эволюцию (экологическую эволюцию) Разума на планете Земля. На первый взгляд, этим занимается антропология (философская в том числе), но в действительности полнота комплексности обеспечивается рассмотрением проблемы через призму биосферологии и ноосферологии как дисциплин, претендующих на предельную синтетичность. Думается, что эта комплексность значительно шире, нежели NBIC (нано-био-инфо-когито) агрегированность, ибо в систему приоритетов, как это ни странно, не включена экология, а биология, как видно из контекста, в известной мере ограничивается лишь «большой генетикой».

За период человеческой эволюции (эволюции *homo sapiens*) биологическая цефализация фактически переросла в цефализацию социальную и выступает как специфическая форма социализации. В XX веке отчетливо стало видно, что, *во-первых*,

⁴⁸ Аксенов Г. П. Примечания // Вернадский В. И. Избранные труды. М., 2010. С. 720.

наряду с организованностью экономической цефализации (она всегда была ведущим фактором, но отчетливо эту мысль выразил Ф. Энгельс в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», а К. Маркс в «Капитале» раскрыл ее институционально-организационные формы), сложилась организованность социальной цефализации и техно-цефализации; *вторых*, наряду с формами национальной и региональной цефализации постепенно сформировалась модель глобальной цефализации: в этом смысле *цефализация цивилизации* предстает как одна из центральных проблем социальной философии в целом.

Постнеклассическая наука предстает как расширенное поле человеческого космо-планетарного бытия. В силу этого герметическая размерность философии позволяет осуществлять рефлексии как своего рода экоотражение в трех параллельных дискурсах, на трех уровнях бытия Вселенной. Применительно к каждому философу высотность и низотность задается спецификой или концептуальностью философской теории. Например, В. И. Вернадский рассматривал онтологическое триединство как соединенность биосферы, микрокосма и космоса Вселенной, при этом он считал, что научному исследованию «напрямую» доступна только биосферная реальность. В настоящее время происходит расширенное научное освоение мира, а, значит, появляется возможность выстраивать «научные путешествия» в другие реальности: не только реальные, но и виртуальные, более того, задается пространство метавиртуальности — бытия сверхтонких миров в реальности нашего «привычного» мира. Тонкие полевые структуры Вселенной, определяющие особенности природы и устройства головного мозга, доступны человеку именно в том контексте, который связан с мозгом как органом «вселенского чувства», данное не всем, но открытое как процесс его эволюционного развития. В этом контексте, размышления А. А. Зиновьева о человеичнике⁴⁹ могут иметь не только социологический или социально-философский смысл, но и космический смысл. Современное человечество во Вселенной может рассматриваться по своим когнитивно-познавательным возможностям в качестве муравейника, а каждый человек — как все-

⁴⁹ Зиновьев А. Глобальный человеичник. М., 1997.

ленский муравей, когнитивные возможности которого чрезвычайно малы по сравнению с «вселенским человеком».

Что же представляет собой цефализация человеческой цивилизации в контексте ноосферной самоорганизации? Прежде всего, это формирование коллективного разума, который в своих начальных формах носит характер государственного механизма, также эволюционирующего в процессе исторического развития. В других формах он предстает как сложнейшая социальная самоорганизация, которая иногда жестко противостоит государственной власти, а иногда, трансформируясь в процессе борьбы, сама обретает характер власти и в отдельных случаях становится государственной властью. Так, на протяжении последних столетий вступали в синергичное противостояние государственная власть и гражданское общество, которые, до известной степени, могут быть представлены как левополушарные и правополушарные способы освоения и регулирования социо-природной реальности.

Модусы лево- и правополушарности достаточно разнообразны. Применительно к герметизму эта форма соотносительности вытекает из принципа пола, ибо нет большей дополнительности в системе социального бытия, нежели дополнительность мужского и женского как в системе биологического пола, так и социального пола (гендера). Ян и инь предстают именно как формы ментального: даже изображение их единства в круге через волнистую разделительную линию похоже на структуру лево и право-полушарного мышления.

К числу такого рода дополнительностей относится основное геополитическое отношение воды и суши, религиозное отношение небесного и земного, географическое отношение Востока и Запада, Юга и Севера. Разновидностью «полиполушарности» может служить географическое разделение земного шара на западное и восточное, южное и северное полушария. В геополитическом и культурологическом смыслах эта «целостная система» полуполушарности оказывает существенное влияние на ход мировой истории. При этом следует учитывать, что планетарная континентальность (пятизначная материковость) может оказаться весьма важной для понимания процессов цефализации становящейся в историческом времени ноосферы.

Закон Геккеля-Мюллера — «онтогенез повторяет филогенез» — дает возможность понять структуру мозга как способ эволюции биосферного универсума. Иными словами, структура мозга отражает процессы, происходящие не только в живом веществе, но и косном, которое включает и космос, понимаемый как неживое вещество. Рамон-и-Кахаль одним из первых ученых установил такого рода взаимосвязь между организованностью космоса и структурой человеческого мозга.

Еще более репрезентативный вариант связан с тем, как структуры космоса проявляются в системе общественных отношений, в целом в моделях цивилизационного развития, которые могут быть названы цефализацией цивилизации. Представление о космической социологии может показаться несколько выходящим за рамки научного дискурса. Но здесь следует иметь в виду, что утверждение этого направления в системе общественно-гуманитарного знания связано с работами русских космистов, в том числе А. Л. Чижевского, обнаружившего взаимосвязь космоса и человеческой цивилизации на уровне воздействия Солнца на планетарный биологический и мировой исторический процесс. В данном случае целесообразно обратить внимание на религиозный и мистический русский космизм, для которого целостность Вселенной космической и Вселенной земной не подлежит сомнению и представляет собой аксиому для всех последующих размышлений. Отмеченные выше моменты свидетельствуют о том, что для представлений о цефализации ноосферы (цивилизации) сложились не только философские, но и общенаучные теоретические предпосылки. В философском дискурсе цефализация ноосферы раскрывается в контексте анализа структуры общественного (общечеловеческого, глобального, ноосферного) сознания: при этом структура сознания предполагает экспликацию типов, видов, уровней и сфер.

Особенности всемирно-исторического процесса показывают, что процесс цефализации ноосферы проходил и проходит в рамках достаточно сложных как трансформационных, так и катастрофических обстоятельствах. Проанализируем некоторые из возможных сюжетов подобия цефализации в биологическом смысле и цефализации в социальном (ноосферном) смысле. На первый взгляд, в этом случае мы находимся в рамках традици-

онного позитивистского подхода, ибо пытаемся перенести биологические закономерности на закономерности социального развития. Такой вариант эвристичен и продуктивен в силу многообразной эмпирической операциональности, но в той проблемной области, которая обозначена выше, необходима более сложная форма комплексности, чтобы получить новые репрезентативные результаты. Думается, что в этом случае требуется вся методологическая мощь русского космизма, чтобы нетривиальность такого рода подхода позволила установить корреляционную связь между развитием «живого вещества и интеллекта на планете Земля»⁵⁰.

История человечества показывает, что наиболее значимыми полушариями мозга ноосферы являются церковь (от организаций жрецов до современных тайных и явных конфессиональных форм) и университет (как форма светской организованности глобального знания в точках региональной презентации).

Церковь в истории человеческой цивилизации предстает как одна из самых первых форм цивилизационно-институциональной цефализации. Родовые формы социальной цефализации носили лакунный и фрагментарный характер. Используя метафору П. Тейяра де Шардена, можно было бы сказать, что «щепки» сознания-разума еще могли стать основой костров человеческой мысли. Процесс социальной цефализации интенсивно пошел именно с эпохи возникновения цивилизаций, именно тогда стали возникать устойчивые формы бытия сознания-разума, которые на протяжении нескольких тысяч лет совершенствовались в синкопическом ритмическом формате. Это напоминает совершенствование современных компьютерных форм в XX веке, прошедших большой путь эволюции за время жизни одного человека.

Церковь строит преимущественно образные (образно-поведенческие), а университет — вербально-логические (научные и общенаучные) реальности. Процесс взаимодополнения знания и сознания — формирования цельного знания — прояв-

⁵⁰ Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной экологии. Новосибирск, 2004.

ляется в явном виде в том, что для большинства университетов характерно наличие приуниверситетских храмов. На более высоком уровне реальности такая взаимодополняемость проявляется в единстве науки и религии. В этом контексте, следует сказать, что мозг современной ноосферы предстает, по меньшей мере, как четырехядерный процессор, в котором свои симультанные процессы осуществляют не только наука и религия, но и философия и искусство.

Цефализация ноосферы осуществлялась по формационному формату: для первобытного общества было характерно родоплеменное устройство разума: в нем работало не только мифологическое сознание, но и старейшинское обыденное сознание. Размышляя о процессах развития человека Вяч. Вс. Иванов утверждает: «Когда мы поем, это уже ноосфера, вынесенная за пределы нашего организма»⁵¹. Но решительный скачок в сферу ноосферной цефализации был связан с возникновением первых цивилизаций: формирование письменности и городской среды обитания было похоже на формирование тела аксона, которое было соединено с другими аксонами (городами-полисами) посредством «дорог-дендритов». В этой ноосферно-семиотической (коммуникационно-знаковой) системе отдельные люди выполняли функции обмена веществом, энергией и информацией как внутри города-полиса, так и по отношению к другим системам. Цивилизация выстраивает таким образом сложнейшую социально-семиотическую сеть, которая очень похожа на нервную систему, но именно так и начинается формирование психосферной и пневмосферной социально-нейронной системы. Скорость передачи энергии в этой системе определялась специфической тягловой (людской или животной) силой, именно так же передавалась и информация. Таким образом, специфика общественно-экономических формаций определялась не только системой производительных сил и производственных отношений (это своего рода внешние факторы — формы вещной видимости), но и спецификой обмена веществом, энергией и информацией в той или иной социально-экономической системе.

⁵¹ *Иванов Вяч. Вс.* Целесообразность человека // Новая газета. 2012. № 92. С. 21.

Специфика такого рода социально-культурной цефализации была напрямую связана с особенностями языкового взаимодействия: разговаривающие и разнопонимающие человеческие субстанции искали и находили способы коммуникации, обеспечивающие формирование Всеединства (в данном случае семиотического всеединства). В работах Вяч. Вс. Иванова показаны такого рода формирующиеся связи, в конечном итоге образующие семиотический универсум.

Семиотическая эффективность оказывалась важнейшим фактором выживания цивилизации, при этом наиболее действенными были простые жесткие механистические формы передачи информации. Хорошим примером для пояснения этого положения является организация татаро-монгольского войска, в которой «цепная семиотическая реакция» осуществлялась с наименьшими искажениями и высокой эффективностью. В такого рода системах «людской» семиотики на первое место выступают личностные факторы вождя, предводителя, военачальника: если качество «главы» (головы) системы оказывалось неадекватным, но эта система очень быстро вымирала. Пример Ал. Македонского хорошо показывает семиотическую эффективность идеальной системы с ведущим сильным звеном. Человек, обученный и воспитанный Аристотелем, своей исторической деятельностью показывает, что система с личностной организацией социальной цефализации осуществляет колоссальную по мощи цивилизационно-историческую работу. Именно по причине того, что естественная цефализация наиболее ограничена для биосферно-ноосферной системы такие формы как самодержавие, королевская и царская власть, не утратили своего значения для самосохранения общества в его самых высоких ценностно-мотивационных проявлениях.

Вместе с тем, оказалось, что в плане биологической эволюции такого рода семиотическая доминантность чрезвычайно уязвима либо по причине того, что наследственная передача власть оказывается генетически экстремальной (так закончилась царская власть в России в силу наследственного заболевания цесаревича Алексея), либо по причине того, что власть может легко оказаться в руках властителей, не обременённых тысячами семиотическими традициями (веками доказавшими

свою эффективность в сохранении социально-генетических и культурно-генетических программ). Тоталитарные режимы псевдodemократического толка (типа фашистских и нацистских) окончательно похоронили идею «одновластия» в силу того, что они вели национальные государственные (этнонациональные и информационно-семиотические) образования к катастрофам. Сжигание книг, насаждение одномыслия с помощью средств массовой информации, уничтожение интеллектуального и культурного цвета государства — ее интеллигенции (какой бы противоречивой по своей натуре она не была) — все это свидетельствует о ярко выраженной семиотической деградации, которая, в конечном итоге, приводит к разрушению самого общества.

Так на протяжении нескольких тысяч лет сформировались модели национальной цефализации, каждая из которых доказывала свою эффективность и приоритетность. Парадокс этого периода истории заключается в том, что отдельные этнонациональные образования хотели доказать свою «избранность» не столько силой ума и семиотическими ресурсами, сколько голой силой: в этих случаях законы истории ставили их на свое место. Военные интервенции в Россию в начале каждого столетия на протяжении последних пятисот лет свидетельствуют о том, что хитрый русский разум оказывался сильнее военно-силовой машины: можно было проиграть дебют, но когда игра переходила в эндшпиль, достаточных ресурсов для победы у агрессора не оказывалось.

Именно эта историческая закономерность — энергетика социально-семиотических структур — помогла СССР победить гитлеровскую Германию, но эта же особенность и привела к разрушению СССР в 1990-е годы. История России хорошо показывает, что семиотический потенциал предстает как основной ресурс выживания. К сожалению, нынешняя правящая каста не понимает этой важной исторической закономерности, навязывая ненациональные семиотические конструкции, размывающие идентичность, всегда спасавшую российское государство перед лицом внешней экспансии, какую бы модальность она не носила: военную, культурную, демографическую, экономическую, экологическую, нравственную или эстетическую.

В первой половине XX века совершается революция в системах социальной цефализации: телеграфные и телефонные средства связи, многочисленные транспортно-инфраструктурные пути сообщения, телевидение позволяют визуально-образно установить единый информационный универсум. В. И. Вернадский отмечал среди специфических особенностей формирования ноосферы именно средства связи на основе электричества. Неклассическая революция в науке обеспечила переход на принципиально иную стадию оразумления человеческой цивилизации на основе техно-электронной цефализации. Как показывают исследования историков и культурологов именно XX век стал веком становления совершенно нового уровня коллективного разума человечества, а значит и особой формы ноосферной цефализации. Предпосылки мирового правительства начали складываться именно в XX веке, хотя возникновение Лиги наций не предотвратило катастрофического развития событий, приведших к мировой войне, существование ООН показывает также очень скромные достижения мирового коллективного разума.

После второй мировой войны сложились не только система двух сверхдержав, но и система двух полушарий, которые в соответствии с геополитическим раскладом обозначались как СССР и США. Но для СССР, который только что выстоял в тяжелейшей борьбе против объединенной Европы, осуществлявшей агрессию против страны советов, противостояние с США оказалось предельно тяжелым. СССР в этой так называемой холодной, а на самом деле «комплексной войне», потерпел сокрушительное поражение. Тоталитарная семиотическая система оказалась не в состоянии противостоять «рыночной семиотике», хотя советская разведка (как система «потаённой семиотики») обеспечила СССР ядерный паритет и создала условия для временного равновесия. Когда Запад наконец-то осуществил принуждение России к миру и покорности, сделал ее своим неравноправным вассалом, фактически была восстановлена историческая закономерность противоборства Запада и Востока, прелюдией которого в XX веке случайно (или совсем не случайно) оказалась Россия, всегда выступавшая своеобразным медиатором прямого и открытого противостояния двух полушарий и двух суперконтинентов (Евразии и Панамерики). После того как «даманский инцидент» показал формальное и

фактическое противостояние СССР и Китая, Советский Союз оказался в состоянии войны на два фронта (в этом положении в свое время оказывалась Германия, которую спровоцировали на начало агрессии против Советской России). При этом очень важно, что сформировалась некая семиотическая триадность-паритетность: китайский, российский и западный семиотические универсумы оказались факторами цивилизационной дополнительности, в системе взаимодействий которых и будет очевидно выстраиваться новая семиотическая геополитика. Как считают некоторые специалисты, США, пытаясь столкнуть Россию и Китай, в некотором смысле просчитались, ибо в конечном итоге беспрецедентное ослабление и унижение России привело не к триадности, а к диадности — новому противостоянию двух сверхдержав — США и Китая. Россия вновь заняла свое — подобающее ей место — «мозолистого тела» планетарного мозга человеческой цивилизации, тем самым еще более отчетливо показывая действие принципа подобия в эволюционном процессе развития нервной системы и головного мозга и, соответственно, несовершенного, раздробленного, неоптимизированного информационно-семиотическими потоками коллективного разума человеческой цивилизации, в истории которого на протяжении тысячелетий утверждалась логика естественного отбора и борьбы за выживание, отвечающей больше биологической нежели социальной природе человека.

Глобальный семиотический универсум — важное изобретение человечества, обозначившееся уже во второй половине XX века, когда происходит утверждение глобальной социально-техносферной цефализации, которая связана с созданием всемирных телефонных сетей, а затем и всемирного интернет пространства. Весьма интересны сюжеты цефализации ноосферы в контексте вещественно-энерго-информационного развития техногенной цивилизации. Электрические линии создавались по проторенным железным и автомобильным дорогам, затем эти линии дополнились радио-линиями. Следующий шаг в цефализации был связан с системой беспроводной связи, которая в конечном итоге стала космической и, значит, глобальной. Образ земли стал похож на планетарную модель атома, в которой спутники выполняют функции электронов, формируется своеобразная спутниковая отражательно-зеркальная поверхность.

Несовершенство ноосферы современной человеческой цивилизации в значительной степени зависит как раз от несовершенства процессов социально-цивилизационной цефализации. В этом смысле интернет-цефализация как особый этап развития так же представляет собой предпосылку для дальнейшего развития универсальной всеобщей связи всех членов человеческого сообщества, но уже на принципиально новой, может быть совсем не техногенной, а биогенно-полевой субстанции, скорость передачи информации преодолевает ограниченность скорости передачи информации скоростью света. Такая, своего рода постнеклассическая цефализация, представляет собой завершение классического и неклассического этапов цефализации. История мировой науки свидетельствует о том, что всеобщая связь людей земли носит не только вещественный и энергетический, но и информационный характер. Он, в свою очередь, связан с телепатическими способностями человека. В. С. Солоухин в одном из своих произведений («Капля росы») высказал мнение, что у первобытных людей была телепатическая способность, а затем человек утратил эту способность за счет форм языка и письменности. Не следует признавать эту интуицию научно проверенной и доказанной идеей, но осмысление ее весьма продуктивно. Даже признавая неверицируемость этого положения, следует считать, что возможность подобной семиотической петли неслучайна, ибо человеческая природа бесконечна и разнообразна, т. е. безмасштабна.

Начнем с многочисленных примеров, которые показывают наличие социально организованных проекций цефализации, связанных с нетехногенными формами. Прежде всего, о таких формах свидетельствуют многочисленные религиозные верования: медитации, шаманизм, спиритические сеансы.

Пробыв несколько лет на Соловках, П. А. Флоренский совершает удивительное открытие, о котором немедленно сообщает В. И. Вернадскому. Очевидно, ученый был уверен в том, что письмо с этим открытием обязательно дойдет до адресата и станет достоянием научной общественности. П. А. Флоренский не смог донести до потомков учение о пневмосфере во всей его полноте: из опубликованных дневниковых и эпистолярных текстов, по крайней мере, это не следует, — но совершенно ясно, что он много думал над этой проблемой. Формирование концепции

пневматосферы есть результат многотрудного осмысления религиозной цефализации человечества. Церковно-храмово-монастырское пространство, очевидно, может быть рассмотрено как ярко выраженная институциональность цефализации.

Победа атеистического мировоззрения в России, связанная с господством государственнической религии в стране и постепенным утверждением положения о том, что «Бог умер», на достаточно продолжительный период времени затормозила все иные формы цефализации кроме научной, но сейчас имеется возможность осмыслить этот процесс во всей его полноте. Пример развития научной мысли в СССР при всех его противоречивых моментах следует понимать как материально-вещественную цефализацию, создавшую в течение очень короткого времени сложнейшую систему перетекания научной информации в библиотечных средах, в научно-исследовательских институтах и центрах, в разнообразных формах межличностной научной коммуникации. Следовало бы даже сказать, что именно эта форма и представляет собой идеальный тип социальной цефализации, если учитывать, что он оказался более эффективным, нежели более изощренные и по времени более продолжительные формы создания общечеловеческого религиозного сознания. Научные формы цефализации создали то, что не смогли сделать религиозные и философские — создать модели общечеловеческого характера. Именно по этой причине проблема цефализации человечества возникает на самом крутом — экспоненциальном — взлете эволюции человеческого разума, связанном с многообразными формами рационализма.

Научный модус цефализации в значительной степени носит уже не стихийный, а организационно-управляемый характер. Цели движения вперед известны и выстроены как цели достижимые в отличие от религиозных целей, которые не достижимы и как бы наперед неизвестны, точнее сказать — не поставлены, еще точнее — поставлены не самим человеком, а «силами над ним стоящими» и ему по каким-то причинам неведомыми. В значительной степени кризис современной цивилизации и связан с тем, что человечество само захотело устанавливать себе цели, которые могут иногда и не вплетаться в ход раз-

вития разума, а лишь отвечать телесно-материальной бытийно-антропологической сущности.

На определенном этапе развития отечественной и мировой антропологии утвердилось мнение о том, что биологическая эволюция человека подошла к своему завершению, что в значительной степени человек оказывается в русле социальной эволюции. Это методологическое положение в значительной степени использовано в данной статье, в частности в представлениях о социальной цефализации. Однако примеры детей индиго заставляют посмотреть на эту проблему с несколько иной стороны: перед нами пример антисоциальной эволюции, ибо человек учится выживать не столько благодаря, сколько вопреки некоторым проявлениям техно-социального прогресса. Первое обстоятельство связано с тем, что для детей индиго характерно обратно-попятное движение к утверждению примата (доминирования) образного правополушарного мышления, что в некоторой степени свидетельствует об опережающем отражении биосоциальной эволюции: для прорыва в новую человеческую формацию необходимо изменение человеческого качества, прежде всего на субстратно-сознанием уровне. М. Шелер в этом контексте говорил о «человеке религиозном», смысл которого следует понимать не в узком, а предельно широком значении этого понятия. Своя особая версия цефализации ноосферы может быть обнаружена в творчестве Д. Л. Андреева, который «мечтает об объединении в будущем всего человечества, независимо от расовых, национальных, политических, культурных и религиозных различий людей. Решающая ступень к достижению этой цели — создание великой федерации государств (ВФГ). Ей будет предшествовать международная лига преобразования сущности государства (ЛПСГ) со своими филиалами во всех странах...»⁵². При этом имеется возможность посмотреть на проблему более широко: цефализация ноосферы в контексте Розы Мира это сложнейшая организация более чем двух сотен слоев Шаданакара, дающих представление об устройстве «ноосферного мозга» планеты.

⁵² Платонов Г. В., Косичев А. Д. Проблемы духовности личности (состав, типы, назначение) // Вестник Московского университета. Серия «Философия». 1998. № 3. С. 26.

Современный этап человеческой эволюции предстает как формирование «космического человека», в известном смысле — человека ноосферного⁵³. Именно в процессе нового этапа цефализации и будет формироваться ноосферный человек.

Вторая особенность homo-индиго — сдвиги в организменно-адаптационной сфере: человек приучается все более жить в агрессивных условиях техногенной среды, отвечая в то же время на вызовы более совершенной в некоторых отношениях информационной среды, создаваемой в процессах компьютерной цефализации. Современный человек понимает способности своего мозга как компьютера (а еще раньше он понимал себя как машину) в соответствии с собственным социально-культурным несовершенством, но придет время, когда он поймет примитивность своих представлений о возможностях мозга и выйдет за пределы его компьютерно-математической репрезентации. Уже сейчас совершенно очевидно, что мозг обладает теми возможностями, о которых можно прочесть в священных книгах, но которые, в силу некоторых обстоятельств, еще не проявились в формулах ноосферной космической цефализации.

Пока человек не понимает своих еще не открывшихся, но, судя по всему, запрограммированных природой, способностей (избыточностей) для своего поставленного в повестку дня космического существования. Именно в этом смысле может быть и следовало бы говорить об открывающейся эре «космической цефализации», о которой предвидел в своих провидческих книгах К. Э. Циолковский.

Современное общество — не важно как его называть «капиталистическое», «потребительское» или «сверхпотребительское» — глубоко больное и предельно неэкологичное общество. В этом смысле цефализация обретает неожиданные формы: ее «космическое воление» оказывается сильнее, нежели материально-экономические процессы, задававшие в течение долгого времени не только понимание истории, но и ее реальное бытие. Цефализация в контексте вселенской истории может рассматри-

⁵³ Маленков А. Г. Ноосфера и человек ноосферы. М., 2009.

ваться как ее главный закон, как, говоря языком постнеклассики, аттрактор процесса самоорганизации в космопланетарной системе «Человек — Общество — Природа».

Вселенская история — это, по большому счету, и есть процесс биологической и социальной цефализации (т.е. тех форм, которые нам на сегодняшний день известны), но в ее ткань без сомнения вплетаются и формы ноосферной цефализации, которые известны нам пока не в полной мере — об этом свидетельствуют представления о Шамбале, о Розе Мира, о пневматосфере.

***Ноосферный поворот в истории человечества:
гетеротрофность, миксотрофность, автотрофность***

«Приземление» ноосферного мировоззрения — одна из важных задач современной ноосферологии как интенсивно развивающейся сферы интегративного знания. Оно, с одной стороны, связано с «демифологизацией» ноосферной теории, с другой стороны, оно предполагает установление живых, и еще только нарождающихся идей, находящихся на стыке естественных и гуманитарных наук. На наш взгляд, такая фундаментальная концептуальность в современной ноосферологии связана с экологическими представлениями об «автотрофности», миксотрофности и «гетеротрофности».

Философия автотрофности человечества берет свое начало в 1925 году, когда В. И. Вернадский пишет статью «Автотрофность человечества»⁵⁴. Ее появление поистине спонтанно. Какая мысль породила столь кардинальный поворот — задача тщательного биографического исследования. Но эта идея лишь отчасти вписывается в логику развития французской или немецкой философской антропологии, интенсивно развивающихся в это время.

Эта статья В. И. Вернадского знаменует собой радикальный поворот в антропологии: совершается теоретический выход в новую эволюционную фазу развития человечества, о которой мало кто думал с научной точки зрения и которая свидетельствует о безграничных возможностях космической человеческой

⁵⁴ Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Вып. XVI. М., 1980. С. 228—245.

эволюции. На наш взгляд, эта главная идея («автотрофности человечества») сформулирована В. И. Вернадским в следующей форме: «Пользуясь непосредственно энергией Солнца, человек овладеет источником энергии зеленых растений, той формы её, которой он сейчас пользуется через посредство этих последних как для своей пищи, так и для топлива»⁵⁵.

В § 169 XX главы «Живое вещество биосферы Земли как планетное явление» В. И. Вернадский подробно анализирует представления немецкого физиолога И. Пфеффера об автотрофности и гетеротрофности (1860); обращает внимание на доказательство русским микробиологом С. Н. Виноградским автотрофности железобактерий⁵⁶; отмечает что, «все больше и больше выясняется существование промежуточной группы — миксотрофных организмов, которые используют для пищи готовые соединения хлорофильных растений или с ними неразрывно связанных животных и в то же самое время обладают способностью синтезировать независимо от зеленой растительности сложные органические соединения»⁵⁷.

Проблема автотрофности оказалась чрезвычайно многогранной. В каждый период она представала какой-то одной отдельной стороной, поэтому ее принципиальная мировоззренческая значимость затенялась. Философское осмысление дерзновенности открытия Вернадского для судеб развития человечества пришло несколько позднее.

В работах Э. В. Гирусова, В. П. Казначеева, А. В. Трофимова, по сути дела, поставлен вопрос о теоретической статусности представлений об автотрофности человечества. В XX веке, утверждает Э. В. Гирусов, «человек стал супергетерофом»⁵⁸, что и привело к глобальным проблемам современности. «Ключевым звеном в решении этой проблемы является обретение людьми свойства автотрофности, благодаря которому они смогут не раз-

⁵⁵ Там же. С. 241.

⁵⁶ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1987. С. 217.

⁵⁷ Там же. С. 218.

⁵⁸ Гирусов Э. В. «Автотрофность» как новая парадигма социального развития // Реалии ноосферного развития. М., 2003. С. 47.

рушать биосферу, а включиться в процессы поддержания и сохранения ее...»⁵⁹.

В. П. Казначеев и А. В. Трофимов переносят эту проблему в предельно широкую масштабность: «возникновение человеческого разума являет новую стадию автотрофности. Эта автотрофность состоит в том, что человек в силу своего интеллектуального, все более глубокого познания естественно-природных качеств и свойств начинает использовать минеральные ресурсы, ресурсы, связанные с энергетическими источниками в новом варианте. Он оказывается уже не тем автотрофом первого рода..., он представляет собой *социальный организм планеты*, организм, который эволюционирует за счет всех известных социальных организаций, культур, духовности, государственных машин и т.д., все более становясь планетарным организмом нового типа»⁶⁰. Весьма существенно, что авторами, несмотря на скепсис в отношении роли философии, подчеркивается философское измерение размышлений об автотрофности человечества: «Генеральный принцип отечественной и международной космогонии в XXI в. требует сформулировать целеполагание как главную цель автотрофности человечества...»⁶¹.

Складывание философии автотрофности человечества связано в значительной степени с тем, что в отечественной литературе сложились основные парадигмы понимания идей В. И. Вернадского об автотрофности человечества: космическая, земная (глобальная, планетарная) и «человеческая», космоантропоэкологическая и био-автотрофно-космическая.

Глобальная (социальная, общественная) автотрофность, судя по количеству публикаций, в настоящее время самая популярная. Думается, что это связано с переосмыслением в 1980—90-е годы возможностей человечества по быстрому освоению космоса, с пониманием, что уничтожение планеты техногенным «развитием» станет фактом быстрее, нежели человечество вы-

⁵⁹ Там же. С. 50.

⁶⁰ Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск, 2004. С. 23.

⁶¹ Там же. С. 28.

берется из своей колыбели. Наиболее апробированной и глубоко теоретически осмысленной, на наш взгляд, является парадигма, сложившаяся на основе космопланетарной антропоэкологии⁶².

В XX веке появляются осмысленные формы автотрофной истории человечества. Их теоретико-мировоззренческое, экономико-экологическое и социально-политическое обоснования связаны с разработкой теории устойчивого развития, хотя в действительности — это несколько иная — ноосферная — модель видения мира. Проблема ноосферного обоснования автотрофности человечества — это одна из самых глубоких и переломных мыслей В. И. Вернадского. Он, как позволяют проследить источники, работал над ней в течение четверти века. Истоки этих размышлений видны уже в 1920 году, когда он осознал, что ему суждено сказать человечеству «что-то очень важное». Затем, в 1925 году он сформулировал главную идею — автотрофности человечества, в дальнейшем — в течение двадцати лет мыслитель работал над учением о переходе биосферы в ноосферу, которое в самых главных идеях было представлено в знаменитых книгах «Научная мысль как планетное явление» и «Химическое строение биосферы Земли и её окружения». В последней книге В. И. Вернадский постоянно говорит о том, что он более детально проанализирует процесс рождения ноосферы, но, к сожалению, это желание не было осуществлено в той мере, в которой ученый хотел бы это сделать. Эта сторона наследия великого мыслителя разрабатывается в мировой науке уже после его кончины.

Критика техногенной гетеротрофности весьма существенный факт философской рефлексии эпохи современного развития. Следует признать, что в каждый момент исторического времени находились персоны, которые «подвергали сомнению» выбранный «короткий» путь цивилизационного развития. Надо всегда иметь в виду, что образ поезда, на всех парах несущегося в пропасть, который в последние десятилетия предстает как «самосбывающийся прогноз» и «проклятие безумного человечества», имеет оборотную семиотическую сторону — образ самолета, который должен набрать скорость для того, чтобы взле-

⁶² См.: Там же.

теть. Скорость взлета человеческой цивилизации всегда неразрывно связана с антропологической, социально-экономической и эколого-биосферной ценой, остается лишь пытаться осмыслить насколько предопределено такое «ресурсо-накопительное дерзание», похожее на модель внутриутробного развития (а также на трехступенчатость ракеты, выводящей на околоземную орбиту содержание космического корабля).

Последнее десятилетие свидетельствует о расширении интереса к «автотрофной философии» как в социально-философском, так и деятельностно-практическом форматах. Об этом говорит интенсивный категориальный поиск — появление терминов «общественная автотрофность», «социальная автотрофность», «ноосферная автотрофность»⁶³. Социально-философский анализ проблем автотрофности порожден не только нарастанием сложности клубка глобальных проблем современности (это «объективная причина» актуальности), но и тем субъективным обстоятельством, что за двадцать последних лет мировоззрение русского космизма обрело такую полноту и целостность, которую трудно было ожидать за столь короткое время. Лакуна «социальной автотрофности» и «общественной автотрофности» оказалась свободной и быстро осваивается в последнее время.

А. Д. Московченко, анализируя проблему общественной автотрофности в контексте современного видения мира, пришел к выводу о том, что человек автотрофный (он весь в будущем) будет наделен такими качествами как автономность (суверенность), оптимальность (самодостаточность) и гармоничность (естественность)⁶⁴. Такие же качества должна приобретать и рождающаяся деятельностью автотрофного человека культура.

Существенно значимы, на наш взгляд, некоторые выводы автора, касающиеся «мировоззренческих и методологических достижений В. И. Вернадского»: «1. Человечеству был предло-

⁶³ См.: Жульков М. В. Философские проблемы ноосферного развития: коллективный разум и социальная автотрофность: Автореф. дис. канд. филос. наук. Иваново, 2010.

⁶⁴ Московченко А. Д. Автотрофность: фактор гармонизации фундаментально-технологического знания. Томск, 2003 С. 170.

жен реальный путь спасения и выживания: фундаментально-стратегический проект обновленного человечества на путях автотрофности. 2. В качестве эволюционного механизма приобщения человечества к Космосу выступает автотрофность как антиэнтропийный, самоорганизующийся и самоуправляемый биогеохимический процесс»⁶⁵.

В. П. Казначеев сформулировал очень важную идею в развитие философии автотрофности человечества: «Автотрофность — это еще и функция интеллекта, и космического разума, и спинорно-торсионных полей, и солитонно-голографических механизмов в каждой клетке нашего организма»⁶⁶. В этой мысли виден зародыш представлений о ноосферной автотрофности. Ее более широкий контекст может быть связан с идеей В. П. Казначеева о «реакции Прометея» — возможности зажечь внутренний огонь духа. Из высокого соприкосновения П. Тейяра де Шардена (говорившего о кострах человеческого духа) и В. И. Вернадского (сформулировавшего представление о биогеохимической и культурной биогеохимической энергии) в известном смысле следует «теория двух огней», которая показывает две рубежные точки — «огонь горения вещества» и «огонь горения духа», которые соответствуют эрам гетеротрофности и автотрофности в истории человечества.

В. И. Вернадский был, очевидно, первым, кто попытался поставить проблему автотрофности в контексте исторического (геологического) развития человечества. Как следует из традиционных антропологических подходов, переход человечества к социальной гетеротрофности начинается с изобретения огня. Прометей, принесший человечеству огонь, как известно, был сурово наказан богами. Понимание смысла наказания, возможно, приходит только сейчас, ибо именно по итогам XX века становится ясным, что энергетическая модель исторического процесса человеческой истории завязана именно на этот гетеро-

⁶⁵ Москвиченко А. Д. В. И. Вернадский, русский космизм, автотрофность, перспективы // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 8. С. 235.

⁶⁶ См.: Казначеев В. П. Ноосфера В. И. Вернадского это автотрофность человечества. Available from URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0203/001a/02030010.htm>.

трофный поворот. Конечно, надо понимать, что физические процессы (молнии, естественное самовозгорание в условиях высоких климатических температур) в логике самоорганизации биосферы запускают процессы огнепорождения и горения, но именно человек, вооруженный «огненными» и «горениевыми» технологиями включается в гетеротрофную гонку, занявшую несколько миллионов лет.

Не случайно в философии истории сформировалась «энергетическая модель человеческой истории», в рамках которой были предложены этапы энергетического восхождения цивилизации. Энергия горения древесины, энергия «лошадиной силы», энергия воды и ветра, энергия пара и электрическая энергия — все это, в конечном счете, есть формы разворачивающейся планетарной человеческой гетеротрофности.

Лишь в XX веке эта тенденция смогла быть теоретически осмыслена, и в силу этого оказалось возможным осуществить не только теоретическое понимание альтернативности, но и практическое освоение геологической стратегии автотрофности. Дело в том, что появление атомной энергии поставило экологическую мысль в состояние амбивалентности: трудно было понять какого рода энергетический процесс перед нами. С одной стороны, это не гетеротрофность, ибо энергия отнимается не от биосферы, а с другой стороны, уже через короткое время становится ясным, что это антибиосферный процесс, который, как и все гетеротрофные процессы, подлежит ревизии в условиях формирования автотрофной цивилизации (или, как говорил В. И. Вернадский, автотрофного человечества). Представление о гетеротрофном человечестве столько же теоретически продуктивно, как и представление об автотрофном человечестве, ибо в этом случае мы обнаруживаем не только геологические, но и экологические интерпретанты для выстраивания интерпретаций глобальной философии истории.

Таким образом, можно построить продолжение традиции автотрофной философии истории в формах, адекватных чрезвычайной сложности человечества, вступившего в третье тысячелетие своей вселенской истории. Рассмотрение актуальных проблем автотрофности человечества приводит к выводу о том, что в невидимой нише оказалась вся совокупность проблем миксотрофности современного человечества, а именно в этой пред-

метной области находятся самые трудные не только теоретические, но и прикладные проблемы развития.

Человечество в XX веке пошло по пути своего рода «техно-социальной» автотрофности, связанной с атомной энергией. Вплоть до настоящего времени проблема атомной (термоядерной) энергетики рассматривается как самый реальный способ решения проблемы сохранения биосферы и преодоления глобальной энергетической проблемы, которая становится одной из самых острых. Вместе с тем, следует признать, что перед нами — своего рода «псевдаавтотрофность» человечества: экологии убедительно показали губительные последствия превышения меры радиоактивности для биосферы. В некотором смысле автотрофность может рассматриваться как предельная экологичность этологии и праксиологии человека и человечества.

Насколько можно судить все существующие способы уйти от супергетеротрофности («поедания» и «проедания» биосферы) связаны с многообразными формами промежуточных форм выживания и жизни — миксотрофности. Всестороннее рассмотрение форм миксотрофности современного человечества — очень широкая тема, над которой следует думать уже не только философам. Именно «техносферная интеллигенция» обеспечивает возможности совершенствования миксотрофности, можно сказать ее прогресса, изменение пропорции между гетеротрофностью и автотрофностью человечества.

Миксотрофность современного человечества: реалии ноосферного перехода

В отечественной литературе достаточно широко обсуждается проблема автотрофности человечества⁶⁷, которая впервые

⁶⁷ Гирусов Э. В. «Автотрофность» как новая парадигма социального развития // Реалии ноосферного развития. М., 2003. С. 46—51; Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск, 2004; Московченко А. Д. Философия автотрофной цивилизации. Проблемы интеграции естественных, гуманитарных и технических наук. Томск, 2010; Янишина Ф. Т. В. И. Вернадский о проблеме автотрофности человечества // Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. Л., 1989. С. 121—131.

была поставлена в статье В. И. Вернадского в 1925 году⁶⁸. Философия автотрофности оказывается в настоящее время весьма продуктивной парадигмой осмысления системности глобальных проблем современности и путей их разрешения, перевода тенденций развития современного человечества с гетеротрофного на автотрофный лад⁶⁹.

В течение трехвековой технической революции человек превратился в супергетеротрофа⁷⁰, и только сейчас начинает всерьез понимать глобальные проблемы, которые вызваны логикой интенсивного развития техносферы. Техносфера, как сфера функционирования техновещества⁷¹, занимает все более доминирующие позиции, что позволяет утверждать некоторым современным ученым, что биосфера переходит в техносферу.

В. И. Вернадский, формулируя представления об автотрофности человечества, видел интенсивно идущие процессы технизации, но утверждал, что возникновение автотрофного позвоночного и автотрофности человечества — главная тенденция развития человечества. Вплоть до настоящего времени проблема атомной энергетики рассматривается как самый реальный способ решения проблемы сохранения биосферы Земли и преодоления глобальной энергетической проблемы.

Во второй половине XX века в условиях экономического противоборства двух экономических систем и двух геополитических сверхдержав начала складываться неклассическая (своего рода «техно-социальная») «автотрофность» человечества, связанная, с одной стороны, с попытками создания «искусственной» пищи в многообразных проявлениях, а, с другой стороны, — с обеспечением техногенного развития человеческой цивилизации с помощью атомной энергии. В этом проявилась не-

⁶⁸ Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Биогеохимические очерки. М.-Л., 1940. С. 47—58; Vernadsky W. L'autotrophie de l'humanité // Revue générale des sciences. 1925. № 17/18. P. 495—502.

⁶⁹ Смирнов Г. С. Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 1(3). С. 78—93. Available from URL: http://glonoos.com/wp-content/uploads/Smirnov_G_article.pdf.

⁷⁰ Гирусов Э. В. «Автотрофность» как новая парадигма социального развития // Реалии ноосферного развития. М., 2003. С. 46—51.

⁷¹ Баландин Р. К. Область деятельности человека: Техносфера. Минск, 1982.

зависимость человечества от углеводородных ресурсов. В течение нескольких десятилетий наблюдался быстрый рост этой неклассической автотрофности.

Вместе с тем, следует признать, что это, скорее, «псевдо-автотрофность». Чернобыль, а затем Фукусима, ставят под вопрос перспективность «атомной» автотрофности человечества. Учеными была поставлена задача создания мощных источников термоядерной энергии: в этом случае человек создал бы «солнцеподобную» энергию, однако до настоящего времени эта сложнейшая техническая задача не решена. Такое технозамедление развития реализации неклассической автотрофности человеческой цивилизации привело к тому, что ставка была сделана на развитие гелиоэнергетики. Таким образом обнаруживает себя «вторая коперниканская революция»: человечество с трудом осознает, что главными становятся не накопленные (солнечные) ресурсы биосферы Земли, а актуальная солнечная энергия, запускающая не только биогеохимические, но и культурные биогеохимические процессы в планетарном масштабе.

Приходит время нового этапа — этапа постнеклассической автотрофности человечества, связанной с поисками непосредственного использования солнечной энергии вне контекста биосферных медиаторов, фиксирующая максимум экологичности этологии и праксиологии человечества.

В российской традиции идея автотрофности связывается с именем В. И. Вернадского. Но при этом следует признать, что естественнонаучные и техногенные предпосылки нового энергетического формата человеческой цивилизации в значительной степени связаны с именем А. Эйнштейна, описавшего фотоэффект. Таким образом, энергетическая альтернатива — атомная или солнечная энергия — разрешается в процессе ноосферной транзитивности. Человеческий разум в его планетарных формах научается своего рода правильному энергетическому мышлению и сознанию, решает конкретные задачи нахождения оптимальных пропорций соотношения разнородных форм энергии для эффективного материального и духовного развития информационно-космического человечества.

Современный человек пользуется не только калькуляторами на солнечных батареях, но создает автомобили, которые

используют для своего движения только солнечную энергию. Естественно, что такого рода изобретения по всем параметрам уступают современной «гетеротрофной» технике, но исходные, пробные образцы всегда являются лишь формами аттракторов будущего движения. На этой основе, очевидно, в ближайшие десятилетия будет формироваться новая не гетеротрофная, а автотрофная техносферность, которая будет более соответствовать биосферно-ноосферному устойчивому развитию человечества. Не исключено, что уже в ближайшее время наряду с естественными лесами могут вырасти леса техноавтотрофные, которые будут собирать и перерабатывать естественную солнечную энергию в электрическую энергию, что обеспечит еще один из возможных способов разрешения ноосферно-биосферных проблем современной цивилизации.

Самый сложный вопрос автотрофно-ноосферного развития, на наш взгляд, связан с военно-промышленной супергетеротрофностью. В этом случае речь идет о необходимости планетарного перехода от «геополитического эгоизма» к «глобальной коллективности». Трудно верится в то, что такого рода социально-политические и общественно-экономические условия ноосферного перехода сформируются без кардинальной ломки современной супергетеротрофной экономической системы, но в условиях нахождения цивилизации в точке бифуркации, порой, невозможно отличить эволюционный переход от катастрофического скачка. Автотрофно-ноосферная революция, на пороге которой находится современная цивилизация, повелительно стучится в двери быстро демографически меняющего человечества.

Насколько можно судить все существующие способы уйти от парадигмы «поедания» и «проедания» биосферы связаны с многообразными формами промежуточных форм выживания и жизни — миксотрофностью современного человечества. Вся современная химия в ее значительном объеме является хорошим примером такой миксотрофности: химическое производство осуществляет разнообразные способы создания все более сложного органического вещества из неорганического или органического вещества. Экстраполяция развития человечества из его гетеротрофности (и супергетеротрофности) к будущей автотрофности человечества в действительности предполагает ос-

мысление конкретности процесса такого ноосферного перехода, который связан с многообразными моделями миксотрофности современного человечества.

К числу фактов прямого использования энергии Солнца для организма человека следует отнести многообразные формы «загара»: человек осуществляет простые и предельно сложные формы *усвоения* солнечной и космической энергии, включая любование восходом и заходом солнца. Не менее значимы и многообразные проявления вегетарианства и религиозных постов в истории человечества: большинство религий целенаправленно приучают человека к духовно-органической автотрофности. Но только сейчас проблема автотрофности человечества вышла с антропологического уровня на цивилизационный, и по этой причине в отечественной литературе обозначили себя идеи «автотрофной цивилизации»⁷².

Философия автотрофности человечества заставляет кардинально переосмыслить суть человеческого бытия и планетарной истории. Использование актуальной энергии солнца для организации жизни человечества предполагает понимание того факта, что гетеротрофная история человечества как особый, но очень важный, период — завершается. Солнечная и космическая энергия, накопленная на Земле за миллиарды лет, обеспечила в определенный момент времени колоссальный рывок в эволюции человечества. Социальная эволюция была бы невозможна без трансформации огромного количества энергии в информацию, в настоящее время свернутую в человечестве. Теперь начинается новый этап — человек, посредством информации научился генерировать энергию, которая в свою очередь осуществляет структурирование вещества: именно так в настоящее время реализуется основной ноосферный закон по И. В. Дмитревской⁷³.

Человек осуществляет производство огромного количества энергии, которая поддерживает биогеохимический и куль-

⁷² См.: *Московченко А. Д.* Философия автотрофной цивилизации. Проблемы интеграции естественных, гуманитарных и технических наук: Учебное пособие. Томск, 2010.

⁷³ *Дмитревская И. В.* Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново, 1997. С. 20.

турный биогеохимический ток атомов, говоря языком В. И. Вернадского. В условиях интенсивного развития информационного общества запущен интенсивный процесс самопорождения информации, который, в конечном итоге, раскроет не только косвенные, но и прямые пути освоения солнечной и космической энергии.

Обзор состояния проблемы актуализации автотрофности человечества приводит к выводу о том, что современное человечество находится на промежуточной стадии многообразных форм миксотрофности. Стратегия миксотрофности современного человечества, пока в должной степени не отрефлексированная, отчетливо видна не только в поведении людей, которые в рамках религиозных учений (или вне их) осуществляют сложнейшую борьбу за индивидо-личное движение через миксотрофность к «ограниченной» или «органической» автотрофности», но и в деятельности крупных политических деятелей современности (в частности, президента США Б. Обамы и канцлера Германии А. Меркель, осуществляющих государственную поддержку затратных проектов в области гелиоэнергетики).

Своими научными и философскими исканиями В. И. Вернадский заложил основы не только козволюции, но и кореволуции человеческого сознания, сформулировал главные идеи автотрофного «коперниканского переворота», философии автотрофности как вселенской человеческой самодостаточности. Утверждая эволюционную идею о появлении нового человека как автотрофного позвоночного, он, тем самым, открыл научное измерение понимания постпланетной человеческой эволюции, завершив эпоху разнообразных форм антропоцентризма (человеческого, национального, социального и даже техносферного). Человечество в третьем тысячелетии оказалось на пороге не только формационного, но и антропо-автотрофного рывка, вытекающего из действия антропного принципа, утверждающего вселенскую размерность человека и его сознания.

Начало третьего тысячелетия открывает новую эпоху в развитии человеческой цивилизации: в ситуации «ядерного самоуничтожения» борьба за природные, экономические, человеческие и информационные ресурсы становится все более изощренной и бескомпромиссной. Одновременно с этим, челове-

ство подходит к рубежу, за которым оно должно существовать как единое и взаимосвязанное целое или не сможет существовать вообще, разрушая биосферную устойчивость в безудержной погоне за экономическим процветанием, игнорируя процветание экологическое.

В каждую новую историческую эпоху (вне зависимости от формационного или цивилизационного понимания истории) человечество осознанно или неосознанно решает определенную ноосферно-рационалистическую задачу технологического, экономического, экологического, антропологического или культурного преобразования общества. Последние триста лет происходит экспоненциальное техноразвитие с увеличением количества техно-вещества и усилением зависимости человека, общества и биосферы от глобальной техносферы. Фактически перед нами процесс планетарного перехода биосферы в техносферу⁷⁴ — первый и самый напряженный этап развития человечества, о котором в рамках учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу⁷⁵ сказано предельно широко с указанием на положительные и негативные пути развития будущего.

Для В. И. Вернадского существенно важным было нарисовать общую картину развития мира в контексте планетного развития научной мысли и становления автотрофного человечества⁷⁶, поэтому его теоретические миропостроения касаются в значительной мере перспектив нескольких столетий, может быть всего наступившего тысячелетия. Такие соображения ставят задачу посмотреть на ноосферное будущее человечества в более практическом плане. Важно увидеть за возможностью техно-коллапса синергичные точки бифуркации, кардинально меняющие человеческое качество⁷⁷ и дающие возможность выхода на стратегические траектории собственно ноосферного развития, к которому разобщенное человечество и экономиче-

⁷⁴ Баландин П. К. Ноосфера и техносфера // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 107—115.

⁷⁵ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

⁷⁶ Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Вып. XVI. М., 1980. С. 228—246; Вклад В. И. Вернадского в развитие человеческой цивилизации М., 2013.

⁷⁷ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

ски, и социально, и экологически, и образовательно, и культурно, и информационно еще не готово.

Реалии ноосферного развития в третьем тысячелетии чрезвычайно противоречивы⁷⁸. Современная ноосфера, как утверждают некоторые ученые, больше похожа даже не на техносферу, а на «какосферу»⁷⁹ и против этого в глобальном контексте трудно возразить. Однако именно сейчас рождаются и осуществляются проекты, позволяющие увидеть тенденции ноосферного перехода. К такого рода «научно-рационалистическим проектам» относится создание системы альтернативной энергетики, единого управленческо-организационного органа (ООН), планетарной университетской образовательной сети, планетарного информационного пространства.

Задача третьего тысячелетия в общем виде была сформулирована Н. Н. Моисеевым на основе учения В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу в формуле «рациональное общество»⁸⁰, превратившейся, в конечном итоге, в современной ноосферологии в формулу «ноосферное общество». Очевидно, современность станет эпохой формирования ноосферного человечества. На этом трудном пути естественно будут зигзаги и неожиданные повороты, но философия истории, рассматриваемая в контексте научной мысли как планетного явления, дает возможность думать о будущем человечества именно в этом направлении. Ноосферная история человечества⁸¹ как процесс коэволюции многообразных институциональных форм человеческого индивидуального и общественного сознания (коллективного разума), о чем и написана «семиотическая книга» В. И. Вернадского, только сейчас становится видна для теоретического мышления

Одним из первых, кто в общей форме сформулировал мысль о глобальной общественной собственности, очевидно, был К. Маркс, рассматривавший формационное развитие чело-

⁷⁸ Реалии ноосферного развития. М., 2003.

⁷⁹ Заварзин Г. А. Антипод ноосферы // Вестник Российской академии наук. 2003. Том 73. № 7. С. 627—636.

⁸⁰ Моисеев Н. Н. Универсум. Общество. Информация. М., 2001.

⁸¹ Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново, 2012.

вещества в социалистической перспективе, понятой его современниками и ближайшими последователями в достаточно узком формате политической экономии и социологии. В действительности, коммунистический пафос К. Маркса и Ф. Энгельса в их понимании планетарного развития более фундаментален. Он предполагает поиск и нахождение сложных социально-рационалистических форм управления планетарной общечеловеческой собственностью постепенно консолидирующегося человечества. Думается, что именно в таком предельно широком смысле марксистское наследие понималось В. И. Вернадским, и именно поэтому происходило естественное сближение концептов «коммунизм» и «ноосфера» в работах некоторых отечественных ученых и философов, в том числе и статьях Н. П. Антонова⁸². Глобализация марксистского наследия, происходившая в XX веке в социально-политическом ключе в рамках строительства так называемого социалистического лагеря, получает иное измерение — средовое, экологическое и биосферное. «Биосферный коммунизм», получивший в последнее время в нашей стране название «ноосферный социализм»⁸³, — одно из важных мировоззренческих направлений развития современного человечества.

Наступает новая — космопланетарная — эпоха фундаментальной философии истории, которая определяется не столько геополитическим и экономическим противостоянием капиталистического и социалистического укладов современного миропорядка, сколько кооперативностью действий стран мира в решении глобальных проблем современности. Монополистическое капиталистическое управление планетарным человеческим потенциалом вступает в противоречие с динамикой формирования нового человеческого качества, становится все менее вероятным в силу того, что на смену экономического императива развития человечества, который господствовал в рамках так называемых эксплуататорских формаций, приходит ноосферный, или эколо-

⁸² Антонов Николай Павлович. Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003.

⁸³ Субетто А. И. Ноосферный социализм как форма бытия ноосферного человека. СПб., 2006.

го-антропологический, императив. В рамках этого императива формируется новое автотрофное человечество, о котором В. И. Вернадский впервые заговорил в 1925 году.

Как же начнет формироваться новое автотрофное человечество, мало похожее на старое «околоавтотрофное» (традиционалистское) общество, функционировавшее в рамках естественного биосферно-планетарного кругооборота вещества и потоков биогеохимической энергии? Какие этапы включает в себя процесс медленного постепенного перехода от гетеротрофности (развитая техногенная цивилизация) к миксотрофности (современное постиндустриальное общество) и, наконец, к автотрофности?

Представление об автотрофности может служить важным основанием для «этапизации» ноосферной истории. С точки зрения антропологических процессов (организмическая характеристика), показатель восхождения ноосферной истории — это цефализация и сапиентация. С точки зрения биосферного развития (средовая характеристика), — движение от биологической и техногенной гетеротрофности к миксотрофности и, затем, — автотрофности человечества.

Общеизвестно, что начало человеческой истории связывается в значительной степени с мифом о Прометее — с принесением огня в человеческую историю. Существующие теории цивилизационного развития давно подметили эту важную черту, дающую возможность энергетического истолкования скачков в развитии человеческой истории. Обычно выделяют эпохи использования человеческой и животной энергии, энергии воды и энергии пара, электрической и атомной энергии. С точки зрения трофической теории, все выше перечисленные виды энергии (за исключением атомной энергии) так или иначе замыкаются на исходные формы солнечной и космической (в узком смысле) энергии. Как показывает анализ типов поведения человека и человеческих сообществ можно выделить два типа трофического поведения людей и их сообществ. Первый условно назовем расточительным, второй — аскетическим. Даже учитывая значительную трудность применения объяснительных процедур к такому несколько странному делению, следует признать, что это весьма важный показатель, завязанный на многообразные религиозные и бытовые формы жизни человека.

Каждая культура имеет свою особую пропорцию расточительности и самоограничения, которая связана с особенностями гео-географического и социо-культурного порядка: чем труднее условия выживания, проживания и добывания, чем сильнее стремление к духовному развитию и религиозному пониманию связи с природной средой обитания, тем эффективнее формируются качества бережности и бережливости человека и социальной группы. Все, что человек «берёт», он обязан «беречь»: не случайно, например, в староверческой традиции сложилась особая игра под названием «Беру и помню», трудно поддающаяся объяснению или интерпретации. Процедура этой игры связана с совместным разламыванием вилочковой куриной косточки: при этом заключается договор о том, что любой взятый предмет у другого игрока сопровождается словами «беру и помню». В этой связи хорошо проявляется смысл «четвертого закона Б. Коммонера» — «за все надо платить»: человек (человечество) должно хорошо помнить, что оно берет у природы, и как должно расплачиваться за взятое под честное слово.

В течение долгого времени родовое человечество жило в этом бережливом формате, характерном для традиционалистских, медленно развивающихся обществ, в которых, как видно из истории, формируются духовные системы высокой степени со-природности и со-вселенскости. Постепенно формируются развитые «автотрофно-ориентированные» и «гетеротрофно-ориентированные» модели человеческого поведения.

Однако, бережное со(социо)природное бытие в эпоху взрыва техногенного развития резко сменилось на расточительное антиприродное бытие, характеризующееся стремлением «пропустить через себя» как можно больше энергии, что, в конечном итоге, привело к появлению особого типа общества — общества «массового потребления», завязанного на вещный (в сущности «мусорный») поток, который все менее вписывался в биосферный круговорот.

Отметим, что природа огня из мифа не совсем понятна: даже если это огонь носит не биосферное, а космическое происхождение, то, как показывает история, человек начинает свое огненное восхождение, используя энергетические ресурсы биосферы как для питания и приготовления пищи, так и для обогрева

ва жилища. «Древесная» энергия в течение тысячелетий была основным источником прогрессизации человечества и до настоящего времени остается важным энергетическим рудиментом в организации жизнедеятельности человека, особенно в таких ее реликтовых формах как сидение около костра или камина, процедуры лучинного и шишечного «самоварства» и угольного «шашлыкования». «Древесная энергия близкой доступности» постепенно стала дополняться «древесной энергией дальней доступности» — углем, нефтью и, наконец, газом (т.е. инверсированными — депонированными формами древесной энергии). В связи с этим в новое время наступает новый — экстенсивный, техногенный — этап развития цивилизации. Итогом стали глобальные проблемы современности в том виде, в котором они обнаружили себя во второй половине XX века.

Вхождение в третье тысячелетие обнаруживает ярко выраженную миксотрофную динамику: это касается не только переориентации развитых стран мира на альтернативные виды энергии, но и героической попытки выйти из «паразитическо-гетеротрофного» развития России на миксотрофную стратегию прохоровского «ё-мобиля», к сожалению, закончившейся, будем надеяться, временной, катастрофой.

Мир вступил в эпоху смены парадигм. Гипертрофированное гетеротрофное расточительство, которое привело к огромному количеству глобальных проблем постепенно должно быть вытеснено векторами разнообразных проявлений миксотрофности и автотрофности. Эта ориентация включает в себя две составляющие — человеческую и техногенную склонность к автотрофности. И та и другая связаны с сокращением звеньев между собственно солнечной и конечной потребляемой энергией. Примером тому служит вегетерианство, как определенная форма отхода от «философии хищника», формировавшейся тысячелетиями в условиях естественного отбора и человеческого выживания.

К числу биоподобных форм электроавтотрофности может быть отнесено и электронное дерево. Человечество всегда заимствовало у природы формы подобию, так было с самолетом, с подводной лодкой, роботом, в еще большей степени такое стремление присутствует в архитектуре. Всеобщий мимесис может рассматриваться как особая форма коэволюционного раз-

вития человечества, которое не должно исключать себя из целесообразности природы. Наоборот, оно должно пытаться всеми путями и способами оставаться в организованности биосферы и универсуме бого-природной реальности. Современные солнечные панели и ветряные мельницы весьма далеки от сложных природных форм, хотя и у них есть свои природные аналоги. Общеизвестно, что особые условия выращивания экзотических растений на Соловках связаны с депонированием солнечной энергии скальными породами, которые под слоем почвы накапливают тепло и создают более благоприятные условия для произрастания теплолюбивых растений.

Социально-автотрофная архитектоника должна идти по путям экологической биоподобной архитектуры. Такие возможности предоставляют современные нанотехнологии, позволяющие создавать наподобие «новогодних искусственных елок» искусственные деревья, работающие на фотоэффекте и вырабатывающие электрический ток. Подвижные листья на «электронных деревьях» могут обладать значительно большей площадью поверхности, и не исключено, что несколько таких деревьев в дополнение к «крышным» поверхностям дома дадут возможность электрического самообеспечения для значительного числа отдельных домов, расположенных на территориях с большим световым потоком. Особенно важно в этом смысле то, что производство энергии может осуществляться распределено, в так называемой шаговой доступности. (Такой проект мог бы быть реализован в Крыму, который В. И. Вернадский рассматривал как особую, уникальную зону человеческого развития.) Очень важно, что не будет разрушаться и эстетическая составляющая близкой к человеку окружающей среды, а «электронные деревья» вполне могут соседствовать с деревьями обыкновенными. Их использование возможно по этой причине в самых эстетически ценных ландшафтах.

Применение нанотехнологий в дальней перспективе позволит использовать «навешенные» на обыкновенные листья графеновые сетки для сбора электрической энергии непосредственно в процессе фотосинтеза на обыкновенных деревьях. В процессе функционирования «*e*-деревьев» будут ликвидированы все промежуточные тепловые («сжигающие») звенья, имеющие место сейчас для производства электроэнергии на те-

пловых станциях). Такая «автотрофная революция первого рода» станет самым существенным шагом в ноосферном развитии. Весьма вероятно, что уже через несколько десятилетий появятся автотрассы для путешествия троллей-мобилей, которые смогут подзаряжаться от массивов «электронных деревьев», в том числе и в процессе движения. Важно, чтобы Россия могла стать в этом «общем автотрофном деле» столь же важным игроком, каким она является сейчас в деле производства атомной энергии, от которого ноосферное человечество вынуждено будет отказаться в силу предельных экологических издержек.

Древовидная форма био-электрических «е-деревьев», производящих фото-электрическую энергию, может быть использована для получения ветровой электроэнергии. В этом случае целесообразно использовать не структуру лиственных деревьев, а конусную структуру ели. Известно, что еловые ветки располагаются слоями, поэтому в ветровом «е-дереве» для каждого слоя ветвей может быть использован свой электродвигатель, а конусность кольцевых слоев ветвей будет создавать особую тягу снизу вверх, как это имеет место в турбине ракетного двигателя. Естественно, что такого рода «древо-электрические турбины» могут быть небезопасны и в экологическом плане, но в условиях России с ее большими территориями возможны контролируемые эксперименты на довольно значительных охраняемых территориях.

Для России в XX веке вообще характерны стремления к автотрофному (точнее сказать, миксотрофному) получению энергии — например, гидроэлектростанции (ГЭС) самые распространенные формы неуглеводородной энергетики. Конечно, энергия воды напрямую не производна от энергии солнца, но это означает, что современные формы получения энергии могут обладать разной степенью и мерой автотрофности. Советская история дает много примеров такого рода социо-культурных коллизий. Именно в условиях личностного и народного аскетизма в советской России были осуществлены самые передовые технологические проекты, что обозначает, что прорывные эпохи осуществляются напряжением коллективного сознания и жизненным порывом коллективного разума. Для современной России, преодолевающей в очередной раз соблазн инокультурного искушения, приходит период нового этно-осевого времени. Последнее связано с

ориентацией на ноосферное развитие, сущностными характеристиками которого являются новые человеческие качества и автотрофные дерзания в соответствии с основным ноосферным законом «информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество», сформулированным И. В. Дмитриевской. Новое структурирование планеты предполагает изменение приоритетов развития с гетеротрофных на автотрофные, в усилении процессов перехода биосферы в ноосферу взамен интенсивно идущих процессов перехода биосферы в техносферу, историческая эпоха техногенного гетеротрофного развития уходит, а ей на смену идет био-техногенная автотрофно-ориентированная эпоха, чему мы и являемся в настоящее время свидетелями.

Таким образом, следуя идеям В. И. Вернадского, историю человечества следовало бы подразделить на следующие большие этапы: гетеротрофное человечество эпохи примитивных техно- и энерго- формаций, супергетеротрофное человечество⁸⁴ эпохи высоких технологий индустриального общества, миксотрофное человечество эпохи современного человечества, пытающегося с помощью современных NBICS-технологий уйти от биосферного коллапса, и автотрофное человечество, для которого древнеегипетские «РА-верования» станут новой космопланетарной формой бытия единого человечества, научившегося совместно и рационально использовать общие ресурсы планеты Земля.

Становление автотрофного человечества, о котором размышлял В. И. Вернадский, еще долгое время будет находиться в переходной стадии движения к автотрофности, но этот процесс уже сейчас набирает быстрые темпы. Это дает возможность надеяться, что человечество нашло способ выйти из кризисного техногенного развития, которое должно будет восприниматься в качестве особой флуктуации на пути предельно ускоренного развития человечества в условиях соревнования двух достаточно противоречивых систем, которые обычно называются капиталистической и социалистической, но которые в действительности предстают как «материально-расточительная» и «духовно-аскетическая» эпохи в ноосферной истории человечества.

⁸⁴ Гирусов Э. В. «Автотрофность» как новая парадигма социального развития // Реалии ноосферного развития. М., 2003. С. 46—51.

***Тектонические сдвиги в глобальном сознании:
ноосферный императив этиологии человека⁸⁵***

В системе современного глобального сознания (которое включает в себя научное глобальное, экономическое глобальное, экологическое глобальное, демографическое глобальное, правовое глобальное и т. д. сознание) глобальное техносферное сознание не привлекает особенного внимания исследователей. Причиной тому, судя по всему, — материально-экономическая парадигма осмысления технических и технологических процессов мировой динамики. Считается, что техника сама по себе предстает в качестве особой «промыслительной» функции современного человечества, которое играет в разрушительную игру под названием «техносфера против биосферы». Особое внимание в современной отечественной философской литературе обращено на техническую и технологическую картину мира, на структуру и функции техносферы, но ментальная и духовная стороны технореальности оказываются в тени знаниевых подходов современной философии науки и техники.

Вместе с тем отчетливо видно, что в последнее столетие — столетие мировых войн — отчетливо обнаруживают себя войны техносферных сознаний стран и народов. Во второй мировой войне обнаруживает себя не просто схватка научных, но и в значительной степени техносферных сознаний воюющих государств — прежде всего европейского техносферного сознания и российского (союзного) техносферного сознания. В битве под Прохоровкой эти техносферные сознания столкнулись с предельным ожесточением: полные технологических новинок «тигры», показывающие технические преимущества европейской цивилизации, столкнулись с изощренностью народных военных технологий водителей быстроходных «тридцать четверок», которые, избежав лобового столкновения, пробивали боковую броню немецких танков. Войны технических умов ученых воюющих стран, дополнялись технологической народной смекалкой, получивших в советской стране хорошее техническое образование людей. Этот пример говорит о сложной структуре

⁸⁵ Написано в соавторстве с Д. Г. Смирновым.

техносферного сознания и его человеческого качества: соревновательность научных школ и низовое народное изобретательство оказались важными элементами в совершенствовании и развитии не только регионального, но и глобального техносферного сознания. В конечном итоге, во второй половине XX века именно разнонаправленные глобальные техносферные сознания оказались главными агентами многочисленных геополитических столкновений современности.

Техническая и научно-техническая элита в XX веке стала самым большим и самым влиятельным отрядом того социального слоя, который иногда называют интеллигенция, а иногда интеллектуалы. Техносфера по своей энергетической мощи оказалась сравнимой с биосферой и биосферными процессами⁸⁶, более того, техносфера фактически объявила войну биосфере, а в конечном итоге, и ноосфере рубежа XX—XXI веков. Техномышление подавило природно-биосферные интенциональности экологического мышления. По этой причине техносферное мышление и техносферное сознание оказались преимущественными факторами социально-антропологического развития последнего этапа индустриального (потребительского) общества. Технократизм стал ведущей парадигмой осмысления космопланетарной реальности в эпоху начала космической эры, а процессы дегуманизации и расчеловечивания начали доминировать не только в искусстве, но и во всех остальных сферах человеческого бытия. Образ техночеловека и постчеловека стал главным героем информационно-компьютерной революции.

Ноомахии⁸⁷ проявили себя, в том числе и в столкновениях глобальных техносферных и технологических сознаний: СССР в течение долгого времени вел не только оборонительные, но и наступательные действия в геополитических (горячих и холодных) войнах техносферных сознаний. Большую роль в успешном соперничестве играла советская наука, вобравшая в себя богатый опыт российской дореволюционной культуры: Советская Россия показала свою атеистическую техно-сциентистскую ориентацию в

⁸⁶ Баландин Р. К. Техносфера: область деятельности человека. Минск, 1982.

⁸⁷ См. например: Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М., 2014.

борьбе с религиозным сознанием народных масс, но одновременно с этим создала условия для организации беспрецедентно широкого и эффективного образования народа и обеспечения развития прорывных научных направлений⁸⁸.

Особое значение высокое техносферное сознание приобретает в современную эпоху социальной конвергенции и гибридных (фактически инфо-техносферных) войн. Глобальное техносферное сознание формируется на основе современных информационных технологий, сетевых транснациональных структур и интернет-ресурсов. В основе техносферного (доминантного в наше время) сознания, подчинившего себе все без исключения сферы человеческой самореализации, лежит экспоненциально развивающееся научное сознание, поэтому для выживания любого геополитического субъекта, любой страны самостоятельное развитие науки является приоритетным⁸⁹. Опыт развития интеллектуального и духовного потенциала страны показывает, что изъятие из среды техносферного сознания носителей интеллигенции, которое осуществляется в России в последние два десятилетия, изымание из научного развития национальной интеллектуальной и интеллигентской традиции ведет к деградации не только культурного (духовного) сознания, но девальвации целостного техносферного сознания. Голый глобализм техносферного сознания «золотого миллиарда», его антибиосферная направленность в значительной степени обеспечивается амбивалентностью управленца-интеллектуала — «очень белого воротничка» постиндустриальной эпохи, образцом которого являются современные российские «эффективные менеджеры», сознательно или бессознательно наносящие серьезный урон ноосферной безопасности страны.

Начало XXI века — период очередного всплеска интереса к ноосферной проблематике. Связан он, прежде всего, с онтологизацией тех феноменов и процессов, о которых в середине XX века говорил В. И. Вернадский, и о которых уже в конце прошлого столетия размышлял Н. Н. Моисеев. Опережающее научное отражение В. И. Вернадского, соединившее историю

⁸⁸ См.: *Малинецкий Г.* Наука: уроки победы // *Завтра*. 2015. 30 апреля. С. 7.

⁸⁹ См.: *Вернадский В. И.* Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

биосферы и историю научной мысли, через более чем 50 лет «синхронизировалось» с современной с картиной мира. Философия сознания и ноосферы⁹⁰ — одно из старейших направлений внутри ноосферологии, исследующее формы взаимодействия идеального и материального, субъективного и объективного, духовного и телесного в рамках перехода биосферы в ноосферу. Современная историческая картина мира претерпевает кардинальные изменения. Новейшая история человеческой цивилизации в ее глобальном и локальном измерениях все отчетливее проявляет свой катастрофический лик⁹¹, становится все более конфликтогенной. Системный кризис, смысл которого был удачно раскрыт Н. Н. Моисеевым для России еще в 1998 году⁹², разросся до планетарного масштаба. Перспективы его разворачивания уже в 2012 году убедительно продемонстрировал Д. Медоуз⁹³, прогнозируя неизбежность социоприродного коллапса. Алармизм, все более набирающий обороты в мировом научном сообществе⁹⁴, является, скорее, радикальной формой прагматического осмысления исторического процесса западноевропейской наукой. Справедливости ради отметим, что в зарубежной традиции имеют место и «нейтральные» модели глобальной истории⁹⁵.

Современная отечественная философия истории, ориентируясь на западные аналоги, тем не менее, предлагает, и собственные оригинальные историософские концепции — синергети-

⁹⁰ Антонов Николай Павлович. Философия сознания и ноосферы. Иваново, 2003.

⁹¹ Смирнов Г. С. Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 2. С. 74—92.

⁹² Гурова Т., Медовников Д. Не вижу людей, с которыми можно разговаривать [Интервью с академиком Н. Н. Моисеевым] // Эксперт. 1998. № 24 (141). С. 77—79.

⁹³ Костина Г., Оганесян Т. Мало не покажется [Интервью с Деннисом Медоузом] // Эксперт. 2012. № 16. С. 62—66.

⁹⁴ Ponting C. The Green History of the World: The Environment and the Collapse of Civilizations. New York: Penguin Books, 1993.

⁹⁵ Christian D. Maps of Time: An Introduction to Big History. Berkeley and Los Angeles, 2011; Spier F. Big History and the Future of Humanity. Oxford, 2011; Stokes B. C. Big History: From the Big Bang to the Present. New York, 2007.

ческого историзма⁹⁶, глобального историзма⁹⁷; универсальной истории⁹⁸, глобальной истории⁹⁹, информационной истории¹⁰⁰ и некоторые другие, различающиеся структурной онтологией и методологией. Подробный перечень направлений современного историософского дискурса и их сравнительный анализ представлен в фундаментальном труде Л. П. Репиной¹⁰¹.

Применение к анализу глобальной истории универсального подхода¹⁰², эвристичность которого хорошо продемонстрирована в социально-философских и философско-культурологических трудах Х. Ортега-и-Гассета¹⁰³ и теолого-философских штудиях П. Тейяра де Шардена¹⁰⁴, позволило ввести в научный оборот термин «ноосферная история», обладающий предельно выраженной концептуальностью, которая превосходит структурные и субстратные подходы к истории; раскрывает важнейшее системообразующее свойство истории как сверхсистемы, ибо задает в качестве информационно-семиотического концепта системы истории разум (дух, сознание) в его индивидуальных и коллективных формах¹⁰⁵.

Разработка философских оснований ноосферной истории выводит исследовательский поиск на целый ряд общенаучных проблем, размышление над которыми приоткрывает «оборот-

⁹⁶ Бранский В. П., Пожарский С. Д. Глобализация и синергетический историзм. СПб., 2004.

⁹⁷ Шестова Т. Л. Глобальный историзм и его роль в развитии знаний об обществе: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва, 2011.

⁹⁸ Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М., 2004.

⁹⁹ Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М., 2003.

¹⁰⁰ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М., 2000.

¹⁰¹ Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

¹⁰² Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998.

¹⁰³ Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М., 1991.

¹⁰⁴ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.

¹⁰⁵ Смирнов Г. С. Смирнов Д. Г. Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3. № 1. С. 21—28; Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново, 2012.

ную сторону» истории, то есть историю реальности, а не действительности. В первую очередь, она позволяет уйти от бинарной модели материалистического и идеалистического понимания исторического бытия. Положения бытие определяет сознание (когда материальные условия бытия определяют общественное и индивидуальное сознание) и сознание определяет бытие (когда механизмы и принципы организации картины мира переносятся на действительность) в значительной мере редуцируют, упрощают «живую жизнь» современной истории. Наиболее адекватной формой выражения исторической детерминации становится, на наш взгляд, тезис «сознание опережает бытие», т.е. формирует разнообразные модели адаптации индивидуального и коллективного сознания к реальности.

В этом контексте новое звучание обретает, например, явление физической синхронизации, открытое 1665 году Христианом Гюйгенсом. Очевидно, идея нидерландского ученого может быть экстраполирована и на социальную форму движения материи. Более того, принцип своеобразной «социальной» мог бы быть рассмотрен в качестве основного принципа развертывания ноосферной истории. В действительности, с эпистемологической точки зрения, ноосферная история предстает как история субъект-объектной синхронизации, взаимоподстраивания человека под мир и мира под человека. В самом широком плане принцип социальной синхронизации раскрывается в современных глобализационных процессах формирования единого человечества. Открытым остается вопрос о самом механизме такой синхронизации: на разных уровнях он должен быть различным. Что же касается синхронизации индивидуального поведения, то здесь ведущую роль играет, на наш взгляд, психологический фактор.

Думается, можно говорить о двух типах или моделях истории в контексте системно-синергетического и универсумно-семиологического подходов. Первая модель — запаздывающая биосферная история, а вторая — опережающая ноосферная история. Первая подчиняется принципу отрицательной обратной связи, когда компенсирующая реакция возникает после того, как произошло рассогласование структур и элементов социальной системы. Вторая основывается на принципе опережающего от-

ражения П. К. Анохина и предполагает умение заранее готовиться к внешним воздействиям, жизненно важным для дальнейшего существования.

Вопрос о принципиальной асинхронии истории¹⁰⁶ заставляет задуматься в целом о принципах исторической детерминации. Очевидно, что наряду с формами «вещественной (фактологической) детерминации» в истории работают и формы «качественной (семиотической) детерминации. М. Б. Туровский по этому поводу пишет следующее: «...в истории Земли содержательное время ее развития протекает не как непосредственная преемственность событий, но как процесс, преемственность движения которого опосредована живыми организмами. Именно это обстоятельство является, на наш взгляд, содержанием понятия биогосферы В. И. Вернадского»¹⁰⁷. На наш взгляд, именно порожденные этой опосредованностью сознаниевое торможение и сознаниевое опережение определяют уникальность механизмов детерминации, проявившихся в эпоху «великих информационных открытий». В этом, думается, как раз и заключается роль субъективного фактора перехода биосферы в ноосферу, о котором в свое время писал Н. П. Антонов.

Формирование функций торможения и опережения на уровне индивидуального и коллективного сознания предопределило возможность перехода в анализе исторических фактов от сигнальной модели к знаковой (символьной). Исторический факт постепенно теряет в современном историческом дискурсе «сигнальность» как смысловую однозначность, закрытость и обретает при этом принципиальную «знаковость» как многозначность, или смысловую открытость¹⁰⁸. В этом же дискурсе актуализируется проблема соотношения своего рода «коннотативной истории» (истории с комментариями) и «денотативной истории» (истории без комментариев). Вопрос не в том, какая история лучше, ибо человек есть субъект, как раз коннотатив-

¹⁰⁶ См.: Смирнов Д. В. «Синхрония» и «диахрония» как категории теоретического обоснования истории: социально-философский аспект: Автореф. дис. канд. филос. наук. Иваново, 2011.

¹⁰⁷ Туровский М. Б. Предыстория интеллекта. Избранные труды. М., 2000.

¹⁰⁸ Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008.

ной истории, что успешно реализуется посредством СМИ и медийного пространства. Вопрос в том, каковы семиотические — гносеологические, аксиологические и праксиологические основания деконнотации истории, очищения исторической реальности от оболочки действительности.

История как открытая семиотическая система становится, возможно, менее четкой, не укладывающейся в привычные схемы формационного или цивилизационного подходов, линейные, циклические, спиральные модели развития, зато приобретает реальную возможность быть понятой человеком «как она есть на самом деле». В последние годы философия сознания интенсивно развивается как в нашей стране, так и за рубежом. Однако, методологические подходы к осмыслению феномена сознания как фактора детерминации («mind determination») достаточно различны. Для западной традиции характерны когнитивные приоритеты, для российской модели понимания — универсумные (синтетические) доминанты. В последние годы совершенно очевидно, что государственная власть сталкивается со значительными трудностями «европеизации» российского общества. Архетипический строй русского народного сознания на протяжении столетий привык испытывать властное насилие, но всегда находил способы элиминирования «неумного насаждения» и «неумного делания». Так было в эпоху «раскола», так было в эпоху петровских преобразований, так было в эпоху после русской революции 1917 года. Расколы в сознании являются самыми трагическими сюжетами российской истории, за ними обычно следуют катастрофы политического, социального и экономического характера.

Сознание оказалось самым «консервативным» фактором в процессах дегуманизации и расчеловечивания, сопротивление насилием в значительной степени оказалось способом когнитивной адаптации к формам инокультурной военной и невоенной экспансии. Историческое развитие в контексте «семиотического» и «умственного» детерминизма для каждой страны и каждого народа имеет свои специфические особенности: экология насилия над сознанием этно-национальных субъектов имеет свои пределы и свои институциональные формы. К сожалению, разработка проблем «меры толерантности» и «меры инвазивно-

сти» в модернизации и саморазвитии (коэволюции) сознания находится в самом начальном состоянии.

XX век можно по праву считать самым бифуркационным в истории человечества, самым неоднозначным в оценке. Академик В. И. Вернадский во время II Мировой войны рассматривал его через призму философского реализма как эру интенсивного перехода биосферы в ноосферу¹⁰⁹. Лидер Римского клуба А. Печчеи в 1970-е годы предложил оптимистическую концепцию революции «человеческого качества»¹¹⁰. Академик Н. Н. Моисеев, некоторое время спустя, стоя на позициях оптимистического пессимизма, соотнес будущее цивилизации с «экологическим императивом»¹¹¹. Д. Медоуз в своих алармистских прогнозах связал рубеж XX и XXI веков с «точкой невозврата» в развитии человечества¹¹². Непреходящее внимание научной общественности к будущему человечества демонстрирует, с одной стороны, обеспокоенность направленностью этой фьючерной истории, а, с другой, — рост значимости субъективного фактора в эпоху бытийных трансформаций.

XXI век — эпоха интенсивной трансформации глобального сознания человечества. Эта когнитивная динамика связана прежде всего с экспоненциальным ростом массива информации, который, несмотря на свою противоречивость и амбивалентность, раскрывающуюся в рядоположенности «массы разума»¹¹³ и «разума массы», синергично выстраивает новые приоритеты общечеловеческого развития. Такие ментальные флуктуации происходят даже вопреки тому, что СМИ подчас пытаются дезориентировать обыденное глобальное сознание, обретающее значительный вес в условиях девальвации различных форм образования. К числу такого рода «странных аттракторов» социокультурной динамики относится экологическая этика, весьма быстро перерастающая в «ноосферную этику».

¹⁰⁹ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.

¹¹⁰ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

¹¹¹ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М., 2000.

¹¹² Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М., 2007.

¹¹³ Брагин А. В. Проблема «массы разума» и устойчивость развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 2. С. 59—67.

Философия и связанная с ней система «трёх "Э"» — экологии, этики и эстетики — сталкивается с проблемой универсального понимания сложных коллизий процесса перехода биосферы в ноосферу, который мировым сообществом иногда понимается как трансформация биосферы в техносферу. Нравственное поведение человека в ноосфере значительно более сложная социально-духовная задача, нежели поведение человека в обществе, ибо между ними выстраивается пространство не только региональной, но и глобальной экоэтики (эта последняя более точно может быть определена как биосферная этика). Если понимать ноосферу как сложную систему (сверхсистему) геосфер — биосферы, техносферы, социосферы, антропосферы, культуросферы, информацииосферы — следует признать, что в каждой из них есть свои сложные аксиологические регуляторы, складывавшиеся в течение достаточно длительного времени. Насколько возможна коэволюция сферных процессов и, соответственно, сопряжение их императивов-аттракторов, покажет уже ближайшее (ближнее) будущее, но осмысление такого рода синтетических процессов на теоретическом уровне требуется уже сейчас.

Современное техносферное сознание в течение нескольких десятилетий успешно подавляет многообразные личностные и групповые формы экологического (биосферного) сознания. Лишь отчасти это относится к персональному экологическому и валеологическому сознанию, которое отчетливо понимает специфику рыночного насаждения разрушительных тенденций, заточенных под слабости человека эпохи массового потребления. В этой связи очень важно понять, как осуществляется подавление биосферно-ноосферных ценностей, носящих статус жизненно-важных для выживания человеческой цивилизации.

«Первый глобальный алармизм» относится к периоду активной деятельности Римского клуба. Тогда, в 1960—70-е годы, точкой бифуркации считалось начало XX века. «Второй глобальный алармизм» условно можно соотнести с периодом «всемирных саммитов по устойчивому развитию» (1992, 2002). К сожалению, совместные усилия мирового сообщества эпохи зеленых революций и экологизации мирового производства соз-

дали прецедент лишь торможения техногенных экстремумов, но не создали предпосылок предотвращения надвигающейся глобальной катастрофы.

Новую точку бифуркации в современном развитии человечества многие западноевропейские ученые (в том числе и, один из идеологов Римского клуба Д. Медоуз) относят к середине XXI века, описывая ее в апокалипсических тонах. Российский математик и эколог академик Н. Н. Моисеев в этом контексте приближение кризисной эпохи развития человеческой цивилизации рассматривает через призму экологического и ноосферного императивов¹¹⁴. Лингвист и антрополог Вяч. Вс. Иванов, смотря на ситуацию глазами «человека XXII века», также утверждает приоритетность ноосферных ориентиров для будущего планетарного человечества, но уже в рамках действия семиотического принципа, или императива¹¹⁵. Подобная точка зрения отражает постепенно утверждающуюся тенденцию развития российского общественного и даже продвинутого государственного сознания, которую можно было бы определить как ноосферную. Следует сказать, что, как это часто бывает, в точке смены парадигм происходит усиление прямо противоположных тенденций, которые как бы испытывают на прочность усиливающееся новое. Но эта агония старого не должна вводить в заблуждение относительно его преходящего характера. Русское общество (а может быть и весь славянский этнос), как показывает народная история, всегда было ориентировано на различные формы императивизма, связанные, как правило, не с правовой, а с нравственной стороной общебытия. Эта традиционная, вырастающая не из социального запрета, а из социального мутуализма, форма сознания оказывается единственно адекватной для создания когнитивных предпосылок становления глобальной экоэтики с учетом современных реалий.

Оригинальную модель императивистского подхода к современной цивилизации предлагает Л. В. Лесков. Суть его концепции, ориентированной на синергетическую методологию, заключается в следующем. Он рассматривает возникновение

¹¹⁴ *Моисеев Н. Н.* Человек и ноосфера. М., 1990.

¹¹⁵ *Ivanov Vyacheslav.* Towards Noosphere // *Candles in the Dark. A New Spirit for a Plural World.* Manchester, Seattle and London, 2002. P. 187—205.

периодических структурных кризисов как «неустранимое свойство динамики самоорганизующейся системы». Формой предотвращения разрастания этих кризисов является «комплекс стабилизирующих критериев», или императивов, который «определяет условия устойчивости рассматриваемой модели нооиндустриальной цивилизации, а также требования к процессам эволюционного перехода к этой модели»¹¹⁶. Автор предлагает называть эти императивы «ноэтическими». Ноэтический императив, согласно Л. В. Лескову, включает в себя такие императивы, как императив когерентности, экологический императив, интерактивный императив, космический императив, императив толерантности, императив духовности, антропный императив, императив глобального мышления, императив соборности и антиутопический императив¹¹⁷. По мнению исследователя, «ноэтические критерии следует рассматривать как инструмент снятия тупиковых сценариев. При обращении к этим критериям традиционная постановка вопроса "что делать?" утрачивает смысл. Теперь вопрос ставится иначе: "чего не делать?". Поэтому ноэтические критерии имеют смысл правил запрета тупиковых эволюционных паттернов и соответственно определения разрешенного коридора действий, обеспечивающих минимальный риск выхода на эволюционные сценарии, далекие от оптимума»¹¹⁸.

В центре внимания наших размышлений находится ноосферный императив как концепт глобальной экоэтики. В данном случае под концептом мы понимаем системообразующее свойство этологии человека, т.е. такое предписание, которое задает определенный вектор остальным «стабилизирующим критериям». Как мы видели выше, перечень этих критериев — достаточно пространный и может быть при необходимости расширен. Мы позволим себе сосредоточить внимание на общечеловеческих «кодексах», таких как гуманистический, нравственный, экологический, семиотический, экзистенциальный, венчаемых ноосферным императивом.

¹¹⁶ Лесков Л. В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М., 2003. С. 234.

¹¹⁷ Там же. С. 235.

¹¹⁸ Там же. С. 238–239.

В перечне названных нами императивов уже прослеживается определенная логика. Ее можно визуализировать следующим образом. В фундаменте этой виртуальной пирамиды лежат гуманистический, нравственный и экзистенциальный императивы. *Гуманистический императив* — всегда относиться к Другому как к самому себе. *Экзистенциальный императив* — выбор всегда должен соотноситься с путем жизни (созидания), а не смерти (разрушения). *Нравственный императив* — всегда относиться к Другому как к цели и никогда как к средству. Центральным звеном этого этажа системы выступает экзистенциальный императив, который актуализирует (притягивает к себе) с одной стороны, гуманистический, а с другой, — нравственный. Императив выбора заставляет их работать в направлении определения координат персоналистического поведения, ориентированных, прежде всего, не на пережитый личный опыт, а на формулу отношения к безусловному началу. Определяющая роль экзистенциального императива задается тем, что он табуирует абсурд в действиях человека и общества. Иными словами, он выполняет функцию предохранителя человечества от неверного выбора, который может обречь последнего на «сизифов труд». Именно экзистенциальный императив требует оптимизма в современной футурологии, веры в «выходимость» из любых ситуаций. В контексте ноосферного подхода экзистенциальный императив задает особые пространственно-временные координаты ситуации выбора — координаты везде-вечности, лишаящие хронотоп «здесь и сейчас» рационального обоснования.

Следующий этаж пирамиды занимают экологический и семиотический императивы. *Экологический императив* — степень максимально допустимого вмешательства человека в экосистемы должна быть такой, при которой экосистемы сохраняются для последующего поколения. *Семиотический императив* — знак должен быть настолько адекватен среде его обитания, насколько среда адекватна функционированию и развитию этого знака¹¹⁹. Их объединяет сущностно инвайронментальный

¹¹⁹ Смирнов Д. Г. Семиосознание в эпоху глобализации: семиотический императив ноосферной реальности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: «История. Философия. Психология. Педагогика». 2006. Вып. 2. С. 63.

характер, выстраивающий правила отношений организма и среды. При этом в подсистеме «Природа — Общество» ведет семиотический императив, в ее инверсивном варианте «Общество — Природа» первую скрипку играет экологический императив. На этом уровне имеет значение уже интерперсоналистическое поведение, предполагающее сложную систему столкновения правил и кодексов названных императивов в рамках подсистемы «Человек», через которую проходят потоки вещества, энергии и информации между подсистемами «Природа» и «Общество». Единство персоналистического и интерперсоналистического измерений общественного бытия задается через основной моральный закон (отношение): «всегда относиться к благу общества как к первичной цели, к благу личности — как конечной цели, а к их единству — как к высшей цели»¹²⁰.

Основной моральное отношение, перенесенное из социального контекста в социоприродный, формирует ноосферный императив, являющийся вершиной анализируемой пирамиды. Он может быть сформулирован следующим образом: благо ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) — высшая цель, благо индивида — конечная цель, единство ноосферного блага и блага человека — абсолютная цель¹²¹.

В завершении этого умозрительного моделирования заметим, что сконструированная нами пирамида может читаться и «кверху ногами», учитывая различие исторического и логического подходов. Очевидно, правилом, наиболее подходящим для анализа этой системы, может служить формула «все связано со всем». Особенность этой пирамиде задает инвариантность основания (фундаментальных императивов), которое, в свою очередь, определяется спецификой конкретно-исторического развития. Иными словами, каждая культура вольна самостоятельно выбирать «ведущий» императив, которому «подчиняются» остальные.

Современное человечество стоит у колыбели новой — информационно-ноосферной — картины мира и новой парадиг-

¹²⁰ Гумницкий Г. Н. Основы этики. В 2-х ч. Иваново, 1992. Ч. 1 С. 21.

¹²¹ Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы / Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 1. С. 45.

мы глобального коэволюционного сознания человечества¹²². Отличительная черта этой постнеклассической парадигмы заключается в том, что в ней место системообразующего свойства социоприродной системы занимает информация, тогда как в предшествующие эпохи оно было отдано энергии или веществу. В биосфере основную роль играет энергия, в то время как в ноосфере главенствующей становится информация. В рамках современной ноосферологии для описания механизмов и принципов функционирования планетарной цивилизации существует универсальный ноосферно-семиотический закон, раскрывающийся в дополнении основного ноосферного закона и основного семиотического закона, управляющих взаимодействием трех компонентов — веществом, энергией и информацией.

В формулировке И. В. Дмитриевской основной ноосферный закон гласит: «информация генерирует энергию, а энергия структурирует вещество»¹²³. Он «работает» не только при положительной валентности исходной информации, если она по своей структуре негативна, то происходит разрушение целостности элементов системы. Сама формулировка закона «беспристрастна», этически и экологически «нейтральна»; она может быть подана как в конструктивном (информация генерирует энергию, энергия изменяет или создает вещество), так и в деструктивном ключе (информация генерирует энергию, энергия разрушает вещество). Анализ основного ноосферного закона позволяет заключить, что одной из особенностей становящегося ноосферного (эколого-ориентированного) человечества может стать его умение отбирать или должным образом трансформировать отрицательную информацию в положительную, косную в живую.

Основной семиотический закон может быть сформулирован следующим образом — «вещество разветвляется в энергию, энергия распаковывается в информацию»¹²⁴. Смысл этого закона заключается в том, что «вещество в своем развитии реализуется

¹²² Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник РАЕН. 2003. Т. 3. № 1. С. 57-64.

¹²³ Дмитриевская И. В. «Тимей» Платона: миф о Живом космосе // Ноосферная идея и будущее России. Иваново, 1998. С. 29.

¹²⁴ Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008. С. 103.

во все более сложных и тонких формах энергии, в конечном итоге — в биогеохимической энергии разума жизни и культурной биогеохимической энергии разума, то есть разумной жизни. Культурная биогеохимическая энергия созидает новые предметы искусственной среды, которые являются знаками, способными к отражению, свертывающимися для человека информацию»¹²⁵.

В результате возникает своеобразный знаково-символический круговорот, описываемый универсальным ноосферно-семиотическим законом, который захватывает человека и раскручивает его информационном вихре. Методологическая дополнительность двух законов позволяет понять значимость не только процесса распредмечивания (закключающегося в генерировании смысла, связывающего вещество и информацию), но и процесса опредмечивания (отвечающего за реализацию этого смысла, связывающего информацию и вещество). Именно в рамках этих процессов возможна смена «знака», положительной/отрицательной валентности информации. Человек одновременно как семиотический приемник, дешифратор, кодировщик и передатчик превращает негативную информацию, считанную с изменившего вещества, в позитивную, которая, в свою очередь, генерируя энергию, реструктурирует вещество в направлении точки «Омега».

Набирающая темпы глобализация человеческой цивилизации создает предпосылки для формирования ноосферного сознания¹²⁶ и соответствующей ему глобальной экологической этики, которая может быть определена как ноосферная этика. Философские основания глобальной экзетики — онтологические, гносеологические, аксиологические и праксиологические — это аксиомы, императивы и фундаментальные законы, образующие систему, в которой системообразующее свойство задается ноосферным императивом: благо ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) — высшая цель, благо индивида — конечная цель, единство ноосферного блага и блага человека — абсолютная цель.

¹²⁵ Там же. С. 106.

¹²⁶ *Смирнов Г. С.* Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума. Иваново, 1998.

Систему императивов глобальной экоэтики составляют золотое правило нравственности, категорический императив (И. Кант), экологический императив (Н. Н. Моисеев), императив «благоговения перед жизнью», или императив биоцентризма (А. Швейцер), основное моральное отношение, или моральный императив (Г. Н. Гумницкий), семиотический императив (Вяч. Вс. Иванов) и некоторые другие (например, гуманистический, экзистенциальный). Экоэтология глобального человека описывается целым рядом законов, среди которых: биогеохимические принципы В. И. Вернадского, законы экологии Б. Коммонера, законы робототехники А. Азимова и другие. Исходным пунктом экспликации ноосферного императива является аксиома Торонто «мыслить глобально, действовать локально», которая раскрывается через основной ноосферный закон, основной семиотический закон и универсальный ноосферно-семиотический закон.

Раздел IV

ГУМАНИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ

Общественно-политические и философские взгляды Аурелио Печчеи (1981). Воплощенный гуманизм: техносфера или ноосфера (1990). Ноосферность культуры в философском дискурсе (1994/1995). Философские проблемы ноосферного универсума и ноосферного сознания (1998). Синкретичность духовной культуры и системность ноосферного сознания (1998). Ноосферный гуманизм (2004).

Общественно-политические и философские взгляды Аурелио Печчеи

Аурелио Печчеи родился в 1908 году. Он происходил из семьи, принадлежавшей к нижним слоям среднего класса. Предки его отца были родом из Венгрии, но, продвигаясь на запад, они осели в Турине. «Мой отец, — вспоминает А. Печчеи, — научил меня двум самым важным вещам в жизни: как быть человеком и как жить свободным человеком. Все это мне очень пригодилось, так как наше очень трудное время предъявляло человеку самые высокие требования»¹. Обстановка в семье была либеральная, чуждая религиозной ограниченности. Труд и борьба за скудный достаток были постоянным спутником семьи.

Особое влияние на А. Печчеи оказала общественно-политическая обстановка Турина, откуда «берет начало та гуманистическая ориентация, которая и поныне является отличительной чертой Итальянской коммунистической партии»². «Я был взращен свободным мыслителем, — пишет А. Печчеи, — эта благотворная обстановка во многом определила мое отношение к людям и миру, стала основой моей веры в широкие возможности человека, его мужество, стойкость, его способность противостоять превратностям судьбы, осознавая пределы своих возможностей и в то же время сохраняя верность своим идеалам»³.

¹ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 17.

² Там же. С. 19.

³ Там же.

Кроме Турина А. Печчеи шесть лет учился в Сорбонне, упорно занимался французскими мыслителями. Заинтересовавшись опытом Великой Октябрьской социалистической революции, он научился говорить по-русски, побывал в Советском Союзе. Ленинская новая экономическая политика была темой его дипломной работы при окончании экономического факультета университета в Турине. Это было в 1930 году и А. Печчеи был последним студентом, кто дерзнул «защищать диссертацию, не надев черной рубашки». «Я глубоко восхищался работами Маркса, — писал А. Печчеи, — хотя и не считаю себя марксистом, ни последователем какой бы то ни было другой идеологии. Я всегда считал, что богатство мыслей, которое получено в наследство от Маркса и других великих философов и мыслителей прошлого, должно быть развито и дополнено в соответствии с новыми условиями, характерными для нашего времени»⁴.

Практически всю свою жизнь А. Печчеи работал в сфере управленческой деятельности, сначала в фирме «Фиат» по вопросам советско-итальянских торговых отношений, затем с 1933 года в Китае, где оставался до 1939 года. В годы войны А. Печчеи примкнул сначала к антифашистскому фронту, а позднее к движению Сопротивления. Он выполнял трудные и ответственные задания и только по иронии судьбы остался в живых после продолжительного заключения в фашистских застенках. После войны он принимает активное участие в восстановлении разрушенного производства: этот опыт позднее пригодился ему при решении подобных проблем в других странах. С 1949 года А. Печчеи занимается восстановлением утраченных за годы войны позиций «Фиата» в Латинской Америке. Жил он в Аргентине. Колоссальное трудолюбие и умение работать отличало А. Печчеи в любом деле, за которое бы он ни брался. «Знать свою работу, уметь работать», — вот первейшие требования к себе. Если учесть, что А. Печчеи — член правления фирм «Олимпия» и «Фиат», председатель Комитета Атлантической Экономической Кооперации (одной из экономических организаций НАТО), управляющий фирмой «Италконсульт», то становится ясным кредо, без преувеличения, одного из выдающихся менеджеров западного мира.

⁴ Там же. С. 20.

Небезынтересно, что именно благодаря позиции А. Печчеи появилась возможность широкого советско-итальянского сотрудничества в автомобильной промышленности и создания в СССР автомобильного завода на Волге.

Деля вывод об А. Печчеи как человеке, мы должны видеть в нем не только крупного промышленника, не только выдающегося буржуазного деятеля Запада, не только чрезвычайно компетентного и знающего предпринимателя, не только человека, умеющего работать и знающего как добиться успеха; мы должны видеть в нем гуманиста, стойкого антифашиста, глубокого мыслителя, принципиального и честного человека. Иными словами — это незаурядная фигура для западного мира, поэтому не случайно, что он стал инициатором сознания и впоследствии президентом Римского клуба — неправительственной организации, которая впервые попыталась осознать «мировую проблематику». Беспокойство за судьбу человечества, своих детей и внуков, поиски выхода из создавшегося в мире положения, — эти проблемы переполняют ум и сердце А. Печчеи.

Переходя к анализу идей А. Печчеи, мы должны помнить, что в истории много примеров, когда представитель одного класса переходил на позиции другого, но еще больше примеров, когда этот путь так и не был проделан до конца. Учитывая вышеизложенное и те противоречивые политические симпатии А. Печчеи, очень характерно его высказывание о судьбе правительства С. Альенде: «Жизнь показала, что для этого (воплощения в жизнь социалистических идей. — Г. С.) недостаточно только благих пожеланий. Даже решение куда менее сложных задач, чем руководство страной <...> требует прежде всего группы компетентных в своем деле и образованных единомышленников, знающих работу и умеющих работать»⁵. Важно, что А. Печчеи не отрицает возможность мирного перехода, а лишь подчеркивает сугубую необходимость четкого управления. Между строк можно прочесть, что если бы у правительства С. Альенде был «компетентный» государственный аппарат, если бы можно было «просчитать» все возможные трудности на ЭВМ, как то было сделано по методике Римского клуба для все-

⁵ Там же. С. 29.

го мира, возможно было бы избежать того коллапса, кризиса, в котором оказалось Народное Единство накануне переворота.

Важный период футурологической теории и практики стран Запада связан с поворотом в сторону мирохозяйственных прогнозов. Каковы же причины этого? Среди них — прогрессирующее упрочение позиций социализма, небывалая степень интернационализации производства, науки, техники, культуры, общественной жизни в масштабах всей планеты, особенности развития капиталистического хозяйства (т.е. узость международных отношений господства и подчинения, нестабильность, неустойчивость капиталистического развития), сильное отставание молодых национальных государств.

Если брать в целом, то буржуазные футурологи выделяют 2560 перспективных мировых проблем⁶. Проблематика Римского клуба характеризуется «совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных психологических, социальных, экономических, технических и политических проблем, в числе которых бесконтрольное разрастание человечества и расслоение общества, социальная несправедливость и голод, безработица, инфляция, энергетический кризис, недостаток ресурсов, диспропорции в мировой международной торговле и финансах, неграмотность и анахронизмы в образовании, деградация внешней среды, упадок моральных ценностей, утрата веры, а также отсутствие понимания этих проблем и их взаимосвязей»⁷.

Появление Римского клуба было обусловлено, с одной стороны, обострением противоречий и выделением мировых проблем, а с другой, — колоссальными достижениями вычислительной техники, так как она давала возможность «проиграть» любой вариант развития с любыми заданными исходными данными и при любых параметрах и направлениях развития, как в отдельных регионах, так и в мире в целом.

Содержание докладов и их методика — два важных вопроса, и тот и другой в основе своей демонстрируют принципи-

⁶ Современные буржуазные концепции мирового капиталистического хозяйства. М., 1980. С. 199.

⁷ Гвишани Д. Послесловие // Печен А. Человеческие качества. М., 1980. С. 285.

ально новые подходы. Методика получила название «мировая динамика». От структуры с пятью основными взаимозависимыми переменными (население, капиталовложения, использование невозобновимых ресурсов, загрязнение среды, производство продовольствия) в проекте Дж. Форрестера Римский клуб пришел к анализу по 10 отдельным регионам мира в проекте Месаровича-Пестеля. Даже если эти методики в чем-то окажутся недостаточно эффективными для решения глобальных крупномасштабных задач, они положили начало реализации возможностей научно-технической революции в деле рационализации процесса принятия решений.

Римский клуб подготовил пять докладов. Первый доклад «Пределы роста» был подготовлен в 1972 году группой Д. Медоуза. Затем в 1974 году появился доклад «Человечество на перепутье» М. Месаровича (США) и Э. Пестеля (ФРГ). В 1976 году Я. Тинберген (Нидерланды) представил доклад «Обновление мирового экономического порядка», и в том же году появилась работа Д. Габора (Великобритания) «За пределами века расточительства». И, наконец, в 1977—1978 годах пятый доклад был представлен группой под руководством Э. Ласло (США) «Цели человечества».

Из основных идей Римского клуба можно выделить в числе многих следующие: 1) был поставлен вопрос об «ограниченном», «нулевом» и, затем, «органическом» росте; 2) обращено внимание на то, что создалась и растет диспропорция в экономическом развитии крупных капиталистических стран и стран третьего мира; 3) на одно из первых мест была поставлена экологическая проблема. Деятельность Римского клуба по рассматриваемой проблематике, конечно, гораздо шире, но для нас важно выделить все связанное с личностью А. Печчеи, в том числе и то, что мировоззренчески лежит за рамками этих докладов.

Большое место А. Печчеи отводит для характеристики состояния современной капиталистической экономики. «Многие развитые страны, — пишет он, — и сами попали в спираль все возрастающих и обостряющихся противоречий: проблем безработицы, стагнации, и прямой рецессии». К странам, где эти процессы носят безудержный характер сейчас даже применяется

новый термин: «страны, переживающие период заката», — и среди них на первом месте стоят Италия и Великобритания»⁸. «Над нами, — продолжает он, — сейчас вновь навис мрачный признак великой мировой депрессии 1929 года <...> причем в наши дни мировая депрессия может стать еще более ужасающей». «Еще более неблагоприятное положение сложилось в области политической организации общества. Прямо на наших глазах вступила в стадию кризиса и упадка конституционная демократическая система Запада»⁹. Устаревшие концепции и институты служат питательной средой для непрекращающегося соперничества между великими и даже малыми государствами, а оно, в свою очередь, способствует выживанию сложившейся системы. «В этот новый век глобальной человеческой империи мир представляет собой то необходимое всем нам социальное изобретение, которое ждет еще своих изобретателей, ту культурную ценность, которую мы, прежде чем она будет усвоена обществом, должны открыть в самих себе»¹⁰. Анализируя главу «Изменившееся положение человека в мире», можно сказать, что автор аргументировано доказал: «Глобальной империи человека необходимы глобальные изменения. Кризис назрел». Вместе с реалистической картиной капиталистического общества А. Печчеи предлагает общий выход из сложившегося положения: прежде всего, переделать самого человека, затем сложившиеся отношения между государствами и, наконец, создать новое социальное изобретение объединенного Человечества.

В наше время стало банальным говорить о всевозрастающем значении мировоззрения человека, банальным потому, что все большее число людей осознаёт необходимость общих представлений в условиях расцвета точных и технических наук. Научно-техническая революция сумела оттеснить на второй план культурные традиции предыдущих веков, гуманитарные науки и родила диспропорцию, которую так остро чувствует А. Печчеи. В XX веке в гигантском разностороннем процессе познания философским проблемам человеческого мира и места человека в

⁸ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 51.

⁹ Там же. С. 52.

¹⁰ Там же. С. 54.

этом мире было уделено меньше всего внимания. Были эры физики, математики, биологии, в наше время начинается эра философии и человековедения.

«Нужна не биологическая, а культурная эволюция». А. Печчеи говорит о разительном несоответствии человеческого мышления, мировоззрения и новой обстановки в мире. Первое в большинстве случаев слишком отстает от второго. Эта закономерность (в применении к широким массам людей) присуща всем эпохам, но именно сейчас она становится все более нетерпимой. «Сформулировав общую теорию материи, человечество так и не удосужилось заняться созданием общей теории жизни»¹¹, — так глубокомысленно замечает автор. Принимая во внимание эти соображения, одна из сложнейших задач исследования — сознание модели мировоззрения А. Печчеи, особенностью которого является и цельность и противоречивость одновременно. (Человек, который 200 раз пересек Атлантику, побывал на всех материках, изъездил всю Европу вдоль и поперек — сам уже качественно новое явление.)

Мировоззрение А. Печчеи складывалось в условиях бурных событий XX века. Глубокое знание пространственной географии мира, конкретное представление экономической конъюнктуры различных регионов мира, решение сложнейших проблем научно-технического развития и современного управления, знакомство со многими выдающимися политическими деятелями и учеными, огромный жизненный опыт — все это определило своеобразие мировоззрения и миропонимания А. Печчеи.

Самая характерная черта его мировоззрения — *глобальность*. Глобальность, которая рождается системным подходом, комплексностью, пониманием глубочайшего единства мира, взаимосвязью его различных сторон. XX век принес с собой крутые изменения и перемены, знаменовал приход новой динамичной эпохи, которая, несмотря на свою сугубо техническую направленность, коренным образом изменила положение самого человека на Земле. Все возрастающее могущество человека дает возможность говорить о «глобальной империи человека». Такое новое положение человека заставляет его взять на себя те функ-

¹¹ Там же. С. 128.

ции, которые раньше выполняла сама природа, функции регуляции планетарных процессов. У человека «хватило ловкости похитить огонь у богов, но не было их мастерства и мудрости, чтобы им воспользоваться. И в этом он уподобился неловкому ученику чародея, вынужденному корчить из себя великого волшебника. Могущество без мудрости сделало его современным варваром, обладающим громадной силой, но не имеющим ни малейшего представления о том, как применить ее»¹².

Анализируя сложившуюся ситуацию, А. Печчеи приходит к выводу, что «нынешний глобальный кризис, где все элементы человеческой системы оказались неуравновешенными друг с другом — является прямым следствием неспособности человека подняться до уровня, соответствующего его новой могущественной роли в мире, осознать свои новые обязанности и ответственность в нём. Проблема в самом человеке, а не вне его, поэтому и возможное решение связано с ним; и отныне квинтэссенцией всего, что имеет значение для самого человека, являются именно качества и способности всех людей»¹³. Эту мысль А. Печчеи еще более углубляет: «*наиболее важным, от чего зависит судьба человечества, являются человеческие качества — и не качества отдельных элитарных групп, а именно "средние" качества миллиардов жителей планеты*»¹⁴.

Этот вывод интересен тем, что он не вытекает напрямую из работ Римского клуба, даже в чем-то идет в разрез с ним. В такой постановке вопроса А. Печчеи есть определенный антропоцентризм, в некоторых чертах своих уходящий бы в идеализм, если бы разговор о человеческих качествах шел не в философском плане. Безусловно, проблемы строительства нового общества можно решить, только переделав человека, воспитав новые «человеческие качества» (и в этом он очень близок нашему пониманию воспитания человека коммунистического будущего), но эта революция должна подразумевать глубочайшие социальные и политические перемены.

¹² Там же. С. 44.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 45.

Характерной чертой мировоззрения А. Печчи является его *алармизм* — своеобразное предчувствие конца мира. А. Печчи в среде буржуазных футурологов занимает место «экопессимиста», однако, несмотря на это, его идеи о новом мировоззрении носят оптимистический характер. Если перефразировать известное выражение, можно сказать, что глядя в настоящее, Печчи — пессимист, глядя в будущее — оптимист; и в этом его сила. Некоторые моменты в мировоззрении А. Печчи, связанные с пессимизмом, глобальной ответственностью человека перед миром, «психологизмом», говорят о влиянии на него экзистенциализма. Экзистенциалисты претендуют на «усовершенствование» марксизма, привнесение в него новых моментов: вольно или невольно А. Печчи идет по такому пути.

Другой всеобъемлющей чертой мировоззрения А. Печчи является *гуманизм*. Если гуманизм А. Печчи заставляет вспомнить идеи Возрождения, то его понимание справедливости и равенства — идеи революционеров Великой французской буржуазной революции, что видно в позиции относительно социального минимума и социального максимума.

Сложен вопрос о политической направленности взглядов А. Печчи. Он упоминал, что не придерживается какой-либо одной доктрины и во многом занимает аполитичную позицию (так сказать, золотую середину), но в конечном итоге при всем критицизме и реформистской направленности, А. Печчи остается на позициях капиталистического общества.

Противоречивое мировоззрение А. Печчи имеет слабые и сильные стороны. Академик Д. Гвишиани в связи с этим вспоминает о великих утопистах (Томасе Море и Томмазо Кампанелле): с одной стороны — это «фантастические грезы»¹⁵, а с другой — реальная картина острейших противоречий, идеи провидца.

Вторая часть книги, начиная с седьмой главы, больше всего дает материала для анализа взглядов А. Печчи. Именно в этой части он отходит от традиционных футурологических построений, здесь сильнее всего звучит его гуманистическая направленность.

Ядром системы А. Печчи является понятие «человеческая революция». Характерно, что он не берет понятие «культурная

¹⁵ См.: Гвишиани Д. Послесловие // Печчи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 297.

революция», его проблематика отлична и от той, которая имела место в работе В. И. Ленина «О нашей революции (по поводу записок Н. Суханова)». Понятие человеческая революция имеет другие оттенки. «Неуправляемое развитие человечества, — пишет А. Печчеи, — достигло переломного момента». В этих условиях «человек просто может не почувствовать необходимости как-то изменить прежний курс развития...»¹⁶. Однако А. Печчеи сразу ограничивает сферу таких возможностей, говоря, что вряд ли можно в условиях научно-технической революции хоть сколько-нибудь серьезно рассчитывать найти выход из положения за счет простой переориентации развития мировой системы. Особенно сильно звучит это отрицание изменений в материальной среде, если учесть замечание А. Печчеи, что современная цивилизация имеет промышленную, потребительскую направленность. «Расцветшая во всем мире промышленная цивилизация — в своем неокapиталистическом, социалистическом и промежуточном вариантах — вдохновляется в основном материальными стимулами»¹⁷. Таким образом, А. Печчеи не только ставит под сомнение основное противоречие современной эпохи, но и отказывается от современного революционного процесса.

Сейчас мы находимся лишь в самом начале процесса глубоких эволюционных изменений. Эти изменения затронут, прежде всего, духовный, а не материальный мир, так как причина причин «во внутреннем кризисе самого человека, его разладе с реально существующим миром», задача же человека «жить в гармонии с непрерывно меняющимся миром». *«Только новый гуманизм способен обеспечить в человеке такую трансформацию»*¹⁸. После такой трансформации человек приобретет ту стойкость и гибкость, которая позволила бы ему регулировать и направлять развитие современных ему революционных процессов и изменений в промышленной, социально-политической, научной и технической областях. Таким образом, новый гуманизм должен носить «революционный характер», способствовать зарождению новых, соответствующих требованиям нашего времени ценностей и мотиваций — духовных, философских, этических, социальных

¹⁶ Там же. С. 180.

¹⁷ Там же. С. 115.

¹⁸ Там же. С. 181.

и художественных. Эта трансформация захватит не просто отдельные элитарные слои и группы общества, а превратится в неотъемлемую, органическую основу мировоззрения широких народных масс населения нашего ставшего вдруг таким маленьким мира. «Эта трансформация человеческого существа и составит ту человеческую революцию, благодаря которой, наконец, обретут цели и смысл остальные революционные процессы»¹⁹.

Однако было бы неправильно думать, что А. Печчеи не видит современных ему процессов, происходящих в мире. Он видит их, но считает, что «грядущие социально-политические революции могут разрешить лишь часть возникающих в связи с этим проблем. Даже при самом благоприятном развитии событий эта революция не сможет свернуть человечества с пагубного пути»²⁰.

А. Печчеи выделяет три аспекта, которые «должны характеризовать ... новый гуманизм: *чувство глобальности, любовь к справедливости, нетерпимость к насилию*. Душа гуманизма — в целостном видении мира, во всей его конечности и жизни — во всей ее непрерывности»²¹. Цельная человеческая личность тесно связана с ощущением единства мира и целостности человечества в эпоху глобальной человеческой империи. Иными словами, концепция глобальности, — «концепция, связывающая воедино личность, человечество и все взаимодействующие элементы и факторы мировой системы, объединяющие настоящее и будущее, сцепляющие действия и их конечные результаты»²².

«Социальная справедливость составляет главную цель человеческой революции»²³. Это понимается не только на уровне межличностном или внутригосударственном, но в последнее время и на межгосударственном, международном уровне. «...Для того, чтобы действительно могли цвести сто цветов человечества, необходимо прежде всего *равноправное общество на всех без исключения уровнях человеческой организации*»²⁴. «Создание поистине равноправного общества — даже оставляя

¹⁹ Там же. С. 182.

²⁰ Там же. С. 183.

²¹ Там же. С. 183.

²² Там же. С. 185.

²³ Там же. С. 185.

²⁴ Там же. С. 186.

в стороне этические и моральные аспекты, которые тем не менее должны составлять нашу главную цель, — служит кроме всего прочего и основной политической предпосылкой для решения всех остальных проблем человечества, как в рамках отдельных стран, так и на глобальном уровне»²⁵. Основой социальной справедливости, по мнению А. Печчеи, должен стать социальный минимум, исходящий из учета человеческих потребностей в пище, жилье и т.д. Этот *«гарантированный минимальный уровень жизни должен стать неотъемлемым правом любого родившегося на свет гражданина»*²⁶.

Очень характерно для провозглашенного А. Печчеи «раннебуржуазного» требования справедливости следующее замечание: «Человечество оказалось сейчас перед острой дилеммой. И либо оно сможет обеспечить всем людям планеты этот весьма скромный, но абсолютно необходимый исходный уровень благосостояния и достойной жизни, либо оно рискует оказаться разорванным на части в результате не поддающихся контролю внутренних напряжений»²⁷. Таким образом, речь идет не об уничтожении частной собственности на средства производства и замене ее общественной — А. Печчеи не против капитализма. Он за создание для всех минимального уровня с целью ослабить обострение классовых антагонизмов («внутренних напряжений»). Так же как английская буржуазия конца XIX — начала XX века подкупала верхушку рабочего класса, как сейчас в широких масштабах осуществляется помощь безработным в США, так современный империализм должен обеспечить социальный минимум нижним слоям общества. Такая позиция особенно рельефно видна в постановке вопроса о «социальном максимуме». Это одна из самых острых политических проблем нашего разделенного на части мира²⁸, — замечает А. Печчеи. Вопрос о социальной справедливости выливается в вопрос о минимуме и максимуме, т. е. в неразрешимые при капитализме проблемы. В то же время А. Печчеи не идет дальше столь абстрактных рас-

²⁵ Там же. С. 186—187.

²⁶ Там же. С. 187.

²⁷ Там же. С. 188.

²⁸ См.: Там же. С. 189.

суждений, так как в конечном итоге это привело бы к тому, что в «словаре» книги называется «существенным изменением структуры современного общества». В этих вопросах А. Печчеи чем-то очень близко подходит к социал-реформизму, к ультра-империализму К. Каутского, к такой трансформации современного общества, которая при помощи управления на базе научно-технической революции привела бы к мирной эволюции.

Третьим составным элементом нового гуманизма является «нетерпимость к насилию», причем А. Печчеи признает *«приоритет справедливости по отношению к свободе*, пусть даже зная заранее, что первая сама по себе не обязательно гарантирует последнюю»²⁹. Дело в том, что наряду с отношением «справедливость — свобода» есть соотношение «справедливость — насилие». «Борьба за справедливость часто сопровождается насилием; и вместе с тем только отрицание насилия может, в конечном счете, служить гарантией ее защиты»³⁰. «Именно насилие составляет то *главное зло, с которым нам предстоит вести борьбу*», поэтому «философия отрицания насилия должна стать одним из принципов нового гуманизма»³¹. Вера в человека звучит и в мысли, отрицающей внутренне присущую человеку, человеческой натуре агрессивность, насилие. А. Печчеи убеждён, что это — неизбежное зло, порожденное социальной системой. «Мир не станет лучше, если его пытаться изменить при помощи насилия, это могут сделать только исключаящие насилие методы и подходы»³².

Подводя итоги сказанному о «человеческой революции» и развитии человека, можно сделать вывод, что А. Печчеи вольно или невольно очень близко подходит к марксистскому пониманию в формуле «свободное и всестороннее развитие личности как условие развития всех». «Я настаиваю, — пишет А. Печчеи, — на необходимости как можно скорее перейти от ... концепции, ориентированной на человеческие потребности и их удовлетворение, к другому понятию, в основе которого лежало бы человеческое развитие, а главной целью стало бы самовыра-

²⁹ Там же. С. 191.

³⁰ Там же. С. 192

³¹ Там же.

³² Там же. С. 194.

жение и полное раскрытие возможностей и способностей человеческой личности»³³. *«Обеспечение минимума образования и полезной работы для всех без исключения граждан планеты является непременным условием дальнейшего развития человечества и связанных с этим процессов»*³⁴.

«Достигнув за несколько десятилетий прогресса, сравнимого с итогами многих предшествующих столетий, мы совершили поистине гигантский рывок в техническом и материальном восхождении, и оказались просто не в состоянии подтянуть к этим бешеным темпам свое культурное развитие»³⁵. Чтобы преодолеть эту диспропорцию «необходима кардинальная культурная перестройка и организационные мероприятия, которые по затрате усилий не идут ни в какое сравнение с мерами по обеспечению всеобщего формального образования и полезной занятости всем жителям планеты»³⁶. (Хотя даже это в современных условиях сделать чрезвычайно трудно, так как 40% взрослого населения планеты неграмотно, а 800 млн человек лишены возможности приобщиться к процессу производства.) «Времени для этого также потребуется куда больше: по-видимому, различные этапы такой трансформации займут несколько десятилетий»³⁷. Человеческая революция — переход от общества потребления к обществу сохранения — процесс поэтапный, долговременный. А. Печчеи выделяет четыре компонента такой перестройки. Это проблемы роста, суверенитета, населения и ресурсов³⁸.

Наиболее аргументировано рассматривается *проблема роста*, которая решается через ряд опосредованных звеньев (концепции «допустимого роста», «органического роста», «динамического равновесия»): от роста к развитию. *«...Развитие стало настоящей потребностью, которая приобрела поистине всеобщий характер, и должно стать коллективным делом всего глобального сообщества»*³⁹.

³³ Там же. С. 199.

³⁴ Там же. С. 203.

³⁵ Там же. С. 206.

³⁶ Там же. С. 207.

³⁷ Там же.

³⁸ См.: Там же. С. 216.

³⁹ Там же. С. 223.

«В последнее время в международной жизни на смену концепции независимости приходит подход, основанный на признании многосторонней взаимозависимости между всеми отдельными элементами международной системы. Так называемый национальный суверенитет представляет собой в век глобальной империи человека главное препятствие на пути к его спасению»⁴⁰. Поэтому не случайно, что жизнь пробивает рамки национального суверенитета путем создания различного рода организаций государств в самых разных сферах деятельности. «Если эта идея и дальше будет обретать силу и поддержку — а я верю, что именно так оно и случится, — мы станем свидетелями решающего события для судеб всего мирового сообщества — создания *первого истинного регионального союза или сообщества*»⁴¹.

Проблема народонаселения встает очень остро, так как из нее вытекает масса других проблем, и если «род человеческий окажется не в состоянии поставить под контроль рост численности своего населения, то он не сможет решить ни одной из стоящих перед ним важных проблем»⁴².

А. Печчеи считает, что природные ресурсы представляют общее наследие всего человечества, так как без координированного управления всеми ресурсами планеты невозможно обеспечить удовлетворение растущих потребностей мирового населения.

Таково вкратце рассмотрение человеческой революции. При этом следует добавить еще вопрос о соотношении научно-технической революции и человеческой революции: налицо невозможность продолжения наметившихся ныне тенденций технического развития, или «прогресса», — этого лавинообразного и анархического процесса. «*Только тот прогресс и только такие изменения, которые соответствуют человеческим интересам, и находятся в пределах его способности к адаптации, имеют право на существование и должны поощряться*»⁴³, — такой вывод делает А. Печчеи. Человеческая революция — это процесс, небывалый по масштабам и сложности: «мир поистине не знал еще столь грандиозных, головокружительных планов» и

⁴⁰ Там же. С. 225.

⁴¹ Там же. С. 231.

⁴² Там же. С. 248.

⁴³ Там же. С. 209.

нам «никогда не преодолеть возникших перед человечеством затруднений, если мы прежде со всей ясностью не осознали, что единственный путь к спасению лежит через то, что я называю человеческой революцией, — через новый гуманизм, ведущий к развитию высших человеческих качеств»⁴⁴, — в это А. Печчеи глубоко верит.

Одно из актуальнейших слов XX века — революция. Для человечества нет более глобальной проблематики, чем изменение общества, приведение в соответствие материальных условий и человеческой сущности. Перед человечеством стоит сложная задача найти пути развития человеческого общества. Эти поиски ведутся как на путях революции, реформизма, так и открытой реакции. Ядерная катастрофа, технотронное общество, постиндустриальное общество, конвергентное общество, человеческая революция, невооруженный путь революции, национально-освободительная война, индивидуальный террор — таков диапазон ответов.

Особенность позиции А. Печчеи в этом вопросе, заключается в том, что в содержании он близко подходит к марксистскому пониманию общества будущего, но по форме отличается апологетикой капитализма. Специфику человеческой революции составляет решительное осуждение мировой промышленной цивилизации во всех ее формах и постановка на повестку дня принципиально новой структуры, других целей человечества. Будущее общество А. Печчеи отличается от любого из ныне существующих обществ, будь то капиталистические, социалистические или промежуточные. В этом отчасти проявляются утопические черты его системы. Между современностью и будущим обществом лежит переходный период человеческой революции, занимающий по оценкам мыслителя несколько десятилетий. В этом процессе на первое место ставится задача изменения человека, изменения его места в мире. Ближайшими целями революции является получение образования и работы для всех граждан, а затем коренная культурная перестройка. Человеческая революция — переход от общества потребления к обществу сохранения. Для людей этого общества будет характерен

⁴⁴ Там же. С. 209—210.

новый гуманизм, который включает чувство глобальности, любовь к справедливости, нетерпимость к насилию. Одним из практических путей осуществления человеческой революции становится сближение позиций всех стран (независимо от их экономических, политических, социальных, исторических, психологических особенностей), движение их к единым целям, определяемых из общечеловеческих интересов.

А. Печчеи ставит задачу не просто изменения мира, но изменения его не в сторону промышленной, а в сторону человеческой цивилизации. Он предлагает поставить пределы росту, определить направление развития человека и человечества, двигаться к общечеловеческим целям со всех существующих сейчас позиций.

Мировоззрение А. Печчеи сложно и противоречиво. В его системе можно уловить влияние гуманизма А. Швейцера, ультраимпериализма К. Каутского, ненасилия Л. Толстого и Ганди, европейского экзистенциализма и т. д. В то же время его мировоззрение цельно, а не эклектично. Позиции А. Печчеи гораздо шире и значительнее идей многих футурологов, поэтому они представляют гораздо больший интерес. Если говорить о философских построениях А. Печчеи, то к ним нужно относиться с большим вниманием, т.к. он во многих вопросах приближается к марксистскому пониманию проблем будущего.

Мировоззрение А. Печчеи выросло не на пустом месте, оно является не только следствием научно-технической революции, консолидации рабочего, коммунистического, национально-освободительного движения, но и глобального единения всего прогрессивного человечества в борьбе за мир, разрядку, поиски лучшего устройства общества.

Подводя итоги, можно сделать некоторые выводы. Во-первых, по отношению к капиталистическим странам совершенно верно дана критика и показ кричащих противоречий. Во-вторых, по отношению к социалистическим странам видно недопонимание их роли в воспитании нового человека, их значения в поддержке революционных движений современной эпохи. В-третьих, по отношению к миру в целом — серьезное предупреждение всей промышленной цивилизации.

История показывает, что, несмотря на все зигзаги, противоречия, она идет к коммунизму. В наше время все острее ста-

новится необходимость последовательно научно обобщать новые явления, создавать контуры будущего. Думается, что противоречивое содержание книги А. Печчеи, идеи об ограничении научно-технического развития, техническом моратории, конце цивилизации потребления, человеческой революции помогут глубже осмыслить современным историкам-марксистам сложные проблемы будущего, хотя в социалистическом обществе проблемы значительно мягче и не в той мере присущи как капиталистическому хозяйству.

Академик Д. Гвишиани в послесловии к книге сравнивает А. Печчеи с его великим соотечественником Томмазо Кампанеллой, подчеркивая наряду с гением провидца, другую сторону — утопизм. Однако уже сейчас можно видеть ростки новых глубоких процессов человеческой революции и поэтому было бы закономерно привести цитату из книги А. Печчеи «Час истины». «Я вижу огромное море людей — волны и потоки их бегут в самых разных направлениях, охватывая всю планету. Это рядовые граждане мира, осознавшие, что настало время изменений. Они принадлежат различным общественным группам, движимы самыми различными, разобщенными и на первый взгляд никак не связанными между собой целями. Это — инициаторы и участники движения за мир, различных освободительных движений разнообразных спонтанных групп, выступающих за охрану природы и защиту окружающей среды, эмансипацию женщин и контроль за численностью населения, ассоциаций, защищающих интересы меньшинств, права человека и гражданские свободы, они выступают за очеловечивание техники и гуманизацию труда на промышленных и других предприятиях, они занимаются общественной деятельностью и являются активистами движений за социальные перемены, они защищают интересы потребителей, протестуют против насилия и отказываются по политическим мотивам идти на военную службу. Их много — молодых и старых, мужчин и женщин, — и всех их объединяет забота об общем благе, та моральная ответственность, которая для них важнее и значительнее всех других их обязанностей. Движимые самыми высокими побуждениями, солдаты этой огромной армии по традиции весьма плохо экипированы, они выигрывают мелкие перестрелки, терпят поражения в крупных баталиях, что же касается

больших столкновений стратегического характера, то тут их грубо топчут безжалостные башмаки консерватизма — и все-таки окончательная победа за ними, ибо они шагают в ногу с историей»⁴⁵. А. Печчеи верит в будущее: гуманист-Печчеи берет верх над Печчеи-экопессимистом.

***Воплощенный гуманизм:
техносфера или ноосфера***

Человечество в преддверии XXI века стоит на распутье. Создав колоссальной мощи техносферу, оно обнаружило, что вместе с научным прогрессом — огромным благом для общества — оно потеряло духовность, нравственность, красоту. Невостребованными оказались собственно «человеческие качества», а само «человеческое качество» стало придатком техносферы. Человек как материальная производительная сила стал доминировать над человеком как духовной производительной силой. Современная коллизия бесчеловечного духа и бездуховного человека, обнаружившаяся со всей отчетливостью в конце XX века, подтверждает глубину анализа, некоторых философов начала прошлого столетия.

Перед современным человечеством стоит выбор одной из трех тенденций дальнейшего развития: биосфера, техносфера или ноосфера. Возвращение в «золотой век» нетронутой биосферы — продолжение руссоистских идей и различных вариантов — путь, предлагаемый многими прошлыми и настоящими мыслителями-утопистами. Уровень развития современной технической цивилизации не дает оснований рассматривать этот вариант как достаточно серьезный. Биосфера — это колыбель, в которую человечество уже не сможет вернуться. Действительная альтернатива имеет место при сопоставлении тенденций становления техносферы и ноосферы.

Развитие техносферы в современных условиях обнаруживает признаки антибиосферных и антиноосферных процессов, свидетельством чему факты «неразумности» современной технической цивилизации, уничтожающей среду своего обитания.

⁴⁵ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 200—201.

Утверждение тезиса о реальности процесса перехода биосферы в техносферу, а точнее отрицание биосферы техносферой — постановка вопроса, широко распространенная как в советской, так и зарубежной литературе. Такой техносферный подход имеет как оптимистическую, так и пессимистическую окраску, причем наличие последней фактически ставит вопрос об альтернативе «уничтожающей все живое» техносфере.

Альтернативный подход связан с учением В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Глубина философского и естественнонаучного осмысления процесса становления ноосферы — сферы труда и разума цивилизованного человечества — требует всестороннего анализа ноосферных и антиноосферных тенденций современного периода развития цивилизации. Научная мысль как планетное явление выступает важнейшим фактором становления ноосферы, так как благодаря ей человечество учится научно управлять природными и социальными процессами. Однако, наряду с наукой, В. И. Вернадский выделял второй необходимый фактор становления ноосферы, связанный с нравственностью и гуманизмом. В отличие от фундаментального исследования развития научной мысли, он оставил лишь отдельные идеи, касающиеся гуманистического, человеческого измерения процесса перехода биосферы в ноосферу, однако представления о ноосфере включают в себя оба этих измерения.

Диалектика техносферы и ноосферы — борьба двух противоположностей, двух подходов к будущему — предполагает выявление не только противоречия, но и единства техносферы и ноосферы. Признание безраздельного господства техносферы обозначает превращение человека в придаток машины, дегуманизацию и денатурализацию человечества. С другой стороны, представления о ноосфере вне реальностей современной технической деятельности и научного знания теряют определенность, становятся идеалом далекого будущего. С точки зрения исторического подхода, движение человечества к ноосфере проходит через противоречивый этап техносферы, для которого характерны обострившиеся глобальные проблемы современности, требующие изменения ориентации современной техносферы, утверждения единства современной биосферы и человеческой ци-

визации. Человеческое измерение техносферы формирует ноосферные тенденции развития техносферы: космическую, экологическую, духовную, нравственную, эстетическую. Современная техносфера, выходя в космос, способствует формированию представлений о космичности человеческой цивилизации, единстве природного и социального, живого и неживого, биосферы и цивилизации. Она создает возможность разумного управления природными процессами, создания системы глобального мониторинга, становления планетарной информационной системы.

В теории взаимодействия общества и природы важное место занимает представление о «второй очеловеченной природе», которая формируется в процессе трудовой деятельности человека. Технологическая и техническая деятельность невозможна без учета особенностей воздействия на человека «второй очеловеченной природы», его «неорганического тела». Вопрос о разведении понятий «отехниченная природа» и «очеловеченная природа» имеет не только теоретическое, но и реальное практическое значение, равно как марксистское представление о природе как неорганическом теле Человека, а также идея о «подлинном воскресении» природы, осуществленном натурализме человека и осуществленном гуманизме природы, не менее плодотворны идеи козволюции.

«Вторая очеловеченная природа» традиционно рассматривается как искусственная среда, неразрывно связанная с природной средой, но в известной степени ей противостоящая. Однако социальная практика показывает, что не всякая искусственная, созданная человеком среда, является в прямом смысле слова «очеловеченной». Подчас она оказывается просто «бесчеловечной», дегуманизированной, и даже убивающей человека. Современную искусственную среду точнее было бы назвать «отехниченной природой». Именно техника в настоящее время подчиняет себе человека, отчуждает его не только от собственно природы, но и от собственной человеческой природы человеческой сущности. Тревожность такой ситуации осознается достаточно отчетливо, и крайнее свое выражение находит в распространении «технофобии», порожденной современной техниче-

ской цивилизацией. Многочисленные примеры варварского уничтожения природы — экоцида — стали в последнее время достоянием общественного сознания. Человек оказался не в состоянии обуздать того джина, которого выпустил: «очеловечивание» обернулось «расчеловечиванием».

Процесс гуманизации, очеловечивания «отехниченной» природы развивается по двум направлениям. Одно из них связано с экологизацией материальной и духовной жизни общества. Экология человека и экология природа взаимно обуславливают друг друга, постепенно формируя из полярностей и антагонизмов своеобразное социоприродное «всеединство». Другой аспект гуманизации искусственной среды связан с ее эстетическим оформлением (от дизайна до конструирования искусственных пейзажей и ландшафтов). Эстетически обогащенная среда, в известной мере, смягчает фрустрацию человека, испытывающего дискомфорт от стремительной смены существовавшей сотни тысяч лет «художественной картины мира» на сформированную в последние два столетия «отехниченную картину мира». Если экологизация связана с организацией вещественных, энергетических и информационных процессов в природе и человеке, то эстетизация — ищет соответствие между имиджем природы и духовным, нравственным и психическим состоянием человека.

Превращение «отехниченной» природы в «очеловеченную» природу идет в русле общего геологического процесса перехода биосферы в ноосферу. Очеловечивание природы и натурализация человека это фактически и есть один из важнейших аспектов становления ноосферы. Экологическая компонента, включающая экологическое сознание и экологическую деятельность, выступает как ноосферная доминанта, без которой невозможно дальнейшее развитие. Состояние здоровья человека и здоровья планеты диалектически взаимосвязаны. Именно поэтому комплекс экологических наук, наряду с глобальной, социальной, промышленной, сельскохозяйственной экологией, включает экологию человека, изучающую зависимость физического, духовного и нравственного здоровья индивида от факторов внешней среды.

Современная техника во многом способствует унификации человека, сглаживание его индивидуальности, «натаскивает» на выполнение функций, вытекающих из организованности современной техносферы, оказывает сильное воздействие на духовную жизнь человечества. Вместе с тем, духовное здоровье человека имеет колоссальное значение для процесса становления ноосферы. Научная мысль как планетное явление, творческий умственный и физический труд, глобальный информационный обмен, взаимообогащение национальных культур, сохранение и приумножение опредмеченного многовекового творения духа человеческого — своеобразный противовес глобальной технизации человека, выявление его родовой, ноосферной сущности. Экология духа, таким образом, рассматривается через призму диалектики общественного сознания, общественного и природного бытия.

Во многих своих работах В. И. Вернадский подчеркивал, что научная мысль должна быть дополнена нравственностью. Нравственный императив ноосферы проявляется в частности и в том, что человек как мера всех вещей, как предмет единой науки о человеке не должен быть подчинен технике, наоборот, она должна быть подчинена человеку в выражении его гуманистической сущности. Нравственное здоровье человека и человечества связано с глубоким проникновением нравственных ориентиров во все сферы человеческой деятельности.

Техносфера сегодняшнего дня не только разрушает экологическую, духовную и нравственную среду, но и уродует эстетическую природную организацию. Диалектика естественной (природной) и искусственной (техногенной) среды проявляется, по преимуществу, в противоположности прекрасное — уродливое. Однако уже сейчас искусственная среда имеет ярко выраженную гуманистическую тенденцию стать столь же созвучной телу и духу человека, как и среда природная. Самоценность для человека эстетически организованной среды требует выхода искусства за пределы музеев, универсальности дизайна, многообразия архитектуры, организации ландшафтов. Таким образом, переход биосферы и техносферы в ноосферу — важнейшая проблема, альтернатива и загадка современности.

Ноосферность культуры в философском дискурсе

В истории философской мысли культура традиционно противопоставляется природе. В наше время эта ситуация стала кардинально меняться: культура (в широком смысле слова) все более становится не антиприродной, а соприродной. Впрочем, сама культура в той или иной степени качеством соприродности обладала всегда. В XX веке синонимом соприродности стал термин «ноосферность». Ноосферность — это гармоничность, созвучность мира человеку и человека миру, учитывая, что в различных культурных ареалах понятия «мир» и «человек» могут обозначать достаточно отличные друг от друга феномены. Ноосферность Гесиода и Платона столь же сильно отличаются от ноосферности «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона, сколь последняя, в свою очередь, отличается от ноосферности «Научной мысли как планетного явления» В. И. Вернадского. В русской культуре термин «ноосферность» в известном смысле созвучен понятиям «софийность», «соборность», «богочеловечность», которые, в свою очередь, есть конкретно-исторические формы того, что в XX веке в русской культуре получило название ноосферность.

Ноосферность — это гносеологическая и праксиологическая интенциональность миропостроения на основе трехипостасности, выраженной формулой «Истина-Добро-Красота». В переложении на язык XX века ноосферность может быть представлена как стремление к разумному, гармоничному, справедливому, человеческому устройству мира, к общечеловеческому духовному, к планетарному качеству бытия цивилизации. Ноосферность духовной культуры проявляется в социально определенной, субъективно детерминированной, сознательно опосредуемой, культурно-соразмерной и технопретворяемой человеческой деятельности, выступающей системообразующим фактором ноосферности материальной культуры.

В современных условиях философская антропология приобретает статус одной из главных мировоззренческих дисциплин наряду с культурологией и экологией, понимаемой в широ-

ком смысле слова. Человек двумя руками соединяет и, одновременно, разъединяет природу и культуру. В этом смысле философская антропология реально существует лишь в культурологическом и экологическом измерениях. Это экологическое и культурное единство, сосредоточенное в человеческой цивилизации, можно было бы рассматривать как ноосферную реальность, учитывая, что термин «ноосфера» в последнее время стал настолько вездесущим и универсальным, что может быть отнесен к метакатегориям.

Философская антропология как наука актуальная характеризуется не столько своей обращенностью к прошлому, сколько своей нацеленностью в ноосферное будущее. Без этого она теряет свой глубинный смысл: философская антропология принципиально ноосферна, а ноосферология — антропна. Этот факт (и в известной степени — эмпирическое обобщение) целесообразно было бы обозначить термином «ноосферная антропология», учитывая, что предметом ее изучения является человек становящейся ноосферы или становящийся человек ноосферы. Наука о реальной и становящейся ноосфере включает в себя культурологический, антропологический и экологический циклы наук. При этом следует заметить, что философская (ноосферная) антропология, философская культурология, философия среды обитания (или, как говорили в XIX веке, — философия природы) — лишь верхние этажи ноосферной науки. Наряду с ними в ноосферологию входят в сложном их переплетении самые различные науки естественного цикла. Марксова идея о «единой науке о человеке» в XX веке превращается в единую науку о ноосфере.

В богословии, философских и естественных науках антропологический принцип всегда имел существенное значение. Столь же актуален он и в применении к ноосферной проблематике: ноосфера подобна человеку. Такая редукция, на первый взгляд, способна вызвать лишь негативную реакцию, однако аналогии общества и ноосферы, человека и ноосферы в равной мере эвристичны и целесообразны аналогиям между человеком и обществом, Богом и человеком. Во-первых, ноосфера антрополоподобна своей духовно-телесной субстратностью, во-вторых, сверхсложной организованностью, в-третьих, принципиальной

открытостью, в-четвертых, смертностью и бессмертием, в-пятых, «божественной природой». Этот список можно было бы продолжить, но уже и этого достаточно, чтобы сделать вывод о том, что в ноосфере человек обретает свое законченное выражение: он «ограничивается» и, одновременно, «обобщается», человек «ноосферизуется», а ноосфера «очеловечивается».

Ноосферный контекст философской антропологии — это неотъемлемая часть современного понимания сущности человека. Современная философская антропология по сути своей изучает «человеческое качество» ноосферы. Несмотря на наличие исследований по проблеме «Человек и ноосфера»⁴⁶ как в нашей стране, так и за рубежом, следует признать, что положено самое начало осмыслению ноосферной сущности человека.

Последние годы привнесли значительные изменения в содержательные и интенциональные моменты философского знания. Поток возвращенной обществу русской и зарубежной философии начал оказывать влияние на широкие слои общественности. Сильно изменился духовный, и в том числе философский, климат, он стал резко континентальным: сильные ветры приводят к резким сменам духовной погоды, возникновению в умах людей смерчей, с корнем вырывавших прежние идеалы и идеи. Неуправляемый, на первый взгляд, поток современной духовной жизни имеет, тем не менее, свою логику, свой тайный смысл. В этой связи встает задача попытаться прочертить линии современного Ренессанса, реставрации и возрождения русского духа, обнаружить оборванные нити и завязать те узелки, которые вновь позволили бы пустить ткацкие станки российской культуры.

На наш взгляд, этот процесс можно было бы представить формулой: от ноосферологии к ноософии. История технической цивилизации вплоть до начала века связана с поисками рационально-разумного устройства мира — природы, общества, человека. Советская эпоха дала особенно яркое — механистическое — проявление такой тенденции. «Управление» биосферой, техносферой и социосферой выродилось в псевдонаучное управление, в насилие и разрушение. Иллюзии всеобщей управ-

⁴⁶ Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М., 1980.

ляемости миром простыми механизмами и несложными организационными структурами изживались тысячелетиями, лишь на протяжении XX века были проверены и исчерпали себя фашистская и коммунистическая парадигмы управления миром. Наступает эра функционирования планетарной оболочки как единого организма, эра самоорганизации, тонкой подстройки. Весьма вероятно, что заканчивается эпоха всемирно-исторических тектонических разломов социальной жизни, поэтому идет поиск таких парадигм, которые позволили бы духовно объединить соединенную биологически, а теперь уже и технически человеческую цивилизацию.

Ноосферология — дисциплина одновременно и вечная и очень молодая. Вечная — ибо весь поиск разумного устройства мира есть обтесывание закладных камней в ее здании, молодая — потому, что только в нашем веке она сложилась как известная целостность: естественные и технические науки трансформировали природу, гуманитарные и общественные — человека и общество. Ноосферология как особая научная парадигма понимания способов переустройства мира — явление синтетическое, осваивающее единое социоприродное пространство. В ее содержательной основе обнаруживают себя как естественные и технические, так и экологические, гуманитарные науки. Стержнем, системообразующим фактором ноосферологии являются учение о биосфере, концепция В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, представления о техносфере, социосфере, информатиосфере. Думается, что при всей своей противоречивости ноосферная парадигма представляет на сегодняшний день наиболее тонко соотносящуюся с миром духовную конструкцию, выступающую одновременно и в качестве парадигмы, и в качестве философии. Она наиболее адекватно отражает форму и содержание ноосферного универсума космопланетарного бытия человеческой цивилизации.

На сегодняшний день самыми часто используемыми аргументами против ноосферных представлений являются, во-первых, толерантность В. И. Вернадского к внутренней противоречивости представлений о ноосфере, во-вторых, беспрецедентное обострение глобальных угроз человечеству. На наш взгляд, эта реакция выдает чувственно-алармистское, почти эс-

хатологическое, состояние общества, недоверие к культурному потенциалу человеческой цивилизации, констатирует состояние «человеческого качества». Вместе с тем, процесс перехода биосферы в ноосферу не социальный, и даже не всемирно-исторический, а геологический, поэтому при его оценке нужны иные критерии.

Ноосферные представления — одна из значительных и закономерных трансформаций всей отечественной и зарубежной культуры. Ноосферные идеи вытекают из всего комплекса научных, философских, богословских и художественных идей, выношенных русской культурой. Не приди с запада упрощенные, адаптированные русскими революционерами, марксистские идеи, ноосферные идеи оказались бы неизмеримо более высокой ступенью русской культуры, созвучными общепланетарным путям развития и общечеловеческим ценностям. Корнями своими ноосферная парадигма держится за научное знание, её ствол — когерентное философское знание, а крона — уходящее в космические миры религиозно-богословское откровение. Идет процесс перерастания ноосферологии в еще более глубокий синтез — ноософию.

Философские проблемы

ноосферного универсума и ноосферного сознания

Современное состояние человеческой цивилизации связано с формированием сверхсложной организованности качественно разных, но субстратно единых сфер. Соединение в единое целое биосферы, техносферы, социосферы, культуросферы порождают противоречия, чреватые взрывами — социальными, экономическими, экологическими, демографическими, культурными катастрофами. Формула В. И. Вернадского: «в буре и грозе рождается ноосфера», выведенная в годы второй мировой войны, и в иных исторических условиях продолжает быть актуальной.

Мысль Д. С. Лихачева «человек говорит за все живое во Вселенной, если он только действительно говорит» — как нельзя лучше подходит для иллюстрации сущности универсумного понимания мира и современной духовной ситуации. Так,

Д. С. Лихачев выводит вселенскость российской культуры не только из форм литературного бытия, но из других ипостасей духовной жизни — архитектуры, скульптуры, музыкального и хорового творчества, живописи.

Теоретическое осмысление складывающейся космопланетарной целостности в отечественной философской и научной литературе породило два взаимодолняющих подхода. Первый подход связан с именем В. И. Вернадского и фиксирует процесс перехода биосферы (а, значит, и функционирующей на ее субстрате человеческой цивилизации) в ноосферу. Второй — обозначился лишь в 1980-е годы и раскрывает системность ноосферы как космопланетарного универсума. В заданном контексте появляется возможность говорить о сверхсистеме «ноосферного универсума».

Универсум В. И. Вернадского — биосфера, переходящая в ноосферу, — отличается от собственно-философского Универсума качеством экспериментальной проработки причинно-следственных связей бытия человека. Универсумность подходов В. И. Вернадского усматривается в том, что он подчеркивал, во-первых, обоюдность связи земного и космического; во-вторых, утверждал, что живое вещество создается и поддерживается на Земле космической энергией и находится в непрерывном химическом обмене с космической средой; в-третьих, в логике научного исследования обнаруживается переход от представлений о Земле как целостном «космическом механизме» к утверждению космо-планетарной, био-косной организованности. Представление о ноосферном универсуме соединяет в себе напряженные философские и научные поиски общественной теоретической мысли XX века.

Ноосферный универсум — категория инструменталистского, социокультурного, философско-культурологического плана, задающая максимально возможную широту открытой человеку реальности. «Универсум ноосферной реальности» и «реальность ноосферного универсума» — категориальная пара, позволяющая видеть полное пространство бытия человеческой цивилизации как субъекта космической деятельности. Важнейшим агентом и системообразующим фактором ноосферного универсума является ноосферное сознание. Становление ноо-

сферного (по качеству) сознания из потока сознания ноосферы — глобальный процесс (а также глобальная проблема) современности. К самым знаменательным фактам процесса становления ноосферного сознания относятся: во-первых, *становление глобального сознания* — сознания, охватывающего планету как единое целое; во-вторых, *формирование общечеловеческого сознания*, рождающегося из соединения общечеловеческих интересов, ценностей, общезначимых идей и теорий, появляющихся в результате интенсивного образования общечеловеческих компонентов экономического, экологического, политического, правового, философского, эстетического, нравственного и религиозного сознания; в-третьих, реализация Всеобщего Синтеза сознания и культуры различных этносов и национальностей, одинаково предстоящих перед планетарными формами современного бытия человеческой цивилизации.

Ноосферное сознание в своих индивидуальных и коллективных (соборных) формах имеет интенциональное измерение: оно ориентируется на общекультурную традицию миропостроения по законам «Истины-Добра-Красоты». Структурно ноосферное сознание зависит от особенностей организованности ноосферного универсума, а субстратно состоит из идеально-духовного и информационно-компьютерного полей, носителями которых являются человеческий и техносферный «материалы». Становление ноосферного сознания идет неравномерно, однако каждая национальная культура имеет свой собственный «ноосферный потенциал» и вносит свой собственный вклад в процесс поиска оптимальных решений во взаимодействии общества и природы, биосферы и цивилизации, а также в осмысление возможностей гармонизации системы ноосферного универсума.

Феномен ноосферного сознания, с одной стороны, представляет собой особую форму культурной биогеохимической энергии, с другой, — коллективный, соборный разум, осуществляющий осмысление человеком и человечеством своего места в мире, понимание ноосферы как своего единого космопланетарного тела. Таким образом, на гносеологическом уровне постепенно складывается универсумно-ноосферно-экологическое *видение* мира, дающее возможность теоретически и практически строить ноосферный универсум.

Сущностный характер ноосферного сознания связан с его общечеловеческим содержанием. Уже сейчас в теоретическом плане необходимо развести понятия «общечеловеческое сознание», «планетарное сознание», «глобальное сознание». Если общечеловеческое сознание в отдельных своих элементах (художественных, философских, научных) является исконно древним, то «глобальное сознание» как духовный феномен формируется, как это было показано выше, лишь в силу духовных и материальных предпосылок в середине XX века.

Элементы общечеловеческого сознания существовали в любом исторически конкретном сознании, ибо в нем отражались общечеловеческие ценности, характерные для собственно человеческого (родового) бытия: естественнонаучные эмпирические обобщения, общечеловеческие моральные заповеди, природно-архетипические формы красоты как используемые в повседневной практике, так и зафиксированные в сакральных текстах, представляли собой значительную содержательную и интенциональную часть общественного и индивидуального сознания.

В период великих географических открытий общечеловеческие элементы сознания пересекаются с разнообразными формами планетаризации: человек ощущает себя как житель определенного природного ареала с четкой фиксацией его пространственных границ. Так, в сознании постепенно происходит переплетение общечеловеческих, планетарных, космических идей, которые в XX веке оказываются «снятыми» новым духовным феноменом — глобальным сознанием.

Ноосферное сознание рождается в связи с пересечением в сознании человечества общечеловеческого, глобального, космического. Термин «общечеловеческое сознание» еще только обретает свой статус, раскрывая существенно значимый феномен. Процесс его формирования может рассматриваться с разных философских позиций (от метафизики до диалектики, с одной стороны, от рационализма (сциентизма) до интуитивизма, с другой), но статус его, за редким исключением, не ставится под сомнение. Вывод о формировании общечеловеческого сознания вытекает, как это ни парадоксально, из классических марксистских представлений об общественном бытии и общественном сознании, которые традиционно являлись основанием для раскола единого

сознания на антагонистические части. Более того, марксистский подход до известной меры позволяет ставить и решать такие проблемы, как выявление закономерностей и темпов развития общечеловеческого сознания, специфических особенностей его становления в различных странах и регионах мира. В основе этих подходов лежит осмысление складывания общечеловеческого, планетарного, глобального бытия цивилизованного человечества и выявление механизмов отражения в сознании людей, рассмотрение общечеловеческих сторон форм общественного сознания в его национальном или ином выражении.

История науки, философия науки, науковедение дали возможность глубоко осмыслить место науки в культуре. Исходная посылка В. И. Вернадского в размышлениях о планетном качестве научной мысли связана с положением не только о единстве, но и общезначимости науки. Общезначимостью, по мнению В. И. Вернадского, не обладают ни философия, ни религия. Этот вывод был изложен и обоснован ученым в статье «О научном мировоззрении»⁴⁷ и является свидетельством особой роли науки в конкретно-исторических условиях начала XX века. На статью В. И. Вернадского обратили внимание философы, в частности, в обстоятельных работах Л. М. Лопатина отстаивалась общезначимость философского знания и постулировались аксиомы философии⁴⁸. В. И. Вернадский не принял участия в публичной дискуссии, но остался верен своей позиции и в работе «Научная мысль как планетное явление» повторил в более расширенном варианте аргументацию в пользу особого статуса научной мысли.

Во времена В. И. Вернадского — на рубеже веков — науке приходилось отвоевывать место в борьбе с религиозным сознанием и его доминантностью в духовной жизни. «Конечно, наука не политика и не связанная с ней жизнь, — но в трагические моменты нет ничего большего, на что можно было бы опереться, кроме *личного* "я". Те, кто может, могут опираться на *соборное сознание*, вроде церкви, но оно чуждо, и, придавая ему огромное значение, я считаю его равноценным — но не выше —

⁴⁷ Вернадский В. И. О научном мировоззрении // Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1981. С. 42—79.

⁴⁸ См.: Лопатин Л. М. Аксиомы философии. М., 1995.

искреннему и творящему личному сознанию»⁴⁹. Эта мысль из парижского периода, в который создавались идеи о ноосфере, раскрывает одну из самых существенных черт ноосферного сознания человека и человечества. «В ноосфере, — пишет В. И. Вернадский, — не может быть по существу ее структуры препятствий свободе научного искания»⁵⁰. Как утверждают исследователи творчества мыслителя⁵¹, в этом проявляет себя «закон Вернадского». В то же время В. И. Вернадский видел не просто личностное, но и важнейшее государственное значение науки: «Современная социально-политическая государственная жизнь в своих основах все глубже и сильнее захватывается достижениями науки и все более зависит от нее в своей силе»⁵². В выводе В. И. Вернадского о том, что исторический процесс утвердил «идею государственного объединения всего человечества для создания и осуществления ноосферы», обнаруживает себя и негативный («тоталитарный») момент — «наивная» уверенность в особой роли государства, и позитивный — фиксирующий механизм становления ноосферного сознания — фактор, способствующий созиданию единого ноосферного пространства.

Детальная проработка В. И. Вернадским вопроса о научной мысли как планетном явлении позволяет сделать следующий шаг, который во многом отвечает духу творческого наследия ученого, — рассмотреть философскую, художественную, религиозную мысль как явления планетарного порядка. Выход за рамки собственно научного сознания, научной мысли совершил уже сам В. И. Вернадский, поставив «вопрос о моральной стороне науки — независимо от религиозного, государственного или философского направления морали...»⁵³. С этого момента научная мысль реально превращается в ноосферное сознание, в котором научная ипостась культуры (в целом ноосферное знание) играет первую скрипку. В тот момент, когда встал вопрос о моральности науки, началось обратное движение в логике чело-

⁴⁹ Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., 1989. С. 218.

⁵⁰ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 107.

⁵¹ См.: Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский. М., 1988; Аксенов Г. П. Вернадский. М., 1995.

⁵² Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 105.

⁵³ Там же. С. 96.

веческой культуры: наука оказалась лишь инструментом в руках человека (и человечества), сознание которого в управлении планетарным пространством не сводится лишь к научной мысли. Хотя научная мысль является планетарным явлением и главным фактором создания ноосферы, перехода биосферы в ноосферу, она, тем не менее, не обеспечивает сама по себе миропостроение по законам истины, добра и красоты.

Философская литература последних десятилетий XX века позволяет сделать вывод о том, что постепенно утверждается тезис о размывании представлений о науке как форме абсолютной общезначимости (П. Фейерабенд, С. Тулмин) и усиливается признание общезначимости философского знания (что имеет место и в диалектическом материализме, и тем более в современных формах аналитической философии). Общезначимость (в точном значении этого слова) религиозного и философского знания обретает себя в настоящее время и на теоретическом уровне и в социокультурном плане.

Внешне процесс формирования общечеловеческого сознания поражает своей удивительной пестротой, многообразием, плюралистичностью, амбивалентностью, противоречивостью, переходящей в антиномичность. Однако за этим «брожением» скрывается кристаллизация нового духовного синтеза, за которым в двухтысячелетней истории философской мысли стоят такие категории как «нус», «идея», «Бог», «мировой разум», «соборность».

Ярким примером самозабвенных поисков общечеловеческих ценностей и общечеловеческого сознания является русская философия. Творчество Н. Ф. Федорова, Вл. С. Соловьева, Л. Н. Толстого дает образцы решения сверхзадачи соединения мировых религий, примирения науки, философии и религии. Всеобщий духовный синтез в конце XIX века оказался преждевременным и потому неосуществимым. Общественное сознание было разбито вследствие множества объективных и субъективных причин: национальных движений, революционных событий, носивших классовый характер. В то время процесс складывания и актуализации общечеловеческого сознания оказался заложником предстоявших в начале XX века великих социальных катастроф и коллизий.

Для естественнонаучных подходов В. И. Вернадского к осмыслению активности и роли сознания характерно понимание сознания, научной мысли цивилизованного человечества как мощной геологической силы. «В биосфере, — пишет он, — существует великая геологическая, быть может космическая, сила... эта сила есть разум человека, устремленная и организованная воля его, как существа общественного»⁵⁴. Этот вывод рассматривался В. И. Вернадским как результат точного научного наблюдения, это «научное описание природного явления, вне всякого охвата его гипотезой, теорией или экстраполяцией»⁵⁵. В данном контексте для нас чрезвычайно важна мысль ученого о том, что «*проявление разума* (курсив мой. — Г. С.) и наиболее точного его выявления — организации науки — есть первостепенный факт в истории планеты, быть может, по глубине изменений превышающий все известное, раньше являющееся в биосфере»⁵⁶. В полной мере творческая, преобразующая природа сознания проявляет себя в эпоху научно-технической, информационной революций, острых глобальных проблем современности. Наука предстает как колоссальной мощи инструмент в руках цивилизованного человечества, одаренного различными формами ноосферного сознания, стремящимися к конвергенции друг с другом. Локальные проявления ноосферного сознания вырастают до уровня единого планетарного глобального общечеловеческого ноосферного сознания.

Одной из актуальных проблем современного развития человечества является несоответствие сознания цивилизованного человечества и собственно ноосферного сознания. Хотя современная наука превратилась в непосредственную производительную силу, тем не менее, остается ограниченность ее применения в силу целого ряда социальных и техногенных факторов. «Наиболее важным, от чего зависит судьба человечества, — считает А. Печчеи, — являются человеческие качества — и не качества отдельных элитарных групп, а именно "средние" качества миллиардов жителей планеты»⁵⁷.

⁵⁴ Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М. ; Л., 1940. С. 47.

⁵⁵ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М., 1977. Т. 2. С. 110.

⁵⁶ Там же. С. 43.

⁵⁷ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 45.

Существует еще одна гносеологическая предпосылка трудностей реализации научных достижений: она связана не столько с инерцией общественного сознания, тяжело расстающегося с внедрившимися в него принципами и традициями, но и с тем, что сам объект исследования чрезвычайно сложен. Формирование единой науки — идеального компонента ноосферы — связано со сложными процессами дифференциации и интеграции наук, синтезирования новой картины мира, в которой в полной мере будут отражены жизнь и сознание — важнейшие феномены ноосферной реальности.

Вывод В. И. Вернадского о том, что «биосфера XX века превращается в ноосферу, создаваемую прежде всего ростом науки, научного понимания и основанного на ней социального труда человечества»⁵⁸, с еще большей силой подтверждается ходом исторического развития последнего столетия. Для нас важно понимание того, что ученый рассматривал научную мысль как первую (но не единственную) предпосылку создания ноосферы. Научная мысль выступает как «неинтенциональный» духовный фактор.

Сознание, научная мысль становятся идеальным фактором самоорганизации ноосферы. Стихийная самоорганизация биосферы, осуществляющаяся на основе «биогенного тока» атомов, уступает место сознательной, целенаправленной самоорганизации в ноосфере⁵⁹. Процессы самоорганизации в ноосфере, в основе которых лежит научная мысль как планетное явление, опосредуются социальной структурой, механизмами управления, имеющими как ноосферные, так и антиноосферные устремления. Процесс становления ноосферы, субъективная составляющая реального процесса перехода биосферы в ноосферу напрямую связаны с решением глобальных проблем современности, умением обеспечить оптимизацию взаимодействия общества и природы, гармонизацию системы космопланетарного Универсума. В эпоху ожидания конца света актуально звучат слова

⁵⁸ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М., 1977. Т. 2. С. 31.

⁵⁹ Смирнов Г. С. Научная мысль как фактор самоорганизации ноосферы // Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. М., 1991. Т. 2. С. 108—115.

В. И. Вернадского: «В настоящее время... приходится слышать о приближении варварства, о крушении цивилизации, о самоистреблении человечества. Мне представляются эти настроения и суждения следствием недостаточно глубокого проникновения в окружающее. Не вошла еще в жизнь научная мысль; мир живет под резким влиянием неизжитых философских и религиозных навыков, не отвечающих реальности современного знания»⁶⁰.

Рассматривая духовные истоки общечеловеческого сознания в начале XX века, нельзя обойти тот факт, что выявление объективных, общечеловеческих ценностей оказалось в центре внимания философов — авторов сборника «Вехи». В период между двумя революциями они представляли своим творчеством альтернативу предчувствиям гражданской войны, которая виделась им в утверждении «объективных» ценностей⁶¹. Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский представили и эскизно нарисовали возможные формы общечеловеческого сознания в России. В разных формах идеи становления общечеловеческого сознания обнаруживаются в творчестве А. Эйнштейна, А. Швейцера, Б. Рассела, А. Печчеи и других гигантов новейшей мировой культуры.

Выделим четыре основных этапа формирования общечеловеческого сознания в истории общественной мысли XX века: *начало века* — период построения первых теоретических моделей синтетического сознания; *предвоенный период* — первые практические шаги в политической и экономической сферах общественной жизни (связанные с функционированием Лиги Наций, формированием транснациональных корпораций и т.д.); *послевоенный период* — значительные прорывы в формировании общечеловеческого содержания сознания в экологической, демографической, геополитической, ресурсной сферах бытия человеческой цивилизации; последний период, охватывающий 1970—90-е годы, связан с интенсивным формированием всего каркаса общечеловеческого сознания, вызванным необходимостью решать глобальные проблемы современности и искать пу-

⁶⁰ Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М., 1977. Т. 2. С. 19.

⁶¹ Гайденко П. П. «Вехи»: неслышанное предостережение // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 103—122.

ти сотрудничества всех стран мира, независимо от их принадлежности к тому или иному лагерю. Феномен общечеловеческого сознания — на сегодняшний день не просто вывод философской теории, но и факт реальной общественной практики.

Формирование общечеловеческого сознания в своем развитии шло по экспоненте — сначала имело место лишь обозначение фрагментарных черт в отдельных формах общественного сознания, затем они проявились во всех сферах, видах, на всех уровнях общественного сознания. Позднее стало возможным говорить о синтетическом единстве — о целостности общечеловеческого сознания как такового. Важно подчеркнуть, что формирование общечеловеческого сознания приобретало социокультурный характер: нарастание в Культуре в целом общечеловеческого потенциала и способствовало тому, что настал момент, когда общечеловеческое сознание получило статус ноосферного.

Представления о прекрасном как об общечеловеческом вошли в эстетику не без дискуссий, но как явление естественное, допустимое даже в рамках «партийности в искусстве». Общечеловеческое в морали, о котором в отечественной литературе эзоповым языком говорили еще в 1960-е годы, во второй половине 1980-х годов стало мнением общепринятым, почти тривиальным⁶². Этому в значительной степени способствовал религиозный ренессанс, начавшийся в нашей стране со второго тысячелетия православия в России. Политическая сфера с середины 1980-х годов также естественно обнаружила в себе доминантность общечеловеческих ценностей. Прорыв их в сферу духовную, а затем и в сферу практической политики стал возможным благодаря линии на «новое мышление для нашей страны и для всего мира»⁶³.

Экологическое сознание с самого своего появления имело явную тенденцию к превращению в ядро общечеловеческого сознания: тезис «мыслить глобально — действовать локально» явился ярким фактом и общечеловеческой экологической, и общечеловеческой философской проблематики.

⁶² См.: Общечеловеческое в морали и современность. Иваново, 1991.

⁶³ См.: Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

Экономическая форма общественного сознания вошла в речевой оборот отечественных философов не столь давно: лишь кардинальные изменения в экономике бывших социалистических стран и решительный поворот к рыночной экономике в нашей стране дали возможность говорить о мировой планетарной экономике и искать общецивилизационные черты экологического, ноосферного производства. Последние экономические факты отечественной действительности, а также опыт развитых европейских стран заставляют признать, что общечеловеческое в экономическом сознании уже сейчас все отчетливее проявляется в социально ориентированной рыночной экономике.

Особое место в системе общечеловеческого сознания занимает всеобщее правовое сознание, основой которого стали «Всеобщая декларация прав человека», мировая юридическая практика.

Доминирование общечеловеческих моментов в различных формах общественного сознания достаточно убедительно говорит о реальном процессе формирования общечеловеческого сознания как целостной комплексной системы. Общечеловеческое сознание как интегративный процесс вбирает в себя все сферы духовной жизни — религию, философию, науку, искусство. Настойчивые поиски путей единения мирового религиозного сознания способствуют формированию будущей религии, которая в максимальной степени вберет в себя «вечное и современное общечеловеческое» и станет составной частью общечеловеческого сознания. Эти поиски до известной степени связаны с экуменическими идеями в религиозном творчестве (в «Розе Мира» Д. Андреева, «Малой крупички слова Виссариона, являющего последний завет от пославшего его Отца Небесного», в религии бахаистов и т. д.).

Процесс выявления общечеловеческого в философской жизни не менее сложен и длителен, чем мучительное и скачкообразное утверждение экуменизма в современном религиозном творчестве. Философия как учение о всеобщем (и как учение об Универсуме) в своих сущностных основаниях значительно крепче привязана к общечеловеческим моментам духовно-мыслительной работы, нежели религия, в этом плане она ближе к науке. Тем не менее как идеология и как социально ориенти-

рованная форма духовной жизни она продолжает оставаться мозаичной, мало интегрируемой, а в некоторых случаях даже политически (классово) ангажированной. Философская мысль берет начало в научном знании и в конечном итоге очень часто уходит в своем пределе в религиозное творчество, образуя *силовое поле, стягивающее науку и религию*⁶⁴. Подобную функцию, но не на рациональном, а на эмоционально-чувственном уровне выполняет искусство. Искусство всегда в максимальной степени стягивало духовную жизнь разных народов, оно формировало универсальный (и универсумный) язык межнационального общения, способствовало взаимопроникновению и универсализации форм проявления духовности различных этносов и народов. Человечество в XX веке в огромных муках пытается для начала хотя бы теоретически построить новое видение мира, которое связано с объективно складывающимся феноменом общечеловеческого сознания.

В ноосферной реальности природное и общественное бытие оказываются неразделимыми и опосредующими друг друга. Формирование планетарного природного бытия, биосферного охвата человеческого существования приводит к интенсивному процессу вызревания общечеловеческого сознания в сознании самых разнообразных исторических субъектов — этноса, нации, партии, региональных элит, отдельных личностей. Единство природного (универсумного) бытия, осознанное как эмпирическое обобщение конца XX века, неизбежно порождает в социуме планетарное общечеловеческое сознание. Этот процесс в последние десятилетия не только затрагивает такие абстрактные сферы, как философия, религия, эстетическое видение мира, но и способствует созданию общечеловеческих моментов в сфере экономики, политики, права, управления, образования.

Индивидуальное бытие современного человека включает в себя в равной степени как природную, так и общественную сферы, чему способствует единая информатифера, построенная на субстрате техносферы. Человек, включенный в планетарные общемировые процессы, ощущает планету как отдельные участки своего неорганического тела: общечеловеческое в этом кон-

⁶⁴ См.: Вейник А. И. Термодинамика реальных процессов. Минск, 1991.

тексте оказывается пролонгированным человеческим, т.е. просто человеческим. Вывод о том, что «общечеловеческое — это человеческое» был сделан еще в эпоху перестройки. Такое совмещение понятий оказывается возможным только в широком, универсумном, ноосферном толковании человеческого бытия.

Для анализа проблем ноосферного сознания пространство между «человеческим» и «общечеловеческим» актуально в силу того, что имеет место дивергенция между субъектом-человеком и субъектом-человечеством. Сложность построения пирамиды ценностей связана с тем, что логика движения от человеческого к общечеловеческому опосредована полями группового, классового, национального и этнического интересов. История советского общества говорит о том, что, даже, несмотря на засилье узкоклассовых подходов, общечеловеческое прорастает естественно и в общественном и в индивидуальном сознании. Проблема общечеловеческого в сознании в эпоху глобальной компьютерной революции изучается как в рамках философской науки, так и в целом в сознаниеведении (науке о сознании). Общечеловеческий пласт надстраивается над персоналистически-экзистенциальным, личностно-этносовым и индивидуально-национальным сознанием социальных субъектов как форма образования их сообщества — ядра интерсубъективного планетарного бытия.

Общечеловеческий компонент в истории человечества существовал всегда, и даже в самых трагических для него обстоятельствах, исторические проявления которых можно видеть в «походах за ведьмами», преследованиях «безродного космополитизма», изгнании диссидентов и т.п.: общечеловеческое, по крайней мере как Человеческое, существовало всегда и даже «вечно», т.е. с того момента как появился собственно человек, обозначивший свое родовое (сапиентарное) отношение к миру и Универсуму. Вместе с тем, в каждой культуре общечеловеческое проявляется по-своему, имеет свое лицо (иногда личину, иногда лик) и предполагает не только философский, но и общекультурный смысл. Самые первые общечеловеческие образы и идеи, порождающие все остальные фундаментальные архетипы общечеловеческого сознания, — образ Внешнего мира (Мир, Вселенная, Объект), образ Внутреннего мира (Человек, Субъект, Организм) и образ «Внутренне-Внешнего» (Душа, Дух, Разум,

Культура, Бог, Универсум) — единого целого, «граничащего-соединяющего». Самые значимые слова-архетипы фиксируют и «распаковывают» («раскрывают для») универсалии бытия человека в Универсуме. Так формируется начальное, корневое, общечеловеческое сознание. Исследованию этого вопроса посвящена обширная литература, дающая представление о гносеологической, онтологической, праксиологической сторонах общечеловеческого сознания⁶⁵.

Общечеловеческое сознание прошло ряд ступеней своего развития, прежде чем обрело сегодняшний, пусть еще не завершённый вид. Среди них — языческое, художественное, монотеистическое, научное общечеловеческое сознание. Современное общечеловеческое сознание обладает многорегистровым пространством, универсально и касается не отдельных форм бытования и бытийности, а всей космопланетарной среды обитания человека и человечества (ноосферной Ойкумены). В нашу задачу не входит анализ ранних форм общечеловеческого в сознании общества, но первые элементы общечеловеческого проявились в религиозном сознании (феномены-архетипы Души-Духа), в художественно-эстетическом сознании (единство образа Мира и образа Человека в их красоте), в нравственном сознании (отношение человека к Миру и Человеку) — тех видах общественного сознания, которые закладывают фундамент генетических и социокультурных оснований функционирования живого разумного вещества. Экспансия общечеловеческого в современную жизнь имеет, таким образом, ярко выраженный историко-культурный, культурно-философский и культурологический контексты. Постепенно, и это доказывают философские исследования последних лет, общечеловеческий компонент сознания превращается в доминирующий элемент в структуре человеческого сознания.

Преодоление «неродственности» (Н. Ф. Федоров) «Я и Мы», «Я и Они», «Я и Оно», «Я и Ты», «Мы и Они» порождает феномен полноты ощущения своей субъективности в мире различными общностями человеческого сообщества. Работы М. Бубера, Б. Ф. Поршнева, З. Фрейда, выявляют разные сторо-

⁶⁵ Снисаренко А. Б. Третий пояс мудрости: Блеск языческой Европы. Л., 1989; Лукьянов А. Е. Становление философии на Востоке: (Древний Китай и Индия). М., 1989; Голан А. Миф и символ. М., 1994.

ны этих отношений. В явной форме общечеловеческое как общезначимое проявилось с возникновением научной мысли и науки как планетного явления. С этого момента общечеловеческое стало конституированным в общественном сознании, и постепенно формировалась методология анализа общечеловеческих феноменов культуры и сознания в целом.

Проблемы конституирования и корреляции общечеловеческих моделей мироздания плодотворно решаются в работе А. Н. Трухина. Выявив отечественную и зарубежную базу философского исследования этого вопроса, автор приходит к выводу о том, что особую роль в структуре созидания общечеловеческих моделей мироздания выполняют Дух и его ипостаси, Социо (общество) и Экос (Вселенная, Космос, Природа, Мир). Исследователь считает, что имевший приоритет универсальный канал духовного в современных условиях ослабевает из-за того, что: «1) выросли возможности социального и природного каналов и их роль стала не менее значима, чем роль некогда Духа; 2) все три канала стали полезны человеку не сами по себе, а только на путях взаимодополнения и гармонии; 3) и, наконец, потому, что сам духовный канал перестал быть для нас чем-то божественным, недоступным, запретным...»⁶⁶. Говоря о создании «Вечной Книги Человеческого Бытия», А. Н. Трухин утверждает необходимость «синтетической религии», объединяющей многое из созданного ранее: «такая религия (хотя не исключено — что это ее предтеча) появилась в середине XIX века и получила название по имени одного из своих основателей — бахаи (от имени Баха-Уллы). Ее рождение не означает преждевременной смерти буддизма, христианства и ислама, как и иных религий, но все они по сути разноформенные "программы" непрерывной эволюции единого и многообразного рода человеческого»⁶⁷.

Особое место в поисках общечеловеческого в российской культуре А. Н. Трухин отводит Л. Н. Толстому, которого он называет «*предтечей* таких великих представителей этого расширяющегося процесса осмысления мира, как А. Швейцер,

⁶⁶ Трухин А. Н. Проблема конструирования общечеловеческих моделей мира. Екатеринбург, 1993. С. 26.

⁶⁷ Там же. С. 26.

М. Ганди, В. Вернадский, Н. Рерих, лично знавших и заочно учившихся у Толстого умению искать человеческое под любой оболочкой; считавших его своим учителем по их общечеловеческим научным и литературно-философским поискам»⁶⁸. К числу универсальных принципов нового миропонимания Л. Н. Толстого исследователь относит требование «не платить никогда и ни при каких обстоятельствах злом за зло»⁶⁹.

Принцип непротivления злу насилieм, как показывает А. Н. Трухин, вытекает из общечеловеческих нравственных принципов, особенно ярко выраженных в мировых религиях. За каждой ипостасью — Духом, Социо, Экосом — рисуются великие фигуры носителей главной идеи, среди которых Л. Толстой, М. Ганди и Н. Рерих. Автор выводит «правила поведения» во взаимоотношениях Природы и Человечества: «1) единство рода человеческого невозможно без единения более высокого порядка — Природы и человечества; 2) единство природы и человечества — факт космический, геологический и естественноисторический...; 3) человек и человечество... не есть эпицентр и космическая вершина мировой эволюции; не являются они и единственным живым веществом; 4) через различные общие каналы..., особенно такой загадочный для человечества, каковым является Духовный канал, Природа и человечество ведут постоянный диалог друг с другом... 5) пути взаимодействия Природы и человечества — многообразны, а суть их одна: через разгадку Основных Законов Вселенной с помощью общечеловеческих физических и духовных ипостасей, особенно последних, максимально — с пользой для каждого "гражданина Вселенной" (К. Э. Циолковский) продолжить созидание Вечной Книги Человеческого Мироздания»⁷⁰.

Механизмы кристаллизации (спорадизации) общечеловеческого сознания достаточно разнообразны: выделим институциональный, социокультурный, информационный, личностный, идеально-духовный критерии их классификации. К институциональным механизмам становления общечеловеческого сознания

⁶⁸ Там же. С. 28.

⁶⁹ Там же. С. 29.

⁷⁰ Там же. С. 34—35.

относятся, например, функционирование федеративного государства, системы образования, науки (как социального организма) и т. д. Заметим при этом, что опыт союзного и советского государства в России (ориентированный на интернационализм и всемирность) оказался не столь эффективным в плане формирования феноменов общечеловеческого, ибо не способствовал решению главного вопроса: бытия общечеловеческого в формах, сохраняющих индивидуальное лицо субъекта, рассматриваемого в узком и широком смыслах слова. Важно и то, что каждая образовательная система имеет свой общечеловеческий потенциал, создаваемый на путях кросскультурного общения и социокультурной конвергенции. Российская школа образования славилась именно тем, что задавала в лучших своих примерах широчайший культурный контекст, о чем свидетельствуют Царскосельский Лицей, или, например, гимназия Карла Мая в Санкт-Петербурге. В других случаях, например в классовой партийно-идеологизированной советской системе образования и культуры, общечеловеческое сохранялось на уровне человеческой эмоционально-чувственной сферы, вне рамок официальной культуры, т.е. в культуре с человеческим лицом. Наука, так же как и образование, умела в самые национально и социально тотализированные эпохи сохранять свой международный, общечеловеческий, планетарный статус.

Самыми мощными рычагами формирования общечеловеческого сознания на сегодняшний день выступают система средств массовой информации и института Организации Объединенных Наций. ООН является, по сути дела, своеобразной экспериментальной площадкой и лабораторией отработки моделей общечеловеческого сознания. Важнейшим социокультурным механизмом формирования общечеловеческого сознания следует признать декларационно-конституционный плебисцитарный процесс: чем глубже он затрагивает общественную жизнь, тем полноценнее отрабатываются диалектико-полилогические формы принятия решений. В этой связи следует отметить, что культура процедуры в формировании общечеловеческого сознания может рассматриваться как необходимое условие его реализации.

Утверждение общечеловеческого сознания — это не форма насилия истории или прогрессивного большинства или меньшинства, а форма ненасильственного, толерантного, консенсусного, конвергентного утверждения согласия в материальном и духовном бытии цивилизации. Так, постепенно в гуманитарном знании вызревают социально-планетарные эмпирические обобщения конвенционалистского характера, достигнутые в социально-апробированных формах. Именно на этом уровне так называемое ненаучное сознание может обнаружить свое необычное общезначимое лицо. Ноосферное сознание, рассматриваемое как общественное сознание в контексте традиционных подходов, включает в себя все элементы структуры общественного сознания. Однако, само рассмотрение общественного сознания через призму сознания ноосферного превращает первое в общецивилизационное «общественное сознание» (социосферное сознание). На наших глазах происходит расширение предметной области за счет выхода в новую значительно более масштабную систему. Формы (или виды) общественного сознания претерпевают серьезные изменения, главным из которых является их глобализация и общечеловеческая доминанта. В результате этих новаций появляются глобальное экологическое, глобальное экономическое, глобальное демографическое, глобальное экологическое, глобальное климато-метеорологическое сознание, а также общечеловеческое правовое, общечеловеческое художественное, общечеловеческое моральное, общечеловеческое философское, общечеловеческое эстетическое, общечеловеческое религиозное (экуменическое) сознание.

Качественное изменение форм общественного сознания постепенно приводит к кристаллизации нового типа сознания — ноосферного сознания, которое приобретает другие измерения. История ноосферного сознания предполагает глобальный подход к анализу сознания, т.е. требует рассмотрения сознания как некоего единого организма, процесс становления которого охватывает, по крайней мере, последние десятки тысяч лет. История религиозного сознания, как известно, имеет гораздо большую продолжительность, нежели история научного сознания: в филогенетическом плане последнее как бы напластовывается на более ранние формы сознания, а то, что представляет собой се-

годняшнее сознание в его организмической структуре, остается в достаточной мере неопределенным и неоформленным. Современное сознание не имеет той «целостности-организованности», которая способствовала бы вписыванию человеческой цивилизованности в космопланетарный универсум.

В силу того что каждая эпоха порождает свое собственное синтетическое единство различных сфер сознания, свое особое соотношение науки и религии, искусства и философии, специфичность пересечения и перекличек естественных и гуманитарных, экологических и космологических наук, современная эпоха характеризуется перераспределением массивов знания между естествознанием и обществознанием. Взрыв научного творчества и научного знания предопределил актуализацию изымания из истории колоссальных запасов несистематизированного гуманитарного, обществоведческого знания, наработанного различными культурными общностями. Выправление диспропорции в сферах целеполагания, ценностных ориентаций — одна из актуальных задач формирования полноценного человеческого сознания — ноосферного сознания.

К фундаментальным материальным и духовным предпосылкам становления ноосферного сознания следует, таким образом, отнести, *во-первых*, философский и методологический статус общечеловеческих ценностей; *во-вторых*, факт становления общечеловеческого сознания как отражения единого бытия цивилизованного человечества на пороге XXI века; *в-третьих*, единый информационный поток, функционирование которого обеспечивается глобальными компьютерными сетями и космической связью; *в-четвертых*, выход человеческой цивилизации на этап научного управления социоприродными процессами, в котором переплетаются процессы социальной трансформации, научно-технической революции и человеческой революции.

Универсумно-онтологический статус категориальной пары «ноосферное сознание и ноосферная реальность» предполагает анализ гносеологических, аксиологических и праксиологических моментов. Особую роль играют именно последние, так как праксиологическая сторона ноосферного сознания и предстает перед нами как ноосферная реальность. Отдавая должное философским идеям К. Маркса о формах переустройства мира,

перефразируем одиннадцатый тезис известных «Тезисов о Фейербахе» следующим образом: «Философы различным образом объясняли мир, а дело заключается в том, чтобы, понимая и познавая его, разумно изменять его методами "тонкой подгонки" на началах современной науки в синтезе ее гуманитарного, естественнонаучного, экологического и технического знания с учетом всего арсенала общечеловеческих ценностей, выработанных человеческой цивилизацией».

Ноосферная реальность конца XX века коренным образом отличается от реальностей и реалий разумно организованных обществ прошлого своей обостренной амбивалентностью, и ее превращение в однозначную оптимистическую или пессимистическую реальность зависит во многом от интенсивности складывания ноосферного сознания человека и человечества в целом.

Синкретичность духовной культуры и системность ноосферного сознания

Культура всегда выражается через человека, а значит она стремится к целокупности, «непротиворечивой противоречивости»: чем глубже человек погружается в культуру, тем более глубокий синтез при этом рождается. Симбиоз культуры и человека имеет характер онтологической субъективности, ибо культура живет актуально только в субъектно-антропном измерении. Силы противоречий исторического процесса и социокультурной динамики формируют выразителя культуры — художника мира. Он может отразить национальную, историческую, социальную специфику культуры, но может охватить ее целиком — на уровне общечеловеческом, на уровне универсальности. Так возникают различные типы духовной тотальности — синкретичность, органичность, синтетичность.

Синкретичность подразумевает самоидентичность и работает на базе художественной составляющей культуры; *органичность* фиксирует сложную организованность элементов (системность), в которой один из них оказывается доминирующим; *синтетичность* требует «рядоположенности», «равноправия» составляющих элементов и вместе с тем характеризуется

открытостью сверхсистемы в метасистему. Синтетичность системы знания обладает качеством представленности и одновременно непостижимости, ибо образ оказывается мощнее идеи, символ сложнее знака, смысл обширнее слова.

Синкретичность знания отчетливо звучит в культуре храмовой Софии, а в классической форме обнаруживается в софийном тексте религиозно-философских размышлений А. Рублева в «Троице Ветхозаветной». «Наукобожие» Н. Ф. Федорова — один из самых возвышенных примеров *органичности* знания. В полной мере *синтетичность* знания присуща учению В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу.

Одним из главных постулатов культурологии является тезис о единстве и целостности мировой культуры. Культура человеческой цивилизации неразрывна в той же самой мере, в которой един Мир, окружающий человека: осознание современным деидеологизированным человеком синкретичности культуры в значительной степени вызвано многообразными проявлениями глобализации и планетаризации человеческого бытия. *Планетаризация сознания и культуры* — итог длительного исторического периода, результатом которого стало превращение природного («натурального», «естественного») человека (человека биосферы) в человека искусственного (человека ноосферы). Этот факт позволяет взглянуть на историю развития человеческой цивилизации с точки зрения «*ноосферного финализма*» — конкретных проявлений процесса перехода биосферы в ноосферу. Теоретически идея целостности культуры не вызывает сомнений, однако понимание этой целостности имеет различное выражение: по-своему целостна православная культура; не вызывает сомнений и целостность современной научной картины мира. В каждой национальной культуре имеются исторически своеобразные матрицы представлений о целостности культуры. В российской традиции целостность отечественной культуры приобретает космические, вселенские масштабы вне зависимости от личности культуролога.

Среди самых существенных *универсалий культуры* выделяются категории «Бог», «Мир», «Человек». Три универсумные оси координат образуют «трехмерное» пространство бытия в мире (вложенности в мир). Глубинное размышление над уни-

версалиями есть предмет не только культурологии, но и в целом всей национальной культуры, ибо в этой сфере отчетливей всего проявляется ее смысл, ее значение и ее особенности. Устранение из рефлексии целостной культуры одной из ее ипостасей, одной из ее универсалий приводит, в конечном итоге, к формированию чувства неродственности, выброшенности, внемирности. Чем сильнее человек чувствует эту всеобщую дизъюнктивность «Бога — Мира — Человека», тем сильнее он стремится к недизъюнктивности бытия в Универсуме. Бог как Универсум утверждает в человеке как в универсуме стремление жить в мире как в универсуме, т.е. *построить его в сознании и в действительности* по своим собственным законам. Достижение такой всеобщей гармонии универсалий возможно лишь в искусстве — это первая форма онтологического родства с миром.

Наиболее репрезентативен этот опыт в таких феноменах культуры, как «Владимирская икона Божьей Матери», «Троица Ветхозаветная» А. Рублева, которые представляют собой «универсальный лексикон» русской и православной культуры, ее сердце, ее символ, ее Слово. В данной связи мысль П. Флоренского о том, что «Троица» есть доказательство бытия Божия, может быть понята и как доказательство бытия Человечия и бытия Мирности. Всеобщая синкретичность достигает в рублевской Троице абсолютных значений.

Толкование Образа — задача еще более сложная, чем толкование откровения в Слове, однако некоторые религиозно-философские и общенаучно-системные идеи пунктирно могут быть прочерчены и в этом случае. Идея неразделенности Бога — Мира — Человека, идея открытости Бога, Мира и Человека, идея Вселенскости (универсумности, сверхсистемности), идея круго-асимметричной аксиологической интенциональности, идея телесной духовности и духовной телесности — все это и многое другое выражается и постигается посредством «умозрения в красках». «Троица» А. Рублева — это форма бесконечного смыслопорождения, символ всеобщности бытия человека в Боге и Мире. Святость религиозного творчества делает философичность А. Рублева исходным моментом всего русского философствования, фаворским светом русской философии. Все это превращает Образ, им созданный, не просто в символ Высокой

Средневековой и Возрожденческой культуры, а в интегративный, фундаментальный *феномен Мировой культуры*.

В послерублевское время процесс дивергенции религиозного сознания, фактор внедрения словесного философствования, широкое распространение всего спектра научного знания привели к распаду целостного взгляда на мир и ценности культуры. На протяжении XVII—XVIII веков идет «телесный рост новой культуры», создаются предпосылки для рождения в XIX веке новой культурной тотальности, в которой особую роль начинает играть научная мысль.

Одним из первых, кто ставил перед собой непосильную «просвещенческую» задачу помещения человека в «новый мир», был А. Н. Радищев, однако традиции «энциклопедистов» не смогли прорасти в русской культуре столь быстро. Создание цельных органических концепций, в которых наука занимала бы подобающее ей место, наряду с религиозным, философским и художественным контекстами, относится к последней трети XIX века.

Самая значительная попытка системосозидания (миропостроения) связана с именем Н. Ф. Федорова. Его «наукобожие» являлось типичным примером «библоснания» (книгознания), рожденное как синтез книжного знания и ясновидения: в этом его сила и ее слабость. Философия «Общего Дела» — это и религия Общего Дела, и философия Общего Дела, и наука Общего Дела, и искусство Общего Дела. Масштабность Федорова-мыслителя заключается в том, что он заглянул в XX век с его поисками единой религии, родственности религиозного и философского знания, взаимосвязи науки и религии, художественного видения новой глобально-космической реальности. «Положительное целомудрие» Н. Ф. Федорова⁷¹ как раз и подразумевает слияние чувства и интуиции, веры и знания, опыта подвижников и мечты философов, искусства и науки.

Утопичность и иллюзорность провидений Н. Ф. Федорова вытекает прежде всего из того, что наука в его историческое время еще не достигла той степени развития и той высоты, которые соответствовали бы возможностям преобразования Природы (природы природы и природы человека). Огромный скачок

⁷¹ См.: Семёнова С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни. М., 1990.

в развитии науки уже через полвека породил новые формы тотальности знания. Идеи Общего Дела закономерно в логике социокультурного процесса переросли в ноосферные идеи В. И. Вернадского.

В творчестве Н. Ф. Федорова, таким образом, отчетливо проявляется вселенская интенциональность русской культуры, дерзновенная попытка преодоления всеобщей «неродственности», которая порождала стремления к достижению софийности, соборности, всеединства, коммюнитарности, коммунативности, союзности, ноосферности.

Логика духовного синтеза в каждом конкретном случае индивидуальна: синтез Н. Ф. Федорова сильно отличается от всеобщего синтеза В. И. Вернадского, П. А. Флоренского, Д. Л. Андреева и других. Чувственно-эротический исток, зерно «неродственности» проросло философией Общего Дела через сильное религиозное чувство (стремление ко всеобщей связи) и религиозное знание (выраженное в основных постулатах христианской теологии). Феномен наукобожия представляет собой опережающую время разновидность «неотомизма» и знаменует поворот в оценках соотношения науки и религии, имевшийся в российской культуре.

Другой знаменательной особенностью учения Н. Ф. Федорова является утверждение чувственной, художественной (художнической) ипостаси философии Общего Дела — ее нравственного, эротического и эстетического измерений. Особая роль искусства используется мыслителем в тех случаях, когда возникает потребность заполнить «белые пятна», сохраняющиеся в силу неполноты научного знания. Истоки модернизма, авангардистских художественных миропостроений начала XX века в неменьшей степени связаны с исканиями Н. Ф. Федорова, чем с творчеством В. С. Соловьева. В логике «Общего Дела» отражены созвучия и диссонансы коллективных размышлений Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Л. Н. Толстого, которые позволяют глубже понять специфику федоровского синтеза: движение от религиозно-философского к научному и глобально-художественному, космическому видению рождающегося мира, в котором причудливо переплелись «Логос», «Эрос» и «Эйдос».

Нельзя не отметить такую черту федоровских построений как «позитивизм». Федоровский позитивизм, «истинный позитивизм есть учение о воскрешении... такой позитивизм, который устраняет всякую возможность агностицизма, т. е. чего-либо недоступного знанию»⁷². Соединенность знания и дела говорят о праксиологической интенциональности идей Федорова, о его духе практического переустройства мира. В этом смысле Н. Ф. Федоров оказался Революционером с большой буквы, ибо он ставил задачу изменения не только сознания, не только человека, не только общества, но и природы в целом, Космоса-Вселенной. Культура России XX века доросла до пророческого потенциала Н. Ф. Федорова, может быть, не столько в самом знании и понимании наследия мыслителя, сколько в общей логике своего движения.

Логика синтеза знаний В. И. Вернадского сильно отличается от того, что присуще синтезу Н. Ф. Федорова. В. И. Вернадский — как человек и мыслитель — иной классический тип русской интеллигенции, его поле единого знания имеет в большей степени онтолого-гносеологический, а не аксиологический пафос. В лучших традициях российской школы научного мышления он выстраивал здание Мира, положив в его фундамент эмпирические обобщения эпохи, единое научное знание. С одной стороны, натуралист Вернадский задает в учении о биосфере интегративную тенденцию в науке, с другой, он вписывает научную мысль в общий контекст культуры, создает основы науки о науке (науковедение, наукологии). На научном базисе строится весь блок *ноосферного знания*.

Важной характеристикой смычки блоков ноосферного знания является задание формально-логического содержания и философско-метафизического следования научного знания в знание натурфилософское, социально-философское и антропософское. Одной из главных проблем, к которым В. И. Вернадский постоянно обращается, является взаимосвязь эмпирических обобщений научного знания с философскими и религиоз-

⁷² Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Федоров Н. Ф. Сочинения. М., 1982. С. 54.

ными идеями, однако эти проблемы еще требуют пристального изучения. Еще менее изучена эстетико-художественная сторона ноосферного видения мира: переводение в отчетливое словесное и вещественное выражение аксиологии (прежде всего эстетики) неживого, живого и разумного вещества представляет собой большие трудности, с которыми сталкивается философия современного искусства.

Одной из тем дискуссий, обозначившихся в последнее время, является осмысление соотношения философии и науки, параллельно ей идет обсуждение места религии в духовной жизни общества. В этой связи поучительно обратиться к творчеству В. И. Вернадского, научный авторитет которого общепризнан, но глубина понимания им мира еще только начинает осознаваться.

Важнейшей идеей В. И. Вернадского является признание глубокой духовной взаимосвязи религии, философии и науки. В истории философской мысли эта взаимосвязь получила различное толкование: от примата веры, до отрицания самоценности философии и абсолютизации науки. В. И. Вернадский, исследуя феномен научной мысли, старался избежать «ловушек» абсолютизации различных сторон духовной жизни. Он отмечал, с одной стороны, триединство духовной жизни человечества, а с другой, — тщательно анализировал исторические и логические аспекты взаимодействия религии, философии, науки.

«Наука, — пишет В. И. Вернадский, — в социальной жизни резко отличается от философии и религии тем, что она по существу едина и одинакова для всех времен, социальных сред и государственных образований»⁷³. Общечеловеческий смысл научной мысли не закрывает громадное значение мысли философской и религиозной. Ученый отмечал: «Я смотрю на значение философии в развитии знания совсем иначе, чем большинство натуралистов, и придаю ей огромное плодотворное значение. Мне кажется, что это стороны одного и того же процесса — стороны совершенно неизбежные и неотделимые. Они отделяются в нашем уме. Если бы одна из них заглохла, прекратился бы живой рост другой... Философия всегда заключает зародыши, и даже иногда

⁷³ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 81—82.

предвосхищает целые области будущего развития науки, и только благодаря одновременной работе человеческого ума в этой области получается правильная критика неизбежных схематических построений науки. В истории развития научной мысли можно ясно и точно проследить такое значение философии, как корней и жизненной атмосферы научного искания»⁷⁴.

Отношение В. И. Вернадского к религиозным проблемам также имеет свою специфику. «В истории религий, — отмечает он, — в каких бы формах они ни проявлялись — теистических, пантеистических, атеистических — реальное стремление к единству было неизбежным, так как все они основаны на вере и на преодолении рационалистических сомнений в их правильности. Жизнь неизбежно разбивала это стремление, но верующие, несмотря на горький опыт поколений, верят в существование этого идеала. С ростом научного знания реальное значение этой веры во всемирной истории быстро падает»⁷⁵. Вместе с тем В. И. Вернадский высоко ценил творчество С. Н. Трубецкого, П. А. Флоренского, П. Тейяра де Шардена — мыслителей религиозного понимания мира.

В современных условиях, как и в начале XX века, соревнование религии, философии и науки вновь становится свободным, хотя негативные последствия насильственного прерывания совместного горения религиозной, философской и научной мысли до конца еще не преодолены.

Размышления над идеями В. И. Вернадского о диалектике ипостасей единой культуры более глубоко ставят вопрос о формировании современного научного мировоззрения: оно должно естественно развиваться и самостоятельно преодолевать серьезные мировоззренческие и философские проблемы, ибо только так, посредством смелой свободной научной мысли, формируется новое качество сознания и преобразования природы — *ноосферное сознание*.

Центральным вопросом всеобщего синтеза культуры является вопрос о взаимосвязи духовной и материальной культуры. Суть его хорошо выразил П. Н. Милюков. С одной стороны,

⁷⁴ Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 7.

⁷⁵ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 82.

утверждает он, не правы «сторонники мировоззрения, резко отделявшего духовное от материального и ставящего "душу" на недостижимую высоту над "материей". Полемизировать против такого резкого разделения "души" и "материи" было бы в наше время (1930-е годы. — Г. С.) анахронизмом. Не только откровенно теологическое, но и откровенно метафизическое доказательство преимущества "духовной" культуры перед "материальной" давно и надолго потеряло кредит доверия в глазах сторонников научного знания»⁷⁶. С другой стороны, русский культуролог считает, что «для собственного вполне *научного* социологического объяснения основной принцип экономического материализма оказался слишком узок и догматичен»⁷⁷. Думается, что П. Н. Милюков точно выразил суть доминантной позиции в русской науке, утверждая, что «отказавшись выводить "духовное" из "материального" — точно так же, как и противопоставлять одно другому, — мы тем самым уже поставили иную задачу для исторических объяснений духовной жизни... прежде, чем изучать *взаимодействие* разных сторон человеческой культуры, надо *познакомиться* с их внутренней *эволюцией*»⁷⁸.

Прекрасно чувствуя логику культурологического видения истории России, П. Н. Милюков точно подмечает, что к недоразумениям и предрассудкам относится такое популярное представление о русской духовной культуре, как привычка объяснять особенности духовной жизни России из особенного склада народного духа, из русского национального характера. «С нашей точки зрения, — пишет П. Н. Милюков, — это значит объяснять одно неизвестное посредством другого, еще более неизвестного...»⁷⁹. Уходя от дихотомических построений, самый проникательный и энциклопедичный историк русской культуры предлагает неожиданную классификацию элементов культурного (культурологического) движения: «Церковь и школа — таковы два главных фактора русской, как и всякой другой, духовной

⁷⁶ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 10.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же. С. 12.

⁷⁹ Там же. С. 14.

культуры»⁸⁰. Используемый П. Н. Милюковым методологический багаж требует «рассматривать явления духовной культуры в той непосредственной связи с *орудиями* просвещения, в которой стоят они в жизни»⁸¹.

Стремление к постижению целостности культуры — одна из самых значительных тенденций развития сегодняшней российской культуры. Вне этого процесса невозможно было бы анализировать процесс становления ноосферного сознания в контексте Ноосферного универсума. В этом смысле культурность является личностным, или intersубъективным (субъектным), феноменом соединенности религиозного, философского, научного и художественного видения мира. Обращение ко всему массиву человеческой культуры, культурологическому освоению мира в XX веке закономерно, ибо культура как проявленность культурной биогеохимической энергии представляет собой интегративный, системообразующий фактор социоприродной среды (ноосферной реальности).

Как показывает накопленный духовный и практический опыт, отдельно ни религиозный, ни философский, ни научный, ни художественный образ мира не фиксирует соотносимость человека с миром во всем богатстве его проявления. XX век, воплотивший в себе соединенность единого Духовного и развенчавший одностороннюю самость и «суверенность», обнаружил в формах культуры *синтез возможного*, стал веком синтетических мировоззренческих конструкций, которые пришли на смену мировым религиозным системам, фундаментальным философским учениям, научным парадигмам. Более того, *в миропостроительном синтезе объемлются религиомы, философы, парадигмы предшествующих эпох*, составляя тем самым систему цельного знания — знания, описывающего реальность, поддающуюся охвату современными формами человеческой субъективности (intersубъективности).

Вeer синтетических мировоззренческих конструкций достаточно пестр: в нем можно обнаружить «родимые пятна» прежних культурных предпочтений и субъективных интенций;

⁸⁰ Там же. С. 15.

⁸¹ Там же.

еще более многообразны формы выражения этих конструкций. Однако в мировой культуре тенденция наработки опыта *всеобщего синтеза* отчетливо выражена и проявлена: существуют не только три основных его варианта — европейский, российский и восточный, но и разнообразные кросскультурные модификации, заполняющие пространство между основными течениями мирового синтетического процесса. Так, творчество П. А. Флоренского может быть рассмотрено как «чисто российский» (универсумно-православный) синтез, идеи В. И. Вернадского тяготеют к формам западного синтеза, изофилософское миропостроение Н. К. Рериха — ближе к восточным формам синтеза.

Синтетические системы взаимодополнительны, не строясь по иерархическому принципу, они более похожи на живых и разумных субъектов (перешедших в онтологические состояния идеальносфер, порожденных творцами). Анализ социодинамики современной российской культуры позволяет выделить как «идеальный тип» учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Именно по этой причине проблема соотношения ноосферной реальности и знания о ноосфере становится предметом углубленного историко-генетического и философско-методологического плана.

Ноосферное сознание — сознание, выражающее отобранные временем формы культурного бытия. В силу непосредственной связи ноосферного сознания и ноосферного бытия структура последнего чрезвычайно сложна. Она лишь до некоторой степени объемлется традиционными — историческим, логическим, генетическим — подходами к анализу общественного сознания. Исследование ноосферного сознания предполагает максимально широкое философско-методологическое осмысление, так как главной его характеристикой является планетарность, глобальность и общечеловеческий характер. Этим сторонам осмысления сознания в философской литературе последних десятилетий уделено мало внимания.

Целостность ноосферного сознания, проистекающая из социокультурного и космопланетарного контекста, проявляется, во-первых, в разлитости сознания и охвате посредством разумной человеческой деятельности единой ноосферной реальности; во-вторых, в конвергенции национальных культур, которая ста-

ла самым значительным событием последних двух-трех десятилетий в мировой социокультурной динамике; в-третьих, в действительном соединении четырех главных ипостасей духовной культуры; в-четвертых, в признании мировой общественностью иерархии всеобщих общечеловеческих ценностей; в-пятых, в формировании социальных механизмов формирования и развития системы сознания цивилизованного человечества. Таким образом, проблема целостности ноосферного сознания представляется одной из самых сложных и перспективных и требует своего дальнейшего изучения.

От ноосферной идеи — к ноосферному миропостроению⁸²

Каждая идея в истории культуры имеет свое место и время, она внезапно рождается и подчас незаметно умирает, трансформируясь или пересекаясь с другой идеей, тем самым рождая другой духовный феномен. В толщах пластов истории культуры порой очень трудно установить генетические связи идей, тем более, что идеи иногда меняют не только одежду, но и лицо, характер поведения. Под воздействием разнообразных геополитических, экономических, социокультурных условий и обстоятельств складывается социокультурная динамика любой идеи. Однако есть идеи, имеющие глобальный общечеловеческий характер, масштабность социодинамики которых превосходит все обычные историко-культурные хронотопные локальности.

В центре внимания отечественных философов и культурологов XX века неизменно оказывалась «русская идея»: квинтэссенция русской культуры, наиболее точное абстрактное, сущностное, а также аксиологическое и интенциональное ее выражение. «Русская идея» Н. А. Бердяева (1946) поставила сверхзадачу — дать фундаментальное историко-философское обоснование ценностей русской культуры. «Русская идея» была написана в эпоху, казалось бы, победы идей социализма, восторжествовавших над фашистскими идеями розни и разрушения. «Германская идея» — есть идея господства, преобладания, могущества; русская же идея есть идея коммюнитарности и братства

⁸² Написано в соавторстве с Г. И. Батуриной и Ю. М. Серовым.

людей и народов»⁸³. Размышляя о русской идее, Н. А. Бердяев не отбрасывает идеи русского коммунизма, а пытается вплести их контекст тысячелетнего развития российской культуры. «Русская идея» как национальная идея приобретала разные формы, но ее толкование всегда стремилось к максимальному расширению. Вселенскость «русской идеи» закрепились русским космизмом — системой взглядов, которая в современных условиях обретает второе дыхание и все сильнее воздействует на развитие духовной жизни российского общества.

В современной литературе существует несколько вариантов истолкования сущности «русской идеи». Один подход рассматривает «русскую идею» как устаревшую, нецивилизованную и неинструментальную, отжившую свой век. Другая точка зрения, наоборот, требует вернуться в лоно ортодоксальной «русской идеи», предполагая, что только это спасет Россию и весь мир. Среди крайних позиций можно обнаружить геополитически и исторически оправданные взвешенные трактовки места и роли «русской идеи» в современном духовном пейзаже.

Три идеи — *православная, коммунистическая и ноосферная* — это исторические формы развертывания «русской идеи» как «абсолютной идеи русского духа и русской души». Сверхзадача построения Духа в православной идее сменяется сверхцелью построения рая божьего на Земле в коммунистической идее, а в ноосферной идее обретается гармония преобразования материальной и духовной жизни человека, общества, цивилизации — особое понимание единства мира, рассмотрение его как всеединства, как Единого Целого, как Ноосферы, как Универсума.

Проблема поиска российским обществом нового мировоззрения особенно актуальна в сегодняшнее переходное время. Пути ее решения многообразны: они имеют свою социокультурную, региональную и личностную специфику. Обращение к массиву западной философии, возрождение традиций русского философствования, проникновение в духовную жизнь российского общества восточных религиозных и философских течений, укрепление христианско-православных идей — вот далеко

⁸³ Бердяев Н. А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья. СПб., 1992. С. 257.

не полный перечень тенденций развития духовной жизни России. Для дальнейшего мировоззренческого движения вперед возникает потребность развязать «гордиев узел», завязанный «русской идеей», «русским космизмом» и «русским коммунизмом» как архетипическими формами русского мироотношения.

Современное общество обращается к истокам этих поисков — к началу XX века, ибо именно там обнаруживаются первые подступы к новому синтезу. Таким общекультурным Всеобщим синтезом, на наш взгляд, является ноосферная идея, получившая воплощение в идее ноосферы В. И. Вернадского. Основной тезис, вытекающий из исследования социокультурной динамики ноосферной идеи, заключается в том, что *ноосферная идея родилась как пересечение «русской идеи» и «русского космизма», а впоследствии особым образом восприняла идеи «русского социализма» и «русского коммунизма».*

Исходными для осмысления места и роли ноосферной идеи в общекультурном российском процессе являются работы философов и культурологов начала века Н. Бердяева, Н. Лосского, П. Милюкова, П. Сорокина, Е. Трубецкого, С. Франка, а также А. Ахиезера, В. Библера, А. Гулыги, И. Кондакова, Г. Померанца и других. Ближе всех к толкованию «русской идеи» как идеи ноосферной подошел Н. Н. Моисеев, который считает, что «наше общество должно научиться формировать личности, отвечающие современным требованиям планетарной цивилизации. Именно это должно стать "русской идеей" — без этого нам просто не выжить»⁸⁴.

В. Н. Сагатовский, анализируя рождающееся мировоззрение, утверждает, что оно — «антропокосмическое по своим основаниям, ноосферное по своей устремленности и православно-христианское по преемственности духовных традиций»⁸⁵. В основе этого мировоззрения лежит следующая цепочка ключевых ценностей, которые одновременно являются категориями, раскрывающими существо русской идеи: «Соборность — Всеединство — Общее Дело — Ноосфера». Таким образом, идея ноосфе-

⁸⁴ Моисеев Н. Н. Восхождение к разуму. М., 1993. С. 102.

⁸⁵ Сагатовский В. Н. Русская идея: Продолжим ли прерванный путь? СПб., 1994. С. 163.

ры включается в контекст «русской идеи», рассматривается как определенный этап ее развития. Этот вывод имеет не только теоретическое, но и важное социально-практическое значение, ибо способствует переосмыслению современной духовной ситуации и выбора «новой национальной идеи». На наш взгляд, анализ ноосферной идеи в форме идеи ноосферы, учения о переходе биосферы в ноосферу — конкретный путь выхода российской культуры на общечеловеческую общецивилизационную дорогу.

Ноосферная идея возникла как попытка совместить разноточности небесно-божественной, земно-бытийной и идея-идеальной (духовной) субстанций. *Ноосферная идея в социально-историческом плане в течение длительного времени существовала как идея соединенности Бога, Мира и Человека. Она есть идея слияния человека с миром во всех его многообразных проявлениях.* Развитие полифонии ноосферной идеи осуществляется в синкретическом духовном континууме: единство религиозного, художественного, философского и научного как форм человеческого бытия оказывается обязательным условием ее развития, так как задает координаты ноосферной идеи, обеспечивает перетекание смыслов из одной сферы духовности в другую.

Построение историко-философской, социокультурной и социоприродной динамики ноосферной идеи — задача трудная, но осуществимая, особенно если как аксиому использовать максимум: *истинная культура всегда стремится быть ноосферной, а ноосфера — культурной.* Ноосферная идея представляет собой мечту, стремление, «желание» найти форму гармонического слияния с окружающим человека миром, утвердить всеобщий характер своего бытия, найти пути преодоления «страха» выпадения из мировой реальности. Она неотрывна от родового бытия человека и человечества; она сопутствует в различных своих формах всей истории цивилизации, в разные эпохи, приобретая непохожие облики и подчиняясь закону неравномерного скачкообразного развития, специфично проявляясь в тех или иных географических измерениях и культурно-языковых ареалах.

Современный этап развития российской духовности связан, на наш взгляд, с процессом превращения ноосферной идеи в идею Ноосферы, что стало возможным в результате возвращения всего массива мировой культуры (включая культуру Рус-

ского Зарубежья), глубокого постижения идей русского космизма, углубленной проработки творчества В. И. Вернадского. Проблема историко-философского исследования превращения ноосферной идеи в идею Ноосферы была поставлена не слишком давно. Н. Н. Моисеев, например, выразил эту потребность следующим образом: *«Я думаю, что и появление философии всеединства Соловьева, Булгакова, Флоренского также генетически связано с этим (т.е. глубоким внутренним ощущением единства всей природы, включенности человека в Космос) умонастроением. Мне кажется, что было бы весьма полезным, как для истории философии, так и естествознания, проследить развитие идей космизма от его истоков до формирования биосферно-ноосферной концепции В. И. Вернадского. Это тем более интересно, что подобное умонастроение было отголоском глубоких национальных традиций и культуры»*⁸⁶. Историческое развитие ноосферной идеи носило скрытый, подспудный, подсознательный характер. Она являлась под разными именами и в искусстве, и в философии, и в науке, ее развитие шло неравномерно: она прорывалась в одной какой-то области, а затем отзвуки этого прорыва обнаруживались в других культурных ипостасях. Сейчас речь должна идти, на наш взгляд, о полноценном философско-культурологическом исследовании этого процесса.

Ноосферная идея — плод всей российской культуры, а не только ее частных проявлений. Концепция ноосферы — результат развития тысячелетней русской культуры, а идея ноосферы — *явление российской национальной культуры мировому культурному сообществу в качестве ее общечеловеческого содержания*. Эвристический потенциал ноосферной идеи для духовного и материального развития России еще до конца не осмыслен, но ее возрождение во всей полноте — дело ближайшего будущего.

Ноосферная идея имеет в русской культуре не только духовные, но и материальные истоки, которые связаны с типами ноосферной практики. Наиболее сильно представленность ноосферной идеи — *идеи внутреннего и внешнего миропостроения по законам истины, добра и красоты* имеет место в фундаментальных феноменах культуры, т.е. в таких феноменах, которые

⁸⁶ Моисеев Н. Н. Восхождение к разуму. М., 1993. С. 20.

несут наибольший глобально-общечеловеческий потенциал. В русской культуре к таким явлениям можно отнести, в частности, Софийский собор в Киеве, Собор Василия Блаженного, Московский Кремль; «Слово о полку Игореве»; рублевскую «Троицу»... Иносказательное бытие ноосферной идеи в этих и многих других памятниках культуры раскрывается через специфику зрительности, слышимости, осязательности: в каждом из них обнаруживается софийное видение мира, особая парадигма миропостроения. Целостность культуры, в том числе и национальной, например русской, демонстрируется «картинностью» (т.е. данностью человеку) Мира Духа и телесного (органического, земного, космического) Мира. Ноосферность мира в образности Софийского Собора и Собора Василия Блаженного одновременно и разнится и «ладится», выстраивая ось ноосферного движения.

В историческом плане развертывание ноосферной идеи шло руслами создания локальной ноосферной телесности и глобально-общечеловеческой ноосферной духовности. В русской культуре первый момент связан с феноменом скита, храма, монастыря, кремля, усадьбы, а второй — с феноменом Православия. В отдельные исторические периоды усиливалось целенаправленное созидание «телесного» (сады и храмы А. Боголюбовского, Новый Иерусалим Алексея Михайловича, петровские дворцы и парки, социалистический город-сад), а в другие — духовного (первое и второе южнославянские влияния, русское Возрождение, Золотой, Серебряный и Бронзовый века).

В экологической литературе подробно освещены экологические и природоохранные вопросы быта русского крестьянства: на протяжении столетий формировалась культура, которую с полным правом можно было бы называть не только «экологической», но и «ноосферной». Ноосферность как целесообразность и целеполагание рождалась, прежде всего, как органическая соприродность. Крестьянское хозяйство создавало предпосылки для выстраивания параллельной культуры дворянской усадьбы, садово-паркового хронотопа, который в максимальной степени является материальным проявлением ноосферности российской культуры. Не будет преувеличением сказать, что формирующаяся в конце XIX — начале XX века идея ноосферы только потому и смогла обозначиться как феномен культуры, что яви-

лась экстраполяцией мироустройства русской дворянской усадьбы. В этой связи «Вишневый сад» А. П. Чехова — грустное предчувствие разрушения векового идеала устройства мира на основах истины-добра-красоты...

Интенциональность культуры, рассматриваемая в чреде ее фундаментальных феноменов, создает *ноосферный вектор* («вектор ноосферности») развития. Культура может увядать, как дерево зимой, но сила духовности заставляет прорасти ноосферность культуры вновь и вновь. Каждая национальная культура имеет свой ноосферный потенциал, который и образует ноосферное качество человеческой культуры. Архитектоника формирования ноосферной идеи в общечеловеческой культуре может быть развернута и философским конструированием. Моделирование посредством изображения протяженности «духовно-телесного» осуществляется с учетом того, что духовное имеет религиозную, художественную, философскую и научную ипостаси, а телесное фиксируется в оппозициях космического и земного, живого и косного, органического и неорганического, естественного и искусственного.

Структурность телесного (тело Вселенной, биосферное тело Земли, органическое тело человека), которая задает многие факторы духовности, бесконечно сложна; она с большим трудом — лишь в самых общих чертах — описывается даже с учетом той информационной мощи, которой обладает современная цивилизация. «Неприродность» (искусственность) тела современной цивилизации вступает в противоречие с формами бытия Духа. *Ноосферная идея как раз и обустроивает Тело под формы Духа*. Процесс такого (ноосферного) обустройства многоступенчат и труден, он идет чаще всего методом проб и ошибок, но история постепенно создает ноосферный фундамент культуры, и в этом — своеобразный инстинкт самосохранения, выживания человеческой цивилизации. Вызревание телесности ноосферы обременено ее сегодняшним техногенным качеством, а также неэкологическим, хищническо-потребительским качеством человека пока не интегрированной в биосферу техносферы. Процесс формирования ноосферной культуры будет способствовать процессу становления качества ноосферности («человеческого ноосферного качества») в контексте как общего, так особенного и единичного.

Особенность ноосферного миропостроения заключается в том, что телесное и духовное должны сопутствовать, торить друг другу дорогу. Имевшие место исторические разрывы этого единства, как правило, сопровождались социальными и культурными катастрофами. *Действительное ноосферное миропостроение осуществляется лишь в духовно-телесном континууме*, требующем синтеза духовно-научного осмысления и техноэкологического освоения мира. Синкретизм культуры, ее многоцветие и полифония, органичность искусственного и одухотворение естественного в этой связи становятся едва ли не главными качествами ноосферной цивилизации. Ноосферность технокивилизации достигается значительно сложнее, нежели это имело место в отношении крестьянско-земледельческой цивилизации. «Эпохи апокалипсиса», сопровождавшие человечество на протяжении всей его истории, обнаруживают каждый раз крушение идеалов ноосферности в социальных, социоприродных или человеческих сферах в силу «ограниченности» человеческого качества и его духовных оснований.

Феномен ноосферы всегда присутствовал в культуре, но его проявление на уровне теории, а не просто интуиции или художественного образа, стало возможным лишь в XX веке. В известной мере ноосферная идея отшлифовывалась в эпоху Серебряного века русской культуры. Лишь в 1970-е годы ноосферная идея обрела в России второе дыхание, связанное с публикацией трудов В. И. Вернадского и других представителей русского космизма. В наше время идея ноосферы — одна из самых творческих идей, в силу ее открытости мировой культуре. Ноосферная идея, превратившись в идею ноосферы (Ноосферы), имеет тенденцию перерастания в целостные формы общечеловеческой ноосферной духовности.

Ноосферный гуманизм

Теоретическая и практическая философия гуманизма сделала мир таким, какой он есть на сегодняшний момент. Гуманизм как главная идея цивилизованного человечества в каждую новую эпоху представлял в специфической форме концепт места и роли человека в мире. Постепенно сложились такие соци-

альные парадигмы гуманизма как теогуманизм, антропогуманизм, техногуманизм и ноогуманизм, которые строятся на философском пространстве триединства «идеального гуманизма», «материального гуманизма» и «реального гуманизма». В XXI веке формируется новый тип гуманизма — ноосферный гуманизм. Как своего рода возвращение к гуманистической возрожденческой традиции он может рассматриваться как современный аналог египетского герметизма, античного антропологизма и возрожденческого пантеистического гуманизма.

Современный человек все более глубоко и полно осознает вселенский смысл своего бытия: это проявляется в философской, научной и художественной литературе. Как оказывается, самые глубокие истоки ноосферного гуманизма обнаруживаются в египетском герметизме, в частности в «Изумрудной скрижали» Гермеса Трисмегиста⁸⁷. Тяга к постижению общечеловеческим, цивилизационным сознанием космической укорененности человека хорошо видна в успехе книг таких авторов как Г. Маркес, М. Павич, П. Коэльо и других. П. Коэльо сформулировал свою версию «вселенского гуманизма» в духе неогерметизма («Вся вселенная способствует тому, чтобы его (воина Света. — Г. С.) желание осуществилось, пусть даже самым непостижимым для него образом»⁸⁸). Герметизмом открывается и начальная эпоха гуманизма — эпоха теоцентрического гуманизма. Затем возникают такие модификации гуманизма как античный антропоцентризм, возрожденческий теоантропоцентризм (гуманистический пантеизм), на смену которым в Новое время постепенно приходит техноантропоцентризм (в развитых своих формах становящийся техноантропокосмизмом), обретающий к середине XX века форму сциентистского антропоцентризма. С абсолютной доминацией последнего в прошлом столетии гуманизм потерял свой основной смысл, ибо феномен дегуманизации искусства, зафиксированный Х. Ортега-и-Гассетом, приобрел тотальный характер, став характеристикой всей социальной жизни.

⁸⁷ Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. Киев Москва, 1998.

⁸⁸ Коэльо П. Алхимик. Москва; Киев, 2003. С. 7.

В XX веке для развитых стран проблема материально-экономического обеспечения человеческого развития оказалась решенной, но одновременно с этим произошла культурная деградация: техноусредненность породила массовую культуру и «массовый гуманизм». Кризис гуманизма XX века весьма закономерен⁸⁹, ибо процесс развития человечества подошел к формам гегелевского отрицания отрицания: совершается диалектический переворот доминантности в парных категориях «материальный (экономический) гуманизм» — «духовный (общекультурный) гуманизм». Таким образом, возникли предпосылки для появления «нового теоантропоцентристского» гуманизма, какое бы название в будущем он ни получил — биоцентризм, глобальный гуманизм, планетарный гуманизм, космо-планетарный гуманизм, синкретический гуманизм, ноосферный гуманизм (ноогуманизм). Этот факт свидетельствует о новой форме проявления человеческого качества в ноосфере.

Отказаться от идеи гуманизма для современной цивилизации — значит «заказать» конец истории, перечеркнуть все сделанное человечеством. По этой причине самые радикальные исторические пересмотры «парадигмы гуманизма» всегда заканчиваются поиском возможности отойти от гуманизма, фактически не отходя от него, возвращаясь на круги своя. Эта коллизия в полной мере характеризует и современное российское сознание. Не случайно, поэтому в последние десятилетия проблема гуманизма стала «правильным камнем» общечеловеческого развития⁹⁰. Истоки ноосферного гуманизма связаны с тем, что представления о ноосфере, предполагают не антропоцентризм, а антропокосмизм (биоцентризм, нооцентризм), а значит, гуманизм, включающийся в контекст социо-природной реальности, должен обрести новое свое качество⁹¹. Вхождение консолидирующегося человечества в новое тысячелетие предполагает

⁸⁹ См.: Лейбин В. М. «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М., 1982.

⁹⁰ См.: Кууси П. Этот человеческий мир. М., 1988; Фролов И. Т. О человеке и гуманизме. М., 1989; Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990.

⁹¹ См.: Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М., 1980; Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001.

формирование нового гуманизма, возникновение которого напрямую связано с испытаниями и потрясениями XX века⁹².

Появление термина «ноосферный гуманизм»⁹³ весьма своевременно и имеет прямое отношение к научному и социальному творчеству В. И. Вернадского, к учению о переходе биосферы в ноосферу⁹⁴. Выдающийся отечественный мыслитель, задавая иерархию ценностей, выделял как главное свободу, альтруизм, истину и сомнение. Эта тетрада предстает как единство двух парных категорий «свобода — альтруизм» и «истина — сомнение». Обратим внимание на то, что вместо термина «гуманизм» В. И. Вернадский использует понятие «альтруизм», тем самым, фиксируя «другойность» гуманизма: гуманизм как мера восприятия и включения в систему своего бытия не только своей человеческой единичности, но и «человеческого особенного», и «человеческого всеобщего». Образ «ноосферного гуманизма» проявлен в личной и общественной жизни, научном и социальном творчестве В. И. Вернадского⁹⁵, что особенно важно в связи с той трагической (революционной) эпохой, в которую жил и творил ученый. «Как сохранить "реальный гуманизм" в условиях социальной катастрофы?» — вот вопрос, на который помогает ответить обращение к наследию В. И. Вернадского. Классический гуманизм это, очевидно, и есть «альтруизм». Весьма примечательно, что в русской истории эпохой высшего развития альтруизма считаются 70-е годы XIX века⁹⁶ — время народнического движения и вхождения В. И. Вернадского в сознательную жизнь.

В последние годы гуманитарное знание явно оказалось под обаянием постпозитивизма, который утвердил представления о научных парадигмах в исследованиях общественного развития и социо-культурной динамики. Представления о научной

⁹² См.: Антропологическое измерение глобализационных процессов. Владимир, 2003.

⁹³ См.: *Борзенко И. М.* Третий путь // Здравый смысл. 1999. № 11. С. 39—40; *Борзенко И. М.* Планетарные аспекты гуманистического мировоззрения // Здравый смысл. 1999. № 12. С. 59—60; *Борзенко И. М.* Ноосферный гуманизм // Здравый смысл. 1999. № 13. С. 21—22.

⁹⁴ См.: Ресурсы ноосферного движения. Вып 1. М., 2000; Реалии ноосферного развития. М., 2003.

⁹⁵ См.: В. И. Вернадский: ноосферология и образование. М., 2002.

⁹⁶ Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. С. 644.

революции как смене научных парадигм, предложенные Т. Куном, позволили В. С. Степину⁹⁷ выявить три парадигмы современного естествознания (классическую, неклассическую и постнеклассическую) и представить через призму их эволюции разные культурные феномены: искусство, философию, религию. Обратим внимание на то, что многие области гуманитарного знания, не исключая философии и эстетики, оказалось возможным рассмотреть с этой точки зрения. Так, например, В. В. Бычков сформулировал представление о классической, неклассической и постнеклассической эстетике⁹⁸.

Опыт такого рода комплексных гуманитарных исследований позволяет строить экстраполяции в области этики и «гуманистики» (если под ней понимать в широком смысле науку о гуманизме): в этом случае можно было бы говорить о классическом, неклассическом и постнеклассическом (ноосферном) гуманизме. Как это ни покажется странным, но каждый шаг в гуманистическом развитии становился «гуманистической диалектикой» в том смысле, что сопровождается гигантскими социальными катаклизмами. Например, эпоха буржуазных революций разрушила парадигму теогуманизма (пантеистического гуманизма), который целесообразно было бы назвать богоприродным гуманизмом и который являлся своеобразным предшественником становящегося сейчас социо-природного, экологического и ноосферного гуманизма.

Классический гуманизм предстает в качестве античного и возрожденческого гуманизма. Это своего рода антропогуманизм в трех формах: политеистический космо-антропо-гуманизм, монотеистический антропогуманизм и, наконец, пантеистический космогуманизм (вселенский возрожденческий гуманизм). В Новое время произошла гигантская метаморфоза — отрицание классического гуманизма. На место антропогуманизма приходит техногуманизм, постепенно приобретший облик индустриального (промышленного), затем научно-технического (сциентистского) и, наконец, глобального (точнее было бы сказать глобалистского) гуманизма (технокосмогуманизма). Феномен техногума-

⁹⁷ *Степин В. С.* Философская антропология и философия науки. М., 1992.

⁹⁸ *Бычков В. В.* Эстетика. М., 2003.

низма фактически представляет собой факт дегуманизации (т.е. деградации или деструкции традиционного гуманизма). «Биос» и «Нус» оказались поработенными и задавленными «Техносом»: так выстроилась мифология гуманистического развития. Но даже в самый пик своего торжества техницизм не смог уничтожить гуманизм, который ушел в иные экологические ниши и приобрел иные формы. Человеческий инстинкт гуманизма обнаруживает себя и сейчас перед реальной угрозой антропологической катастрофы. Человечество ищет новые модусы Гуманизма с большой буквы. Классический гуманизм не смог противостоять испытаниям индустриальной технореальностью: он ушел не в тот момент, когда Ф. Ницше обнаружил, что «бог умер», а тогда, когда человек оказался винтиком промышленного конвейера технокцилизации. Надлом модели неклассического гуманизма связан с революциями и мировыми войнами XX века, которые выжгли «простой гуманизм», или «простой человеческий гуманизм», постепенно превратив его в «общественный (государственнический) гуманизм».

Возникновение постнеклассической парадигмы гуманизма связано с тем, что человек как разумное живое вещество оказывается перед необходимостью отвечать не только лично за себя, за свою семью, не только за общество, в котором живет, и нацию, к которой принадлежит, он обязан отвечать за человечество в целом (в контексте социоприродного и вселенского бытия).

Философская критика техногенного гуманизма была дана русской философской мыслью в начале XX века, в частности в работах Н. А. Бердяева. Постнеклассическая парадигма гуманизма проявилась в немецкой философской антропологии, а сама по себе такая постановка вопроса предполагает очень развитую форму личностного, персоналистического общечеловеческого сознания. Более того, думается, что в работах А. Швейцера⁹⁹ отчетливо видны характерные черты постнеклассического гуманизма. Вместе с тем, отцом постнеклассического гуманизма может, на наш взгляд, считаться А. Печчеи¹⁰⁰.

⁹⁹ Швейцер А. Жизнь и мысли. М., 1996.

¹⁰⁰ Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

Постнеклассический гуманизм иначе расставляет систему ценностей: человек как существо разумное — царь всего живого, вынужден взять на себя ответственность не только за себя, но и за все живое на земле, а значит и за ту среду обитания, без которой существование живого невозможно. Так кристаллизуется «биосферный гуманизм», который в условиях своей эволюции категориально превращается в «гуманизм ноосферный». Формирование биосферного гуманизма было бы невозможно без «торжественного шествия» экологического понимания мира.

Диалектика взаимодействия организма и окружающей среды такова, что в условиях экспоненциального развития техно-человечества традиционная среда обитания (природа) на самом деле становится организмом, а традиционный организм — цивилизованное человечество — средой обитания. Более того, в постнеклассическом понимании места человека в мире оказываются вовлеченными в формы прямых и обратных связей природа (как неорганическое тело человека), органическое тело человека и сознание человека (человечества). Фактически оказывается, что «разумная сущность человека» (сознание, разум) обладает внутренней (тело) и внешней (природа) средой обитания, а сам человек обретает свойство телесной универсальности, т.е. реальной, открытой породненностью с природой. В этот особом биосферно-ноосферном понимании места человека во Вселенной и заключается предпосылка экспликации постнеклассического (ноосферного) гуманизма.

В истории человечества всегда имели место формы жизнебытия, отвечающие по своей сути Вселенской духовности: жречество, монашество, отшельничество, священничество. Эти социокультурные модальности носили общечеловеческий характер. Истоки российского ноосферного гуманизма связаны с христианским мировидением и лежат в трех важнейших направлениях русской философии — русском космизме, русском органицизме и русском кооперативизме. Эта мировоззренческая парадигма отвечала на вопрос: «Как соборный человек должен вести себя в "кооперативном" обществе (коллективе), учитывая, что космопланетарная среда обитания не может быть четко очерчена?»

Образы ноосферного гуманизма в искусстве достаточно распространены. В православной традиции иконографические варианты «Страшный суд», «Лестница Иоанна Лествичника», «Покров» — это классика христианско-православного гуманизма, и в то же время это предшествующие формы ноосферного гуманизма.

Возможно ли эксплицировать «ноосферный гуманизм» как лишь как христианский феномен? Это один из самых сложных теоретических вопросов конституирования нового понятия. Не утверждая как абсолютную истину, сформулируем тезис о том, что ноосферный гуманизм как общечеловеческая культурная форма своими истоками имеет не только религиозную духовность в разных ее проявлениях (прежде всего в формах мировых религий), но также всю систему философских и научных парадигм.

Христианская составляющая ноосферного гуманизма связана с феноменом человеческого бессмертия, а значит вселенской антроподицеи. Буддистская составляющая ноогуманизма задает формы отношения человека к природе: человек, сохраняя животный и растительный мир, тем самым сохраняет свою собственную человеческую сущность, которая и обретает свое воплощение в процессе совместной эволюции. В свете современных представлений эволюция человека и может определяться тем сложнейшим взаимодействием человека с бесконечным разнообразием живого и неживого вещества, которое обеспечивает биосфера. Правильный вектор человеческого развития в рамках вселенского хронотопа выбирается формами бесконечности разнообразия вещественного, энергетического и информационного обмена.

Первыми провозвестниками прихода постнеклассического гуманизма и возможного возрождения Великого гуманизма в новых формах стали В. С. Соловьев (который одним из первых дал критику ницшеанского «дегуманизма»), В. И. Вернадский, Д. Л. Андреев, А. Швейцер, А. де Сент-Экзюпери, П. Тейяр де Шарден, М. М. Пришвин. Если XIX век — век оплодотворения техногуманизма, то XX век — время торжества дегуманизма, век торжества соматической материально-экономической природы человека. Выпустив из бутылки техноджина, человечество вынуждено было научиться экономически управлять формами человеческого потребления природы и удовлетворения своих

потребностей. Эра дегуманизма, как думается, еще не прошла, более того, скорее всего она вступает в период глобального дегуманизма. А значит, весьма актуален вопрос об отрицании «современного дегуманизма», возрождении Великого гуманизма, становлении ноосферного гуманизма в контексте идей Богочеловека и Богочеловечества.

Формы духовного бытия — родовые формы существования человека и человечества. Они, несмотря ни на что, развиваются, эволюционируют. Православная церковь, может быть, именно тогда потеряла свою пассионарность, когда вместо духовной жизни старообрядческого и православного подвижничества на первое место вышли и победили организационные формы классово-ограниченного конфессионализма. Государство проглотило церковь, но, переварив это социальное существо, оно само обрело черты «церковности». Эта особенность проявила себя в крайних формах в условиях советского общества. Государственническая идеологическая вера, имевшая классовое (не столько рабоче-крестьянское, сколько партийно-номенклатурное) выражение, стала тотальной и смела на полстолетия все иные возможные духовные конфигурации (не только религиозного, но также научно-го, философского и художественного содержания).

В сталинском «уицраоре» российское государство обрело форму идеального типа, к которому стремилось монархическое российское государство, оно стало из дворянско-буржуазного — «народным» и потому действительно «эффективным», ибо ставило перед собой народно-государственнические задачи. Судьба тех революционеров, которые предлагали малой кровью решить исторические задачи России, оказалась предопределена, ибо они рассматривались как те, кто противится становлению беспрецедентной мощи государства, которое в своей самой затемненной комнате хранило мысли о европейском и мировом господстве, о создании единого социалистическо-коммунистического сообщества. Государственнический гуманизм в малокультурном обществе, как оказалось, невозможен: он всегда вырождается в антигуманистический тоталитаризм. С точки зрения метаисторического взгляда на эту проблему, Россия, обретя социалистическое измерение, стала безмерно сильной и бесконечно мощной. Она решала задачи национализации и индустриализации, которые

царское правительство не смогло решить и оказалось неготовым ни к японской, ни к мировой войне. Если использовать медицинскую терминологию, то в условиях революции для сохранения организма общество провело «эндорфиновую» атаку, которая и спасла страну от дележа европейскими хищниками. Тезис о том, что революция спасла Россию, сейчас не очень популярен, но ретроспективный взгляд позволяет сделать вывод, что Россия обрела ту всенародную силу, которая не смогла до конца развернуться в эпоху Отечественной войны 1812 года. У каждой оборотной стороны есть, оказывается, своя лицевая: ленинская социально-социалистическая революция с приходом Сталина стала очень быстро превращаться в мировую социалистическую (коммунистическую) революцию. Конечно, наиболее ярким представителем этой ипостаси Великой российской социальной революции был Л. Троцкий, но очевидно его формы всемирной (перманентной) социалистической революции могли бы вообще погубить Россию как страну, привели бы ее к той участи, которую испытали на себе немецкие национал-социалисты.

В начале XX века, таким образом, совершилась религиозная революция, государственническо-православная доминантность сменилась старообрядческой ментальностью с атеистическо-материалистическим содержанием и прагматическо-деятельностной направленностью (ориентацией). Победила экономная народная религия, всегда осуждавшая помпезную расточительность российского православного государства. Но та форма, в которой это произошло, на долгое время закрыла возможность адекватного понимания метаисторического механизма. Россия — страна верующих и поэтому все фундаментальные пружины исторического развития напрямую связаны с религиозными движениями, какими бы парадигмами науки или философии они не прикрывались.

Помимо теоретических постулатов (аксиом) ноосферного гуманизма можно обнаружить персоналистические формы проявления ноосферного гуманизма в российской культуре. Начнем с принципа утверждения природно-христианского единства бытия человека в «Слове о полку Игореве». В этом понимании родства Природы, Бога и Человека таится корень

ноосферного гуманизма, питающий живыми соками современную культурную крону цивилизованного человечества.

С. Радонежский, заложив основы русской философии троичности, дал понимание смысла троичности Бого-антропо-гуманизма в образах Бога-отца (Природы), Бога-сына (Человека) и Бога Святого Духа (Бога). Троякость гуманизма впервые оказалась столь глубоко теоретически осмысленной. Впервые так сильно проявился «ноосферный смысл» человеческого бытия. Художественный образ Рублевского Троиинства (а затем Всеединство) — важнейший принцип ноосферного гуманизма. А. С. Пушкин жизнью и творчеством утвердил в русской культуре всеобщий гуманистический принцип экзистенциальной человеческой свободы — свободы нравственно-религиозной и свободы интеллектуально-духовной. Логика «человеческого человеческого» (антропогуманистического) развития предполагает полноту свободы бытия не только в социуме, но и во Вселенной.

В российской гуманистической традиции можно обнаружить две противоположные (и соответственно взаимодополняющие) линии — «христианский гуманизм всеединства» В. С. Соловьева и «социально-социалистический разумный эгоизм» Н. Г. Чернышевского, который в полной мере можно было бы назвать «разумным гуманизмом», «социальным гуманизмом», «кооперативно-коллективистским гуманизмом». В своем единстве эти парадигмы создают условия для проявления «социо-природного гуманизма» Н. Ф. Федорова. Обе эти линии в формах разнообразия сохранились до настоящего времени и стимулируют формирование современного российского «ноосферного гуманизма».

Самое яркое теоретическое воплощение тех идей, которые теперь могут быть названы ноосферным гуманизмом, обнаруживают себя в творчестве В. С. Соловьева. Представления о Богочеловечестве могут быть поняты как социально-культурная историко-генетическая форма социо-природного, вселенского гуманизма. Достаточно прочесть одно из писем В. С. Соловьева А. А. Фету, чтобы понять «ноосферную включенность человека», столь ярко увиденную русским мыслителем. «Приветствуют Вас звезд золотые ресницы, и месяц, плывущий по лазурной пустыне, и плачущие степные травы, и розы весенние и

осенние; приветствует Вас густолистый развесистый лес, и блеском вечерним овеянные горы, и милое окно над снежным каштаном. Приветствуют Вас голубые и черные ангелы, глядящие из-за шелковых ресниц, и грот Сивиллы с своей черной дверью. Приветствует вас лев св. Марка, и жар-птица, сидящая на суку извилистом и чудном. Приветствуют Вас все крылатые звуки и лучезарные образы между небом и землею. Кланяется Вам также и меньшая братия: слепой жук и вечерние мошки, и кричащий коростель, и молчаливая жаба, вышедшая на дорогу. А наконец приветствую Вас и я, в виде того серого камня, который вы помянули добрым словом. Плачет серый камень, в пруд роняя слезы. И хоть не над прудом, а над целым океаном человеческой бессмыслицы приходится плакать, но есть и утешение, пока над этим мутным потоком недвижимо стоит светлая радуга чистой поэзии и заранее празднует будущий мир неба с землею. Бесценный мой отрезок настоящей неподдельной радуги, обнимаю Вас мысленно в надежде на скорое свидание»¹⁰¹.

Л. Н. Толстой сформулировал принцип ненасилия в формуле «непротивления злу насилием» и этим тезисом абсолютно-го альтруизма создал прецедент доминирования ноосферности – преобладания добра над злом (которое, как показывает история, всегда делается только «во имя добра»). Ненасилие («недеяние», «неделание») — ключевой тезис ноосферной праксиологии (ноосферной гуманистики). Н. Ф. Федоров одним из первых подошел к адекватной формулировке ноосферного гуманизма в формуле «Общего дела». Ноосферный гуманизм в формах всеединства, свободы и ненасилия как раз и есть «Общее дело», или «всеобщее делание», человеческое миропостроение. Интересна и другая сторона осмысления человеком своего места в мире: «космический гуманизм» К. Э. Циолковского может рассматриваться как абстрактная форма современного ноосферного гуманизма, а сам ученый как своеобразный предтеча «космического человечества». Но есть и существенное различие «космогуманизма» и «ноогуманизма»: для первого характерны исключительно онтологические формы, современный ноогуманизм — ярко выраженная форма аксиологического порядка. Однако, классиче-

¹⁰¹ Соловьев В. С. Письмо А. А. Фету // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991. С. 634.

ская формула ноосферного гуманизма сформулирована В. И. Вернадским в представлениях об автотрофности человечества, а сама философия автотрофности может рассматриваться как философско-теоретическая база ноосферного гуманизма.

Экскурс в корневую систему ноосферного гуманизма был бы неполным без обращения к «художественному природолюбию» М. М. Пришвина, который подарил русской художественно-философской традиции принцип — «В природе как в храме». Он отметил, что в лесу у человека возникают те же ощущения, что и в храме, и тем самым в эпоху советского индустриального апофеоза обозначил Природу как высшую для человека ценность, ценность без которой теряется и сам человек¹⁰². Природа, понимаемая как Абсолют, утверждающая свой потенциал для раскрытия человеческой сущности в формах вселенской эволюции — вот, очевидно, главный смысл «природного гуманизма» человека: возможность гармонического соразвития: очеловечивания природы и оприроднивания человека. Смысл натуралистического принципа ноосферного гуманизма в преодолении технособлазна, т.е. построения мира по принципу расточительности, примитивного (простого) устройства общественного функционирования.

Классический гуманизм, утверждавший абсолютность человека по отношению к Богу, природе, обществу и самому себе, обнажает несовершенство человека, которое в превосходной степени усиливается обострением экономического, социального и этнонационального напряжения. В экстремальных условиях совершается антропологическая инверсия человека, выворачивание наизнанку человека помогает осознать его «унгрудн», подсознательное, «зверино-животное» в человеке.

Русский авангард обнажил другое понимание гуманизма: логика державинского афоризма «Я Бог, Я царь, я червь» достигла своего абсолютного низа. Речь идет не о том, как сохранить максимальный духовный гуманизм, а как не потерять почвенный, минимальный гуманизм («гуманизм низа»), гуманизм который выступает как инстинкт человеческого самосохранения. «Техно-инферно» дегуманизировало человека, сделало его не культурным человеком, а техночеловеком, «винтиком», с ко-

¹⁰² См.: Пришвин М. М. Дневники. М., 1990.

торым считаться столь же постыдно, как и с отслужившим свой век железом. Эра золотого и серебряного гуманизма сменились веком «железного гуманизма», «железной мистерии»¹⁰³. Не случайно именно в это время появляется представление о роботе, на которого никогда, ни при каких ситуациях невозможно перенести гуманистическое отношение.

Завершая философско-культурологический экскурс к истокам ноосферного гуманизма, обратимся к творчеству Д. Л. Андреева. Именно этот российский мыслитель в общекультурной широте задал полисферность человеческого бытия. Смысл его представлений о Розе мира в том, что модель нового гуманизма распространяется не только на биосферу («биосферный гуманизм»), но и на все остальные сферы Вселенского со-бытия человечества¹⁰⁴. Модель Всеобщего пространства — Шаданакара — вмещающего в себя 242 сферы обращает человеческую деятельность не только к формам «грубой» материальной (экономической, физической, технической) деятельности, но и прикосновению к тонким сферам вселенского бытия, которые человек, не вовлеченный в религиозный и культурный контекст, не ощущает, не признает, или просто игнорирует. Так человечество подчас оказывается «варваром Вселенной», не понимая смысла «эволюционного порыва», форм восхождения к точке Омега.

Ноосферная эпоха предполагает несколько иную иерархию гуманистических ценностей, нежели это было в прошлые эпохи. Если раньше гуманизм предполагал обеспечение форм витального и материально-экономического характера, то теперь эти ценности перешли в разряд социальных гарантий и перестали быть ценностями выбора.

Теория и практика ноосферного гуманизма строится на основании предшествующих «гуманистических парадигм». Методология парадигмальности предполагает, что каждая вновь возникающая парадигма не отрицает предшествующую, не уничтожает ее, а вбирает в себя как некий частный случай. В этом случае расширяется область применения (или область действия), вносятся поправки (это могут быть просто защит-

¹⁰³ Андреев Д. Железная мистерия. Поэма. М., 1990.

¹⁰⁴ Андреев Д. Роза Мира. М., 1992.

ные пояса», а могут быть новые парадигмы, новые концепты, новые аттракторы).

Работает ли категорический императив И. Канта применительно к области действия ноосферного гуманизма? Сам этот вопрос может показаться некорректным, ибо, во-первых, задаваемая область вытекает не из самого императива, а из конструктивно задаваемого пространства (иной «нечеловеческой», «космо-планератной» природы), а, во-вторых, «гуманизм» не тождественен «нравственности». Однако, оказывается, что формула: «цель, но не средство» может быть применена к гуманитарно-гуманистическому осмыслению ноосферной (биосферно-ноосферной) реальности.

Традиционно теория морали распространялась на отношения человека с человеком и человека с обществом. Однако в последнее время появилось много работ, в которых философски осмысливается отношение человека к природе, растительному и животному миру. Моральные аспекты отношения общества и природы находят отражение и различных концепциях. Среди прочих, на наш взгляд, наиболее продуктивна и эвристична та, которая рассматривает моральные отношения в рамках единой социоприродной реальности, расширяя тем самым традиционное понимание морали как явления, присущего только обществу. Отталкиваясь от сформулированного Г. Н. Гумницким основного морального отношения «благо общества — высшая цель, благо человека — конечная цель»¹⁰⁵, целесообразно рассмотреть, как постепенно расширяется понятие «благо общества» со вступлением в силу экологических закономерностей, вызванных к жизни комплексом глобальных проблем современности. «Благо общества» превращается в благо всего общества т.е. человечества, а затем находит свое дальнейшее развитие в понятии «благо ноосферы», диалектически совмещающем в себе природную среду и человеческую цивилизацию. Понятие «благо ноосферы» в контексте основного морального отношения может быть воспринято как эквилибристика словами, однако глобальные проблемы современности однозначно указывают на то, что превратно понятое «благо общества» вдруг оборачивается злом

¹⁰⁵ См.: Гумницкий Г. Н. Основные проблемы теории морали. Иваново, 1972.

не только для природы, но и для самого общества. Таким образом, ноосферный подход позволяет сформулировать основное моральное отношение в следующем виде: *«благо ноосферы — высшая цель, благо человека — конечная цель»*. В рамках такой трактовки основного морального отношения преодолевается эгоизм каждого отдельно взятого общества, рассматривающего лишь свое благо как высшую цель, что имело место, например, в условиях холодной войны, а также корысть общества по отношению к природе, принесшая колоссальные экологические, экономические, человеческие и культурные издержки.

Ноосферный аспект основного морального отношения позволяет теоретически осмыслить ту область морального сознания человека и человечества, которая до настоящего времени была развита слабее всего. Речь идет о формировании глобального гуманистического сознания. Раньше его сфера регулировалась заповедями общечеловеческого характера, которые имели отношение и к человеку, и к обществу, и к природе. Однако, в наше время, оставаясь краеугольным камнем нравственного сознания, эти нормы претерпевают закономерное развитие. Ноосферный аспект основного морального отношения дает, пожалуй, самый широкий охват сферы его действия, а значит, является методологической основой системы глобального морального и глобального гуманистического сознания, дополняет сферу научной мысли как планетного явления.

Ноосферный гуманизм — это приоритет сохранения в жизнепригодном (в широком смысле) состоянии окружающей планетарной и космической среды. Это своего рода эксплицитное понимание ноосферного гуманизма. Вместе с тем, ноосферный гуманизм это не только телесно-субстанциональный (экзистенциальный) гуманизм, но и культурно-онтологический гуманизм, ибо неотделим от культурного хронотопа. Ноогуманизм может быть представлен в рамках деятельностного подхода в виде формулы: *сознание — культурная биогеохимическая энергия — Ноосфера*. Сознание, в этом смысле, представляет собой внутреннее миропостроение, правильность которого зависит от Вселенско-универсумной апробации, т.е. адекватности мысли Вселенскому континууму. Ноосфера как бытийная мысль в существующих конкретно-исторических условиях всегда нахо-

дится в пространстве неноосферных процессов. Ноосфера вынашивается в лоне биосферы, а значит, сознание подчиняется до поры до времени только всеобщим законам живого вещества.

Через призму ноосферного гуманизма можно видеть природу и смысл духовно-вселенской эволюции человека и человечества. Человек развивает свои умственные и духовные потенции только постоянным духовным трудом, в той же самой мере, в которой он наращивает свои мускулы в процессе физического труда. Обращаясь к Богу в молитве, общаясь с природой в самых различных формах, человек развивает свои духовные возможности Вселенского бытия. В этом трудовом духовном акте он фактически подталкивает процессы не только своей духовной эволюции, но и эволюции сознания человечества. Становление ноосферного сознания — это процесс духовного подвижничества, фундаментальная духовная эволюция.

В начале третьего тысячелетия человечество реально входит в формы «духовной революции-эволюции». Из огромного этно-национального многообразия постепенно формируется модель человека глобального, планетарного, человека ноосферного, а значит — человека Вселенского (Богочеловека).

В начале 1990-х годов тоталитарное государство со «старообрядческой» диалектико-материалистической идеологией-религией обнаружило свою несостоятельность и вновь совершается процесс отрицания (на этот раз уже отрицания-отрицания). Современное православие как преодоление «закрытости» и «ограниченности» народной религии советского типа есть предпосылка «создания» новой православной религии, ее включения в мировой контекст религиозного модернизма и постмодернизма.

В рамках ноосферной истории уже сейчас сложилась доминантность трех мировых религий — своеобразное выражение ноосферного триединства человеческого сознания. Между этими тремя ипостасями человеческой религиозности формируются с разных сторон «парадигмы» межсистемного взаимодействия в универсуме культуры. К такого рода «паутинкам», связывающим мировые религии и одновременно религию с иными ипостасями культуры — искусством, философией, наукой — можно отнести и последователей Е. П. Блаватской, и рерихианцев, и бахаистов, и последователей А. И. Вейника, и сторонников

Д. Панина, а также многих других, которые реально расширяют «врата восприятия»¹⁰⁶ и тем самым встраивают человеческую цивилизацию во вселенский контекст.

Означает ли этот глобальный процесс общекультурного синтеза ноосферный процесс и соответствует ли ноосферная картина видения мира гуманистической ориентации? Вот те сложные вопросы, которые неизбежно встают, когда речь идет о формировании новой модели гуманизма XXI века. Наша эпоха и наша культура породила не только дегуманизацию искусства, но в полной мере тотальную дегуманизацию культуры. В этом смысле общество «постдвадцатого века» — это постгуманистическая цивилизация. Человеку совершенно нет места в системе технобытия, человек оказывается (на некоторое время или теперь уже навсегда) заложником техноэволюции. Возникает новая эволюционная тотальность. Есть ли возможность и есть ли смысл говорить о новых формах гуманизма, если космопланетарный процесс приобретает характер бес-человеческого, сама эволюция преодолевает человека? Этот вопрос имеет различные формулировки, но это центральный вопрос современной постчеловеческой цивилизации.

Каковы контуры этого типа цивилизации? Прежде всего, история XX века с его революциями и мировыми войнами, которые обнажили не только несовершенство социальных структур, но и несовершенство самого человеческого субстрата, отягощенного гено-телесными атавизмами и архетипами прошлых коллизий борьбы за выживание. Чтобы расстаться с животным наследием человек, очевидно, должен включить в себя формы ново-технического. Не роботы как таковые (т.е. роботы — подобию человека — «терминаторы»), а усовершенствованные люди, которым нанотехнологии и генная инженерия помогут бороться со сжатыми в генах миллиардами лет эволюции. Вот оказывается, в какую сферу реально толкают размышления о бытии человека в интенсивно развивающейся ноосфере XXI века.

Ноосферный гуманизм — это фактически парадигма бытия человека в ближайшие десятилетия цивилизационной нестабильности. В чем же состоят аттракторы ноосферного гуманизма? Первый важнейший момент — это рост духовности. Без нее

¹⁰⁶ *Хаксли О.* Остров. Врата восприятия. Небеса и ад. Киев, 1994.

невозможен человек как родовая сущность, ибо теперь становится совершенно ясно, что человек — не просто существо, обладающее абстрактным мышлением, логическими формами дискурса (такой человек без проблем был бы заменен и заменяется роботами различных типов), это вселенское информационно-духовное существо, развитие которого связано с формами восходящей разумности.

Современная техноэволюция и свидетельствует о том, что человек старых типов формации интенсивно вымывается из исторического процесса: раб — заменяется машиной, производящей грубый физический труд, крепостной — заменяется совершенными технологиями «зеленой революции», традиционный рабочий (как машинно-конвейерный придаток) — гигантскими техно-комплексами, управляемыми компьютерами. Как и предполагал К. Маркс, человек начинает измеряться только формами и масштабом его свободного времени. Современное общество интенсивно убивает образующееся свободное человеческое время, т.е. современное общество устроено так, что восстановительные законы человеческой сущности оказываются игнорируемы, в той же самой мере, в которой игнорируются и социоприродные законы. А раз так, то требуется новая социальная революция, которая предполагает, что эпоха дикой, слепой стихийной социо-технизации и техно-социализации подходит к своему историческому концу. Машина, которая ранее безумно поглощала человека и способствовала его полному (или почти полному) отчуждению, на самом деле в условиях постиндустриальной (информационной) реальности начинает все в более значительной степени возвращать человеку его собственную сущность, которая заложена в нем Природой-Богом. Итак, *духовность — это первый и главный ресурс ноосферного гуманизма*. В контексте русской философии эта духовность есть соборность. Подобное отождествление может показаться несколько некорректным, но в этом заключается опережающий смысл русского космизма, который без сомнения гениально угадал главную тенденцию развития человеческого бытия.

Еще до «Феномена человека» П. Тейяра-де-Шардена русский космизм в своем синархическом единстве¹⁰⁷ прошел всю миллионнолетнюю последующую дистанцию человеческой глобальной эволюции. В представлениях о «Богочеловечестве» (В. С. Соловьева), об «автотрофности человечества» (В. И. Вернадский), о «лучистом человечестве» (К. Э. Циолковский), о «культе света» (Н. К. Рерих), о «Розе мира» (Д. Л. Андреев) во всей полноте были угаданы ноосферные тенденции человеческой вселенской эволюции. Русская классическая философия в этом смысле и создала и спроецировала тот образ человека, который никоим образом не следовал из всей предшествующей «человеческой животной истории». Она как «философия Общего дела» широкими шагами на протяжении конца XIX и всего XX века шла к постижению смысла ноосферного человека и ноосферного гуманизма в его самых начальных и затем развитых формах. Иногда говорят, что «Пушкин — это наше все», в том смысле, что Пушкин сам создал образ человека, каким он будет лет через триста (В. Г. Белинский), а это значит, что, читая и узнавая Пушкина, все последующие поколения постигали, и до настоящего времени постигают, конкретное выражение ноосферного человека. Пушкин подарил нам образ ноосферного гуманизма, и тем самым он является российским аттрактором ноосферного бытия. Этот посыл не потерялся до сих пор и, думается, не потеряется никогда, ибо игра случая (социальная синергетика петровского времени) подарила поистине «феномен человека». Пушкин масштабен и несравним ни с кем именно потому, что максимально выразил многообразие форм прикосновения к Универсуму, постижение сущности духовности.

Для философа остается, пожалуй, лишь совершить традиционное для философского дискурса восхождение от единичного ко всеобщему, от конкретного к абстрактному: по большому счету, духовность — это и есть самый высший гуманизм.

Вторая черта ноосферного гуманизма — это социо-природность, или биосферо-культурность. Для понимания этого положения необходимо проанализировать представления о

¹⁰⁷ См.: Куракина О. Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М., 1993.

ноосферном теле человека, опираясь на методологию представлений об «органическом» и «неорганическом» теле человека. Этот принцип может быть назван «принципом экологичности», понимаемом в самом широком смысле, с учетом всей палитры наук экологического цикла — глобальной и социальной экологии, промышленной и агроэкологии, экологии человека и экологии культуры, экологии сознания и экологии Духа. В данном смысле термин «экология» понимается как теоретико-эмпирическая система знаний о разнообразных отношениях (взаимосвязях и взаимоотношениях) в системах различного уровня сложности (таких как «человек — внутренняя организмическая среда», «человек — окружающая среда», «человек — общество», «человек — природа», «человек — природа — общество», «Бог — Человек — Природа»). В этом смысле и раскрывается богочеловеческий смысл ноосферного гуманизма.

Третье основание ноосферного (биосферосовместимого) гуманизма связано с представлениями В. И. Вернадским об автотрофности человечества. Человечество поступает негуманно по отношению к природе именно потому, что рассматривает ее как средство своего существования, но не как цель. Этот факт, прежде всего, доказывается тем, что человек во все более возрастающих объемах использует возобновимые и невозобновимые природные ресурсы. Изымая их для себя, он тем самым наносит природе непоправимый вред. Человечество калечит природу, а не только ворует ее собственность, более того, человечество, судя по всему, готово убить природу, что реально подпадает под существующие правовые нормы, имеющие прямое отношение к человеку.

Наконец, *четвертая черта ноосферного гуманизма — вселенский пантеизм.* Это самый трудный предмет философского анализа, ибо в этом случае совершается переход в сферу религиозного бытия человека, т.е. того бытия, которое максимально полно отражает сущностное лицо человека. Ноосферный гуманизм, на наш взгляд, полнее всего отражается православным вербальным и невербальным (изобразительным) контекстом.

В известном смысле ноосферный гуманизм может быть представлен как метакультурный процесс восхождения человека к Богу (движение к Богочеловеку), а человечества к Богочелове-

честву. Характерно, что современное гуманитарное знание очень близко подходит к пафосу ноосферного гуманизма. Так, В. В. Бычков, анализируя предметную область эстетики как феномена и дисциплины, считает, что «эстетика — это наука о гармонии человека с Универсумом»¹⁰⁸. Известная фреска Микеланджело «Рождение Адама», на которой Человек и Бог почти соприкасаются самыми кончиками пальцев, поистине отражает смысл этого прикосновения к Универсуму, которое столь же недостижимо, сколь недостижимо превращение человека в Бога. Возрожденческий гуманизм в этом смысле это не только пантеистический, но и божественный гуманизм. Он формирует веру человека в возможность прикосновения к Богу.

Человек, таким образом, выходит в космос не столько с помощью космических летательных аппаратов, он выходит в космос своей естественной космической эволюцией; точнее, полеты в космос — это один самых простых способов космического бытия человечества. Эволюционирующий мозг, живущий и совершенствующийся в соответствии с эволюцией Вселенной — источник уверенности в возможности соприкосновения с ноосферным универсумом. Актуализация вселенского бытия человечества — такова реальность наступившего третьего тысячелетия. Ноосферный гуманизм — это реальное воплощение фундаментальных («Истина — Добро — Красота») и иных общечеловеческих ценностей. По большому счету, подлинный гуманизм состоит в том, чтобы общество осознавало, что искусственное преходящее, но становится вечным, когда обретает статус естественно-го. Человек в процессе внутреннего и внешнего миропостроения сам создает свое ноосферное будущее, и только таким последовательным и постепенным движением он сам себе доказывает свои собственные претензии на то, что называет ноосферным будущим, и что он связывает с общечеловеческими ценностями.

Гуманистическое отношение приобретало различные выражения на протяжении прошедших тысячелетий. Оно проявляло себя в формах интерчеловеческого, антропо-социального, биосоциального и, наконец, антропо-социо-природного. Гума-

¹⁰⁸ Бычков В. В. Эстетика. М., 2003. С. 7.

низм в самом широком смысле слова — это социо-природное состояние и общественное достояние, позволяющее человеку обретать все более высокое «человеческое качество», восходить к формам духовности, к точке Омега. Таким образом, ноосферный гуманизм — это своего рода духовно-экологический (опосредованный) гуманизм, фиксирующий, что устойчивое развитие человека и человечества достигается посредством отношения не только к человеку, но и среде его обитания — единому неорганическому телу других людей.

В отдельные эпохи гуманизм превращался в свою противоположность в силу исторических, политических, экономических, технологических и других обстоятельств. Например, религиозный гуманизм приобретал иногда «иезуитский характер», а техногуманизм фактически привел человека к форме технорабства, отчуждению своей человеческой природы. Реальный гуманизм (интегральный гуманизм) определяется тем, каким образом человек и общество относятся к собственно человеку (права человека), а также природной и культурной среде его обитания. При этом можно провозглашать «все во имя человека» и уничтожать человека, создавая невыносимые условия для его существования и соответственно онтогенетического и филогенетического развития. Применительно к ноосферному гуманизму можно утверждать, что отношение к природе как субъекту, как к организму, как к живому существу (т.е. фактически как к другому человеку) определяется теми критериями, которые в данном обществе распространяются на конкретного человека. Иными словами развитость прав человека должна определять «высоту планки» прав природы и прав культуры. При этом отметим, что концепция прав культуры, разработанная Д. С. Лихачевым¹⁰⁹, и подготовленная для принятия на уровне ООН, до сих пор остается лишь декларацией, а что касается «Декларации прав природы», то этому документу еще только предстоит родиться (несмотря на развитые формы экологического движения и документы, регулирующие охрану природы).

Реальный ноосферный гуманизм складывается, таким образом, из комплементарности прав человека, прав природы и

¹⁰⁹ Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. М., 1995.

прав культуры. Но только система правового сознания не создает возможности развития ноосферного гуманизма. Право закрепляет нормы, а эффективность выполнения законодательства во многом зависит от развитости правового государства. В нашей стране слабость развития правового самосознания (правовой нигилизм) не способствует поступательному движению не только ноосферного гуманизма, но и гуманизма вообще. Этому есть не только объяснение, но и оправдание. Геополитический его смысл заключается в том, что права человека в гигантской по жизненному пространству стране всегда приносились, и всегда будут приноситься в жертву правам существования государства (тоталитарного, евразийского монстра, которого обслуживает население страны, не имея для этого соответствующего экономического и демографического ресурса). «Государственный гуманизм» («дегуманистический этатизм»), характерный для нашей страны на протяжении полутысячелетия, в социокультурном плане является существенным препятствием для утверждения «ноосферного гуманизма», но, как это ни странно, именно он и может при определенных условиях стать самым значимым фактором создания в нашей стране ноосферного общества, которое будет функционировать на основах «ноосферного гуманизма», воплощающего в себе цель создания условий для устойчивого развития био-антропо-социо-техно-культуросферы (которая в настоящий момент находится лишь в поступательном движении на пути к ноосфере).

Формирование постнеклассической парадигмы шло рука об руку с пониманием размерности и ресурсных возможностей биосферы, как глобальной экосистемы. Человечество как организм и биосфера как среда обитания могут быть рассмотрены как формы подобия человеческой организованности. Именно в условиях экошока каждый человек в отдельности и все человечество в целом начали осознавать, что высший гуманизм связан созданием для всех людей пригодных условий развития и, прежде всего, в социо-культурной сфере, сфере духовных, интеллектуальных потребностей.

Анализ проблемы ноосферного гуманизма приводит нас к парадоксу: человек должен участвовать в охране природы, ее сохранении как целостной экосистемы, в то время как сама при-

рода уничтожает человечество самыми изощренными и изысканными способами. Речь идет даже не о естественной (природной) смертности человека (и человечества), речь идет о том, что чем больше человек отвоевывает для себя жизненного пространства и жизненного времени, тем более хитроумные способы уничтожения «излишнего» населения придумывает природа. В настоящее время «антигуманизм природы» достиг огромных масштабов, и все-таки этот антигуманизм представляет собой воплощенное человеческое самоотношение. Человек управляет своей эволюцией (не только материальной, но и духовной) посредством природы, но, судя по всему, еще до конца не понимает этого, не понимает социально-государственной специфики запуска самоорганизации этих процессов. Таким образом, суть парадокса в том, что для сохранения человека и человечества (т.е. для «онтологического гуманизма») необходимо значительно ограничить (трансформировать, оптимизировать) его материальные потребности (а значит разрушить модель традиционного гуманизма: «все во имя человека, все на благо человека») и создать условия для человеческого духовного развития. «Духовный гуманизм» («информационно-аксиологический гуманизм» может рассматриваться как форма ноосферной эволюции человека, как «ноосферный гуманизм».

Есть ли какие-то критерии эффективности ноосферного гуманизма? С точки зрения современных экогосударственных моделей международного сообщества, таким критерием может быть устойчивое (духовно-ноосферное) развитие. Во-первых, потому, что именно в результате такого развития сохраняется как целостность ноосферная система (единство биосферы и цивилизации), во-вторых, имеют место условия для сохранения и развития природы (природной среды), культуры и человечества, в-третьих, создаются способы совершенствования форм природно-антропокультурной (ноосферной) коэволюции. Эта незначительная поправка к концепции «коэволюции общества и природы» необходима в силу того, что выведение общества на первое место фактически сохраняет техно-социальный тоталитаризм. Думается, что философия коэволюции (ко-революции) может и должна рассматриваться с более широких позиций, в рамках целостной ноосферной реальности (и ноосферной картины мира).

Эпоха социально-экономической техноэволюции человека проходит, начинается эпоха биокompьютерного человека (клонирование человека, генная инженерия, нанотехнологии) с сохранением человеческого качества и формами движения к автотрофности человечества. Возникнут новые угрозы, а вместе с ними новые возможности ноосферной самоорганизации. В качестве такого духовного аттрактора современного человечества и может быть эксплицирован ноосферный гуманизм, который возник как естественная эволюция метаисторического развития человечества и является продолжением таких концептов гуманизма как «антропоцентризм», «космоцентризм», «антропокосмизм», «биоцентризм», «ноосфероцентризм».

Реальность становления ноосферы во многом определяется развитыми формами ноосферного сознания современного человечества, гуманитарным ядром которого является ноосферный гуманизм. Современное человечество уже испытало на себе чудовищный пресс «нашествия машин», но, судя по всему, новое тысячелетие открывается не только грозными предзнаменованиями, но и большими надеждами. Все говорит о том, что эра технодегуманизации подходит к концу, человечество прошло через эпоху дикой и безумной технизации. Начинается новый этап — откатная волна, смысл которой связан с обращением лицом к человеку, природе, культуре. Это и есть ноосферная тенденция развития человеческой цивилизации.

Феномен ноосферного гуманизма еще только-только зревает, осмысление его как новой парадигмы гуманизма, подобного возрожденческому гуманизму, еще только начинается, но хочется верить, что конкретно-исторические результаты действия нового гуманизма (гуманизма третьего тысячелетия) будут такие же масштабные, как и результаты его младшего брата, предвосхитившие мощный скачок человечества в техно-цивилизацию. Ноосферный гуманизм своими эстетическими, нравственными и правовыми формами определит на будущее развитие природы, культуры и самого человека в его новом качестве.

В настоящее время можно говорить о том, что имеет место процесс медленного становления целостности ноосферного гуманизма. Во-первых, это связано с представлениями К. Маркса о неорганическом и органическом теле человека. При этом следует

признать, что современный контекст понимания этой идеи не ограничивается только соматическим, а имеет универсально-онтологический характер. Тело Вселенной — это божественная ипостась «Бог-отец». Эстетика, этика, экология, экономика — основания ноосферного гуманизма. Ноосферный гуманизм предполагает обращение ко всему объему «экологии культуры», «экологии разума», «экологии Духа». Экология Вселенной, очевидно, напрямую связана с основными параметрами «ноосферного гуманизма», понимаемого как «вселенский гуманизм».

Субъективным фактором утверждения ноосферного гуманизма становится все более утверждающаяся в своей метаисторической роли мировая интеллигенция, растущая количественно и качественно. В реальной истории формы гуманизма задаются государством и его идеологией, в метаистории (ноосферной истории, истории человеческой духовности, «омега-истории») смысл гуманизма задается интеллигенцией, которая всегда идет на несколько шагов впереди, выступая фактором опережающего отражения, аттрактором общечеловеческого развития. Вся история мировой культуры может быть представлена как поиск Универсального гуманизма, а, значит, универсальный гуманизм проявляется не только в творчестве Платона, И. Канта, А. Швейцера, но также И. Босха, П. Брейгеля-старшего, В. Кандинского, О. Целкова. Самый сильный аналог восхождения к универсальному (ноосферному) гуманизму может быть обнаружен в брейгелевских ситуациях человеческого бытия между земным и небесным.

Современное человечество в своем культурном развитии доросло до понимания прав человека и стремится обеспечить экспансию прав человека на весь мир, но оно в развитых своих формах постепенно дорастает и до понимания необходимости столь же беспощадно защищать права природы и права культуры. Логика возникновения нового типа человека — ноосферного человека — связана с рассмотрением философских и исторических феноменов сверхчеловека и богочеловека, в конечном счете, с формированием ноосферного гуманизма — реальной коэволюции природы, человека и культуры.

Раздел V

КОСМИЗАЦИЯ СОЗНАНИЯ

Становление ноосферного сознания в процессе решения глобальных проблем современности (1998). Ноосферное сознание как феномен Всеобщего синтеза (1998). Ноосферный космизм: проблемы формирования современного космического сознания (2000/2006/2011).

Становление ноосферного сознания в процессе решения глобальных проблем современности

XX век — век беспрецедентного по глубине проникновения в Микро- и Макромиры. Космизация сознания в этом контексте — одно из самых знаменательных явлений в духовной жизни последнего века II тысячелетия как для российского общества, так и для всего человечества.

Космизация сознания как феномен хорошо изучена: ее начало обнаруживается еще в конце XIX века и связано со складыванием русского космизма. Развертывание теории и практики русского космизма определило несколько вех в космизации сознания. Яркие выраженные формы космоцентристского сознания постепенно уступали место антропоцентризму, биоцентризму и нооцентризму. Эпоха реального освоения космического пространства заставила пересмотреть стремление к космической экспансии: стало ясно, что Земля на очень длительную перспективу не только колыбель, но и родной дом человечества.

Космизация, явленная в различных измерениях, обнаружила свою обратную сторону — процесс планетаризации сознания. Общепланетные проблемы различных сфер жизни человеческой цивилизации в точном (а не расплывчатом), конкретном (а не абстрактном), практическом (а не теоретическом) выражении открыли феномены глобальности, глобалистики, глобализации мышления, сознания, мировоззрения.

Самая значительная и яркая, самая характерная особенность нашего времени — это глобализация бытия и сознания современного человечества. Идея глобальности — осмысления планеты как единого целого, как организованности, как системы — важнейший элемент человеческого сознания, выступаю-

щего в качестве фактора самоорганизации планетарно-космического Универсума.

Глобализация сознания — масштабный процесс, проявляющий себя не только на гносеологическом, но также на аксиологическом и праксиологическом уровнях. Короткий по историческим масштабам промежуток времени, отведенный человечеству для преодоления глобальных угроз, глобальных, общечеловеческих, мировых проблем современности, делает глобализацию сознания процессом практического действия, сжимает фактор «прямой и обратной связи» до форм виртуальной реальности компьютерного времени. Глобализация сознания на сегодняшний момент представляет собой доминанту интенсивного развития ноосферного сознания. Если экологизация сознания за последние годы приобрела характер управляемости («сознательности, а не стихийности») в силу включения мощных механизмов системы образования, то глобализация — процесс бурный, неотрефлексированный и до известной степени «стихийный».

Идея глобальности имеет, без сомнения, довольно длительную историю. Ее зачатки можно обнаружить еще в первобытное время, когда человек представлял себе мир исключительно ограниченным тем пространством, которое сам мог охватить органами чувств, но ощущал среду обитания как неразрывное свое единое целое. Затем эта идея от стихийного материализма переходит в область стихийного идеализма и обнаруживает себя в многочисленных религиозных, философских и художественных формах. Человек сознавал, что не в силах освоить весь мир в его многообразии, и начинал конструировать его либо по открытым естественным, либо по вымышленным им самим законам. История человечества показывает, что человек устроен так, что всегда стремится представить себе мир во всем его объеме. Желание объять необъятное — это неосознанное стремление к глобальности. Идея всеохватности-глобальности проявила себя не только на религиозном и философском, но и на естественнонаучном уровне. С гносеологической точки зрения вся теория познания — это осознанное и неосознанное восхождение к осознанию глобальности-всеохватности. Философия, освоив на самом высоком уровне диалектику, подарила глобальность современному научному сознанию, а современная наука охватила системой научной мысли

планетарное бытие человечества и заложила фундамент ноосферного поведения человека в биосфере.

Человеческое сознание в его теоретических и обыденных формах во все времена старалось достичь максимально полного охвата мира — эта черта может быть рассмотрена как некий закон сознания, полностью вписывающийся в те закономерности, которые характерны для живого вещества в целом. Максимальный охват пространства, «заполнение собой» пространственно-временного континуума в еще большей степени, чем живому веществу, соответствует «разумному веществу» и его эманации — сознанию. Самое традиционное проявление стремления сознания к глобальности можно обнаружить в мифологическом сознании: антропоморфная художественная глобальность, «самостная», «мозаичная глобальность» определялась личностно-родовым отношением к миру. В исторической перспективе эта «примитивная языческая глобальность» преодолевалась «моногоlobalностью» мировых религий, которые оказались тремя ипостасями единого глобального видения мира, — в них отчетливо видны архетипы будущего космопланетарного глобального сознания.

На философском уровне стремление к всеобщему охвату проявилось в пантеизме, гилозоизме, панпсихизме, пантономии (Х. Ортега-и-Гассет), а также в категориальных формах всеединства (В. С. Соловьев), Единого, Целого (М. М. Пришвин), Единого Целого, Абсолюта и Универсума. Процесс глобализации демографического, экологического, экономического, правового и политического сознания, выражающийся в формировании системы современной глобалистики, закономерно привел к глобализации философского сознания.

Многомерность такого процесса в XX веке, с одной стороны, определялась «двумирностью» — борьбой двух мировых сверхдержав, что демонстрировало борьбу глобального индустриального и глобального коммунистического идеалов мира, ставших самыми актуальными в веере исторических вариантов; с другой стороны, глобальность оказалась завязанной на западно и восточно ориентированные социокультурные доминанты — формы «универсумности» и «вселенскости», из которых возникли синкретэмы «Универсум» и «Ноосфера». Эти понятия фактиче-

ски фиксируют инварианты синтеза глобальности, над которым работала мировая культура в течение всего последнего столетия.

Глобализация сознания идет по нескольким руслам: во-первых, это глобализация научного знания, связанная с процессами биосферизации науки; во-вторых, это глобализация индивидуального и общественного сознания, его отдельных форм (видов), в-третьих, это глобализация национальных типов сознания и, наконец, в-четвертых, это формирование особого типа сознания — мирового глобального сознания, которое в своих развитых формах образует смычку с общечеловеческим сознанием. Развертывание этого процесса определяется целым комплексом материальных факторов, включающих научно-техническую революцию (компьютерную революцию, развитие средств массовой коммуникации, непосредственное включение человека в космопланетарные процессы), «человеческую революцию», «экологическую революцию», «великую социальную трансформацию рубежа тысячелетий».

Становление глобального сознания может рассматриваться как важная ступень действительной космизации сознания. Глобальность освоения мира в формах научной объективности выводит космичность сознания (как родовое, архетипическое, неустрашимое качество сознания, приобретающее в историко-культурном плане различные облики) на новый уровень: «космическое сознание» предстает не просто «расширенным» сознанием, оно приобретает всеобщий характер, выявляя прямые и обратные связи человека и космопланетарной (ноосферной) среды¹.

Глобализация характерна не только для общественного и индивидуального сознания, но и для самосознания человека и человечества. Самосознание выходит на уровень глобализации, когда человек осознает себя как субъект действия не только в окружающей локальной среде, но и в биосфере в целом (говоря шире — в ноосфере). Философской подоплекой подобного отношения к миру могут стать экзистенциальные и персоналистические формы философствования, которые в диалектике своего развития задают начальные формы универсальной глобальной

¹ Человек в системе космо-земных связей. Научно-аналитический обзор. М., 1994.

ответственности за происходящее в хронотопе ноосферной реальности, включая и сферы Духовности. Такое состояние самосознания во многом определяет открытость сознания — важнейшее качество, дополняющее смысловые доминанты формирующегося глобального (ноосферного) сознания.

Важнейшим социально-экономическим фактором формирования феномена глобальности сознания является выход на историческую арену глобальных проблем современности. Глобальные проблемы, как показывают исследования философов, воздействуют непосредственно на каждого отдельного человека и, тем самым, являются не только его общественным, но и индивидуальным бытием.

В отечественной философской науке осмысление глобальных проблем современности и их воздействия на сознание и деятельность человека и человечества начинается в начале 1980-х годов. К глобальным проблемам относятся такие, которые, во-первых, «по своей сути затрагивают общечеловеческие интересы, а в перспективе — и будущее человечества»; во-вторых, «на деле приобретают всемирный характер, то есть проявляют себя как объективный фактор развития общества во всех основных регионах мира»; в-третьих, «создают угрозу для будущего человечества...»; в-четвертых, «требуют для своего решения сопряженных, объединенных усилий всего человечества»². Формы отражения глобальных проблем современности задают глобализацию сознания. В условиях глобальных проблем современности бытие человека раскрывается во всей полноте диалектики всеобщего-особенного-единичного. Человек в своем стремлении охватить весь мир оказывается напрямую соединен с той самой необходимой средой существования, которая в результате научно-технической революции беспрецедентно расширяется и вырастает до объемов всей биосферы. Человек, таким образом, становится связанным не только с непосредственно окружающей его средой, но и со всей оболочкой функционирования живого вещества, частью которого он сам является.

² Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М., 1981. С. 14—15.

Феномен глобальности прошел в своем развитии геолого-географическую, эколого-биосферную, техносферную, культурно-социосферную, и, наконец, ноосферную стадии.

Начало современному пониманию глобальности было положено исследованиями участников Римского клуба, однако исторически выход на проблемы глобальности осуществлялся через разработку системного подхода и общей теории систем. Хронологически системный подход в своих различных проявлениях (в том числе, в тектологии А. А. Богданова) предшествовал осмыслению феномена глобальности.

В XX веке формирование глобального сознания обрело различные формы, глобалистика как наука разрабатывала геополитические, экологические, экономические, социальные и демографические направления. Лишь постепенно происходило становление естественной целостности глобального сознания, выразившееся в начале 1980-х годов в формуле «мыслить глобально, действовать локально»³. Отдельные формы глобального сознания соединились и приобрели формы мирового глобального сознания.

В своем развитии процесс глобализации сознания прошел несколько этапов. Условно выделим этап «внутриутробный» (связанный с началом деятельности Римского клуба в 1967—1972 годах), этап интенсивного развития процесса глобализации материальной и духовной жизни человечества (двадцатилетие «экологической революции») — этап выхода глобально-экологической проблематики на мировую арену, в сферу международной жизни (с открытием Стокгольмской конференции 1972 года); и, наконец, проявление нового качества, возникшего с прекращением состояния «холодной войны», включением России, стран СНГ в мировой цивилизационный процесс, созданием предпосылок для коллективного решения глобальных проблем современности. Факт «первой глобальной революции» зафиксирован в докладе Римскому клубу (сентябрь 1991 года) и фактически конституирован на Международной экологической конференции в Рио-де-Жанейро (1992)⁴.

³ Through the 80-s. Thinking globally, acting locally. Washington, 1980. 434 p.

⁴ Контюг В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь, 1992): Информационный обзор. Новосибирск, 1992.

Глобальная революция со значительной силой обнаружила себя и в сфере образования. В марте 1995 года в Бостоне (США) прошла Международная конференция «Образование и глобализация», что свидетельствует о существенном ускорении процесса глобализации сознания средствами мировой системы образования. В этой связи характерно размышление Деррика де Керкхоува о «глобальной деревне» и глобальном сознании: «Нам скоро придется выезжать из нашей глобальной деревни, переходить от общественного сознания к "глобальному разуму"». Принципы, по которым действует этот разум, пока не известны, но есть один непреложный критерий, которым должны руководствоваться страны при разработке законодательств, — обеспечение всеобщего доступа к сетям и гарантия конфиденциальности личности»⁵.

Таким образом, современный этап развития сознания можно рассматривать как движение от спорадического локального проявления глобального сознания на личностном уровне к глобализации общественного сознания. Иногда этот процесс изображается как «всеобщая американизация», при которой для многих стран, может быть, прежде всего, для нынешней России, в новой глобальной цивилизации места нет, ибо «глобализация» представляется как «полный отказ от "старого" сознания, "старой" культуры, "старых" традиций, "старой" интеллигенции, "старых" границ»⁶. На наш взгляд, реальная глобализация предполагает более сложный процесс — речь идет о тонкой подгонке национальных культур под общепланетарные процессы с сохранением национальной специфики, лица корневой культуры. Выражаясь языком архетипов, глобализация это не «Великий Отказ», но «Великий Завет».

Истоки идеи глобальности можно усмотреть еще в работах русских философов начала XX века. В 1930—40-е годы нашего века идея глобальности обрела трансформу космополитизма — идеологемы, без сомнения, носившей политический оттенок и

⁵ Kerckhove Derrick de From Global Village to Global Mind // The UNESCO courier: A Window Open on the World. 1995. XLVIII. № 2. P. 22.

⁶ Покровский В. Вифлиемские звезды глобализма // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 90.

предполагавшей рассмотрение не только чисто мыслительного феномена, но и феномена, имеющего отношение к материальным условиям жизни, процессам, происходившим в теле человеческой цивилизации. Искоренение космополитизма привело к тому, что вместе с термином, как бы противостоящим понятиям «интернационализм» и «коммунизм», из оборота были выведены представления об общечеловеческих ценностях, исчезла проблема диалектики общечеловеческого, национального, классового и индивидуального в развитии мировой цивилизации.

В отечественной и зарубежной литературе последних лет дана историческая канва становления глобального сознания и представлений о феномене глобальности. В историко-культурном мировом процессе первым фактом рождения «глобального сознания» стала культура российско-советского переходного периода. Таков русский авангард в лице В. Кандинского, П. Филонова, В. Чекрыгина, позднее — в живописных традициях художников ОСТа (А. Лабас, П. Вильямс, К. Юон и другие) с их гигантскими самолетами и планерами, дирижаблями и стратостатами, символизирующими советскую ракетно-космическую, атомную и биосферную науку. Советская культура ярко проявила себя как культура, стремящаяся в своей экспансии социалистического и коммунистического строительства к всеохватности, всемирности и космичности. Особенностью российского глобализма можно считать духовно-культурное собирательство пространственности, ясно видимое в пафосе «мирового странничества» по скитам духовного приюта и мировым просторам. (Яркие примеры такой мироохватной глобальности можно видеть в бытии и автора «Слова о полку Игореве», и русского путешественника А. Никитина, и В. И. Вернадского, и Н. К. Рериха, и Н. И. Вавилова.)

Глобальность пугающа, она выводит человека из «застойной среды», делает его подверженным «экошоку» («глобальному шоку»), поэтому вторжение глобальности осуществляется подспудно, через ноосферный миф, экосказку, т.е. через фундаментальные архетипы.

Ощущение глобальности по-своему проявилось в каждой национальной культуре. В европейской традиции одним из первых

глобалистов принято считать Антуана де Сент-Экзюпери, не только много налетавшего, но и глубоко проникшего в тайны невеликости «земного шарика». Французская культура в творчестве А. де Сент-Экзюпери продемонстрировала, как глобализм, «чувство планетарности», возникшее у летчика реактивной авиации, сворачивается в формулы сказки, понятной для всех и дающей ощущение полноты нового взгляда на мир. В художественном плане — в плане создания у взрослых и детей архетипов «собственно глобальности», — очевидно, нет равных сказкам Сент-Экзюпери о Маленьком Принце и Кэрролла об Алисе в Стране Чудес.

Советский (союзный) и американский глобализм в XX веке формировались параллельно, имея как общие черты, так и специфические особенности. Статус становящихся ядерных и космических сверхдержав был для них общим, а различие заключалось в возрасте культуры, социокультурной детерминации, доминантности сфер культуры. Сверхмолодая советская культура в конечном итоге выиграла спор за космос, но проиграла битву за землеобустройство. Разные акценты глобализма сказываются на миропонимании российского этноса до настоящего времени, хотя происходят значительные изменения — подвижки с глобальности советской на глобальность российскую (задаваемые формами русского космизма). Космический потенциал российской культуры, помноженный на глобальность коммунистического миропостроения советской культуры, по сути дела и представляет некоторые контуры новой российской культуры конца XX века, обнаруживающей ноосферную ориентацию.

В философской литературе многосторонне раскрыт вопрос о роли открытия атомной энергии, создания ракетной техники и полетов в космическое пространство, создания мировых коммуникационных и информационных сетей для формирования глобального сознания современного человечества. Значительным шагом в становлении глобальности человеческого сознания явилась творческая и организационная деятельность Президента Римского клуба А. Печчеи. Первые десять докладов Римскому Клубу осуществили прорыв от локального и национального сознания к сознанию общечеловеческому и глобальному. Идеи А. Печчеи, до известной степени, воплощают в себе итог развития западной цивилизации, гуманистической евро-

пейской мысли в целом, нового сознания, критически оценивающего свой собственный путь и пересматривающего старую ценностно-праксиологическую окраску. Концепция нового гуманизма, изложенная в книге А. Печчеи «Человеческое качество» (1977), трансформирует общечеловеческие лозунги прогрессивного человечества «Свобода», «Равенство», «Братство» в такие общечеловеческие ценности, как «Ненасилие», «Справедливость», «Глобализм»⁷. Важно отметить и то, что онтологический пафос построений А. Печчеи оказался несколько выхолощенным внесением изменения в название книги: в действительности понятие «человеческое качество» несет, как это показал И. Т. Фролов, гораздо большую смысловую нагрузку, чем понятие «человеческие качества», в русском переводе обозначающим черты характера⁸. Творчество А. Печчеи является одним из самых ярких примеров глобалистского философствования: постановка вопроса о формировании нового человеческого качества в результате «человеческой революции» проистекает из европейской философской традиции, помноженной на опыт управления планетарными экономическими процессами.

Значительным шагом в осмыслении духовных процессов, происходивших в послевоенный период, явилась книга Д. Радьяра «Планетаризация сознания»⁹. Образ мысли Д. Радьяра, родившегося в Париже, но с 1916 года жившего в Америке, удивительно схож с идеями П. Тейяра де Шардена: он шел теми же путями постижения целостного (холистического) мировоззрения, слияния западных и азиатских базовых моделей мироощущения, признания принципа синтеза в духовных свершениях и исканиях. Будучи не только профессиональным музыкантом, но и широко образованным человеком, он «активно участвует в различных прогрессивных артистических и духовных течениях... читая лекции по современной музыке, психологии и восточной философии. Издал ряд книг, включая три книги сти-

⁷ См.: Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

⁸ Фролов И. Т. Понимание глобальной экологической проблемы // Земля людей. М., 1981. Вып. 4. С. 22.

⁹ Rudhyar D. The Planetarization of Consciousness: From the Individual to the Whole. Aurora Press, 1981. 336 p.

хотворений. Его абстрактные трансцендентные картины экспонировались в нескольких западных штатах»¹⁰.

В 1948 году в издательстве «Философская библиотека» (США) выходит его книга «Конфликты современного человека: Творческие проблемы глобального общества». От общих постановок вопроса Д. Радьяр переходит к анализу процессов развития сознания. Книга «Планетаризация сознания» пишется в 1962–1969 годах и, как отмечал сам автор в «Преамбуле», может считаться своеобразным философским завещанием»¹¹. Этот последний момент весьма значителен, так как указывает на исходную духовную позицию: философия, по Д. Радьяру, представляет собой *«фундаментальное исследование характера и содержания человеческого опыта, а также существования в его наиболее общем смысле»*¹².

Методологический багаж философа включает в себя психологический, метафизический и социально-культурный методы, что тесно связано с уверенностью автора в том, что «серьезный философ не может рассматривать человека — индивидуального и коллективного — совершенно независимо от его окружения и от соответствующего исторического периода. Это было бы серьезным философским грехом — индивидуализмом, который имел бы дело с абстракцией, а не существующей реальностью»¹³.

Основные идеи творца «Планетаризации сознания» находятся в русле представлений о ноосфере, хотя, как это ни странно, сам термин «ноосфера» в книге Д. Радьяра не используется. Такими «ноосферными идеями», на наш взгляд, являются, во-первых, рассмотрение человека как участника «комплексной деятельности земной биосферы»; во-вторых, признание, что основные факты человеческой природы, относящиеся к «общечеловеческому», действительно существуют, но каждая человеческая культура рассматривает их по-своему, придает им свое значение и свое содержание»¹⁴; в-третьих, утверждение, что именно «качественные цен-

¹⁰ Радьяр Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому. М., 1995. С. 6.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Там же. С. 11.

¹³ Там же. С. 91—92.

¹⁴ Там же. С. 11—12.

ности» необходимы «для обеспечения полного развития индивидуальных существ как целостных личностей, микрокосмов в универсальном Целом, в котором эти личности живут, действуют и обладают бытием»¹⁵; в-четвертых, постулат о наступлении «Новой эры» — эпохи интенсивного и необратимого перехода (столь же отчетливого, как переход от твердого состояния к жидкому), связанного с «расширением человеческого окружения и сферы коммуникации от провинциально-национальной до глобальной»¹⁶, участием в «мировом сообществе».

Радьяр выделяет различные фазы эволюции сознания: одна из них связана с утверждением бессознательного родоплеменного единства, другая — с фазой антитезиса, появлением «жаждущих власти индивидуумов, гордых своей изолированностью, своей самостоятельностью, которая в действительности формируется скорее энергией бунта против "связующих сил" старых, узких и исключительных традиций. Но эта стадия подходит к концу. Человек должен открыть себя в новой фазе — фазе синтеза, постепенной, все более действенной и значимой "планетаризации сознания"»¹⁷. Холистическая философия, задающая цикло-космическую картину мира, как считает Д. Радьяр, выражает протест «против умирающего, если не умершего мировоззрения наших традиционных религий и социально-культурных установлений»¹⁸. К нему «следует отнести как к возможному ключу, который поможет обнаружить новый мир "реальности", мир великих ритмов и глубокого мира, свободный от беспокойства и религиозных страхов и чувства вины»¹⁹.

Если отечественные авторы в исследовании становления глобального сознания делают упор в основном на отражательных сторонах процесса, связывают глобализацию с изменением содержания сознания, то западные исследователи в более значительной мере обращают внимание на психологические аспекты глобализации сознания. Особенно значимы в этом плане работы С. Грофа, который считает, что «человечество должно пересмотреть сущест-

¹⁵ Там же. С. 12—13.

¹⁶ Там же. С. 15.

¹⁷ Там же. С. 91—92.

¹⁸ Там же. С. 97.

¹⁹ Там же. С. 98.

вующие ценности и отобрать необходимые для исцеления и благополучия планеты, что будет способствовать становлению всемирной духовности»²⁰. Основываясь на философии трансперсональной психологии, С. Гроф утверждает, что «исцеление всего человечества должно начаться с исцеления каждой личности, ее микромира, проникнутого связями с окружающей средой. В процессе самоизлечения индивид должен освобождаться от эгоцентризма, чувствовать свою причастность к целостности мира»²¹. «Каждое человеческое существо необъяснимым образом обладает информацией обо всей вселенной и всем сущем, потенциально имеет доступ в любую часть вселенной и способно проникать в суть космической системы, являясь ее бесконечно малой частью, автономной и незначительной биологической целостностью»²². Подводя итоги исследованиям американских авторов, К. Кинг делает вывод о том, что «символизируя стремление к достижению новых форм сознания, преодолению отчуждения и развитию новых, более интенсивных форм межличностного общения, опытная трансценденция может сыграть решающую роль в эволюции *глобального сознания* и выживании человечества»²³.

В основу исследования глобального сознания американские авторы положили методологический принцип, который заключается в том, что «описания этапов эволюции сознания совпадают в культурах всех времен и народов. Суть их состоит в раскрытии истинной природы индивидуального сознания через его причастность к «всеобщему разуму». Р. Уолш считает, что «истинная идентификация своего Я состоит в признании континуума "космического разума", в который сознания многочисленных индивидов погружаются как в свое материнское тело...»²⁴.

Состояние современного человека, находящегося в условиях «неноосферной ноосферы» иногда обозначается понятием «ноогенный невроз»²⁵. Перегрузки сознания в освоении ноо-

²⁰ Цит. по: Человеческое выживание и эволюция сознания // Под ред. С. Грофа и М. Л. Валера. М., 1989. С. 8.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 11.

²³ Там же. С. 13.

²⁴ Там же. С. 12.

²⁵ Колесников В. Н. Лекции по психологии индивидуальности. М., 1996. С. 142.

сферной реальности лучше всего говорят о дисгармонии в духовной жизни постиндустриального (неноосферного) общества, которая может быть преодолена созданием новой системы образования, «проповедующей» не только ноосферные методологические подходы, но и дидактические ноосферные принципы. Думается, что современное человечество, преодолевая «экологический шок», входит постепенно в состояние «ноогенного невроза», вызванное невозможностью решать большое количество проблем в соответствии с требованиями ноосферности. «Ноошок» — это неудовлетворенность своими разумными миропостроительными потенциями.

Глобализация сознания в процессе решения глобальных, разумных проблем современности является важнейшим фактором становления ноосферного сознания. К числу наиболее существенных глобальных моментов ноосферного сознания следует отнести: во-первых, соразмерность структуры глобального и ноосферного сознания; во-вторых, научный и инструменталистский характер тех сфер сознания, которые перетекают из пространства глобальности в пространство ноосферности сознания; в-третьих, информационно-компьютерную составляющую ноосферного сознания; в-четвертых, влияние глобального сознания на элементы общечеловеческого содержания ноосферного сознания.

Если укоренение экологического образования способствует быстрому становлению ноосферного качества сознания на индивидуальном уровне, а также на уровне особенного (сознания профессиональных групп), то разрешение глобальных проблем современности — это фундаментальный фактор становления ноосферного сознания на уровне общего — фактор становления ноосферного сознания в общественном сознании. В этом случае структура разворачивания процесса воздействия глобальных угроз и «маршрутов в будущее» на сознание человечества более сложна.

Становление ноосферного сознания в его гносеологических, аксиологических, праксиологических, структурных, содержательных, концептуальных аспектах напрямую связано с двумя возможными вариантами анализа глобальных проблем: во-первых, исходя из классификации глобальных угроз по степени их значимости, во-вторых, задавая «как бы ноосферное» их

рассмотрение. Сопоставление этих подходов показывает их близость по существу, ибо каждая глобальная проблема отражает как неблагополучие, так и формы его преодоления в той или иной сфере бытия человечества: экологическая — в биосфере, демографическая — в демосфере (этносфере, антропосфере, геносфере), образовательная (социокультурная) — в социосфере и т.д. Однако между ними существуют и различия, определяющие специфику сознаниевых феноменов: если посферное рассмотрение задает структуру ноосферного сознания, то проблемное («по-угрозное») — содержательные его стороны.

Выделим самые значительные моменты процесса становления ноосферного сознания в связи с решением глобальных проблем современности.

В сфере гносеологического осмысления, это, во-первых, воздействие на мировоззрение современного человечества глобальных проблем современности, что связано с их системной целостностью и постоянным выявлением новых глобальных проблем разного характера конституирования. В силу того что последние являются фактором, от которого зависит жизнь или смерть человечества, они выступают на первое место среди факторов, изменяющих мировоззрение людей. «Человеческое качество», возникающее в результате понимания своей личной ответственности за преодоление глобальных проблем в ноосфере, — это одновременно и ноосферное качество сознания. Во-вторых, каждая глобальная проблема современности в той или иной мере соотносится с тем или иным видом общественного сознания: в результате этого ноосферное сознание приобретает глобальный этаж, что в свою очередь сказывается на всех сферах знания и сознания.

В аксиологическом плане происходит перемещение, вытеснение ценностей личностно-эгоистических и наработка ценностей соборных, коллективистских, в конечном итоге ноосферных. Процесс переноса доминанты вытекает из постепенного расширения осознаваемого человеком своего биосферно-ноосферного тела: утверждается «ноосферный императив», связывающий между собой «человека как организм» и «человека родового» с формами его космопланетарного бытия. В рамках ноосферы происходит своеобразное соревнование между «индустриалистскими» и «социалистскими» подходами в отношении планетарной

целостности. Заметим, что разрешение этого противоречия, кажущегося поистине неразрешимым, лежит в русле ноосферной деятельности человечества — преодоление однобокости неноосферного бытия современного человечества зависит от наработки алгоритмов решения глобальных экологических, экономических, демографических, социальных и культурно-образовательных задач. Ноосферное сознание в этом смысле — личностное глобальное сознание каждого конкретного человека, каждого субъекта деятельности, ибо любая деятельность в современных условиях, по определению, является деятельностью планетарной.

В праксиологическом плане ноосферное сознание связано с процессами глобализации сознания и решения глобальных проблем современности самыми тесными узами. В условиях научно-технической революции особую значимость приобретают праксиологические стороны сознания, а раз так, то инструментальные аспекты поведения человека, рассматривающего свою деятельность в качестве действительного фактора решения глобальных проблем, оказываются доминантными. Если в начале 1960-х годов глобальными проблемами были озабочены отдельные личности, то сейчас происходит перенесение задач их решения на государственный и межгосударственный уровни.

Важнейшей предпосылкой осмысления и решения глобальных проблем современности в контексте ноосферных идей является создание инфраструктурных и информационно-компьютерных сетей для их «удержания» в актуальном поле каждым человеком. Ноосфера в координатах глобальных и мировых проблем на экране компьютера — такова важная сторона реальности ноосферного сознания.

Ноосферное сознание как процесс всеобщего синтеза

Всеобщий синтез сознания, интенсивно осуществляющийся в XX веке, породил множество терминов, отражающих происходящие процессы, — «планетарное сознание», «глобальное сознание», «экологическое сознание», «экологическое мировоззрение», «экуменическое сознание». В этом ряду свое законное место занимает понятие «ноосферное сознание».

В отечественной философской литературе за последние полвека проделан огромный труд по разработке способов анализа духовно-сознаниевых феноменов. Однако традиционные подходы к философскому осмыслению сознания, связанные с выделением форм (видов), уровней, типов, сфер, состояний общественного сознания, оказываются ограниченными теми задачами, которые ставились исследователями в рамках анализа формационного и классового сознания. Примером такого положения может служить рассмотрение самого теоретически близкого ноосферному сознанию духовного феномена — «коммунистического сознания». Обладая статусом формационного сознания, т.е. являясь типом общественного сознания, оно оказалось классово ограниченным, хотя претендовало на статус общечеловеческого сознания.

Ноосферное сознание не является конструируемым сознанием в том смысле, как это имело место в отношении сознания коммунистического, поэтому выявление его общечеловеческого статуса предполагает использование несколько иных методологических подходов. Ноосферное сознание — это реальное, действительное сознание, обладающее воздействием на биосферно-цивилизационное целое и обеспечивающее механизмы его функционирования и развития.

Для выявления статуса ноосферного сознания в большей степени подошло бы его конституирование как *биосферно-цивилизационного сознания*. В этом определении, во-первых, фиксируется переход от формационного к цивилизационному подходу, во-вторых, сознание рассматривается не только как явление собственно социальное, но и как биосферное, получающее космопланетарный масштаб. В этом своем качестве ноосферное сознание предстает как сознание с большой буквы — Сознание. Оно приобретает статус синкретического «сознания-разума» и становится максимально приближенным к смыслам, задаваемым в творчестве В. И. Вернадского, а так же Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского, С. Л. Франка и других русских философов.

Термин «ноосферное сознание» сформировался как некое обобщение рядоположенных понятий — «природоохранное сознание», «экологическое сознание», «космическое сознание», «общечеловеческое сознание», поэтому при его рассмотрении необходимо использование традиционных подходов, которые

только и позволяют обнаружить и общее и особенное в его содержательной и формальной сторонах.

Ноосферное сознание не является ни видом, ни уровнем, ни состоянием общественного сознания. В силу того, что оно имеет мировоззренческий характер, это скорее *тип общественного сознания*, общекультурный, общеисторический синтез сознания цивилизованного человечества, сложившийся в результате планетарного охвата человеческой мыслью и практикой миропостроения среды обитания.

Феномен ноосферного сознания подлежит анализу и за пределами традиционных диалектико-материалистических подходов, «диалектики общественного бытия и общественного сознания», «диалектики индивидуального и общественного сознания». Представление о ноосферном сознании задает максимально широкий охват философского и научного знания о человеческом сознании и формах его социальной и технической явленности. В этой связи ноосферное сознание невозможно представить вне его космической включенности, экстрасенсорных и телепатических способностей человека, которые раньше рассматривались лишь как проявления интуитивно-мистических форм и божественных откровений.

Обозначая смысловую нагрузку ноосферного сознания в рамках термина *«биосферно-цивилизационно-культурное сознание»*, постоянно будем иметь в виду, что сложный синтетический феномен *«человеко-ноосферо-сознание»* может быть рассмотрен лишь в самых общих «рабочих» декорациях и требует дальнейших философских и научных изысканий.

Сознание в последние годы рассматривается, прежде всего, как космический, вселенский феномен. В отечественной литературе этот вопрос изучался в связи с творчеством В. И. Вернадского, Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, Л. Н. Гумилева в работах Э. В. Гирусова, А. П. Назаретяна, Ю. П. Трусова, А. Д. Урсула и других. Все большее число ученых и философов приходит к выводу о том, что феномен сознания имеет не только общественную, но и космопланетарную природу, что «загадка мозга — одна из фундаментальных проблем современного знания и ее разрешение приведет к изменению как в нашем понимании человека, так и в осознании его места в планетарно-

космической эволюции материальных объектов»²⁶. По утверждению И. А. Сафронова, есть основание считать, что «возникновение мышления связано с универсальным типом реальности»²⁷, что «мышление как процесс превращения информационно-энергетических возможностей вакуума в структуру интеллекта изменяет квантовое состояние самого вакуума»²⁸, что «не только чувственно-предметная деятельность человека изменяет мир, но и мыслительная тоже»²⁹. Итоговый вывод автора, анализирующего взаимосвязь человека и Вселенной, гласит, что «мышление есть универсальная способность человека в качестве субъекта субстанционального отношения, реализацию возможностей которого человек осуществляет еще до того, как выразит в какой-либо теоретической системе свою космическую функцию, задолго до научного осознания генетического единства мыслящего мозга с субстанцией космологической целостности, результатом которой он является»³⁰. Столь длинное цитирование понадобилось в данном случае потому, что сущность ноосферного сознания не может быть выражена без указания на его космическую сущность. Кроме того, именно И. А. Сафронов наиболее полно и точно в рамках диалектико-материалистической традиции выразил эту нетрадиционную для последней мысль. Ноосферное сознание (в контексте «Сознание»), таким образом, выполняет функцию оптимизации биосферной и ноосферной реальности, при этом для человека оно находится в поле ближней среды обитания.

Формирование комплекса проблем, связанных с ноосферным сознанием, требует, как было показано выше, выхода за рамки традиционных («уледовских», общественно-социологических) подходов. Системный подход представляется значительно более точным и теоретически оправданным, ибо позволяет уйти от идеологизации предмета изучения, что особенно важно для рассмотрения проблемы сознания во взаимосвязи с

²⁶ Сафронов И. А. Человек и Вселенная: философско-методологический аспект: Дис. ... д-ра филос. наук в форме науч. докл. СПб., 1994. С. 27.

²⁷ Там же. С. 30.

²⁸ Там же. С. 31.

²⁹ Там же. С. 3.

³⁰ Там же. С. 32.

проблемами становления ноосферы³¹. Он требует выявления в предмете исследования трех взаимодополняющих срезов: субстратного, структурного, концептуального³².

Ноосферное сознание строится на субстрате живого разумного вещества, порождающего духовно-идеально-информационную систему координат и укорененного в космическом Универсуме разнообразными социоприродными и социокультурными формами. К ним относятся музеи, библиотеки, архитектурные и ландшафтные памятники, пейзажные «картины», технообъекты, глобальные инфраструктурные и информационные сети, средства массовой коммуникации и многое другое. Субстратно-онтологический подход, таким образом, заставляет сделать вывод о том, что «субстрат ноосферного сознания» не есть только «субстрат мозга», не есть только организм человека, не есть только социум, консолидированный как единое целое, — субстратность сознания связана напрямую со всей Вселенной, которая есть «тело сознания». Вынос сознания за пределы отражения собственно общественного бытия возвращает сознанию его самостные размерности, космический масштаб.

Итак, носитель ноосферного сознания — космопланетарное тело становящейся ноосферы. Этот вывод вытекает и из позиций традиционного русского космизма, и, что особенно важно в условиях философского переходного периода, из позиций «нетрадиционного, модернистского» советского философствования. Такая интерпретация, на наш взгляд, характерна для диалектико-материалистических размышлений Э. В. Ильенкова над сущностью и природой идеального, содержащегося и в образности, и в знаковости, и в любом искусственном предмете.

Онтологическая революция в осмыслении сознания медленно подготавливалась историей советской философии 1960—

³¹ *Дмитревская И. В.* Онтологические модели мира и проблема реальности сознания // *Философия сознания в XX веке: проблемы и решения.* Иваново, 1994. С. 5—18; *Дмитревская И. В.* Ноосфера как системно организованное всеобщее // *Ноосферная парадигма образования: от лица к университету.* Иваново, 1997. С. 8—27; *Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С.* Проблема системности сознания и ноосферы // *Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века.* Иваново, 1994. С. 22—26.

³² См.: *Уёмов А. И.* Системный подход и общая теория систем. М., 1978.

80-х годов, шло движение в сторону понимания сознания, характерного для философской традиции начала века: от позитивизма к универсализму, от утилитарности и идеологической, «диалектической» мимикрии к действительной диалектичности неразличимости понятий. Сознание в таком контексте перестает быть формой «паппет-шоу» и становится тем, чем оно в действительности является — *нервной системой космопланетарной среды*.

«Засубстратность» ноосферного сознания, заключающаяся в том, что его субстратом является «все имеющееся», задает иную структурность общественного сознания: общественное сознание как отражение общественного бытия снимается сложной соподчиненностью ноосферной реальности и ноосферного сознания. Разум человека возник как форма корреляции планетарной и космической среды, поэтому ноосферное сознание оказывается «невнимаемым» и выполняет роль системообразующего фактора сверхсложной системы Ноосферного Универсума.

Онтологический смысл человеческого мышления и сознания — мучительная проблема, проходящая через всю историю философской мысли. Наиболее ярко она выражена испанским гистологом, автором учения о нейроне как морфологической единице нервной системы, нобелевским лауреатом С. Рамоном-и-Кахалем: «Вселенная до тех пор будет оставаться загадкой, пока остается загадкой мозг человека». Конкретизацию этой проблемы можно обнаружить в работах специалистов в области этологии, кибернетики, системного анализа, философских проблем естествознания. «Сам факт возникновения органического мозга человека, — пишет И. А. Сафронов, — связан с формированием особой системы памяти для сохранения и функционирования психических образов. Без нее мыслящий субъект не может эффективно действовать: информация, содержащаяся в образах, необходима ему не в меньшей мере, чем вещество и энергия. Мозг сохраняет в себе и квантовые закономерности эволюции нашей Вселенной, воспроизводя их в собственной структуре <...> отражение событий внешнего мира в психике носит квантовый характер»³³. Даже с учетом того, что предлагаемый

³³ Сафронов И. А. Человек и Вселенная: философско-методологический аспект: Дис. ...д-ра филос. наук в форме науч. докл. СПб., 1994. С. 28.

уровень осмысления проблемы имеет более философский, нежели общенаучный характер, импликация «поскольку человек есть результат конкретной Вселенной, то его органическое тело и мозг не могут не зависеть от тех фундаментальных типов взаимодействия материальных объектов, которые определяют ее структуру»³⁴, — выглядит весьма убедительной.

Формирующаяся в XX веке ноосферная целостность способствует постепенному складыванию ноосферного сознания человечества. Последнее представляет собой духовную организованность глобального масштаба, имеющую подсознательное, рациональное и интуитивно-экстрасенсорное измерения. Несмотря на слабую изученность ноосферного сознания, отдельные его стороны проявили себя достаточно отчетливо. Ноосферное сознание, в первом приближении, базируется на трех блоках идей, имеющих ярко выраженный общенаучный и общечеловеческий характер: космизма, экологичности и гуманизма.

Космизм — важнейшая черта и компонента ноосферного сознания. Диалектика космизма и гуманизма раскрывается через систему субъект-объектных отношений. Поскольку Космос представляет собой сверхобъект, а человек предстает как «атомарный» субъект, то и включенность субъекта (человека) в объект (Космос) как в свое собственное тело показывает значимость экологической компоненты, раскрывающей взаимосвязи человека с обществом, культурой, природой или космосом.

Систему экологических отношений можно рассмотреть как *данность* — проявление субъект-объектного универсума; гуманизм предстает как *заданность*, как доминанта бытия человека в природе; космизм в этом плане выступает как *предзаданность*, как потенциальная и актуальная материальная и духовная бесконечность. Разгадка тайны предзаданности космизма, космичности человека и его сознания «искалась» в религиозных, философских, научных и художественных сферах. По-разному Тайна открывалась в творчестве Пифагора и Платона, Бруно и Галилея, А. Гумбольдта и Н. Федорова, В. Соловьева и Ф. Ницше, М. Шелера и К. Циолковского, П. Тейяра де Шардена и В. Вернадского, В. Кандинского и П. Филонова, М. Булгакова и А. Платонова.

³⁴ Там же. С. 29.

Как и любая фундаментальная идея, космизм представляет собой многослойное явление: структурно он имеет *научное ядро, а также философскую, религиозную и художественную оболочки*. В. И. Вернадский отмечал, что космос, по сравнению с биосферой, явление, в меньшей степени поддающееся изучению в силу невозможности изучения отдельных его сторон с помощью научного аппарата и инструментария. Космос в значительно большей, чем биосфера, степени осваивается на религиозном, философском уровнях, для его понимания часто используются исключительно мистические прозрения и интуиции. В этом смысле космизм — это наиболее абстрактная, отвлеченная мировоззренческая составляющая ноосферного сознания.

Формирование ноосферного сознания в генетическом и логическом планах связано с идеями научного русского космизма и без них теряет некоторые свои сущностные характеристики. Множественность подходов в традициях русского космизма рождает плюралистичность трактовок ноосферного сознания. Выделим три уровня ноосферного сознания, вытекающие из целостной системы космизма.

Первый уровень — космизм В. И. Вернадского — самый «земной», биосферный уровень, включающий в себя биогеохимические принципы, представления о биогеохимическом «токе атомов», идею организованности биосферы. Биосферная составляющая ноосферного сознания — естественнонаучное его зерно — представляет собой осмысление биосферы как биокосного тела человеческой цивилизации, а значит, и тела каждого отдельного человека. Переворот в сознании, возникающий в результате внедрения в него биосферной парадигмы, иная включенность субъективной реальности в реальность земного космоса выстраивают новые ряды отношений человека и природы, человека и общества, человека и человека. Меняется система ценностей: человек устранивается с вершины пирамиды как царь зверей, царь людей и царь природы и обнаруживает себя как органичная часть космопланетарной организованности с выстраиваемой по ее законам бытийно-смысловой системностью. В космизме В. И. Вернадского мы видим самый широкий естественнонаучный (общенаучный) охват реальности человека, самый синтетический взгляд натуралиста на событие человека и

природы, человека и космоса. Биосферное эмпирическое обобщение В. И. Вернадского, вырастающее в учение о переходе биосферы в ноосферу, — исходная посылка ноосферного сознания цивилизованного человечества.

К этому блоку ноосферного сознания примыкает творчество С. А. Подолинского³⁵, рассматривавшего труд, человеческую деятельность с «энергетической» точки зрения, а также К. Э. Циолковского, раскрывшего возможности освоения ближнего космоса, А. Л. Чижевского, показавшего воздействие космоса на социальные процессы и организм человека и общества, Л. Н. Гумилева, рассмотревшего процессы этногенеза в биосфере Земли.

Над естественнонаучно-биосферным уровнем космизма в ноосферном сознании выстраиваются цивилизационно-культурный (научно-философский) и религиозно-философский (образно-художественный) уровни.

Второй уровень ноосферного сознания выполняет функцию корреляции общецивилизационного (техногенного) развития и культурного универсума человечества. В этой сфере ноосферного сознания разыгрываются самые непримиримые баталии, во многом определяющие будущее Земли, ее ноосферное состояние. Ярким примером осмысления многообразия форм тонкой культурно-цивилизационной подгонки может служить творчество П. А. Сорокина³⁶. («Человеческая революция» А. Печчеи — из того же перечня ноосферных подходов к анализу современной действительности³⁷.)

Третий по широте охвата круг идей русского космизма, вплетающийся в ноосферное сознание, представляет собой плод человеческой интуиции, мистического откровения и реализуется прежде всего в механизмах человеческой веры и «вселенского чувства». Он связан с русским православным мистицизмом, «Тайной Доктриной» Е. П. Блаватской, «Агни-Йогой» Е. И. Рерих, «Розой Мира» Д. Л. Андреева. В их творчестве происходит достраивание «доверху» комплекса идей космизма. Ноосферная наука В. И. Вернадского и ноосферно-космическая фантастика дополняются воспаренностью в сферы новой *ноосферной теологии*.

³⁵ См.: Подолинский Сергей Андреевич. М., 1991.

³⁶ См.: Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992.

³⁷ См.: Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980.

Определение характера ноосферного сознания лежит в плоскости дискуссии о мировоззренческих интенциях и расстановке акцентов в осмыслении космопланетарного континуума³⁸. Выбор предпочтений между геоцентризмом и гелиоцентризмом, антропоцентризмом и космоцентризмом, антропокосмизмом и антропокосмоцентризмом дает представление о том, в какой последовательности и в каких логических связках совершается уход от «классического сознания русского космизма», от «сознания эпохи освоения космоса с помощью летательных аппаратов», от «сознания космического прельщения», от «сознания единичности жизни во вселенной и одиночества человеческой цивилизации» к пониманию ноосферно-универсумного бытия человечества.

Ноосферное сознание выступает одновременно и как сознание космическое и как сознание биосферное, в нем нет дихотомических построений по линии «космоцентризм — антропоцентризм», ибо обнаруживается соразмерность земного и космического бытия человека и человечества. Ноосферное сознание — это сознание нового космопланетарного синтеза, формы которого зависят от духовно-практического освоения субстратной, структурной и информационной ипостасей ноосферной реальности. Ноосферное сознание как особый тип сознания имеет длительный путь своего становления: оно подразумевает снятие в себе отстаивающихся на протяжении тысячелетий форм идеального конструирования мира. По этой причине возникают значительные трудности реконструкции его как некоей тотальности общеисторического и общекультурного плана. В ноосферном сознании «генетически» закреплено множество «переходных мостиков», связей, ассимиляционных форм, сквозных ниток, пронизывающих стержней, стволов, которые в конечном итоге и формируют *мировое древо* (духовно-телесное универсумное целое).

С учетом социокультурной динамики ноосферной идеи для анализа ноосферного сознания возможно применение редукционистских философских подходов, а также методов восхождения от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному.

³⁸ См.: Казначеев В. П., Спириг Е. А. Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения. Новосибирск, 1991.

Исходя из этого, в самом общем плане единый духовный процесс может быть представлен формулой: «от традиционного синкретического сознания к синкретическому ноосферному».

Синкретическое мифологическое сознание, сочетающее в себе природнические и общественнические мотивы, постепенно расщепляется на формы «натурного» («природного», языческого) и «культурного» сознания, и на известной ступени своего развития эти мировоззренческие линии вновь пересекаются, обретая полноту соединенности религиозного, философского, научного и художественного сознания, а также содержательную глубину в индивидуальном и коллективном (соборном) сознании. Этот процесс стремления ко всеобщему синтезу и демонстрирует XX век.

Ноосферное сознание, таким образом, представляет собой сложнейшее культурно-историческое образование идеально-образного и информационно-знакового порядка, вырастающее из духовно-телесного континуума, формирующегося в результате космопланетарного процесса перехода биосферы в ноосферу.

В том виде, в котором представлено «космическое сознание», оно является скорее особым видом сознания, собирающим в себе космологические, астрологические, астрономические, космогонические проблемы. Ноосферное сознание не является космическим в вышеуказанном понимании, оно как космическое сознание вбирает в себя понимание всех сторон бытия человека через призму их космической помещенности, их космической сущности.

Размывание тоталитарной (антиноосферной) культуры в эпоху застоя пришло не столько из-за границы, не столько из культуры Русского Зарубежья, не столько из спецхранов. Для широких слоев народа катализатором отторжения тоталитаризма в советской культуре стало наличие (сохранение) в духовной жизни страны архетипов значительно более ранних эпох. Для малообразованного человека «объемные» архетипы не всегда обнаруживаются, но в подсознании и в этом случае остаются, снимая «стресс невключенности». Они фактически не «используются для» и, существуя для внутреннего обращения, проявляются в невербализуемых формах. В таком положении оказались многие архетипы общечеловеческого в постреволюционную эпоху.

Правда о сущности и содержании феномена советской культуры в максимально значимой форме была выражена песнями В. Высоцкого, а его творчество стало прелюдией большой архетипической трансформации сознания советского народа.

Постепенное вызревание советского общества в образовательном и культурном плане в условиях перестройки привело к социокультурному взрыву Понимания, т.е. переводу Вечных архетипов бытия из имплицитно существующих в подсознании в актуально присутствующие и действующие в сознании, мышлении, языке, а также формах общения и поведения.

Цепная социокультурная реакция перестроечного времени буквально перепахала тоталитарную монолитность и породила «поток сознания» как недистинктивную реальность тождественности бытия и сознания, из которой постепенно, как результат естественного развития в формах самоорганизации возникает полисубъектная субстанциональность становящегося «нооса» — онтологически представленного сознания людей, принявшего форму «смятения умов», «мировоззренческого вакуума», «кризиса мировоззрения». В социокультурной динамике сознания «бруновское движение умов» всегда предполагает появление нового качества субъективности — стремление от хаоса к порядку.

Соединение космоса природного и космоса культурного в народном сознании создает предпосылки для формирования зачатков ноосферного сознания. Ноосферное сознание возникает как форма общения «общественных сознаний» различных социокультурных общностей (как особых сущностей). Синаптические механизмы координации архетипов подсознания, рациотипов сознания и мистических интуиций сверхсознания в социуме могут быть представлены по аналогии с процессами самоорганизации «идеально-деятельности» головного мозга. Такой аналог тем более важен, что становление ноосферного сознания реализуется на субстрате технических средств информации, на уровне форм межличностного, интерсубъективного общения (в рамках которого осуществляется «обновление драйверов» понимания) — в формах сакрального спонтанного «общения» мозга человека и его космопланетарной телесности — Универсума.

Примером такого «размывания» до универсумности моносознания человека могут служить песенное и поэтическое твор-

чество, наиболее сильно влияющие на структуры мозга, во-первых, в силу подсознательных архетипическо-смысловых рекомбинаций, во-вторых, из-за камертональных музыкально-универсумных поднастроек. Последние как раз в максимальной степени кодируют фундаментальные структуры мозга и особым образом «форматируют диски» человеческого сознания.

Становление ноосферного сознания как космического связано с созданием в сознании человека архетипических структур народных песен (в частности, русских и советских народных романсов и песен), задающих во всем многообразии и полноте формы далекого и близкого прошлого, состояния настоящего и предчувствия ближайшего и отдаленного будущего, рисующих прописи миропонимания и мировоплощения, т. е. миропостроения в целом.

Как видно из сказанного, ноосферное сознание не предполагает лишь научный уровень — не меньшую роль в нем играют разнообразные проявления народного (или с большой буквы — Обыденного) сознания. В частности, эта сторона отражена в понятии «синтетическое народное сознание», введенном О. Мандельштамом³⁹, которое удивительным образом вбирает в себя и элитное сознание интеллигенции, и «общественно-бытийное» сознание трудящихся и не имеет ограничительных рамок в континуальности смысло-положения. Оно выражает всю сумму субъективно-идеальных интенций, некое «человеческое ноосферное качество», задаваемое критерием ноосферности, максимально высоким в российском идеальном сознании вне зависимости от исторических или географических условий.

Синтетическое народное сознание, сохранив ценнейшее качество неотчужденности от действительности, «разумной космичности», погруженности в реальное бытие, представляет собой важную предпосылку преодоления всеобщего технократического отчуждения человека от человека, человека от общества, человека от природы и, наконец, отчужденности мира от самого себя. Преодоление отчуждения требует иного мировоззренческого отношения — ощущения, чувствования, осмысления человека в Универсуме, чему мешает не только техникст-

³⁹ Мандельштам О. Слово о культуре. М., 1991.

ски организованная среда обитания, но и большое количество стереотипов мышления и поведения, оставшихся от эпохи «великого техносферного взрыва». Отстраненность человека от «комплексного бытия» вызвана субъективным фактором несвободы и объективным состоянием «винтиковости» — материального и духовного порабощения человека техномифами и стратоклассовыми идеологами. Возвратить человека самому себе в формах его ноосферного (телесного и духовного) бытия — такова сверхзадача «конструирования» нового мировоззрения и нового типа человеческого сознания.

Одна из главных черт космичности формирующегося ноосферного сознания — его свободный и творческий характер. Среди его доминант эта — самая существенная и сущностная, ибо адаптация и творчество в условиях сверхсложной среды обитания — факторы выживания личности.

Феномен ноосферного сознания выражает попытку примирить две противоположные точки зрения на природу сознания — тезисы об абсолютной свободе и абсолютной несвободе. Для современного человека характерна «закованность сознания» в интериоризированные формы бытия социумов разных уровней сложности и размерности, ибо он становится заложником «массмедиа» и больше не принадлежит себе, превращается в манкурта. Отчуждение человека от его сознания, «замораживание сознания» в условиях интенсивно развивающегося бытия ведет к превращению индивидуального сознания в «чистое общественное» сознание — массмедийное сознание, наполненное огромным количеством скрыто политизированной и идеологизированной («эгоистической») информации, т.е. фактически малой лжи, которая почти неотличима от правды. Техноколлапс освобождает человека от свободы, включает его в череду событий «потока сознания». Факт бессвободности современного человека в технической цивилизации — вывод, который утвержден работами многих современных писателей гуманистического склада.

Человеку «легче» живется именно в тотальном социуме, ибо он лишается колоссального напряжения «бытия свободного сознания»: жизнь не по культурным фундаментальным архетипам, а по писаным законам, принятым нормам и принципам деятельности — в застойном, закрытом обществе фактически луч-

шая форма опережающего отражения. Советская культура сильнее других локальных культур сформировала образ неизбежного светлого будущего: влияет на нее и форма планирования, и матримонимальная привычка к лидерам. «Деревенская» психология городской жизни с грандиозными планами на самую далекую и именно радостную и счастливую временную перспективу сменила старые формы «конфессиональной несвободы» формами атеистической посюсторонней «утилитарной несвободы».

XX век показал самые изощренные и всеобщие формы подавления сознания. Общество-государство, преследуя свои жизненно важные цели и интересы, не позволяло выпасть из «схемы полного контроля» ни одному человеку. В трагической истории российского сознания тоталитарные социальные формы, медленно умирая, оставляют за собой особый *тип ненноосферного человека* — людей «свободных-несвободных», своего рода «живых-убитых» истории Древнего Востока. *Ноосферное сознание* — это прежде всего свободная человеческая мысль — научная, философская, религиозная, художественная. Не случайно, что прорыв в свободное творчество проявил себя в эпоху революционной ломки всех духовных и материальных устоев — в период, сопутствующий двум мировым войнам. Создание условий для освобождения сознания от посттоталитарного состояния, выращивание свободного творческого сознания уже есть способ формирования ноосферного качества, а значит, способ выживания нации, народа, человечества. Идеи Н. А. Бердяева о космической роли творчества напрямую связаны со становлением ноосферных форм сознания.

Ингибиторы сознания, которые используют те или иные социальные институты, в переломные эпохи до известной степени сдерживают открытые формы деструкции и расщепления сознания, такие как анархизм и нигилизм, они способствуют реформации сознания в рамках определенной устойчивости. В эпоху перестройки был виден каталитический процесс размышления сознания, оно расплавилось и потеряло прежнее состояние целостности, что привело к тяжелейшим последствиям в общественной и государственной жизни, но по большому историческому счету сыграло положительную роль. Проблема ингибиторов и катализаторов развития общественного и индивиду-

ального сознания, современного ноосферного сознания решается в основном в средствах массовой информации и образовательной системе, которые требуют радикальной перестройки для выполнения своей ноосферной функции.

Особое значение для анализа становления нового типа сознания — ноосферного сознания — имеют представления В. В. Налимова о «спонтанности» сознания. В его работах раскрывается социокультурный механизм становления нового качества сознания, отвечающего в полной мере стохастическому режиму функционирования сверхсложных систем. Свободное «открытое» общество способствует *открытости сознания* — одной из важнейших характеристик ноосферного сознания. На первый взгляд, сознание не может быть «закрытым», однако в социокультурном плане очень часто имеет место целый ряд форм цежения информации, цензуры и самоцензуры и, что особенно существенно, методологических и философских шор. В данном случае речь идет не столько об открытости обыденного сознания, сколько о способности сознания воспринимать еще «незаданное» на высоких уровнях ноосферного Универсума. Примером нового понимания человеком бытия своего «неорганического тела» может служить реакция на разнообразные формы экологического (универсумного) неблагополучия: «загазованность», «зашумленность», «радиоактивность», «геопатогенность» среды, а также «информационное» и «экстрасенсорное» ее загрязнение. Современное традиционное сциентистское сознание отказывается подчас воспринимать экстрасенсорные и телепатические феномены — однако прошлые и нынешние примеры «контактерства» и «визионерства» могут рассматриваться как высокие этажи ноосферного сознания (или, точнее говоря, сознания в Ноосфере).

В условиях информационно-компьютерной революции в ноосфере важнейшим фактором открытости сознания является информационная открытость — наиболее полное и точное знание об Универсуме в его разнообразных проявлениях, которое является условием полноценности человеческого «бытия-сознания». Закрытость, неинформированность, незнание, неосведомленность способствуют разведению, расщеплению, раско-

лотости единого целостного миробытия. Извращенные формы сознания приводят к «выпадению из бытия», к «разрушению контекста» и, к выходу из Универсума. История человечества дает много примеров такого рода «дизъюнктивности субъекта» как на уровне отдельного человека, социальной группы, так и на уровне общества и даже цивилизации. Закрытость православного субъекта в начале XX века от новаций геополитического, экономического, мировоззренческого плана привела к разрушению единого православного пространства и, в итоге, — к разрушению экологической среды и социокультурных форм самоорганизации российской ойкумены.

Ноосферное сознание не только космично по своей природе, не только биосферно и цивилизационно по своим атрибутивным свойствам, конкретным формам бытия во Вселенной, но оно культурно по своей глубинной сущности. Рассмотрение культуры в качестве важнейшего фактора становления ноосферы философско-методологически связано с анализом роли научной мысли как планетного явления, осуществленным В. И. Вернадским, который дал образец точного научного анализа роли науки — одного из элементов культуры — в процессе перехода биосферы в ноосферу. Ноосферные исследования последних лет вышли далеко за пределы собственно научной мысли, охватив сферу религии, философии, искусства. Это свидетельствует о том, что ноосферные процессы более широко раскрываются представлениями о роли сознания в целом, идеальных компонентов ноосферы, субъективного фактора в процессе перехода биосферы в ноосферу. В настоящее время эта тенденция к *расширению субъективных оснований ноосферы* становится очевидной⁴⁰.

Субъективный фактор при всей комплексности «отражательно-деятельностного» охвата в своей основе имеет феномен сознания, модальность и интенциональность которого определяет застойные и прогрессивные, гуманистические и технократи-

⁴⁰ См.: Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. М., 1991. Т. 2. С. 125—138; Жданов Ю. А. В. И. Вернадский и проблема культуры // Клаузура ноосферы. М., 1988. Ч. 1. С. 101—106.

ческие, экономические и экологические параметры функционирования человеческой цивилизации в ноосфере. Культура выступает важнейшим фактором становления ноосферы, что характерно для прошлого, еще более — для настоящего и в неизмеримо большей степени — для будущего.

XX век, воспринимая идеи В. И. Вернадского, заставил более широко и системно посмотреть на процесс развития научной мысли: последняя обнаружила себя как органическая часть, но всего лишь часть, тела человеческой культуры, живущей на субстрате разумного вещества. *Культурность Ноосферы и ноосферность Культуры* — представляют собой единую проблему современного бытия человечества, приобретающего качество «везде-вечности», ибо оно вбирает в себя всю предшествующую жизнь биосферы и ноосферы. *Ноосферность* — это качество, выражающее гносеологическую, аксиологическую и праксиологическую интенциональность миропостроения на основе трехипостасности, определяемой формулой «Истина — Добро — Красота». В переложении на терминологию XX века она может быть представлена как стремление к разумному, гармоничному, справедливому, человеческому устройству мира, к общечеловеческому духовному и общепланетарному цивилизационному качеству бытия, построенному на апробированных и принятых всеми общечеловеческих ценностях. Ноосферность духовной культуры проявляется в рамках социально определенной, субъективно-детерминируемой, сознательно-опосредуемой, культурно-соразмерной технопретворяемой человеческой деятельности, выступающей системообразующим фактором материальной культуры.

Философско-методологический подход к анализу ноосферных проблем позволяет говорить о формировании *ноосферного императива* всеобщей практики человеческого бытия. «Золотое правило» нравственности на обыденном уровне дает ориентиры в море человеческих отношений: поступай так, как хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе. Категорический императив И. Канта делает следующий шаг: он требует отношения к человеку и человечеству как к цели, и никогда только как к средству. Формулировка основного морального отношения

Г. Н. Гумницким⁴¹ дает возможность широкого осмысления морального поведения человека, так как, утверждая общее благо как высшую цель, а личное благо как конечную цель, она диалектически связывает человека, общество и природу. Современный уровень воздействия человека на природу заставил осмыслить не только отношения между человеком и человеком, человеком и обществом, но также взглянуть с точки зрения теории морали на отношения человека и природы, человека и биосферы. Где же искать критерий верного отношения к природе, если человек не знает, что для природы — нашего неорганического тела — добро, а что — зло? Выход на социоприродный уровень осмысления реальности заставляет многих авторов сделать вывод об «экологическом императиве», который утверждает, что нельзя относиться к природе только как к средству. В рамках экологического императива рассматривается единая система «Природа — Общество», так как эгоизм общества может привести к уничтожению той основы, благодаря которой только и существует человек и человечество в целом.

В условиях многоликой альтернативности выбора путей дальнейшего развития человеческой цивилизации встает вопрос о формировании «*ноосферного императива*», в котором основное моральное отношение связывает человека и ноосферу. Ноосферный императив может быть сформулирован следующим образом: *благо ноосферы (единого космопланетарного тела человеческой цивилизации) — высшая цель, благо человека — конечная цель*. Ноосферный императив рассматривает человека, общество и природу как единую целостную систему, делает акцент на их общечеловеческое, глобально-планетарное содержание, а ноосферу — как квинтэссенцию духовной и материальной культуры, функционирующей в мировом Универсуме. Ноосферный аспект основного морального отношения позволяет теоретически осмыслить ту область морального сознания, которая до настоящего времени была развита слабее всего духовно-телесного континуума, формирующегося в результате космопланетарного процесса перехода биосферы в ноосферу.

⁴¹ См.: Гумницкий Г. Н. Основные проблемы теории морали. Иваново, 1972.

Современный дизайн, экологическая архитектура, экологическая скульптура, организация среды по законам ландшафтно-архитектурного синтеза — все это свидетельствует о действии «эстетического закона ноосферы», «эстетического измерения ноосферного сознания». В этом смысле ноосфера, отвечая целесообразности и организованности биосферы, создается в той мере, в какой во всех своих проявлениях она формируется по законам красоты. Этот вывод в значительной степени может рассматриваться как эмпирическое обобщение, ибо большинство развитых стран дают бесконечное количество примеров создания среды обитания, на всех уровнях отвечающей самым высоким ноосферно-экологическим требованиям. Особенно характерна такая тенденция для современной японской природосообразной культуры: в ней ноосфера проявляет себя как «сибуйсфера» — сфера, включающая в себя признаки «саби» («красота простоты») и «ваби» («красота естественности»). Ноосферная эстетика представляет собой в еще большей степени красоту духовной и душевной жизни, вырабатывающейся тысячелетними традициями национальной культуры. Культура, в которой прагматизм превалирует над духовностью, может построить только «формальную ноосферу» (в худшем своем облики — «казарму»), т. е. материальную оболочку с заданными параметрами функционирования механизма, но лишенную верхних этажей ноосферности — форм духовного бытия в Универсуме.

Мировая культура свидетельствует о том, что эстетическое — одновременно, и исходная точка и показатель завершенности системности как национальной, так и общечеловеческой культуры. Критерий красоты, в конечном счете, задает ноосферность экологической, экономической, политической и правовой сфер человеческой культуры. Вне контекста полного развития духовности как «целесообразности без целеполагания», т.е. универсумной духовности, ноосферное качество бытия человека и человечества носит условный характер, имеет конкретно-историческую ограниченность. Ноосферный образ и облик мира, таким образом, складывается посредством совмещения и эстетизации техно-инструменталистской и духовно-душевной сторон культуры.

Ноосферный космизм: проблемы формирования современного космического сознания

Эволюция космического сознания⁴² — одна из самых актуальных современных проблем философии сознания. Логика мировоззренческого развития российского этноса, пожалуй, именно в XX веке претерпела кардинальные изменения.

Протокосмизм, очевидно, был одной из самых первых мировоззренческих парадигм естественно-обытийного сознания. Космоземные архетипы утверждающегося человека и становящегося человечества особенно отчетливо видны и сейчас в этногеономах, не разрушенных до конца технопрессингом человеческих общностей. Так постепенно формировались коллективное и индивидуальное измерения космического сознания и самосознания.

На протяжении тысячелетий человек жил в естественном (реально-природном) стихийном космическом мировоззрении: формы космического сознания существенно менялись. В формах технологического и антропологического развития человек получал возможность осваивать все более разнообразные и даже неожиданные лакуны космического универсума. Принцип подобия в герметической философии⁴³ создал важный методологический инструмент для понимания места человека (микрокосма) в системе постоянно расширяющейся Вселенной (макрокосма).

В эпоху античности диалектика микрокосма и макрокосма приобрела статус научного мышления, а представления о Живом космосе способствовали сохранению органичности и эвристичности космического архетипического сознания. Ученик Аристотеля Александр Македонский — в этом смысле может рассматриваться как один из первых исследователей ойкумен Живого космоса. Стихийные материалистическая, идеалистическая и универсумная формы античного космизма, сформировавшиеся (из космической мифологии) в истории философии как линии философии, постепенно развернулись модели не только религиозного, но и научного космизма.

⁴² Казютинский В. В. Космизм // Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003. С. 471—472.

⁴³ Лешкевич Т. Г. Философия. Вводный курс. М., 1998. С. 29—66.

Весьма характерно, что органический вселенский космизм наиболее синкретично полно был выражен в поэтических формах: не только архаические тексты (до нашей эры), но поэзия нашей эры (например, гетевский, ломоносовский, пушкинский, лермонтовский, гоголевский космизм) наполнены космическими откровениями такой высочайшей пробы, что современный научный космизм лишь подходит к подобным артикуляциям.

В истории идей можно говорить о трех этапах космизма: первый этап — время органического космизма, которое только сейчас начинает пониматься и научно исследоваться. Это эпоха атлантов и Гермеса Трисмегиста, время цивилизаций ацтеков и майя и египетской цивилизации. Органический космизм — основа вселенского миропонимания может быть назван языческим (вселенским) космизмом. Он предстает современному человеку как мельчайшие обломки гигантского корабля древних космических цивилизаций. По этим космо-археологическим артефактам и строится новое современное мировоззрение как модель отрицания отрицания.

Второй этап космизма уже не плюралистический, а монистический космизм, примером которого может служить христианский космизм (как, впрочем, космизм любой другой мировой религии). Этот тип космизма возник как способ духовной эволюции «потерявшейся» человеческой цивилизации, неожиданно столкнувшейся с космическим разумом, который по своим возможностям и масштабам бесконечно превосходил наличный человеческий ментальный ресурс. Христианство — это способ примирения «детского» (м. б. даже «младенческого») человеческого сознания, столкнувшегося с непонимаемым в возможностях Христа, способ духовной адаптации к соседству бесконечно более высоко развитого космического разума — Бога. Христианство (как и любая другая мировая религия) воспитывает в человеке и человечестве смирение с существованием Бесконечного и могущественного вселенского разума.

Иногда человечество подвергает культурному сомнению этот абсолютный вселенско-экзистенциальный факт как, например, это произошло на рубеже XIX—XX веков в формах ницшеанства и нигилизма, прагматизма и коммунизма. В этом случае наступают тяжелейшие испытания для человечества — трагиче-

ские революции и жесточайшие войны. Зло поедает само себя в условиях минимизации добра в мире. Когда в деятельности человеческой цивилизации становится мало вселенскости, разумности, гармоничности и красоты, вот тогда и вырывается демон зла, чтобы заставить монады индивидуального и общественного найти новые формы добра, вместо тех форм добра, которые в новых условиях вдруг превратились в бесконечное зло.

Третий этап земного космизма связан с синтезом древнего (языческого) и нового (монистического) космизма. Его зерна возникли и стали прорастать в период подготовки людоедской бойни в XX веке. Е. П. Блаватская, Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский — это духовные знаки прорастания космического бытия в дисгармоничном социуме материально-экономического эгоизма и геополитического бандитизма хищных уицраоров XX века.

Творческое наследие Н. Ф. Федорова — яркий пример того, как в XIX веке повсеместно совершался переход от традиционного языческо-христианского дуально-эклетического мировоззрения к новым формам сознания, в том числе к постепенному усилению, развитию, и, наконец, доминированию научного космического сознания. Поэтический космизм⁴⁴ в сознании, на наш взгляд, может рассматриваться как неотъемлемая и очень плодотворная составляющая творческой духовной жизни человека. Ярким примером такого рода является живописно-поэтический космизм А. Л. Чижевского⁴⁵.

Рубежной точкой перехода от традиционалистского христианского космизма к научному космизму стала жизнь К. Э. Циолковского. Жизнь этого человека в значительной степени предстает закономерным продолжением федоровского синкретического космического сознания. Думается, что сама эволюция культурного христианского сознания в России привела к кардинальному перевороту в структуре этносознания: языческий народный космизм постепенно стал наполняться научным содержанием.

⁴⁴ См.: Я связь миров. Философская лирика русских поэтов XVIII — начала XX века. М., 1989.

⁴⁵ *Чижевский А. Л.* Стихотворения. М., 1995.

Развитие научного сознания в России было активизировано Великой социальной революцией, которая, как культурная революция, открыла возможность освоения научного поля для закрепощенного религиозно-государственническими императивами крестьянства и развивавшегося рабочего класса. Колоссальная тяга народа к научному знанию была вызвана наличием эмпирического и теоретического вакуума, имевшегося в широкой народной культуре. «Космос как предчувствие» — это в значительной степени не кино-формула, а экспликация вектора развития этнонационального сознания, имевшего глубинные архетипические корни.

Выход человек в космос околоземного пространства — эпохальное событие в истории человеческой цивилизации и эволюции человеческого сознания. Оно было достигнуто, в конечном итоге, дерзновением материалистическо-атеистического сознания, сформировавшегося в СССР в результате социально-технической и научно-культурной революции в первой половине XX века. Процесс формирования научного космического, а затем и массового космосознания пошел ураганными темпами: за очень короткий период времени человек в формах научно-космического кодекса бытия освоил пространство в 15 млрд. световых лет, и встал перед проблемой освоения будущего времени в размерности 5 млрд. лет. Понадобилось всего полвека, чтобы осознать некую исчерпанность ракетного космизма и ограниченность претензий в освоении даже ближнего околосолнечного космоса примитивными техническими средствами. Выход человека в околоземный космос позволил понять ограниченные экологическими параметрами возможности космопланетарного развития. В результате течение научной мысли из формы вширь превратилось в форму вглубь. Экологический (космопланетарный) космизм установил новые параметры и приоритеты для формирования сознания и деятельности человека космической эры.

В настоящее время происходит формирование синкретического космического сознания⁴⁶, в котором доминируют не религиозные (как это было в дореволюционный период) или

⁴⁶ См.: Демин В. Н. Тайны биосферы и ноосферы. М., 2001.

атеистические (как это было в послереволюционный период) аспекты, а общекультурная рядоположенность четырех основных составляющих духовной культуры — религиозной, художественной, философской и научной. Думается, что художественный русский космизм в общем содержании современного космического сознания имеет не меньшую значимость, чем, например, научный.

В. И. Вернадский говорил о трех реальностях: вселенная (макрокосм), биосфера и микрокосм. В этом смысле очевидно можно говорить о трех инверсиях-выходах: выход в биосферный космос, выход в Макрокосм и, наконец, выход в Микрокосм. Фактически, все эти три формы выходов совершились в XX веке. Не следует ли из этого сделать вывод о том, что современный космизм существенно отличается от предыдущих его форм, что в XXI веке формируется новая — синкретическая — форма, включающая в себя различные виды и типы, архетипы и модусы вездечного космического сознания, которое можно было бы обозначить как ноосферный космизм?

Важной особенностью нового космизма (неокосмизма) стала подвижка от прапсиологии околоземного космоса к прапсиологии микрокосма и в начале нового — XXI столетия — нанокосмоса. Выход в нанокосмос в начале XXI века по своему философско-мировоззренческому значению — не менее важное событие, нежели выход «ракетного человека» в околоземное пространство. Таким образом, предметная область космоведения значительно расширилась.

Мысль испанского ученого-гистолога С. Рамона-и-Кахаля о самоподобии человеческого мозга и устройства вселенной, может рассматриваться как указание на наличие архетипа космического бытия человека и человечества. Очевидно, расширение Вселенной для человека происходит не только в контексте его техногенного и приборно-пробирного развития, но и эволюции разума человека⁴⁷, которая, незаметно может быть для самого человека, идет очень быстрыми темпами, вызванными в значительной степени не только взрывным характером демографи-

⁴⁷ См.: Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля. Новосибирск, 2004.

ческого развития в XX веке, но и беспрецедентными темпами социального развития. Развитие ноосферного сознания человечества осуществляется в настоящее время уже не только формами личностного познавательного подвига отдельных ученых, но и значительным продвижением развития коллективного разума совокупного (соборного) человечества. Ярчайший пример ноосферного космизма дают труды В. И. Вернадского⁴⁸. Осмысление расширения (распаковывания) космического мировоззрения позволяет говорить о новых измерениях космизма: информационный и семиотический космизм — феномены, требующие самого внимательного изучения⁴⁹.

Проблема формирования органического и синкретического ноосферно-космического сознания в значительной степени связана с постоянно разрешающимися противоречиями между «правополушарным» и «левополушарным космизмом», с этническими, национальными, социально-профессиональными, гендерными (детской, женской и мужской) и возрастными формами космизма. Однако этот космо-мировоззренческий вызов времени в значительной степени игнорируется, и это связано с существующими утилитарно-прагматическими моделями образования на среднем и высшем уровнях.

Особенности современного синкретического ноосферно-космического сознания определяются следующими факторами: глобальная масштабность информационного бытия и со-бытия человека и человечества; компьютерно-инструментальная геномно-архетипическая эксплицированность совокупного сознания носителей индивидуального и коллективного разума; коэволюция и кореволуция актуализированных форм этнонациональной и социально-профессиональной экзистенции; вертикальные и горизонтальные миграции «человеческого качества»; погружение современного человечества в хронотоп вездечности метакосмического бытия.

⁴⁸ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1987. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991. Вернадский и Крым: люди, места, события. Киев, 2004.

⁴⁹ См.: Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново, 2008.

Очевидно, что сейчас формирование современного космического сознания идет под влиянием средств кинематографа и интернета, а должно стать важной формой университетского образования⁵⁰, потому, что человек с неадекватным космическим сознанием оказывается выпадающим из культуры, а в некоторых случаях становится опасным не только для самого себя, но и для окружающего его общества.

Космическое сознание, проявляющееся в разнообразных формах, опирается на антропный принцип и антропокосмические подходы в современной науке. Однако логика такого развития предполагает выявление не только естественнонаучной, но и гуманитарной составляющей, которая проявляется в формулах гуманизма (гуманности и гуманистичности). При этом иная размерность рассмотрения вопроса приводит к изменению смыслов категориальной сетки гуманистики. Пересечение гуманистики и глобалистики порождает очень важное пространство философского дискурса⁵¹. Проблема гуманизма как гуманистичности и гуманности в современном информационном обществе, которое очень быстро становится глобально-космическим, приобретает беспрецедентное значение, ибо впервые проявляет себя реальная возможность потери человеческого в человеке в силу разумной деятельности человека.

Космическая эпоха для человечества началась с выходом человека в космос в 1961 году, и с этого времени интенсивно формируется «реальное космическое сознание» глобального человечества. В начале нового тысячелетия этот процесс обрел качество ноосферной (космо-планетарной) сверхсистемы. Иногда ребенок спрашивает: «Почему я должен делать так, как мне говорят?». Ему отвечают: «Подрастешь — поймешь». Великие тексты мировых религий говорят именно так. Человечество, находясь в состоянии перинатального (земно-лонного) развития, пока не в состоянии понять смысл своего внешнего бытия — космического бытия. Но его уже «призывают» к этому «внешне-вынужтому» состоянию. Гуманно ли это, гуманистично ли?

⁵⁰ См.: Ноосферное образование в России. Иваново, 2001. Ч. 1–2.

⁵¹ См.: Глобалистика. Энциклопедия. М., 2003.

Когда речь идет о гуманности, то предполагается «посильность» трансформационной возможности, способность человека к космической коэволюции. В рамках синергетической терминологии речь идет о посильности выбора аттрактора развития. В советскую эпоху, как показала история, заданный большевистской партией аттрактор развития на превращение страны в военную супердержаву, нацеленную на завоевание мирового господства и победу социализма и коммунизма во всем мире, оказался непосильным для российского этноса, он фактически привел к тому, что этнос «надорвался». Заметим, что в действительности революция начала XX века в России должна рассматриваться не просто как «великая социальная революция», но, прежде всего, как великая космическая (техно-космическая) революция, теоретические истоки которой берут свое начало в интеллектуально-интуитивистских творениях Н. Ф. Федорова (космический преобразовательный проект), В. С. Соловьева (духовно-универсумный проект), К. Э. Циолковского (освоение реального космоса), В. И. Вернадского (космопланетарный ноосферный проект).

Гуманность предполагает требования к посильности социальной и духовной эволюции отдельного человека (его развития в онтогенезе). Для каждого отдельно человека она имеет свои параметры. Например, в модели развивающего образования преподаватель сам определяет уровень потолочных возможностей студента (поэтому одни и те же учебные требования могут быть гуманными по отношению к одному студенту и негуманны, или даже антигуманны, по отношению к другому). Ни один человек не сможет перепрыгнуть через эволюционные возможности его разума в восхождении по эволюционной лестнице к «точке Омега». Критерии такого рода имеют место не только применительно к ментальному, но нравственно-духовному развитию. Классические образцы анализа этой непростой гуманитарной проблемы, например, можно усмотреть в «Лестнице» Иоанна Лествичника.

Гуманистичность отражает социальную (филогенетическую) сторону поиска оптимальности в человеческой эволюции. Гуманистичность обозначает общественные нормы параметров человеческого бытия, как в формах функционирования, так и в

формах развития. Гуманистично ли космическое сознание современности (т. е. фактически мировоззрение третьего тысячелетия)? Исторический опыт показал негуманистичность тирании и тоталитаризма. Эти социальные болезни порождают разрушение и не только субстратного (антропосферного), но также структурного и концептуального уровней человеческого бытия, превращая его в «бытие-для» (для государства, для высшей цели, для светлого будущего). С современной точки зрения, негуманистично и жертвование антропосоциальными интересами во имя решения сверхзадач «социалистического строительства», например, именно так воспринимаются «гигантские стройки советских пятилеток», создание ядерного оружия, освоения космоса (хотя для России решение этих задач в условиях противостояния двух сверхдержав носило смысл выживания этноса, а значит, имело гуманистический смысл).

Гуманно ли сказать (с точки зрения преподавателя, учителя) образовательно и культурно созревшему человеку, что его жизнь представляет собой вселенское событие, соприсутствие в везде-вечности. Не разрушит ли эта мировоззренческая установка смыслы и ценности его социально-цивилизационного бытия, обеспечивающего эффективное воспроизводство его земного биологического, материально-экономического и культурно-духовного бытия. Практика двухтысячелетнего бытия человека в Боге (монотеистических религий) позволяет сказать, что, наоборот, для православного религиозного хронотопа только культура бытия в Боге и позволяла сохранять этносу свой адаптационный потенциал и возможности к устойчивому (более того, интенсивному устойчивому) развитию. Гуманистическая сила православного космизма доказана пассионарностью «субькта» российской истории.

Все вышесказанное позволяет увидеть особую значимость проблем антропной идентичности для понимания динамики современного космизма. А. И. Киселев выделяет такие факторы риска, возникающие в процессе определения антропной идентичности как денатурализация, деиндивидуализация, сверхсоциализация, десоциализация и деспиритуализация⁵².

⁵² См.: Киселев А. И. Экология человека и гуманизм. СПб., 2004.

Подобные же формы потери антропной идентичности могут проявить себя и в области пересечения антропокосмической экологии и гуманизма⁵³. Универсальный (ноосферный) эволюционизм может рассматриваться в этой связи как основа оптимальной стратегии развития космического мировоззрения в его гуманистическом варианте.

История мировой философской мысли постепенно утверждала идею о безграничности человеческого бытия — его вселенскости, космичности, универсумности. Однако человек в рамках создаваемых культур сам ставит себе ограничения, создает границы с тем, чтобы потом преодолевать их в трудной борьбе с самим собой и организованностью общественных систем.

На рубеже третьего тысячелетия человек поставлен в условия новой реальности — формирования безграничного мира и складывания феномена безграничного человека. Эта интенция всегда была свойственна родовому человеку, хотя условия материального бытия в известной мере препятствовали ее реализации. В целях самосохранения пафос бытия человека в Универсуме ограничивался формами «бытия-как», «бытия-для», а интересубъективность оставалась в рамках дозированного межличностного общения.

Логика мировой истории ведет к постепенной ломке естественных и искусственных границ. Первые преодолеваются технологическим развитием человечества, а вторые — стремлением человека к бытию в едином возможно-доступном космопланетарном пространстве. История мировой культуры наполнена датами преодоления материальных и духовных форм ограниченности. *Географическая безграничность* (в ее экономических и политических аспектах) формируется в результате великих географических открытий (открытие Америки, освоение Сибири и Дальнего Востока) и складывания единого мирового рынка, *культурная безграничность* (внешняя и внутренняя) определяется веками классики, модернизма и постмодернизма. Даже в гендерном поле человеческого бытия произошла революция «растворения границ».

⁵³ См.: Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космической антропоэкологии. Новосибирск, 2004.

Человек сбрасывает с себя кольчуги и латы воина и борца и обретает свободу *антропосоциальной невесомости*, он оказывается в состоянии культурной левитации — «растворенный человек» современности иногда обретает личину человека «массовой планетарной культуры», но основной тенденцией является его обращение в «человека ноосферного».

Даже в условиях лавинообразных процессов глобализации не так просто оказалось расковать цепи геополитических, этнических, национальных и социокультурных границ, они и до настоящего времени дают знать о себе «звоном золота и железа», но глобальный процесс неостановим, как неостановим разум человека в его вселенской миссии. Границы человека в ноосфере безмерно раздвигаются, но категория «ноосферный человек» не означает потерю геосубстратности или национально-культурной идентичности, она означает скорее знаниевую и информационную универсумность современного человека: его «здесь и сейчас» превращается в «повсюду и всегда». «Везде-вечность» ноосферного человека оказывается формой его виртуального бытия, которое занимает все больший объем, поистине превращая человека в «феномен бесконечной безграничности». Граница становится гранью, а за гранью из одномерного возникает двухмерное пространство человека, раскрывающееся в трехмерное, многомерное. Означает ли это, что человек больше не принадлежит самому себе, лишившись самости в силу раскрытых (а, значит, исчезнувших) границ, приводит ли это к его бессубъектности или лишь позволяет открыть его интересубъективное, универсумное существование, не лишает ли человек себя «нормальной человечности», не уступает ли она место «глобальной бесчеловечности»? А хорошо ли то, что единичный человек превращается в человека всеобщего, конкретный человек — в абстрактного, родовой — в ноосферного, что человек становится Человечеством? Связан ли этот процесс с философским размышлением о Богочеловеке и Богочеловечестве? Ответы на эти вопросы — вопросы философии культуры и философской антропологии нового тысячелетия — во многом определяют развитие ноосферного сознания человека и человечества.

Главная антропологическая проблема современности, как все более становится очевидным, порождается феноменом глобализации. Именно он заставляет опасаться того, чтобы «безграничный человек» не превратился в «человека без границ». Остаться человеком в пространстве диалектического выбора — не это ли возвращение к вечной философии, от которой так хочется уйти современному человеку, чтобы стать дурной бесконечностью, а не ноосферной реальностью? Но, может быть, достаточно быть не бесконечным, но безграничным — «всюдным» в лоне ноосферы, а значит, не исчезая, обрести свое неорганическое планетарное (биосферное) и ноосферное тело, чувствилище разума, став ноосферным человеком, обладающим вовлеченностью в процесс универсумного и универсального бытия?

Заключение

ФИЛОСОФИЯ СОЗНАНИЯ: ОПЫТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НООСФЕРНОЙ ГЛОБАЛЬНОСТИ

XX век, особенно его вторая половина, — время схождения многообразных планетарных процессов в одну точку. Медленные эволюционные процессы, шедшие неравномерно в предшествующие столетия, словно сплелись, стали когерентными, а само планетарное человечество, став глобальным и осознав себя в таковом качестве, оказалось в пространстве времени венка революций: экономических, социальных, политических, культурных, научных, философских, демографических, семиотических и многих других. В этой связи стало возможным говорить не только об *эволюции сознания*, но и о *коэволюции сознания*. Более того, были запущены и получили старт *революции* и *кореволуции* в сознании многообразных социально-национальных субъектов глобальной мировой истории.

Глобальная кореволуция — это сплетение ураганных процессов космопланетарного развития, носящих нелинейный и синергичный характер, и требующих непредсказуемых трансформаций, к которым человечество весьма вероятно еще не совсем готово. В XX веке эти процессы обозначались формулами десятка глобальных проблем современности, в настоящее время пришлось значительно увеличить их количество, что бесконечно увеличило сложность предстоящих планетарных трансформаций.

В рамках современной синергетической парадигмы стало позволительным говорить о вхождении человеческой цивилизации в точку бифуркации, которую раньше связывали с переходом в новое тысячелетие, а сейчас (начиная с Н. Н. Моисеева) называют пролонгированный рубеж — середина XXI века.

В соответствии с логикой жизненного научно-исследовательского процесса в книге представлена концептуальная транзитивность «экологизация — ноосферизация — гло-

бализация — гуманизация — космизация». В действительности за этим тезаурусно-семиотическим пространством (и внутри него) «прячутся» репрезентации планетаризации, социализации, гуманитаризации, культуризации, информатизации, семиотизации, демоантропизации, когнитизации, сциентизации и сайентизации. Этот список процессуальных форм развития и саморазвития подчас приобретает фрактальные формы — «бесподобные» самоподобия делают изучение бытия-сознания человечества чрезвычайно сложным и практически невыразимым: бифуркационная и полифуркационная история сама определит формы глобальной будущности, позволяя человечеству лишь откликнуться восклицаниями на беспрецедентные последствия этих надвигающихся космопланетарных процессов.

Особенность предложенного глобального дискурса проявляется в исторически определенной последовательности: вслед за исследованием разнообразных процессов экологизации сознания последовало некое забегание вперед — исследование процессов ноосферизации сознания, которое в значительной степени носило не эмпирический, а умозрительно-теоретический характер. Однако такое «опережающее отражение» сделало возможным создание философско-теоретической базы для исследования реальной глобальности, осмысления того, что следовало бы назвать «ноосферной глобальностью». Такого рода новая формула «мировости» усиливается расширительными толкованиями гуманизации и космизации.

Роботизация, киборгизация и аватаризация современного человека предстает как своего рода алармистская модель весьма отдаленного будущего (хотя и не столь отдаленного, как «лучистое человечество» К. Э. Циолковского), поэтому на повестке дня стоит вопрос о конкретно-историческом этапе человеческой революции, вызванном фундаментальными процессами глобализации.

Именно в самоорганизующейся фрактальности и сетевой организованности понимания «процессов и сфер» видится методологический ресурс для изучения путей цефализации ноосферы и дальнейшего развития философии глобального сознания.

Постскрипtum

«РИМСКОЕ СОЗНАНИЕ» В РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

История этой книги начинается в Ленинграде в далеком 1980 году, когда её автор во время очередного увольнения в город зашел в книжный магазин на Большом проспекте и приобрел в зеленой суперобложке книгу «Человеческие качества», написанную неведомым итальянцем с добрыми глазами и музыкальным именем Аурелио Печчеи. Прошло 35 лет со времени выхода в русском переводе книги А. Печчеи «Человеческие качества». Оборачиваясь назад, в то кажущее очень далёким прошлое, отчетливо понимаешь, что эта книга относится к тем, которые Эрнст Генри назвал книгами, «которые потрясли мир».

Какими судьбами книга А. Печчеи оказалась в руках моего учителя профессора Н. П. Антонова (который всего лишь на год младше итальянского мыслителя) сейчас восстановить невозможно. Но когда, готовясь к экзаменам, я просил разрешения написать реферат по мировоззрению А. Печчеи, эта книга уже была прочитана профессором, и благословение после некоторых философских внушений было получено. Н. П. Антонов был «возмущен» тем, что молодой аспирант выбрал «для критики» книгу необычайно умного и глубокого человека: тем самым он предупредил о том, что над содержанием идей надо много думать. Реферат был написан «эзоповым языком» (в духе ослабленных двойных идеологических стандартов того времени, в чём читатель может сам убедиться), и после этого от Н. П. Антонова поступило предложение идти к нему в аспирантуру.

Движение по научной лестнице было связано с освоением творчества В. И. Вернадского и его учения о переходе биосферы в ноосферу, а книга А. Печчеи в условиях перестроечной и постперестроечной жизни страны постепенно открывалась своими разнообразными будущностными сторонами. Сейчас, когда есть возможность писать уже не эзоповым языком и расстаться с архетипическим опытом самоцензуры, появляется возможность искать и находить точки высокого соприкосновения европейской, русской, восточной культур: творчество А. Печчеи оказывается вновь востребованным, необходимым для понимания тех бифуркационных и амбивалентных процес-

сов, которыми пронизан современный мир. Оно весьма близко к тому, чем в параллельном интеллектуальном пространстве занимались отечественные и зарубежные ноосферологи.

Книга А. Печчеи в известном смысле оказалась *вещей*. Приходит время, когда необходимо вновь переосмыслить её главные выводы и подумать над тем, как организованно можно начать движение в направлении рождения из «нечеловеческого человечества» другого качества — «человеческого человечества». Современная Европа в значительной степени шла теми путями, которые наметил первый президент Римского клуба — неправительственной организации, которая показала свою высокую интеллектуальную эффективность, определив реальные шаги развёртывания глобального сознания в период, который мог бы стать кардинальным поворотом в мировой истории.

Специфика осмысления трудной проблемы и особенность научного поиска проявляется в том, что все возможные направления анализа и синтеза идут параллельно, но с различной степенью интенсивности. Сначала вырывается вперед какое-то «актуальное» методологическое новшество: так было с экологизацией.

Начало 1980-х годов для СССР — весьма противоречивое время: в нем проявляются самые губительные для страны вечные геронтологические возвращения уходящей с исторической арены партийной элиты, но в это же время зреет «рождение нового геополитического младенца», лидера с новым мышлением для России и для всего мира.

Книга А. Печчеи для советского философского сообщества стала колоссальным интеллектуальным прорывом, неким альтернативным ходом мысли для глобального планетного человеческого будущего. «Римское сознание» А. Печчеи, формировавшееся на протяжении 1960—70-х годов — важное событие не только в области глобального, но и ноосферного будущего. Сейчас, оборачиваясь в прошлое, становится отчетливо ясно, что А. Печчеи мировоззренчески далеко опередил свое время; по крайней мере, логика мировых экологических Саммитов (1972, 1992, 2002, 2012) разворачивалась в русле «римского сознания» нового итальянского гуманиста.

Воздействие этой книги на провинциальное философское сообщество было сильным, но не прямым. В начале 1970-х годов

Н. П. Антонов вместе с аспирантами проделал значительную работу по освоению ноосферной проблематики, но опыт показал, что даже после публикации в журнале «Философские науки» программной статьи о двух концепциях ноосферы шансов на защиту диссертаций «по ноосфере» не было. Впрочем, предметом диссертаций не стала и проблематика, связанная с книгой А. Печчеи. В логике интеллектуального развития провинциальной традиции она стала своеобразным фоном, на котором происходило освоение ноосферной проблематики, дорогу которой открыла эпоха безбрежной послебрежневской перестройки. А. Печчеи в своей книге не ссылается на В. И. Вернадского (скорее всего, в то время российский мыслитель не был известен европейскому интеллектуальному сообществу), но перед нами очень близкие по духу мировоззренческие конструкции.

Однако, как это часто бывает в реальной истории, человечество заложило новый виток спиральной истории: на какое-то время умудренный капитализм хитростью и опытом осилил «молодого социалистического бойца», показавшего в начале и середине XX века свои потенциальные возможности в кровопролитных мировых военных столкновениях с самыми темными силами капиталистического и социалистического инферно. В конечном итоге победило глобальное сознание «золотого миллиарда». Не в последнюю очередь такая редукция человеческих качеств стала следствием разрушения «мировой системы социализма», которое по иронии судьбы обозначило себя именно в начале 1980-х годов, когда, казалось бы сложилась адекватная ситуация паритетной конвергенции двух миров, окружавших ядро сверхдержав. Формула З. Бжезинского «рождение и гибель коммунизма в XX веке» породила иллюзию безнаказанности и «легкой победы» в холодной войне. Эйфория от воцарения однополярного мира достаточно быстро сменилась новыми евразийскими угрозами.

Тяжелая поступь «века глобализации» очень быстро развеяла розовые иллюзии на возможность простого эволюционного процесса большого глобального капитализма: чем сильнее становилась диспропорция между «золотым миллиардом» и быстро растущими «бедными миллиардами», тем напряженнее становилась обстановка в мире и тем актуальнее касалось содержание «нового гуманистического манифеста» А. Печчеи.

Судя по всему, современный мир реально подошел к тому, что называется «человеческая революция». Также как теоретические представления о «социалистической революции» сильно расходились с реальной практикой социалистического строительства, так, очевидно, будет отличаться практика человеческой революции от ее теоретического описания, но этот новый для мировой истории «процесс пошел». В нем велика информационно-компьютерная составляющая, которую неизбежно сопровождают её негативные стороны — семиотические, информационные, кибернетические, гибридные войны, но эта процессуальность не просто гносеологическая или эпистемологическая данность, это фундаментальный онтологический процесс развития «Большого Человечества» третьего тысячелетия.

Завершая эту «фрактальную» книгу, охватывающую 35-летний период провинциальных философских размышлений, придётся повиниться за непреднамеренную самонадеянность — включение в текст ученических работ (особенно учебного реферата, посвященного книге А. Печчеи, которая неожиданно для меня проложила путь в антоновскую школу философии), но без них исчезла бы историческая канва, а без нее, в свою очередь, было бы невозможно увидеть проделанный в освоении разнообразных направлений современной ноосферологии путь.

Перечитывая треть века спустя выбранные в советское время цитаты из текста книги А. Печчеи, понимаешь, что наша будущая перестройка в какой-то степени вышла именно из интеллектуальной ауры Аурелио Печчеи. (О «перестройке» Печчеи говорит так много, что невольно напрашивается вывод о том, что консультанты и референты М. С. Горбачева очень внимательно читали книгу А. Печчеи и считали, что именно это направление наиболее адекватно развитию мира в ближайшие десятилетия.) Европа второй половины XX века фактически трансформировалась по этому «человеческому манифесту», объединившись и начав формировать человеческие качества по формулам очень близким к печчеевским. Советская элита, породившая горбачевскую перестройку, и в ещё большей степени постсоветская российская элита в то же время в чем-то оказались «обманутыми» книгой Печчеи. Через эту книгу формировалось очень любезное и очень человеческое лицо той самой Европы, которая регулярно (два раза за столетие) наведыва-

лась в Россию с военными походами. Россия быстро забывала это и вновь в благих пожеланиях наступала на те же самые (или немного модернизированные) грабли. Новая либеральная Россия в желании беззаветно сотрудничать с богатой и тучной Европой, в очередной раз попала на своем «геополитическом и социально-экономическом идеализме». Попытка либеральной России войти в «золотой миллиард» с европейского хода оказалась неудачной, но А. Печчеи в этом совершенно не виноват. Он-то как раз предупреждал, что новый гуманизм невозможно строить с узко-эгоистическими интересами олигархических элит. Российская элита в капиталистическом забеге упустила из виду эту историческую закономерность.

Российская перестройка, начавшаяся в условиях иных, нежели в Европе, не смогла выдержать напряжение культурности высокого капитализма и низверглась в старый дикий капитализм, но очень многому научилась уже сейчас. Готова ли современная Россия осуществить второй заход на перестройку в духе «человеческих качеств» — это важный вопрос, на который должно будет ответить ближайшее время.

Эволюция сознания в филогенезе и онтогенезе интересна сама по себе, но в еще большей степени она может быть полезна аспирантам, делающим странный выбор осваивать высокие гуманитарные технологии в рамках региональной философской школы в провинциальном университете, который волею либерально-рыночных властей прошел трудную дорогу преодоления тяжелых последствий формирования в нашей стране классического российского фурсенситета — некой «корпорации» по получению коммерческих денег и «отмыванию» знаний, которая на время перестала выполнять главную функцию университета — совершенствование универсумных, общечеловеческих и общекультурных форм общения «еще человеческого» общества.

Исторический опыт (в том числе и российский) показывает, что стагнации в области образования и воспитания неизбежно преодолеваются, эпохи безумного доминирования материальных ценностей постепенно сменяются эпохами восхождения к духовности, а значит, говоря словами М. А. Розова, следует продолжать поддерживать социальную эстафету вне зависимости от того, какая «погода нынче на дворе».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Монографические исследования

Аксенов Г. П. Вернадский. М.: Соратник, 1994. 544 с.

Акулов В. Л. Философия, ее предмет, структура и место в системе наук. Краснодар: Изд-во Краснодарского политех. ин-та, 1976. 199 с.

Александрова Р. И., Смольянов А. В. Экология и мораль. М.: Знание, 1984. 62 с.

Аллен Р. Как спасти Землю. М.: Мысль, 1983. 172 с.

Андреев Д. Железная мистерия. Поэма. М.: Мол. гвардия, 1990. 315 с.

Андреев Д. Роза Мира. М.: Иной мир, 1992. 575 с.

Антонов Николай Павлович. Философия сознания и ноосферы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2003. 280 с.

Анучин В. А. Основы природопользования. Теоретический аспект. М.: Мысль, 1978. 293 с.

Апресян Г. З. Эстетические отношения к природе в социалистическом обществе. М.: Знание, 1981. 95 с.

Арманд Д. Л. Географическая среда и рациональное использование природных ресурсов. М.: Наука, 1983. 236 с.

Арнольд В. И. Теория катастроф. М.: Наука, 1990. 126 с.

Афанасьев А. Н. Древо жизни. М.: Современник, 1982. 464 с.

Баландин Р. К. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. М.: Знание, 1979. 176 с.

Баландин Р. К. Область деятельности человека: Техносфера. Минск: Вышэйшая школа, 1982. 208 с.

Бартов В. Ф. Современный капитализм и природа. М.: Мысль, 1976. 222 с.

Барякин В. Н. Вернадский о сущности ноосферы и методологические аспекты ее современного развития как самоорганизующейся экологической системы. Препринт. Пущино: Науч. центр биол. исслед. АН СССР, 1982. 13 с.

Белов В. Лад: очерки о народной эстетике. М.: Мол. гвардия, 1982. 293 с.

Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. Ре-принтное издание 1914 г.. М.: Политиздат, 1990. 415 с.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Междунар. отношения, 2010. 254 с.

Борзенко И.М. Ноосферный гуманизм. М.: Академ. про-ект, 2015. 526 с.

Бранский В. П., Пожарский С. Д. Глобализация и синерге-тический историзм. СПб.: Политехника, 2004. 400 с.

Брудный А. А., Кавтарадзе Д. Н. Экополис. Введение и проблемы. Экология малого города: Препринт. Пущино: Науч. центр биол. исслед. АН СССР, 1981. 36 с.

Вейник А. И. Термодинамика реальных процессов. Минск: Навука і тэхніка, 1991. 576 с.

Вейнингер О. Последние слова. Киев: Гос. библ. Украины для юношества, 1995. 256 с.

Велек Й. Что должен знать и уметь юный защитник при-роды. М.: Прогресс, 1983. 272 с.

Вернадский и Крым: люди, места, события. Киев: Либідь, 2004. 310 с.

Вернадский В. И. Биогеохимические очерки. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 250 с.

Вернадский В. И. Размышления натуралиста М.: Наука, 1977. Кн. 2. 192 с.

Вернадский В. И. Избранные труды по истории науки. М.: Наука, 1981. 359 с.

Вернадский В. И. Очерки геохимии. М.: Наука, 1983. 422 с.

Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 1987. 344 с.

Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с.

Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 264 с.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.

Водзинский Д. И. Научные основы нравственного воспи-тания школьников. Минск: Вышэйшая школа, 1982. 176 с.

Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада. Киев: Ирис; СПб.: Алетейя, 1998. 623 с.

Гиренок Ф. И. Экология, цивилизация, ноосфера. М.: Наука, 1987. 184с.

Гирусов Э. В. Ф. Энгельс и проблема взаимодействия общества и природы. М.: Б. и., 1971. 40 с.

Гирусов Э. В. Диалектика взаимодействия общества и природы в период развитого социализма. М.: Знание, 1978. 64 с.

Гирусов Э. В., Тихонова Н. К. Проблемы взаимодействия общества и природы в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса. М.: Знание, 1984. 64 с.

Голан А. Миф и символ. М.: Русслит, 1994. 376 с.

Горбачев М. С. Настойчиво двигаться вперед: Выступление на собрании актива Ленинградской партийной организации 17 мая 1985 года. М.: Политиздат, 1985. 31 с.

Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1988. 271 с.

Горизонтов Б. Б. Капитализм и экологический кризис. М.: Политиздат, 1982. 176 с.

Гумницкий Г. Н. Основные проблемы теории морали. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1972. 196 с.

Гумницкий Г. Н. Основы этики. В 2-х ч. Иваново: Изд-во Иван. инженерно-строительного ин-та, 1992. Ч. 1. 61 с.

Гумницкий Г. Н., Кононова О. М. Эстетика в общественном питании. М.: Экономика, 1984. 96 с.

Гусев Р. К., Петров В. В. Правовая охрана природы в СССР. М.: Высшая школа, 1979. 176 с.

Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М.: Мол. гвардия, 1982. 206 с.

Гырдев Д. Актуальные проблемы общественного сознания. М.: Прогресс, 1982. 312 с.

Дельгадо Х. Мозг и сознание. М.: Мир, 1971. 251 с.

Демин В. Н. Тайны биосферы и ноосферы. М.: Вече, 2001. 464 с.

Демин М. В. Анализ структуры сознания. М.: Изд-во Моск. гос. ун-т, 1980. 38 с.

Дмитревская И. В., Портнов А. Н., Смирнов Г. С. Ноосферная динамика России: философские и культурологические проблемы // Ноосферные исследования. 2002. Вып. 1. 158 с.

Дубровский Д. И. Проблема идеального. М.: Мысль, 1983. 228 с.

Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Логос Европы: средиземноморская цивилизация во времени и пространстве. М.: Академ. проект, 2014. 530 с.

Дуглас О. У. Трехсотлетняя война: Хроника экологического бедствия. М.: Прогресс, 1975. 222 с.

Дювиньо П., Танг М. Биосфера и место в ней человека. М.: Прогресс, 1973. 272 с.

Жирицкий А. К. Плата за безответственность: Экологический кризис в современном буржуазном обществе и идейно-политическая борьба. М.: Политиздат, 1979. 160 с.

Загладин В. В., Фролов И. Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. М.: Междунар. отношения, 1981. 240 с.

Зиновьев А. Глобальный человек. М.: Центрополиграф, 1997. 459 с.

Казначеев В. П., Спиринов Е. А. Космопланетарный феномен человека: проблемы комплексного изучения. Новосибирск: Наука, 1991. 304 с.

Казначеев В. П., Трофимов А. В. Очерки о природе живого вещества и интеллекта на планете Земля: Проблемы космопланетарной антропоэкологии. Новосибирск: Наука, 2004. 325 с.

Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. М.: Наука, 1981. 496 с.

Капица С. П. Парадоксы роста: Законы развития человечества. М.: Альпина нон-фикшн, 2010. 192 с.

Киселев А. И. Экология человека и гуманизм. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 376 с.

Кожевников Н. Н. От равновесия к равновесию. Концептуальный анализ относительных равновесий в природе. М.: Мысль, 1997. 272 с.

Колбасов О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды. М.: Междунар. отношения, 1982. 240 с.

Колесников В. Н. Лекции по психологии индивидуально-сти. М.: ИП РАН, 1996. 224 с.

Коптюг В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь, 1992): Информационный обзор. Новосибирск: СО РАН, 1992. 78 с.

Коэльо П. Алхимик. Москва; Киев: София, 2003. 232 с.

Куракина О. Д. Русский космизм как социокультурный феномен. М.: Изд-во МФТИ, 1993. 184 с.

Кууси П. Этот человеческий мир. М.: Прогресс, 1988. 368 с.

Лаоцзы. Обрести себя в Дао. М.: Республика, 1999. 445 с.

Лантев И. Д. Экологические проблемы: социально-политический и идеологический аспекты. М.: Мысль, 1982. 247 с.

Лейбин В. М. «Модели мира» и образ человека. Критический анализ идей Римского клуба. М.: Политиздат, 1982. 255 с.

Леопольд О. Календарь песчаного графства. М.: Мир, 1983. 248 с.

Лесков Л. В. Нелинейная Вселенная: новый дом для человечества. М.: Экономика, 2003. 446 с.

Лешкевич Т. Г. Философия. Вводный курс. М.: Контур, 1998. 464 с.

Литицкий В. С. Человек, природа, воспитание. М.: Изд-во Московского университета, 1977. 56 с.

Лихачев Д. С. Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992. 408 с.

Лихачев Д. С. Декларация прав культуры. СПб: Изд-во СПбГУП, 1995. 15 с.

Лопатин Л. М. Аксиомы философии. М.: РОССПЭН, 1996. 560 с.

Лось В. А. Человек и природа: социально-философские аспекты экологической проблемы. М.: Политиздат, 1978. 224 с.

Лукьянов А. Е. Становление философии на Востоке: Древний Китай и Индия. М.: Изд-во УДН, 1989. 189 с.

Майзель И. А. Становление коммунистической цивилизации и развитие науки. Л.: Знание, 1979. 36 с.

Малярский Б. М. Экологический бумеранг: Классовые аспекты охраны окружающей среды. М.: Междунар. отношения, 1980. 229 с.

Максаковский В. П. Научные основы школьной географии. М.: Просвещение, 1982. 96 с.

Маленков А. Г. Ноосфера и человек ноосферы. М.: Маджерик, 2009. 367 с.

Мандельштам О. Слово и культура: Статьи. М.: Сов. писатель, 1987. 320 с.

Манин Ю. М. НТР и экологизация производства. Минск: Навука и тэхника, 1979. 135 с.

Маслеев А. Г. Человеческое измерение Вселенной: космизм и антропоцентризм. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 1996. 110 с.

Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя. М.: Академкнига, 2007. 342 с.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М.: Прогресс-Культура, 1994. 416 с.

Мозг и разум. М.: Наука, 1994. 176 с.

Моисеев Н. Н. Человек и ноосфера. М.: Молодая гвардия, 1990. 351 с.

Моисеев Н. Н. Восхождение к Универсуму: Лекции по универсальному эволюционизму и его приложениям. М.: Изд-во ИГиЛ, 1994. 174 с.

Моисеев Н. Н. Современный рационализм. М.: МГВПП «КОКС», 1995. 376 с.

Моисеев Н. Н. Время определять национальные цели. М.: Изд-во МНЭПУ, 1997. 256 с.

Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. 480 с.

Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь Разума. М.: Языки русской культуры, 2000. 224 с.

Моисеев Н. Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.

Москвичев Л. Н. Социалистическое общественное сознание: методологические проблемы. М.: Мысль, 1982. 79 с.

Московченко А. Д. Автотрофность: фактор гармонизации фундаментально-технологического знания. Томск: Твердыня, 2003. 248 с.

Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863—1945). М.: Наука, 1982. 487 с.

Мчедлов М. П. Религия и современность. М.: Политиздат, 1983. 272 с.

Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: синергетика, психология и футурология. М.: Per se, 2001. 239 с.

Назаретян А. П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. М.: Мир, 2004. 368 с.

Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. М.: Мир, 1979. 512 с.

Новосельцов В. Н. Теория управления и биосистемы: Анализ сохранительных свойств. М.: Наука, 1978. 320 с.

Олдак П. Г. Современное производство и окружающая среда. Новосибирск: Наука, 1980. 136 с.

Олдак П. Г. Равновесное природопользование. Взгляд экономиста. Новосибирск: Наука, 1983. 128 с.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 411 с.

Охрана природы: состояние, перспективы. М.: Знание, 1981. 95 с.

Пантин В. И. Циклы и волны глобальной истории. Глобализация в историческом измерении. М.: Новый век, 2003. 276 с.

Парсон Р. Природа предъявляет счет. М.: Прогресс, 1969. 565 с.

Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.

Подолинский Сергей Андреевич. М.: Объединение «Ноосфера», 1991. 81 с.

Покровский Н. Е. Генри Торо. М.: Мысль, 1983. 188 с.

Поспелов Г. Н. Искусство и эстетика. М.: Искусство, 1983. 325 с.

Пришвин М. Дневники. М.: Правда, 1990. 480 с.

Радьяр Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому. М.: Refl-book; К.: Ваклер, 1995. 304 с.

Разлогов К. «Боги и дьяволы» в зеркале экрана: Кино в западной религиозной пропаганде. М.: Политиздат, 1983. 224 с.

Раков В. П. Меон и стиль. Монография. Иваново; Шуя: Шуйский гос. пед. ун-т, 2010. 448 с.

Реймерс Н. Ф., Яблоков А. В. Словарь терминов и понятий, связанных с охраной живой природы. М.: Наука, 1982. 144 с.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.

Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? Серия: Россия накануне XXI века. Вып. 2. СПб.: Петрополис, 1994. 217 с.

Сафронов И. А. Философские проблемы единства и человека и природы. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т экономики и финансов, 1992. 159 с.

Семёнова С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни. М.: Сов. писатель, 1990. 383 с.

Серов Ю. М. Общественное и индивидуальное сознание. М.: Мысль, 1964. 92 с.

Сидельковский А. П. Человек и природа. Формирование отношений. Ставрополь: Ставропольский госпединститут, 1975. 224 с.

Смирнов Г. С. Ноосферное сознание и ноосферная реальность: Философские проблемы ноосферного универсума Иваново: Иван. гос. ун-т, 1998. 244 с.

Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. 372 с.

Смирнов Д. Г. Ноосферная идея и ноосферная история: введение в универсумную клиософию. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. 250 с.

Смольянинов И. Ф. Сущность человека и гуманизм искусства. М.: Художник РСФСР, 1983. 272 с.

Снисаренко А. Б. Третий пояс мудрости: Блеск языческой Европы. Л.: Лениздат, 1989. 286 с.

Сорокин П. А. Дальняя дорога. Автобиография. М.: Московский рабочий; Терра, 1992. 304 с.

Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М.: Высшая школа, 1992. 191 с.

Степин В. С., Кузнецова Л. Ф. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФ РАН, 1994. 274 с.

Субетто А. И. Ноосферный социализм как форма бытия ноосферного человека. СПб.; Кострома: Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 2005. 56с.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 240 с.

Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М.: Наука, 1979. 456 с.

Тощенко Ж. Т. Идеология и жизнь: Социологический очерк. М.: Сов. Россия, 1983. 189 с.

Трухин А. Н. Проблема конструирования общечеловеческих моделей мира. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1993. 133 с.

Тугаринов В. П. Философия сознания (современные вопросы). М.: Мысль, 1978. 201 с.

Тупыця Ю. Ю. Эколого-экономическая эффективность природопользования. М.: Наука, 1980. 168 с.

Уёмов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.

Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М.: Мысль, 1980. 271 с.

Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // *Федоров Н. Ф.* Сочинения. М., 1982. С. 54—94.

Федоров Н. Ф. Сочинения. М.: Мысль, 1982. 711 с.

Философия реализма: из истории русской мысли. СПб: СПбГУ, 1997. 145 с.

Фролов И. Т. О человеке и гуманизме. М.: Политиздат, 1989. 560 с.

Хакен Г. Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: Per Se, 2001. 353 с.

Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 406 с.

Хаксли О. Остров. Врата восприятия. Небеса и ад. Киев: София, 1994. 448 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 603 с.

Охрана окружающей среды и ее социально-экономическая эффективность / Под ред. Т. С. Хачатурова. М.: Наука, 1980. 239 с.

Худушин Ф. С. Слово о красоте земной. М.: Мол. гвардия, 1982. 272 с.

Худушин Ф. С. Эстетическое отношение к природе. М.: Знание, 1977. 64 с.

Чагин Б. А. Структура и закономерности общественного сознания. Л.: Наука, 1982. 314 с.

Человек в системе космо-земных связей. Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 1994. 59 с.

Человеческое выживание и эволюция сознания / Под ред. С. Грофа и М. Л. Валера. М.: ИНИОН РАН, 1989. 328 с.

Чижевский А. Л. Стихотворения. М.: Мысль, 1995. 767 с.

Чуковский К. О Чехове. Человек и мастер. М.: Детская литература, 1971. 207 с.

Швейцер А. Жизнь и мысли. М.: Республика, 1996. 528 с.

Шевцов А. Г. Экологическое сознание и его уровни. Свердловск: Изд-во Свердловского гос. пед. ин-та, 1981. 18 с.

Школенко Ю. А. Философия, экология, космонавтика. М.: Мысль, 1983. 192 с.

Christian D. Maps of Time: An Introduction to Big History. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2011. 642 p.

Ivanov Vyacheslav. Towards Noosphere // Candles in the Dark. A New Spirit for a Plural World. Manchester, Seattle and London, 2002. P. 187—205.

Moss R., Brownstein R. Environment and Utopia. A Synthesis. New York: Plenum Press, 1977. 284 p.

Ponting C. The Green History of the World: The Environment and the Collapse of Civilizations. New York: Penguin Books, 1993. 430 p.

Rudhyar D. The Planetarization of Consciousness: From the Individual to the Whole. Santa Fe N. M.: Aurora Press, 1981. 336 p.

Spier F. Big History and the Future of Humanity. Oxford: Blackwell Publishing Ltd, 2011. 272 p.

Stokes B. C. Big History: From the Big Bang to the Present. New York: New Press, 2007. 288 p.

Ward B. Progress for a small planet. London: Penguin books, 1979. 306 p.

Собрания сочинений

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. М.: Политиздат, 1973. 782 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. 689 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. 629 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. 770 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 19. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. 670 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. 827 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. 907 с.

**Разделы (статьи) в монографиях
и сборниках научных трудов и материалов конференций**

Предисловие // *Экология и культура: методологические проблемы.* Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. пед. ин-та, 1982. С. 3—5.

Абабков Ю. Н., Комаров В. Д., Шилин К. И. Экологический кризис капитализма и необходимость глобальной рационализации системы «общество — природа» // *Социально-экологические проблемы современности и новая НТР.* Л., 1981. С. 82—94.

Аксенов Г. П. Примечания // *Вернадский В. И. Избранные труды.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 655—729.

Комаров В. Д., Шаповалов Е. А. Развитие техники и ее экологизация в условиях строительства коммунизма // *Социально-экологические проблемы и новая НТР.* Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. С. 47—58.

Казютинский В. В. Космизм // *Глобалистика. Энциклопедия.* М., 2003. С. 471—472.

Антонов Н. П. Диалектика объекта и субъекта, объективного и субъективного в сознательной деятельности людей

// Диалектика сознания и познания: Сб. науч. тр. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1974. С. 3—18.

Антонов Н. П. Коммунистическое сознание и его формирование // Проблемы формирования коммунистического сознания. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1969. С. 3—15.

Антонов Н. П. Роль сознания в оптимизации взаимодействия общества и природы в условиях становления коммунизма и ноосферы // Сознание и диалектика процесса познания. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1979. С. 3—20.

Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. М., 1991. Т. 2. С. 125—139.

Антонов Н. П. Роль субъективного фактора в переходе биосферы в ноосферу // Человек, Эволюция, Космос. Год. III, кн. 4, книжка 1. София, 1984. С. 93—105.

Антонов Н. П., Халезова Т. А. Ноосфера – сфера разума и труда человечества в развитии Земли // Проблемы сознания в условиях развитого социализма. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1976. С. 12—30.

Бердяев Н. А. Русская идея // Мыслители русского зарубежья: Бердяев, Федотов / Сост. А. Ф. Замалеев. СПб.: Наука, 1992. С. 37—261.

Беридзе Э. А. Экологические проблемы в общественном сознании // Творческая природа социалистического общественного сознания. М.: Мысль, 1980. С. 151—155.

Биджиева Р. У. Экологическое воспитание и проблемы научного мировоззрения // Социально-философские проблемы формирования коммунистического мировоззрения. М.: Мысль, 1981. С. 89—97.

Буданов В. Г. Программа курса «Синергетика для гуманитариев» // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 584—592.

Вернадский В. И. Изучение явлений жизни и новая физика // Известия Академии наук СССР. 1931. Вып. 3. С. 403—437.

Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Биогеохимические очерки. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 47—58.

Вернадский В. И. Автотрофность человечества // Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Вып. XVI. М.: Наука, 1980. С. 228—245.

Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление // Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Рольф, 2002. С. 242—469.

Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. С. 235—244.

Вернадский В. И. О научном мировоззрении // Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М.: Наука, 1981. С. 42—79.

Вернадский В. И. Пространство и время в живой и неживой природе // Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. С. 210—385.

Водопьянов П. А., Мартыненко Г. М. Экологический стиль мышления как форма обобщения современного научного знания // Научная картина мира как компонент современного мировоззрения: Материалы симпозиума. Москва-Обнинск: АН СССР, 1983. С. 103—108.

Волков Г. Н. Общество и окружающая среда: проблемы взаимодействия // НТР как социальный процесс. М.: Б. и., 1982. С. 120—135.

Галеева А. М. Экологическое образование и воспитание: проблемы, решения // Город, природа, человек. М.: Мысль, 1982. С. 41—48.

Гарпушкин В. Е. Универсализм как тенденция и перспектива // Человек — Философия — Гуманизм: в 7 т. СПб., 1997. Т. 5. Философия в мире знания, техники и веры. С. 79.

Гвишиани Д. Послесловие // Печчеи А. Человеческие качества. М., 1980. С. 283—300.

Герасимов И. П. Еще раз о методологических проблемах экологизации современной науки // Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР. М.: Наука, 1983. С. 259—302.

Герасимов И. П. О проблемах экологизации современной науки // Социальные аспекты экологических проблем. М.: Наука, 1982. Вып. 9. С. 98—116.

Гирусов Э. В. Влияние идей В. И. Вернадского на перестройку мировоззрения // Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1994. С. 171—172.

Гирусов Э. В., Никитин Е. Д. Хомонатуриология и экологическое самосознание // Проблема сознания в философии и науке. М.: ИФ РАН, 1996. С. 178—179.

Гирусов Э. В. «Автотрофность» как новая парадигма социального развития // Реалии ноосферного развития. М.: Ноосфера, 2003. С. 46—51.

Гольденстрих С. С. Общественное бытие, социально-историческая практика и сознание // Общественное сознание и общественная практика. М.: Изд-во Московского университета, 1979. С. 34—53.

Давидович В. Е. Освоение космоса и общественное сознание // Диалектика в науках о природе и человеке. Человек, общество и природа в век НТР. М.: Наука, 1983. С. 322—328.

Джакомини В. Экология и общество. Социальные тенденции и экологическая целостность мира // Социальные аспекты экологических проблем. М.: Наука, 1982. С. 271—288.

Дмитревская И. В. Ноосфера как системно организованное всеобщее // Ноосферная парадигма образования: от лица к университету. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1997. С. 8—27.

Дмитревская И. В. «Тимей» Платона: миф о Живом космосе // Ноосферная идея и будущее России. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1998. С. 29—31.

Дмитревская И. В. Онтологические модели мира и проблема реальности сознания // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1994. С. 5—18.

Ерахтин А. В. Проблема онтологии сознания в философской антропологии XX века // Проблема сознания в отечественной и зарубежной философии XX века. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1994. С. 4—5.

Ерахтин А. В. Проблема сознания в марксистской и современной западной философии // Философия сознания в XX веке: проблемы и решения. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1994. С. 18—32.

Жданов Ю. А. В. И. Вернадский и проблема культуры // Клаузура ноосферы. М.: Ноосфера, 1988. Ч. 1. С. 101—106.

Иванов В. Г., Кобляков В. П., Лапина Т. С. Научно-техническая революция и мораль // Научно-техническая революция, человек, его природная и социальная среда. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977. С. 196—197.

Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 229—270.

Казначеева Т. П. К вопросу о генезисе экологического сознания // Экология и культура: методологические аспекты. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. пед. ин-та, 1982. С. 37—49.

Комаров В. Д., Шаповалов Е. А. Развитие техники и ее экологизация в условиях строительства коммунизма // Социально-экологические проблемы современности и новая НТР. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. С. 47—58.

Кочергин А. Н., Барбашина Э. Р. Системный подход и экологическое сознание // Система «общество — природа»: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1983. С. 131—137.

Круть И. В. Геономическая картина мира (Статус и содержание) // Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. М.: АН СССР, 1983. С. 110—111.

Лайдо П. Экологизация мировоззрения и проблема детерминации философского сознания // Стимулы рационального природопользования в условиях развитого социализма. Таллинн: Б.и., 1979. С. 135—137.

Лаптев И. П. Международные проблемы образования в области окружающей среды // Проблемы природоохранного просвещения. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5—13.

Лисенко В. М. Об экологизации современного познания // Философские вопросы медицины и биологии: Сборник статей. Киев: Здоров'я, 1981. Вып. 3. С. 13—15.

Малиновская К. В. О специфике экологической картины мира // Научная картина мира как компонент современного мировоззрения. М.: АН СССР, 1983. С. 107—108.

Мамедов Н. М. Техническое освоение природы // Философские проблемы глобальной экологии. М.: Наука, 1983. С. 163—178.

Мостепаненко А. М. Философия и естественнонаучная картина мира // Философия и развитие естественнонаучной картины мира. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. С. 5—20.

Нагорный А. В., Скуфьин К. В., Сизякин О. Т., Березин Е. А. Экологизация общества — основа подлинного разрешения противоречий между человеком и природой // Взаимодействие общества и природы как глобальная проблема современности. Москва-Обнинск: Б.и., 1981. С. 171—173.

Новик И. Б. Диалектика экологических процессов // Современное естествознание и материалистическая диалектика. М.: Наука, 1977. С. 386—403.

Новик И. Б. Некоторые методологические предпосылки решения экологической проблемы // Научно-техническая революция и решение экологических проблем. М.: Наука, 1978. С. 28—35.

Овчинников Г. К. Структура общественного сознания в свете современного развития науки и техники // Проблемы социального познания. Новосибирск: Наука, 1981. С. 152—155.

Огурцов А. П. Экологическое сознание: его генезис и особенности // Экология и культура: методологические аспекты. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. пед. ин-та, 1982. С. 14—36.

Рустамов А. К. Курс «Охрана природы» в сельскохозяйственных институтах // Проблемы природоохранного образования и воспитания. М.: Наука, 1982. С. 60—62.

Смирнов Г. С. Научная мысль как фактор самоорганизации ноосферы // Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение. М.: ФО СССР, 1991. Т. 2. С. 108—115.

Соловьев В. С. Письмо А. А. Фету // Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 633—634.

Уледов А. К. Предисловие // Попов В. Д. Экономическое сознание: сущность, формирование и роль в социалистическом обществе. М.: Мысль, 1981. С. 3—9.

Флоренский П. А. Symbolarium (Словарь символов) // Флоренский П. А. Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1996. Т. 2. С. 564—590.

Фомин А. В. Онтологический статус сознания // Проблема сознания в философии и науке. М.: Наука, 1996. С. 37—38.

Фролов И. Т. Понимание глобальной экологической проблемы // Земля людей. М.: Знание, 1981. Вып. 4. С. 6—24.

Червинский А. С. Интегративные функции глобальной экологии в процессе изучения биосферы // Фундаментальные исследования и технический прогресс. Новосибирск: Наука, 1985. С. 93—99.

Шилин К. И. Экологизация географии // Общество и окружающая среда. М.: Мысль, 1976. С. 35—37.

Шилин К. И. Основы биосферного мышления // Системный анализ и основы биосферного мышления: Избранные труды. Челябинск: Версия, 1994. С. 37—45.

Шишина Л. Ю. Мировоззренческая природа экологического сознания // Человек как философская проблема и мировоззрение. Владимир: Изд-во Влад. гос. пед. ун-та, 1982. С. 39—48.

Шишкин С. А. Структура индивидуального сознания // Сознание и диалектика процесса познания. Иваново: Иван. гос. ун-т, 1979. С. 69—80.

Шпунт А. А. Лимитирующие факторы природоохранного просвещения // Проблемы природоохранного просвещения. М.: Наука, 1980. С. 81—98.

Шпунт А. А. Созобиохронные спирали: общие основы, практика и мониторинг // Проблемы природоохранного просвещения. М.: Наука, 1980. С. 53—54.

Яблоков А. В. О методологии исследований и научно-практических разработок в области взаимодействия природы и общества // Взаимосвязь наук при решении экологических проблем. Москва-Обнинск: Б. и., 1976. С. 216—218.

Янишина Ф. Т. В. И. Вернадский о проблеме автотрофности человечества // Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. Л., 1989. С. 121—131.

Ясперс К. Лаоцзы // Лаоцзы. Обрести себя в Дао. М.: Республика, 1999. С. 362—399

**Публикации в научных журналах
и депонированные материалы**

Баландин Р. К. Ноосфера и техносфера // Вопросы философии. 1995. № 6. С. 107—115.

Басов Н. Квантовая электроника и философия // Наука и жизнь. 1982. № 7. С. 10—13.

Борзенко И. М. Третий путь // Здравый смысл. 1999. № 11. С. 39—40.

Борзенко И. М. Планетарные аспекты гуманистического мировоззрения // Здравый смысл. 1999. № 12. С. 59—60.

Борзенко И. М. Ноосферный гуманизм // Здравый смысл. 1999. № 13. С. 21—22.

Брагин А. В. Проблема «массы разума» и устойчивость развития // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 2. С. 59—67.

Велихов Е. П., Зинченко В. П., Лекторский В. А. Сознание: опыт междисциплинарного подхода // Вопросы философии. 1988. № 11. С. 3—30

Гайденко П. П. «Вехи»: не услышанное предостережение // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 103—122.

Гумницкий Г. Н. О двух подходах к раскрытию содержания понятий «материя» и «сознание» // Философские науки. 1987. № 2. С. 93—97.

Гурова Т., Медовников Д. Не вижу людей, с которыми можно разговаривать [Интервью с академиком Н. Н. Моисеевым] // Эксперт. 1998. № 24 (141). С. 77—79.

Гусейнов А. А. Отношение к природе как нравственная проблема // Философские науки. 1975. № 5. С. 27—32.

Заварзин Г. А. Антипод ноосферы // Вестник Российской академии наук. 2003. Том 73. № 7. С. 627—636.

Костина Г., Оганесян Т. Мало не покажется [Интервью с Деннисом Медоузом] // Эксперт. 2012. № 16. С. 62—66.

Кутырев В. А. О континууме реальности (реальное и идеальное в условиях становления ноосферы) // Вестник Московского государственного университета. Серия «Философия». 1994. № 5. С. 26—36.

Лем С. Принцип разрушения как творческий принцип // Природа. 1987. № 9. С. 68—77.

Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах К. Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6. С. 14—25.

Московченко А. Д. В. И. Вернадский, русский космизм, автотрофность, перспективы // Известия Томского политехнического университета. 2006. Т. 309. № 8. С. 232—235.

Нагорный А., Сизякин О., Скуфьин К. Некоторые вопросы экологизации производства // Коммунист. 1975. № 17. С. 56—64.

о. Александр (Ельчанинов). Отрывки из дневника // Человек. 1990. № 3. С. 106—113.

Платонов Г. В., Косичев А. Д. Проблемы духовности личности (состав, типы, назначение) // Вестник Московского университета. Серия «Философия». 1998. № 3. С. 16—33.

Покровский В. Вифлеемские звезды глобализма // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 88—97.

Пришивин М. М. Дубровский (Исследование краеведа) // Советское краеведение. 1935. № 12. С. 47—49.

Реймерс Н. Ф. Экологизация технологий или технизация биосферы // Человек и природа. 1978. Вып. 10. С. 70—74.

Сергеев Е. М. Рациональное использование геологической среды // Природа. 1977. № 1. С. 85—93.

Смирнов Г. С. Ноосфера в век глобальных катастроф // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 2. С. 74—92.

Смирнов Г. С. Научная мысль как фактор самоорганизации ноосферы. Иваново, 1983. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР 15.01.83. № 14752.

Смирнов Г. С. Ноосферная картина мира и современное образование // Вестник РАЕН. 2003. Т. 3. № 1. С. 57—64.

Смирнов Г. С. Смирнов Д. Г. Ипостаси ноосферной истории // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3. № 1. С. 21—28;

Смирнов Г. С. Философия Вернадского: мирознание третьего тысячелетия // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 1(3). С. 78—93.

Смирнов Д. Г. Семиосознание в эпоху глобализации: семиотический императив ноосферной реальности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: «История. Философия. Психология. Педагогика». 2006. Вып. 2. С. 54—65.

Укреплять взаимосвязь общественных, естественных и технических наук // Коммунист. 1977. № 1. С. 59—70.

Шкарбан Н. В. Экологические проблемы в системе содержания общего образования // Советская педагогика. 1981. № 7. С. 83—87.

Шаховская А. Д. Хроника большой жизни // Прометей. М., 1988. Т. 15. С. 33—85.

Школенко Ю. А. Экологическая мораль природы // Наука и религия. 1979. № 12. С. 37—40.

Kerckhove Derrick de. From Global Village to Global Mind // The UNESCO courier: A Window Open on the World. 1995. XLVIII. № 2. P. 20—22.

Vernadsky W. L'autotrophie de l'humanité // Revue générale des sciences. 1925. № 17/18. P. 495—502.

Учебные пособия

Бычков В. В. Эстетика: учебник. М.: Проект, 2003. 384 с.

Московченко А. Д. Философия автотрофной цивилизации. Проблемы интеграции естественных, гуманитарных и технических наук: Учебное пособие. Томск: Изд-во ТУСУРа, 2010. 263 с.

Авторефераты и диссертации

Биджиева Р. У. Диалектика формирования экологического сознания в условиях развитого социализма: Дис. ... канд. филос. наук. М.: МГУ, 1982. 184 с.

Жульков М. В. Философские проблемы ноосферного развития: коллективный разум и социальная автотрофность: Автореф. дис. канд. филос. наук. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. 22 с.

Полищук М. Л. Феномен индустриализма в общественном сознании Запада (теоретико-методологический анализ): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: Институт общественных наук при ЦК КПСС, 1990. 37 с.

Сафронов И. А. Человек и Вселенная: философско-методологический аспект: Дис. ...д-ра филос. наук в форме науч. докл. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т экономики и финансов, 1994. 60 с.

Смирнов Д. В. «Синхрония» и «диахрония» как категории теоретического обоснования истории: социально-философский аспект: Автореф. дис. канд. филос. наук. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. 24 с.

Федоров В. М. Учение В. И. Вернадского о биосфере и интеграция наук: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: МГУ, 1983. 34 с.

Шестова Т. Л. Глобальный историзм и его роль в развитии знаний об обществе: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: МГУ, 2011. 48 с.

Интернет-ресурсы

Казначеев В. П. Ноосфера В. И. Вернадского это авто-трофность человечества. Available from URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0203/001a/02030010.htm>.

Справочные издания и нормативные акты

Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М.: Радуга, 2003. 1328 с.

Кино: Энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 640 с.

Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. М.: Известия, 1977. 79 с.

Об охране окружающей среды: Сборник документов партии и правительства, 1917—1981 гг. / Сост. и предисл.: Галеева А. М., Курок М. Л. М.: Политиздат, 1981. 384 с.

Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде. ЮНЭП, 1979.

Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка: 13560 слов. В 2-т. М.: Русский язык, 1994. Т. 1-2.

Сборники научных статей и материалов конференций

«Американская модель». С будущим в конфликте: Сборник переводов / Под ред. Г. Х. Шахназарова. М.: Прогресс, 1984. 256 с.

Антропологическое измерение глобализационных процессов: Материалы Межвузовской научной конференции «Философско-антропологическая аналитика бытия человека в глобальном мире». Владимир: Владимир. гос. пед. ун-т, 2003. 197 с.

Биологическое и социальное в развитии человека: Сборник научных статей / Ред. колл.: Б. Ф. Ломов, Е. В. Шорохова, А. В. Брушлинский. М.: Ин-т психологии РАН, 1977. 220 с.

В. И. Вернадский: ноосферология и образование: Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. А. И. Ревякина и др. М.: ИД «Ноосфера», 2002. 464 с.

Вклад В. И. Вернадского в развитие человеческой цивилизации (к 150-летию со дня рождения) М.: АКСИ-М, 2013. 220 с.

Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: Сборник научных статей / Пер. с англ. и франц. Сост. Л. И. Василенко и В. Е. Ермолаевой. М.: Прогресс, 1990. 495 с.

Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского: Сборник научных трудов / Под общ. ред. акад. А. Л. Яншина. Л.: Наука, 1989. 416 с.

Ноосферное образование в России: Материалы Межгосударственной научно-практической конференции / Под ред. Г. С. Смирнова. В 2 ч. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2001.

Образование по вопросам охраны окружающей среды в школах стран-членов СЭВ: Сборник научных статей / Под ред. Т. Микуловски. М.: Секретариат СЭВ, 1983. 71 с.

Общечеловеческое в морали и современность: Тезисы докладов Межвузовской научной конференции / Под ред. Г. Н. Гумницкого. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 1991.

Природа в эстетическом воспитании молодежи: Материалы научной конференции. Ярославль: Верхневолжское книжное изд-во, 1972. 127 с.

Проблемы образования в области окружающей среды: Материалы Межправительственной конференции по образованию в области окружающей среды. М.: Б.и., 1979. 279 с.

Проблемы природоохранного просвещения: Сборник научных статей / Отв. ред. И. В. Лучицкий. Новосибирск: Наука, 1980. 189 с.

Ресурсы ноосферного движения: Материалы Международной научной конференции «Междисциплинарное взаимодействие при исследовании фундаментальных и прикладных проблем ноосферного развития: методологическое, информационное и организационное обеспечение» / Под ред. В. Л. Кожара. Вып 1. М.: ГЕОС, 2000. 230 с.

Реалии ноосферного развития: Материалы Межгосударственной научно-практической конференции «Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу и реалии третьего тысячелетия» / Под ред. Г. С. Смирнова и др. М.: ИД «Ноосфера», 2003. 396 с.

Системный анализ и основы биосферного мышления: Избранные труды / Под ред. Р. П. Чапцова. Челябинск: Версия, 1994. 141 с.

Современная буржуазная философия: Сборник научных статей / Под ред. А. С. Богомолова, Ю. К. Мельвиль, И. С. Нарского. М.: Изд-во Московского университета, 1972. 652 с.

Современная экологическая ситуация: О некоторых философско-правовых проблемах: монография / И. И. Бергхольцас, Л. И. Василенко, Э. А. Вебер и др. Рига: Зинатне, 1978. 159 с.

Современные буржуазные концепции мирового капиталистического хозяйства: Сборник научных статей / Под. ред. М. М. Максимова. М.: Мысль, 1980. 372 с.

Социально-экологические проблемы и новая НТР: Межвуз. сб. тр. / Под ред. В. Г. Марахова. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1981. 101 с.

Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Образование по вопросам окружающей среды» / Под. ред. Н. П. Антонова. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, Книга II. 1984. 144 с.

Учение В. И. Вернадского о переходе биосферы в ноосферу, его философское и общенаучное значение / Под ред. Э. В. Гирусова. В 2 т. М.: ФО СССР, 1990—1991. Т. 1-2.

Философия и развитие естественнаучной картины мира: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. А. М. Мостепаненко. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1981. 224 с.

Экологическое образование школьников / Под ред. И. Д. Зверева, И. Т. Суравегиной. М.: Педагогика, 1983. 160 с.

Я связь миров. Философская лирика русских поэтов XVIII — начала XX века / Сост., вступ. статья и коммент. В. М. Фалеева. М.: Правда, 1989. 464 с.

Through the 80-s. Thinking globally, acting locally / Ed. by Frank Feather. Washington D. C.: World Future Society, 1980. 434 p.

Газетные публикации

Гиренок Ф. И. Реквием // Завтра. 2010. № 38.

Иванов Вяч. Вс. Целесообразность человека // Новая газета. 2012. № 92.

Малинецкий Г. Наука: уроки победы // Завтра. 2015. 30 апреля.

Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы // Правда. 1984. 14 апреля.

Речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища К. У. Черненко на Пленуме ЦК КПСС // Правда. 1984. 24 октября.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Антропокосмизм 441
 Антропоморфная художественная глобальность 419
 Апперцепция материальная 187
 Апперцепция духовная 187
 Биосферное мышление 166, 170, 171
 Везде-вечность 214, 320, 449, 457, 460, 462
 Вселенское чувство 270, 273, 440
 Глобализация 9, 124, 156, 217, 218, 236, 370, 418, 420, 423, 428, 462—465, 468
 Глобализация бытия 373, 417
 Глобализация духовной жизни 422
 Глобализация индивидуального сознания 420
 Глобализация марксистского наследия 301
 Глобализация материальной жизни 422
 Глобализация научного знания 420
 Глобализация национальных типов сознания 420
 Глобализация общественно-го сознания 420, 423
 Глобализация освоения мира 420
 Глобализация (психологические аспекты) 428
 Глобализация реальная 423
 Глобализация как синтез 420
 Глобализация сознания 10, 11, 217, 417, 418—423, 428, 430, 432
 Глобализация философского сознания 419
 Глобализация человеческой цивилизации 323
 Глобализм 425, 426
 Глобализм американский 425
 Глобализм «золотого миллиарда» 310
 Глобализм российский 424
 Глобализм советский 425
 Глобализм техносферного сознания 310
 Глобалистика 223, 417, 458
 Глобалистика как наука 422
 Глобалистика современная 246, 419
 Глобалистика (энциклопедия) 245
 Глобальность 165, 173, 222, 224, 225, 243, 417—419, 422, 424, 425, 430
 Глобальность антропоморфная художественная 419

- Глобальность в мифологическом сознании 419
- Глобальность в политическом сознании 224
- Глобальность в социалистическом сознании 224
- Глобальность в экологическом сознании 224
- Глобальность «идеалистическая» 222
- Глобальность индивидуального сознания 223
- Глобальность как концепция 335
- Глобальность мировоззрения А. Печчеи 331
- Глобальность «мифологическая» 222
- Глобальность научно понимаемая 222
- Глобальность ноосферная 464, 465
- Глобальность ноосферного сознания 113, 156, 165, 225, 382
- Глобальность нравственного сознания 225
- Глобальность общественного сознания 223
- Глобальность как осмысление 223
- Глобальность примитивная языческая 419
- Глобальность реальная 465
- Глобальность российская 425
- Глобальность советская 425
- Глобальность современного научного мировоззрения 418
- Глобальность современного сознания 222, 224
- Глобальность сознания 225, 421, 425
- Глобальность как феномен 422, 424
- Глобальность как феномен ноосферного сознания 217, 218
- Глобальность (философское осмысление) 222
- Глобальность как характеристика современного сознания 157
- Глобальность как чувство 219, 220, 266, 335, 341
- Глобальный информационный обмен 347
- Глобальный шок 241, 424
- Идеи античной философии 143**
- Идеи В. И. Вернадского о диалектике ипостасей единой культуры 379
- Идеи о переходе биосферы в ноосферу 269, 289
- Идеи П. Тейяра де Шардена 426
- Идеи розни и разрушения 383
- Идеи русского космизма 439
- Идеи философские 378
- Идеи экуменические 363

- Идея 14, 18, 226, 231, 358
Идея автотрофности чело-
вечества 286, 287, 295
Идея в истории культуры
383
Идея В. И. Вернадского о
биогеохимической и
культурной биогеохими-
ческой энергии 23
Идея В. И. Вернадского о
превращении научной
мысли в планетное явле-
ние 206
Идея Вселенскости (универ-
сумности, сверхсистем-
ности) 374
Идея германская 383
Идея глобальности 222, 223,
417, 418, 423
Идея как концептуальная
репрезентация 12
Идея круго-асимметричной
аксиологической интен-
циональности 374
Идея Маркса о «единой
науке о человеке» 349
Идея неразделенности Бога
— Мира — Человека 374
Идея ноосферная 385—390
Идея ноосферы 86, 385—
388, 390
Идея о «подлинном воскре-
сении» природы 345
Идея открытости Бога, Ми-
ра и Человека 374
Идея как понятийно-кате-
горийная транскрипция
12
Идея русская 383, 384
Идея как силлогистическое
формулирование 12
Идея создания первого ис-
тинного регионального
союза или сообщества
339
Идея телесной духовности и
духовной телесности 374
Идея усиления сознания 164
Идея как формирование
теории 12
Идея фундаментальная 439
Идея целостности культуры
373
Интеллигенция 6, 207,
262—263, 293
Континуальность 97, 103
Континуальность философ-
ского знания 187
Космизм 214, 438, 439, 440,
453
Космизм античный 453
Космизм вселенский 453
Космизм земной 454
Космизм мистический 275
Космизм монистический
454
Космизм научный 452, 453
Космизм ноосферный 417,
452
Космизм поэтический 454
Космизм религиозный 275
Космизм русский 13, 93,
136, 144, 151, 163, 173,
181, 227, 260, 276, 290,

- 384, 385, 387, 390, 392,
396, 408, 425, 436
- Космизм советский 13
- Космизм христианский 453
- Космизм языческий 453
- Космичность сознания 421
- Космополитизм 423, 424
- Космополитизм «безрод-
ный» 365
- Миропостроение** 13, 134,
158, 185, 186, 202, 236,
348, 355, 377, 425, 434,
444, 450,
- Миропостроение внешнее 6,
179, 182, 185, 207, 235,
387, 411,
- Миропостроение внутрен-
нее 6, 134, 179, 182, 185,
207, 235, 387, 402, 411,
- Миропостроение изофило-
софское 382
- Миропостроение коммуни-
стическое 425
- Миропостроение научное
147
- Миропостроение ноосфер-
ное 136, 148, 183, 205,
216, 383, 390
- Миропостроение разумное
185
- Миропостроение россий-
ское 150
- Миропостроение теоретиче-
ское 299
- Миропостроение художест-
венное 194, 376
- Миропостроение челове-
ческое 401
- Мозаичная глобальность
419
- Моноглобальность 419
- Научная мысль** 14, 103,
105—106, 108—110, 116,
119, 122, 124—126, 160,
164, 195, 208, 210, 229,
289, 344, 347, 358, 360,
375
- Неосознанное стремление к
глобальности 418
- Ноосфера 6, 90, 112, 116—
117, 119, 124, 127—129,
133, 158, 181—182, 211,
214, 237, 268, 325, 349—
350, 386, 405—406, 438,
452
- Ноосферная картина мира
199, 207, 209—216
- Ноосферная реальность
116, 127, 128, 129, 130,
143, 159, 160, 180, 189,
197, 200—205, 213, 371—
372
- Ноосферное бытие 116,
202—203
- Ноосферное мировоззрение
237
- Ноосферное сознание 353—
354, 357, 370—371, 380,
382, 431—434, 436—437,
441—444, 446, 448
- Ноосферные исследования
448
- Ноософия 183—185

- Ноосфероведение 178
 Ноосферология 179—181, 183, 349, 351
 Ноошок 430
 Организованность биосферы 22, 104—105, 110
 Открытость сознания 421
 Планетаризация сознания 373, 426—427
 Природоохранное сознание 23, 26—27, 433
 Реализм 189
 Реализм философский 193, 316
 Реальная глобализация 423
 Религиома 185
 Самоорганизация 107, 109—110, 274, 360—361, 372—375
 Синкретичность 215, 325, 372—375
 Сознание 6—8, 14—15
 Сознаниеведение 365
 Сознание антиноосферное 167
 Сознание антибиосферное 167
 Сознание биосферное 10
 Сознание глобальное 11, 91, 152, 157, 160, 166, 169—170, 217—218, 227—228, 247, 316, 355, 432, 468
 Сознание индивидуальное 10, 14, 16, 17, 20, 21, 24, 60, 64
 Сознание коммунистическое 20, 23, 24, 38, 58
 Сознание мифологическое 277, 422
 Сознание народное 171, 444
 Сознание научное 18, 32, 203, 310, 370
 Сознание ноосферное 10, 11, 14, 370, 379, 382, 417, 431—449
 Сознание ноосферы 103, 138, 143, 159, 162, 165, 166
 Сознание нравственное 19, 53, 54
 Сознание общественное 10, 14, 16, 17, 18, 21, 24, 27, 29, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 44, 45, 58, 59, 60, 64
 Сознание общецивилизационное 370
 Сознание общечеловеческое 226, 227, 355, 362, 370
 Сознание обыденное 18, 31, 33, 50, 54, 277, 317
 Сознание онтологизированное 90, 130, 135, 158
 Сознание политическое 19, 51
 Сознание природоохранное 10, 23, 26, 27, 28, 50
 Сознание природохранительное 26, 52
 Сознание правовое 19
 Сознание реальное 11

- Сознание религиозное 19
 Сознание соборное 120, 356
 Сознание социалистическое 140, 224—225
 Сознание социосферное 370
 Сознание техническое 19, 166
 Сознание технократическое 88, 110, 112
 Сознание технологическое 166
 Сознание техносферное 166, 308—310, 317
 Сознание тотальное 252
 Сознание философское 19
 Сознание человеческое 15, 20
 Сознание экологизированное 16
 Сознание экологическое 10, 14, 16, 17, 20, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 50, 51, 52, 56, 57, 58, 59, 61, 68—69, 72—73, 75, 88—89, 94, 116, 160—161, 166—167, 169, 217, 221, 225, 228—229, 346, 362, 432—433
 Сознание экономическое 32, 39, 40, 50
 Сознание эстетическое 19, 55, 56
 Софиология 183
 Универсология 181
 Универсум 91, 92, 97, 116, 131, 136, 138, 143, 144, 145, 149, 150, 155, 167, 173, 178, 179, 182, 184, 186, 188, 193, 214, 268, 365, 374, 384, 406, 409, 411, 419, 443, 451, 461
 Универсум антропоноосферный 178
 Универсум большой 154
 Универсум биосферноноосферный 193
 Универсум духовный 164
 Универсум единый 177
 Универсум информационный 280
 Универсум исторический 168
 Универсум когнитивный 269
 Универсум космический 159, 418, 436, 452
 Универсум космопланетарный 93, 139, 160, 197, 353, 360, 371
 Универсум личностный 154
 Универсум локальный 154
 Универсум материальный 164
 Универсум мировой 133, 450
 Универсум ноосферный 180, 181, 351, 353, 354, 381, 438, 447
 Универсум ноосферносемиотический 269
 Универсум семиотический 278, 281
 Универсум социальный 102
 Универсум социоприродный 147

- Универсум субъектно-объектный 438
Универсум реальный 191
Универсальный эволюционизм 199, 212—215, 245, 253, 267
Универсумно-ноосферное видение мира 162
Универсумный подход 101, 136, 154, 188, 214, 312
- Феномен глобальности** 422
Философема 185, 187
- Целостность знания** 176
- Человек** ноосферный 7, 11, 232, 233, 285, 462
Человек ноосферно-универсумный 180
Человеческая революция 267—268, 332, 334, 338—341, 469
Человеческое качество 12, 201, 203, 227, 299, 343, 350, 414, 426, 431
- Экологизация индивидуального и общественного сознания** 17, 20
Экологизация морального сознания 14
Экологизация ценностного сознания 19
Экологизация экономического сознания 22
Экологизация политического сознания 22
Экологизация сознания 10, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 32, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 56, 60
Экологизация индивидуального сознания 20
Экологизация общественно-го сознания 16, 17, 18, 20
Экологизация форм общественного сознания 19, 20, 40, 49
Экологизация науки 43, 89
Экологизация правосознания 22, 52, 53
Экологизация эстетического и нравственного сознания 22, 53, 54
Экологизация философского сознания 57
Экосознание 33
Экологическая форма общественного сознания 25

SUMMARY

The twentieth century, especially its second half, seems to be the time of the convergence of diverse planetary processes at one point. Slow evolutionary processes, went uneven in previous centuries, have become coherent. Planetary humanity, has become global and realized this new quality, turned up in space and time of revolutions chaplet: economic, social, political, cultural, scientific, philosophical, demographic, semiotic and others. In this regard, it is possible to speak not only about the *evolution of consciousness*, but also the *co-evolution of consciousness*. Moreover, the *revolutions* and *co-revolutions* in the minds of the diverse social and national actors of the global history were launched. The global corevolution represents a plexus of hurricane, nonlinear, synergetic processes in cosmoplanetary development, which require unpredictable transformations, the mankind very likely is not quite ready to. In the past century these processes were designated in dozen «global problems». Nowadays their number is significantly increasing and this fact infinitely complicates the upcoming planetary transformations.

As part of the modern synergetic paradigm it is acceptable to speak that the human civilization enters the bifurcation point, which was earlier associated with the transition into a new millennium, and now — with the middle of the XXI century.

In accordance with the logic of the author's research process a conceptual transitive «ecologization — noospherization — globalization — humanization — cosmization» is presented in the book. Nevertheless inside this semiotic thesaurus representations of planetarisation, socialization, humanitarization, kulturization, informatization, semiotization, demoantropization, kognitization, scientization and sayentization are hidden. This list of forms of development and self-development often takes on fractal dimension: "unsimilar" self-similarities make the research process extremely difficult and almost inexpressible. Bifurcation or even polifurcation history will determine the global form of the future itself, and the mankind will respond to the unprecedented impact of these impending cosmoplanetary processes only with exclamation.

The peculiarity of the proposed global discourse manifests itself in a historically determined sequence: the study of various processes of consciousness ecologization is followed by «running ahead» — not empirical but speculative and theoretical study of the consciousness noospherization. However, this «anticipatory reflection» has made possible to create the philosophical and theoretical background for a real globality research, for understanding of what should be called a «noospheric globality». Such a new formula of «universality» is enhanced by broad interpretations of the humanitarization and cosmization semantics.

Robotization, cyborgization avatarization of a modern human appears as a kind of alarmist model of a very distant future (although not such distant as a «radiant humanity» of K. Tsiolkovsky). So the Agenda XXI assumes the question of the concrete historical stage of a human revolution, caused by a fundamental globalization processes.

The noosphere cephalization research and future of the global consciousness philosophy are determined with the methodological fractality and network organization of understanding of «processes and spheres».

Научное издание

СМИРНОВ Григорий Станиславович

**ОБРАЗОВАНИЕ НООСФЕРЫ:
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ЭВОЛЮЦИИ СОЗНАНИЯ**

*Директор издательства Л. В. Михеева
Технический редактор И. С. Сибирева*

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 25.12.2015 г.

Формат $60 \times 84^{1/16}$. Бумага писчая. Печать плоская. Усл. печ. л. 29,3.

Уч.-изд. л. 28,0. Тираж 300 экз. Заказ № 33-13. Цена свободная

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41

E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи»

✉ 153002 Иваново, пр. Ленина, 47